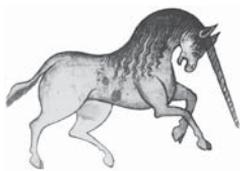

О. В. ХАВАНОВА

УСЕРДИЕ,
Чиновничество в монархии Габсбургов
ЧЕСТОЛЮБИЕ
В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА
И КАРЬЕРА

О. В. ХАВАНОВА

Усердие, честолюбие и карьера.

Чиновничество
в монархии Габсбургов
в эпоху просвещенного
абсолютизма

МОСКВА «ИНДРИК» 2018

УДК 94(4) “15/18”
X 12

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. Лескинен
(Институт славяноведения РАН),
кандидат исторических наук М.А. Петрова
(Институт всеобщей истории РАН)

Хаванова О.В.

Усердие, честолюбие и карьера. Чиновничество
в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного
абсолютизма. — М.: Индрик, 2018. — 360 с.

ISBN 978-5-91674-454-5

Монография посвящена профессионализации среднего звена центрального административного аппарата в монархии Габсбургов во второй половине XVIII в. На материале прошений о повышении в должности, ведомственных протоколов с решениями по кадровым вопросам, частной переписки и других источников реконструируются наиболее типичные чиновничьи карьеры, исследуются возможности и границы горизонтальной и социальной мобильности, роль патрон-клиентских отношений, воссоздается коллективный портрет полиэтничной и полилингвальной профессиональной группы, обеспечивавшей проведение реформ просвещенного абсолютизма.

На переплете: Мартин ван Мейтенс,
«Вручение ордена св. Стефана в Хофбурге».
Малый крест ордена св. Стефана.

На форзацах: Пробы пера безымянного чиновника на письме Антала Адельфи графу Лайошу Баттяни, 10.X.1749, Кёсег (Фото: Венгерский государственный архив Венгерского национального архива, Будапешт. MNL OL. P 1314. N 55151)

© Текст, О.В. Хаванова, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018
© Оформление,
Издательство «Индрик», 2018

ISBN 978-5-91674-454-5

Оглавление

От автора	7
Введение	17
Чиновничьи элиты в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма	17
Человеческая судьба и послужной список в зеркале прошений	34
Глава I.	
Вертикальная и горизонтальная мобильность	47
Патронат: вездесущий и всеильный	47
Сыновья своих отцов	72
Авантюристы, случайные люди, аутсайдеры	89
Люди в униформе	102
Дворянская грамота	115
Глава II.	
Меритократия и филантропия в зеркале карьерных дискурсов	129
Апелляция к заслугам	130
Обращение в католицизм	143
Немощь, старость, сиротство	160
«Мартирологи» в прошениях	182
Глава III.	
Слагаемые карьеры	203
Знания, учеба, образование	203
Верстовые столбы и подводные камни продвижения по службе	223
Дело о подарках	237
Бернат Кончек: один из многих	253
Истина в последней инстанции	264

6 ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава IV.

Женщины и чиновничья среда 277

Вдовы и вдовство 278

Женщины просят 288

Глава V.

Бюрократия и образование современных наций .. 299

Полиглоты за конторкой 299

Сочетания идентичностей 317

Заключение 335

Список принятых в книге сокращений 343

Список встречающихся в книге

исторических географических названий 345

Указатель имен 347

Abstract 356

Contents 358

От автора

Dem Geschäftigtigen, aus jeder Klasse stehen die Schranken offen, Talente, Anwendung können sich bis zu dem Throne vorbringen¹.

Вромане австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Хаймито фон Додерера (1896–1966) «Слуньские водопады», где действие разворачивается в Австро-Венгрии, гимназист Хериберт заявляет товарищу: «[Инженеры] не пользуются у нас особым расположением общества; так обстоит со многими специальностями. К примеру, с зубными врачами, преподавателями гимназии или кадровыми офицерами-пехотинцами. <...> Я хочу сделать карьеру государственного чиновника»².

Слова честолюбивого подростка косвенно свидетельствуют о том исключительном положении, которое гражданские служащие³ занимали в двуединой монархии. По мнению австрийского социолога Гернота Штиммера, в XIX в. чиновничество было равноправной частью элиты и по своему статусу и габитусу (способность ориентироваться в социальном пространстве) заняло место феодальной аристократии (не имея, впрочем, ее уровня материальной независимости)⁴. Оно по праву считалось одной из опор трона, наряду

¹ Деловому человеку, из какого бы класса он ни происходил, все двери открыты, талант и прилежание могут вознести к самому трону (нем.) — *Sonnenfels J., von. Über die Liebe des Vaterlandes. Wien, 1771. S. 92.*

² *Додерер Х., фон. Слуньские водопады // Избранное: Сб. / Пер. с нем. Н. Ман. М., 1981. С. 171–172.*

³ Для сравнения: термин «гражданская служба» в русском законодательстве был впервые употреблен 14 апреля 1714 г. См.: *Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Служба, промысел, работа // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живова. М., 2009. С. 114.*

⁴ См.: *Stimmer G. Eliten in Österreich, 1848–1970. Wien; Köln; Graz, 1997. S. 71 (Studien zu Politik und Verwaltung / Hrsg. von Ch. Brünner, W. Mantl, M. Welan. Bd. 57/1). Ср.: Koch K. Frühliberalismus in Österreich bis zum Vorabend der Revolution 1848 // Liberalismus im 19. Jahrhundert: Deutschland im europäischen Vergleich / Hrsg. von D. Langewiesche. Göttingen, 2011. S. 64 (Kritische Studien zur Geschichte. Bd. 79).*

с армией или церковью⁵, и было мощной центростремительной силой, скреплявшей подвластные Габсбургам земли поверх исторически сложившихся административных и этнических границ. Как писал об Австро-Венгрии австрийский публицист Фридрих Кляйнвехтер (1877–1959): «Земли управлялись “австрийской” бюрократией, состоявшей из немцев и говоривших на немецком языке, но утерявших связь со своей нацией не-немцев. Такая бюрократия создавалась путем перемещения чиновника из родной ему провинции в провинцию, ему чуждую. Например, чиновник-итальянец оказывался в Галиции или Буковине таким же “австрийским” чиновником, как чиновник-немец, поскольку здесь, на чужбине, он ощущал свое родство с немецкими коллегами острее, чем с местным населением»⁶.

Чиновничество рекрутировалось из дворянства и бюргерства (разночинцев), однако составляло особую социальную группу, члены которой обладали привилегированным статусом не по праву рождения, но в силу вверенных им функций. Оно выработало специфический корпоративный этос, включавший лишь ему присущий набор социальных практик и культурных норм. Государственные служащие успешно защищали свои ряды от случайных людей высоким образовательным цензом, предполагавшим знакомство с основами юриспруденции, владение иностранными языками и, при необходимости, специальными инженерно-техническими знаниями. Наконец в бюрократической среде сформировалась особая профессиональная этика, в основе которой лежали такие качества, как усердие, прилежание и исполнительность.

На вторую половину XVIII в., также известную как эпоха просвещенного абсолютизма, выбор пал не случайно. Чиновничество эпохи австрийского просвещенного абсолютизма изучено наименее подробно, а если и изучалось, то преимущественно в контексте и методами административной истории, где основными источниками служат декреты, рескрипты, протоколы и иные делопроизводственные

⁵ См. полемическое сочинение 1929 г., написанное венгерским социологом и политиком Оскаром Яси (1875–1957) в эмиграции: Яси О. Распад монархии Габсбургов / Пер. с англ. О.А. Якименко. М., 2011. С. 170.

⁶ Kleinwächter F. Der Untergang der Oesterreichisch-ungarischen Monarchie. Leipzig, 1920. S. 109.

документы центральных органов власти⁷. Воссоздаваемая в книге картина должна стать предысторией к двум классическим монографиям Вальтрауд Хайндль, посвященным периоду от рубежа XVIII–XIX вв. и до начала Первой мировой войны. В первой книге — «Покорные мятежники» — имперская (венская) бюрократия показана как привилегированная и одновременно — в силу приближенности к суверену — строго контролируемая часть общества. Из-за высокого образовательного ценза ее ряды пополнялись тонко чувствующими, склонными к рефлексии людьми, для которых государственная служба была доступным и привлекательным способом социального возвышения. Они верно служили благодетельствовавшей их власти, но, когда в 1848 г. началась буржуазная революция, искренне поддерживали либеральные реформы⁸. Во второй книге — «Йозефинские мандарины» — прежние бунтари превращаются в «мудрых мандаринов императора», вдохновленных восходящими к Иосифу II (1780–1790 гг.) идеалами служения отечеству, проникнутых чувством миссии не допустить гибели империи под ударом центробежных сил, самой разрушительной из которых являются национальные движения. Однако их претензии на особое место в государстве нельзя было в полной мере реализовать в обществе, где права и свободы граждан уже гарантировали не только справедливый государь и его неподкупные слуги, но и конституция, парламент и иные институты буржуазного правового государства⁹.

⁷ См.: Die österreichische Zentralverwaltung (далее — ÖZV). Bd. 1. Hbd. 1. Die Geschichte der österreichischen Zentralverwaltung in der Zeit Maria Theresias / Hrsg. von F. Walter. Wien, 1938; ÖZV. Bd. 1. Hbd. 2. Die Geschichte der österreichischen Zentralverwaltung 1780–1848. Teil 1. Die Zeit Josephs II. und Leopold II. (1780–1792) / Hrsg. von F. Walter. Wien, 1950; ÖZV. Bd. 2. Die Zeit des Directoriums in Publicis et Cameralibus. (Vorstadien 1743–1749. Das Directorium 1749–1760). Aktenstücke / Bearb. von J. Kallbrunner, M. Winkler. Wien, 1925; ÖZV. Bd. 3. Vom Sturz des Directoriums in Publicis et Cameralibus (1760/1761) bis zum Ausgang der Regierung Maria Theresias. Aktenstücke / Bearb. von F. Walter. Wien, 1934; ÖZV. Bd. 4. Die Zeit Josephs II. und Leopolds II. (1780–1792). Aktenstücke / Bearb. von F. Walter. Wien, 1950.

⁸ См.: Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991.

⁹ См.: Heindl W. Josephinische Mandarine. Bürokratie und Beamte in Österreich. Bd. 2: 1848–1914. Wien, 2013.

Хайндль не случайно взяла в качестве нижней границы исследования период правления Иосифа II, когда в ходе радикальных преобразований чиновники из государевых людей стали превращаться в слуг государства в современном смысле слова. Для этого и последующих периодов сохранились многочисленные, весьма разнообразные архивные и опубликованные источники, позволяющие реконструировать профессиональный этос, взаимоотношения данной страты с верховной властью, двором, дворянской и буржуазной средой. Между тем вторая половина XVIII в. — важный отрезок в истории владений Австрийского дома, когда был наведен порядок в финансах и повышена собираемость налогов, административные полномочия и компетенции были последовательно перераспределены от отдельных земель в пользу центра. В промышленности и торговле сняли ненужные ограничения и внутренние таможенные барьеры, мешавшие свободному развитию единого экономического пространства. Источником пополнения армии стали регулярные рекрутские наборы в соответствии с утвержденными для каждой провинции квотами. Всем подданным был гарантирован доступ к бесплатному начальному образованию. Ни одна из перечисленных выше реформ не достигла своих целей, если бы ее бесперебойный ход не обеспечивали тысячи чиновников, переводивших волю монарха на язык инструкций и предписаний, следивших за их неукоснительным исполнением.

Замысел книги о чиновничьих карьерах родился после выхода в свет ее предшественницы — «Заслуги отцов и таланты сыновей»¹⁰. Там говорилось, что сама логика усложнявшегося государственного управления потребовала от властей и социальных групп, из которых рекрутировалось чиновничество различных уровней, превратить образование в инструмент социальных реформ. Знакомство с судьбами десятков, сотен воспитанников дворянских школ пробудило интерес к ним и их товарищам во взрослой жизни. Так родилась эта книга, посвященная карьерным стратегиям чиновников в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма. В ней рассказывается, как капитал родственных и корпоративных связей, образование и опыт, наконец,

¹⁰ См.: Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784 гг. СПб., 2006.

личные амбиции инвестировались в карьеру и меняли жизнь отдельных людей, определяли черты группового портрета бюрократии. Судьбы отдельных чиновников, их стремление к социальной адаптации и мобильности дали повод предположить, что при «старом порядке» чиновничья карьера не резервировалась исключительно для тех, кто уже обрел свое место во властных элитах, но дверь открывалась (приоткрывалась) перед усердными, честолюбивыми, целеустремленными и настойчивыми.

Чиновничьи иерархии охватывали все провинции Габсбургской монархии своими вертикально и горизонтально структурированными институтами. На вершине этой пирамиды стояли приближенные ко двору аристократы, наследники крупных состояний, для которых государственная служба являлась способом интеграции в придворное общество, реализацией личных амбиций и идеалов. Должность была для них инструментом влияния в гораздо большей степени, чем обогащения. У подножия пирамиды располагалась армия мелких дворян и разночинцев, для которых скромно оплачиваемая должность оставалась едва ли не единственным источником поддержания достойного существования для себя и своей часто многочисленной семьи. Современные историки все чаще ставят в центр исследований именно простых, «среднестатистических» чиновников с их мыслями и чаяниями, потребностями и запросами, заботами и печальями. И эта книга не исключение. Такой подход характерен для исторической антропологии. Один из пионеров этого направления, британский ученый Питер Бёрк, пишет, что, в отличие от социальной истории, для которой характерны обобщающие исследования, касающиеся больших групп людей, сделанные на основе квантитативного, статистического анализа, историко-антропологический метод предполагает рассмотрение отдельных, специфических случаев прежде всего в категориях и терминах, известных и понятных людям изучаемой эпохи¹¹.

Хронологические рамки книги охватывают период с начала 40-х по конец 80-х гг. XVIII в., поскольку, как писал классик австрийской историографии Адам Вандрушка (1914–1997), австрийская бюрократия обязана своим возникновением,

¹¹ См.: Burke P. The historical anthropology of early modern Italy: Essays on perception and communication. Cambridge, 1987. P. 3–4.

традициями и этосом реформам Марии Терезии (1740–1780 гг.) и Иосифа II¹². Главными героями книги стали в массе своей ничем не выдающиеся чиновники, лукаво или бесхитростно поведавшие о себе в своих прошениях¹³. (Их можно сравнить с теми тюремными узниками с их правдивыми, полуправдивыми и вымышленными признаниями, о которых когда-то писала Натали Земон Дэвис¹⁴.) Австрийский историк Антон Тантнер — автор исследования о нумерации домов в Габсбургской монархии — справедливо полагает, что ученый вправе представлять события государственной важности так, чтобы читатель получал удовольствие от забавных, порой смешных подробностей масштабных исторических свершений¹⁵. Наряду со своей главной задачей — реконструкцией карьерных стратегий — книга призвана приоткрыть дверь в мир бюрократической повседневности, где находилось место кропотливому труду, хитроумным интригам, честолюбивым замыслам и несбыточным надеждам.

Это не просопографическое исследование в строгом смысле слова, поскольку данные о чиновниках разных уровней и территориальной принадлежности той эпохи далеко не полны. Скорее это попытка воссоздать коллективные представления современников о том, каковы составляющие успешной карьеры чиновника, как следовало излагать факты личной биографии, чтобы произвести наиболее благоприятное впечатление на тех, от кого зависят назначение, повышение по службе или прибавка жалованья, какая аргументация оказывалась в глазах властей наиболее успешной. Этим определяются основные источники, на основе которых

¹² См.: Wandruszka A. Ein vorbildlicher Rechtsstaat // Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1975. Bd. II. S. X; *Idem*. Maria Theresia und der österreichische Staatsgedanke // MIOG. Wien, 1968. Bd. 76. S. 176.

¹³ О практике подачи письменных обращений средневековым государям см.: Garnier C. Die Kultur der Bitte. Herrschaft und Symbolische Kommunikation in der Vormoderne. Studien zur Geschichte, Literatur und Kunst. Darmstadt, 2008.

¹⁴ См.: Davis N.Z. Fiction in the archives: Pardon tales and their tellers in sixteenth-century France. Stanford (Cf.), 1987.

¹⁵ См.: Tantner A. Ordnung der Häuser, Beschreibung der Seeelen. Hausnummerierung und Seelenkonskription in der Habsburgermonarchie. Wien, 2007. S. 21 (Wiener Schriften zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 4).

написана книга: прошения чиновников и соискателей чиновничьих должностей, делопроизводственные документы органов исполнительной власти, личная переписка.

Монография построена по проблемно-тематическому принципу, все главы взаимосвязаны, так что каждая предыдущая служит теоретическим и фактографическим основанием для материала, излагаемого в последующих. Ряд персонажей, о которых сохранились разнообразные информативные источники, кочуют из главы в главу.

Во введении дается общая характеристика чиновничества эпохи просвещенного абсолютизма в контексте изучения темы в современной историографии и подробно характеризуется главный источник, по которому реконструируются карьеры, — прошения, адресованные начальству, покровителю, монарху.

Первая глава очерчивает возможности и пределы социальной мобильности (вертикальной и горизонтальной) чиновничества, а также двух ее идеально-типических форм — спонсированной и соревновательной. В отдельных параграфах речь идет о многообразных функциях патроната; о плюсах и минусах попадания в ряды чиновничества «со стороны», будь то соседняя провинция или другая профессия; об ускорении, которое получала карьера, подкреплённая дворянской грамотой.

Во второй главе рассматриваются два принципа кадровой политики эпохи — меритократия и филантропия, их отражение в дискурсивных приемах просителей и тех, кто обладал правом принятия решений. Для этого потребовалось восстановить контексты апелляции к личным и родовым заслугам и излюбленные аргументы просителей, старавшихся повернуть в свою пользу такие обстоятельства, как обращение в католичество, старость, немощь, сиротство или превратности судьбы — голения, лишения, вынужденную эмиграцию.

В третьей главе воссоздаются наиболее распространенные модели продвижения по службе, отмечается роль образования как катализатора карьерного роста, рассматриваются типичные коллизии вокруг повышения по службе; на примере одного скандала подробно разбирается отношение ко взяткам, и, наконец, по разнородным, разножанровым источникам воссоздается карьера чиновника центрального ведомства.

Четвертая глава посвящена женщинам — женам, матерям, дочерям чиновников, формам их влияния на карьеру главы семьи, зависимости вдовьей пенсии от служебного рвеня покойного супруга.

Наконец, *пятая глава* посвящена этнолингвистическому профилю коллективного портрета чиновничества Габсбургской монархии: из характеристик, данных самим себе, или сведений, запрошенных властями, складывается образ типичного государственного служащего второй половины XVIII в. — обладающего несколькими, не обязательно конфликтующими идентичностями и говорящего на нескольких, часто не менее четырех, языках.

Написание книги потребовало многих лет исследовательской работы. В первую очередь хочу поблагодарить всех коллег по Институту славяноведения РАН, кто участвовал в обсуждении замысла книги и ее промежуточных вариантов, высказывал ценные советы и критические замечания. Появлению книги на свет предшествовала апробация методологических подходов и предварительных выводов в статьях и выступлениях на конференциях. Без вдумчивых обсуждений, точных вопросов и справедливой критики коллег, без организационной помощи и административной поддержки руководства книга вряд ли увидела бы свет. Я благодарю всех сотрудников Института, с кем обсуждался и приводился в исполнение замысел труда.

Особой вехой на этом пути стало получение стипендии имени Лизе Майтнер Австрийского научного фонда (*Fond zur Förderung der Wissenschaftsforschung*) и работа в 2007–2009 гг. в Комиссии по историческим исследованиям Австрийской академии наук над проектом «Бюрократические карьеры в Венгерском королевстве в эпоху просвещенного абсолютизма». Прежде всего, я искренне признательна руководителю проекта профессору Грете Клингенштайн — одному из самых авторитетных специалистов по истории Австрийской империи XVIII в., с которой меня связывают годы научного сотрудничества. Ее рекомендации и неизменная поддержка открыли мне новые перспективы исследования. Не менее теплые и искренние слова благодарности обращаю моим коллегам в Австрии — Уильяму Годси, Томасу Вальнигу, Петру Мате, и в Венгрии — Иштвану Шоошу, Кристине Кульчар, Андрашу Форго, Гезе Палфи, Жолту Кёкенешу и др.

Книга основана на богатом архивном материале, и ежедневный архивный поиск стал успешным во многом благодаря сотрудникам Австрийского государственного архива в Вене и Венгерского национального архива в Будапеште. Я адресую слова признательности всем без исключения

сотрудникам этих учреждений, от заведующих отделами до работников хранения, за компетентность, деятельную помощь и доброжелательность.

Наконец, выражаю неизменную благодарность и безграничную любовь моим первым читателям — Елене Ильиничне и Владимиру Александровичу Хавановым.

Москва—Вена—Будапешт—Москва

Введение

Чиновничья элита в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма

Én már az Expeditorságból ki koptam,
és Registrátor vagyok. Azért méltóztas-
sék Excellentiád maga Secretariussát
reflectalni, hogy ne titulállyon elébbi
hivatalom szerint¹.

Во второй половине XVIII в., о которой пойдет речь в книге, чиновничество только начинало отвоёвывать себе в публичной сфере тот престиж и уважение, которые свяжут с этим занятием последующие поколения. Как определяли подобный род занятий современники? В середине столетия Иоганн Генрих Цедлер (1706–1751) в своем знаменитом «Лексиконе» скупно писал, что «чиновником называют вообще всех служащих, занимающих публичные должности и облеченных в ее рамках определенной властью»². Век спустя братья Якоб (1785–1863) и Вильгельм (1786–1859) Гриммы в словаре немецкого языка развивали эту мысль: «Служащий — это лицо, которое занимает публичную должность с административной и правовой компетенцией и нанято на постоянной основе; реже — на высшие посты (высшее чиновничество), чаще — в территориальной или местной администрации (нередко в специальных областях, таких как суд или горное дело)»³. Наконец, Максимилиан Обентраут, окружной комиссар из чешского Хрудима и автор сочинения «Основополагающее руководство для молодых начинающих

---

¹ От экспедиции я уже отделался, теперь я — регистратор, так что соблаговолите, ваше сиятельство, наставить своего секретаря, чтобы не титуловал меня больше по прежней моей должности (венг.). — М. Ваш — Ш. Халлеру, Вена, 27.III.1764 // MNL OL. P 527. Missiles. II. 18 cs. Vass Mihály.

² Zedler J.H. Großes vollständiges Universallexikon aller Wissenschaften und Künste. Halle, 1752. Bd. LXVII. Sp. 0161. Cp.: www.zedler-lexikon.de (здесь и далее дата последнего посещения 5.07.2017).

³ Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1853. Bd. II. Sp. 128. Cp.: woerterbuchnetz.de/DWB/

чиновников, данное с практической точки зрения», разъяснял: «Чиновники (государственные чиновники) — это те лица, которым путем найма с помощью формального декрета о назначении и зачислении на службу дается право и одновременно вменяется в обязанность вести дела правительства за соответствующее вознаграждение (годовое жалованье, суточные или некое вознаграждение)»⁴. Написанное в годы «неоабсолютизма»⁵, данное небольшое сочинение в полной мере отражало требования к бюрократии и ее претензии на особое место в обществе.

Французское слово «бюрократия» в его немецком варианте (*Bürokratie*) получило распространение в Австрийской империи и Германии лишь в XIX в. Историков в то время интересовало прежде всего взаимодействие правителей с их административным аппаратом, акцент в таких исследованиях делался, как правило, на всевозрастающую эффективность политических институтов и управляемость общества. С подобными целями публиковались массивные тома нормативных актов, регулировавших публичную и частную жизнь, служивших затем источниками для реконструкции исторических реалий. В XX в. выдающийся социолог Макс Вебер (1864–1920) создал теорию о том, что возникновение современной бюрократии было еще одним аспектом процесса рационализации, тесно связанного с развитием капитализма. Его анализ идеально-типической бюрократии, никогда, впрочем, не существовавшей во всей полноте своих базовых характеристик, стал важной вехой в развитии социальных и политических наук⁶.

⁴ *Obentraut M., Ritter von.* Grundsätzlicher Leitfaden für angehende junge Beamte in practischen Umrissen. Prag, 1857. S. 103.

⁵ *Неоабсолютизм* — устойчивый термин в историографиях государств — наследников Австрийской империи. Описывает форму правления, установившуюся после подавления революции 1848 г. и постепенно демонтированную в период конституционных экспериментов начала 60-х гг. XIX в. Сочетал частичную адаптацию ряда завоеваний революции (прежде всего в экономике) с жесткой, ранее невиданной степенью государственно-административной централизации.

⁶ См., например: *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen, 1976; *Hintze O.* Der österreichische und preußische Beamtenstaat im 17. und 18. Jahrhundert // *Hintze O.* Gesammelte Abhandlungen. Bd. 1. Staat und Verfassung. Gesammelte

В основе веберовской модели лежало представление о бюрократии, подчиненной интересам суверена. Ее рациональность истолковывалась как дихотомическое единство приказов главы государства и покорности чиновников. Таким образом, бюрократия рассматривалась исключительно «изнутри», вне влияния внешних факторов, исходивших от окружающего социума. Поэтому в конце прошлого столетия все громче зазвучали голоса против использования веберовской теории в конкретно-исторических исследованиях. Американский историк Джеймс В.Х. Мелтон — автор монографии о школьной реформе в Пруссии и Австрии — утверждал: «Заниматься только осуществлением властных полномочий через бюрократические каналы означает игнорировать неформальные, неофициальные формы власти, столь широко распространенные в обществах старого порядка»⁷. Десятилетие спустя автор монографии о территориальных административных аппаратах малых германских государств Штефан Бракензик констатировал, что некритически воспринимаемая перспектива «сверху» ориентирует историка рассматривать деятельность правительства без соотнесения с исторической средой⁸.

Превращение в предмет специальных исследований таких проблем, как социальное происхождение чиновников, их образовательные стратегии на протяжении нескольких поколений, критерии найма административного персонала, просопографическое сопоставление карьер чиновников области, страны, нескольких стран показали, как далеко отстоит вырисовывающийся коллективный портрет бюрократии от идеально-типических построений М. Вебера. В настоящее время большинство историков в Австрии, Германии или во Франции стремятся избежать самого термина «бюрократия», дабы не вводить читателя в заблуждение относительно всевластия «столоначальников» Нового времени, и предпочитают термины «чиновничество»,

Abhandlungen zur Allgemeinen Verfassungsgeschichte. Göttingen, 1967. S. 321–358.

⁷ *Melton J.V.H.* Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988. P. xvii.

⁸ См.: *Brakensiek S.* Fürstendiener — Staaßtsbeamte — Bürger: Amtsführung und Lebenswelt der Ortsbeamten in niederhessischen Kleinstädten (1750–1830). Göttingen, 1999. S. 1.

«(государственные) служащие», «административный аппарат». В то же время достигнут консенсус в том, что возникновение бюрократии было тесно связано с возросшими военными и фискальными потребностями государства, его стремлением ко все более жесткому контролю над территорией и все более очевидными усилиями по дисциплинированию общества⁹.

Теория «социального дисциплинирования» (*Sozialdisziplinierung*) получила широкое признание в последней трети XX в. благодаря трудам немецкого историка Герхарда Эстрайха (1910–1978)¹⁰. Он полагал, что этот идеально-типический термин наиболее полно характеризует суть базовых изменений, в раннее Новое время охвативших власть и общество, коснувшихся политической практики и ее идеологического оформления. С одной стороны, ранняя стадия индустриализации сопровождалась диверсификацией форм производства и потребления, вела к появлению новых социальных и профессиональных групп. С другой стороны, общество раннего Нового времени сотрясали религиозные войны и вооруженные выступления сословных «фронд». В данных условиях возникла объективная потребность как в дисциплинирующем вмешательстве государства в разнообразные сферы человеческой деятельности, так и в сознательно дисциплинированном поведении индивида, в переносе «точки принуждения» внутрь человека. Таким образом, дисциплинированное поведение чиновника и офицера, крестьянина и ремесленника становилось созидательной силой, позволявшей не просто системно упорядочивать жизнь общества, но и созидательно ее преобразовывать¹¹.

⁹ См.: Capra C. Beamte // *Der Mensch der Aufklärung* / Ed. by M. Vovelle. Frankfurt a/M., 1996. S. 247.

¹⁰ См.: Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, 1969; *Idem*. Strukturprobleme der frühen Neuzeit. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, 1980. О критическом анализе концепции Г. Эстрайха см.: Schulze W. Gerhard Oestreichs Begriff «Sozialdisziplinierung in der frühen Neuzeit» // *ZHF*. 1987. Bd. 14. Heft 1/4. S. 265–302; Lottes G. Disziplin und Emanzipation. Das Sozialdisziplinierungskonzept und die Interpretation der frühneuzeitlichen Geschichte // *Westfälische Forschungen*. 1992. Bd. 42. S. 63–74.

¹¹ Дальнейшее развитие теория дисциплинирования получила в работах французского социолога Мишеля Фуко (1926–1984). См., например: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М., 1999.

Теория социального дисциплинирования дала импульс к совершенствованию исследовательских методик и расширению круга анализируемых проблем истории чиновничества. Например, Берндт Вундер на основании нормативно-правовых актов показал, что привилегированный статус чиновничества в Южной Германии стал результатом двухвековой борьбы служащих с территориальными правителями за объем и фактическое применение власти. Ценой и обратной стороной высокого социального положения бюрократических элит стало их «дисциплинирование», т.е. введение системы ограничений и штрафов, призванных повысить эффективность работы профессиональной группы¹². Под другим углом посмотрел на социальное дисциплинирование упомянутый в авторском предисловии А. Тантнер: он проанализировал мероприятия по нумерации домов и подушевой переписи при Марии Терезии с точки зрения противостояния эмисаров государства и населения, упорно сопротивлявшегося подобной «нормализации»¹³.

Итальянское слово «карьера» не имело в монархии Габсбургов XVIII в. широкого хождения за пределами итальянских владений или вне венского двора, охотно говорившего по-итальянски. До сих пор удалось обнаружить несколько случаев употребления этого слова, главным образом в дипломатической переписке. Например, только что прибывший в Россию австрийский посол Миклош (Николаас) Эстерхази (1711–1764) писал государственному канцлеру Венцелю Антону Кауницу (1711–1794): «У вашей светлости есть личный опыт в том, как дорого обходится начало *карьеры* [курсив мой. — О.Х.]»¹⁴. Другой дипломат — имперский посол в Майнце граф Иоганн Баптист Антон Перген (1725–1814) писал тому же Кауницу в 1760 г.: «Ваше превосходительство соизволили 28-го числа прошедшего месяца милостиво мне приказать, чтобы я со всей откровенностью доложил Вам, какими

¹² См.: Wunder B. Privilegierung und Disziplinierung. Die Entstehung des Berufsbeamtentums in Bayern und Württemberg (1780–1825). Vienna, 1978. S. 28–29 (Studien zur modernen Geschichte. Bd. 21).

¹³ Tantner A. Ordnung der Häuser, Beschreibung der Seelen. Hausnummerierung und Seelenkonstruktion in der Habsburgermonarchie. Wien, 2007. (Wiener Schriften zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 4).

¹⁴ М. Эстерхази — В.А. Кауницу, Москва, 29.XI.1753 // ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 36. Fol. 119r.

способностями обладает молодой ван Свитен, прилежен ли он и какая, по моему мнению, карьера наилучшим образом раскроет его таланты и какова при этом будет польза для государевой службы»¹⁵.

В письме речь идет о сыне лейб-медика Герхарда ван Свитена — Готфриде (1733–1803). Уроженец Бельгии, ван Свитен-старший сделал карьеру при венском дворе, его профессионализм и прагматизм высоко ценила Мария Терезия, доверившая ему реформу медицинского факультета Венского университета. Своих сыновей лейб-медик определил в патрионируемый двором Терезианский дворянский коллегийум Общества Иисуса¹⁶, где те с ранних лет социализировались в аристократическо-дворянской среде. Готфрида ван Свитена ждала впечатляющая карьера. Недаром в цитированном выше письме Перген прозорливо отмечал: «Поначалу он не отличался большим прилежанием и потратил зря немало времени, в особенности на совершенствование в музыке, однако со временем в нем выработалась привычка и необходимость трудиться, даже пробудился интерес к юриспруденции, где пока он не добился большого успеха. Впрочем, ван Свитен обладает хорошими манерами, скромен и даже сдержан; о себе он весьма высокого мнения, обладает честолюбием и стремится достичь большего».

Таков законченный портрет карьериста эпохи. Набираясь опыта и продвигаясь по дипломатической стезе, Готфрид ван Свитен служил в имперских посольствах Брюсселя, Франкфурта, Варшавы, Парижа, Берлина. С 1777 г. и до конца жизни он занимал высокий пост придворного библиотекаря,

¹⁵ ÖStA. HHStA. StK. Vorträge. Kt. 86. Jan.–Febr. 1760. Fol. 121r.

¹⁶ Терезианский дворянский коллегийум Общества Иисуса — первое учебное заведение во владениях Австрийского дома, наиболее приблизившееся к идеалу рыцарской академии (*Ritterakademie*). Основан в 1746 г. в Вене иезуитами при административной и финансовой поддержке Марии Терезии. Учебные планы сочетали науки (история, философия, физика, гражданская и военная инженерия, иностранные языки) и дворянские упражнения (танцы, фехтование, верховая езда). После роспуска ордена иезуитов в 1773 г. преобразован в академию. В 1784 г. временно закрыт в рамках инициированной Иосифом II реформы системы образования (открыт в 1797 г.). Считался «плавильным котлом» элит и «кузницей» лояльной Габсбургам аристократии и служилого дворянства. Подробнее см.: Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784 гг. СПб., 2006.

разделял многие реформаторские идеи престолонаследника Иосифа (будущего императора Иосифа II) и по его поручению испытал себя в качестве председателя Учебной комиссии. Наконец, давняя страсть к музыке сделала его покровителем Вольфганга Амадея Моцарта¹⁷. О своей встрече с ван Свитеном, имевшей место в 1785 г. при назначении уездным школьным инспектором, поведал в своих мемуарах венгерский писатель Ференц Казинци (1759–1831): «Холодность его пугала, но не мешала. <...> Он рассказал мне, для какой великой цели объединяются [католические и протестантские] школы и юные граждане сидят вместе за партами <...> Время от времени он менял тему, чтобы понять, чему и как я обучался и насколько можно положиться на мой образ мыслей и чувств. Длилось это больше часа. Когда я вернулся от него, переполненный приязнью и восхищением, не мог взять в толк, как столько расположения, столько доброты и душевности может скрываться за внешней неприветливостью и ледяным холодом. Я никогда еще не видел такого нервного, разве что не желчного человека, но и такого прекрасного и благородного. И то, о чем он мне говорил, возможно, ошеломило меня потому, что таких вельмож я прежде видел только в театре»¹⁸.

Кстати, именно биографии просвещенных чиновников, подобных ван Свитену, заставили ученых по-иному взглянуть на бюрократию эпохи Просвещения в целом. Канадский историк Франц Сабо избрал в качестве главного объекта исследования жизнь и деятельность государственного канцлера В.А. Кауница, игравшего ключевую роль в выработке внутренней и внешней политики монархии. Автор нарисовал убедительный портрет просвещенного бюрократа, стремившегося создать «более современную, ориентированную на развитие производства, динамичную политическую культуру, основанную на прогрессе и рациональности и высвобождающую энергию индивида для создания общества, где правит закон, которому дворянство вынуждено подчиняться»¹⁹.

¹⁷ См.: Wangermann E. Aufklärung und staatsbürgerliche Erziehung. Gottfried van Swieten als Reformator des österreichischen Unterrichtswesens. Wien, 1978.

¹⁸ Kazinczy F. Költemények. Pályám emlékezete / Bev. L. Dezsi. Budapest, [1928]. 175–176. old.

¹⁹ Szabo F.A.J. Perspective from the pinnacle: State Chanceller Kaunitz on nobility in the Habsburg Monarchy // Adel im «langen» 18. Jahrhundert /

Одной из самых цитируемых книг об австрийской бюрократии конца XVIII — первой половины XIX в. не одно десятилетие остается упомянута выше монография Вальтрауд Хайндль «Покорные мятежники. Бюрократия и чиновники в Австрии с 1780 по 1848 г.», в которой она доказала, что вплоть до апогея Французской революции чиновничество Габсбургской монархии представляло собой динамичную и прогрессивную социальную силу и лишь позднее превратилось в фактор политической и социальной косности²⁰.

На воспитание поколений этих чиновников самым непосредственным образом повлиял учебник и лекционный курс политико-камеральных наук одного из самых известных карьеристов в истории Габсбургской монархии XVIII в. — профессора, юриста, писателя и журналиста, государственного советника Йозефа фон Зонненфельса (1732/1733–1817). Начав личным секретарем при влиятельном аристократе, он, ловко заводя дружбу, доказывая свою нужность и преданность начальству, проявляя заботу о подчиненных, приобрел политический вес, административное влияние, литературную славу. Немецкий историк Симон Карстенс в основательном биографическом исследовании попытался выйти за традиционные рамки истории универсального бюрократа и ответить на вопросы, каким образом реформатор из второго эшелона добивался поставленных целей, как он выстраивал карьеру и что делал, если наталкивался на сопротивление²¹.

Секрет успеха Зонненфельса, по мнению Карстенса, заключался в умении устанавливать социальные связи. Все сферы, в которых он действовал, были закрытыми системами, узкими кругами, попасть в которые можно было лишь при определенных условиях или через контакты с другими лицами. Эти системы открывали перед своими членами разные возможности, отчего нередко возникали внутренние конфликты. Зонненфельсу не только удавалось утвердиться в одном или нескольких таких кругах, но и развивать там бурную деятельность. В результате он превратился в

настоящего «маклера», опосредованно связанного с другими социальными группами или влиятельными людьми, отчего его позиции лишь усиливались. Если в одной системе возникла напряженность или конфликты, их можно было нивелировать активностью в иных кругах. Соответственно активность его в разных сферах никогда не была одинаково высокой, число влиятельных патронов и преданных клиентов из десятилетия в десятилетие менялось, однако Зонненфельс медленно, но верно приближался к вершинам могущества²².

В немецком языке XVIII в. карьеру называли словами «*Fortgang*» или «*Fortschritt*» («прогресс»), часто служившими синонимами слова «*Erfolg*» («успех»). Заложённая в слове коннотация «движение вперед и вверх» отражала естественное стремление человека к улучшению социального и материального состояния, причем не только для себя, но и на поколения вперед. Одна из основных характеристик любой карьеры — это сознательное, перспективное планирование ее направления и ожидаемых результатов. Примеры подобного отношения к публичной самореализации можно встретить в источниках XVIII в. Например, венгерский канцлер Ференц Эстерхази (1715–1785), выступавший после смерти своего брата Миклоша опекуном племянников, сокрушался о неожиданном, немотивированном решении одного из них — Яноша покончить с карьерой военной и выйти в отставку: «Если он и далее не переменит своего намерения, не последует ничего, кроме убожества существования, как это случается с порочными юношами, прожигающими лучшие годы жизни, не принеся пользы ни обществу, ни государю, не знаящими, куда себя деть»²³.

Другой важнейшей характеристикой карьеры, в том числе чиновничьей, можно считать мобильность — порой на протяжении одной жизни, порой в интергенерационном (межпоколенческом) измерении. Социальная мобильность традиционно считается присущей лишь индустриальным и постиндустриальным обществам. В числе прочего она выражается в праве миллионов граждан свободно передвигаться, менять место жительства в поисках лучшей работы или по

Hrsg. von G. Haug-Moritz, H.P. Hye, M. Raffler. Wien, 2009. P. 260; *Idem*. Kaunitz and enlightened absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994.

²⁰ См.: *Heindl W.* Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991.

²¹ *Karstens S.* Lehrer — Schriftsteller — Staatsreformer. Die Karriere des Joseph von Sonnenfels (1733–1817). Wien; Köln; Weimar, 2011. S. 2.

²² См.: *Ibid.* S. 466–467.

²³ Памятная записка [Nota] Ф. Эстерхази, 1.V.1772 // MNL OL. P 197. 9. cs. 29. facs.

иным (личным) причинам, в стремлении к лучшему образованию, открывающему дорогу к высокооплачиваемым работам и социальному престижу и пр. Напротив, доиндустриальные, или, как писал Эрнест Геллнер (1925–1995), агрописьменные, общества нередко рассматриваются как жестко структурированные, иерархические и статичные, где социальные и культурные различия практически непреодолимы. Между тем в обществах старого порядка существовала известная степень горизонтальной и вертикальной мобильности. Под *горизонтальным типом мобильности* социологи понимают любые изменения внутри одного и того же социального слоя, например индивидуальные или групповые миграции. Что же касается *мобильности вертикальной*, то ученые определяют ее как степень, в которой индивидуальный или групповой статус способен меняться в сторону повышения или понижения с точки зрения места в социальной иерархии.

При рассмотрении феномена социальной мобильности в обществах старого порядка с методологической точки зрения оказывается полезной теория американского социолога Ральфа Тёрнера о «спонсированной» и «соревновательной» мобильности. Первый вид мобильности — как идеальный тип — характерен для образовательной системы Великобритании, где, пишет ученый, консолидированные элиты и их агенты контролируют попадание новых членов в свои ряды путем отбора кандидатов на ранней стадии и предъявления к ним требования соответствовать заявленным стандартам. Напротив, второй вид — опять-таки как идеальный тип — наиболее последовательно реализован в США, когда все соискатели рассматриваются как участники гонки и где главный приз — это элитарный статус²⁴.

Историки, изучающие раннее Новое время, находят немало черт обоих видов мобильности в политических культурах европейских стран²⁵. В случае Габсбургской монархии эта дихотомия позволяет понять, что меритократия, характерные для соревновательной мобильности, и патронат, ассоциирующийся с мобильностью спонсированной, были в

²⁴ См.: Turner R.H. Sponsored and contested mobility // American Sociological Review. 1960. Vol. 25. N 6. P. 856–857.

²⁵ См., например: La Vopa A. Grace, talent and merit: Poor students, clerical careers and professional ideology in eighteenth-century Germany. Cambridge, 1988.

XVIII в. не взаимоисключающими принципами социальной организации элит, но сосуществовали, дополняя друг друга. При более пристальном изучении оказывается, что уходящий корнями в «старый порядок» институт патроната, организовывавшего и структурировавшего общество, служит ключом для понимания природы социальной, прежде всего вертикальной, мобильности раннего Нового времени. На патрон-клиентских отношениях базировались дипломатия, система образования, художественная среда, чиновный мир. Изучение этого явления повсеместно переживает в последние десятилетия расцвет, поэтому представляется особенно актуальным определить место и роль патроната в карьерах государственных служащих.

Выбор монархии Габсбургов в качестве объекта изучения ставит исследователя перед непростой задачей. Британский историк Дерек Билз — современный биограф Иосифа II — цитирует слова императора: «Австрийская монархия ни на что не похожа»²⁶. И это в самом деле так. Это государство было одним из самых сложных образований на карте Европы (раннего) Нового времени. В немецкоязычной историографии его характер обозначают как *zusammengesetzter Staat*²⁷, в англоязычной — *composite monarchy*, иными словами, «сложносоставная», «композиционная» или «композитарная» держава. В промышленности композиционными или композитными называют такие искусственно созданные неоднородные сплошные материалы, которые состоят из двух или более компонентов с четкой границей раздела между ними. Владения Австрийского дома тоже создавались во многом искусственно, на протяжении нескольких столетий, при этом между составными частями этой державы веками сохранялись четкие политико-правовые, экономические, культурно-языковые, конфессиональные границы, а связующим элементом выступала правящая династия.

Британский историк Роберт Эванс в методологически новаторской для 1970-х гг., а ныне — классической книге «Создание Габсбургской монархии, 1550–1700: интерпретация» писал: «В то время как династия и ее приближенные

²⁶ Beales D. Joseph II: In the shadow of Maria Theresa. Cambridge, 1987. P. 107.

²⁷ См., например: Winkelbauer T. Ständefreiheit und Fürstenmacht. Länder und Untertanen des Hauses Habsburg im konfessionellen Zeitalter. Wien, 2003. T. 1. S. 25 (Österreichische Geschichte / Hrsg. von H. Wolfram).

единым фронтом выступали за усиление контроля из центра, единообразие само выросло из договоренности, оказывавшейся плодом процесса, не всегда понимаемого даже теми, кто в нем участвовал, и уж точно никем не навязанного извне. В результате возник сложный и тонко настроенный организм, не государство, но слегка центробежная агглютинация поразительно разнородных элементов»²⁸. Современные историки, пишет Г. Клингенштайн, рассматривают монархию как целостность — единое государство (*Gesammtstaat*). В отличие от традиционного словоупотребления, в основе которого лежит идея государства унитарного, земли (*Länder*) не ассоциируются с отсталостью и провинциализмом. Напротив, они справедливо называются составными частями единого государства, которое, в свою очередь, видится активной силой, преобразующей провинции²⁹. Сами земли при таком подходе перестают рассматриваться изолированно друг от друга, как это в прошлом было характерно для национальных историографий Центральной и Восточной Европы. Так переоценка дихотомии «единое государство — земли» позволяет в конечном итоге рассматривать процессы во владениях Австрийского дома в их единстве с учетом региональных особенностей.

В отношении монархии Габсбургов в историографии закрепилось мнение, что до 1765 г. политика и идеология венских властей лишь условно подпадали под определение «просвещенный абсолютизм», и только со вступлением на престол Священной Римской империи молодой Иосиф II получил ограниченное влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Справедливо утверждение, что Мария Терезия, свято верившая в божественное происхождение верховной власти и не желавшая слышать о естественном праве, была государем-реформатором, но никак не просвещенным монархом³⁰. Американский историк Чарлз Инграо, называя

²⁸ Evans R.J.W. The making of the Habsburg Monarchy, 1550–1700: An interpretation. Oxford, 1979. P. 447.

²⁹ См.: *Klingenstein G.* Revisions of enlightened absolutism: «The Austrian Monarchy is like no other» // *The Historical Journal*. 1990. Vol. 33. N 1. P. 155.

³⁰ См., например: *Österreich im Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus* / Hrsg. von E. Zöllner. Wien, 1983. S. 4; *Vocelka K.* Glanz und Untergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 2001. S. 19–20 (*Österreichische Geschichte* / Hrsg. von H. Wolfram).

ее последним барочным правителем монархии, полагает, что великой Марию Терезию сделали исключительные обстоятельства противостояния с Пруссией, потребовавшие неимоверной концентрации усилий и проведения коренных преобразований во имя выживания государства³¹. Эту эклектичность исторической роли и образа Марии Терезии, по наблюдениям венгерского историка Жолта Кёкенеша, отразили траурные речи, написанные непосредственно после ее кончины: барочные представления о монархе как земном воплощении Господа и естественно-правовые, даже государственно-научные критерии оценки ее политики соседствуют на страницах одних и тех же текстов³².

В то же время правы и те, кто утверждает, что благодаря политическому чутью и несомненно присущему ей прагматизму уже в начале своего правления императрица сумела окружить себя советниками, которые верили в договорную природу общества, исповедовали принципы камерализма в экономике и выступали за секуляризацию публичных и частных сфер общественной жизни³³. Учитывая, что исследователи все чаще склонны подчеркивать — при всех внутренних разногласиях и порой полной противоположности методов — преемственность в целом ряде направлений внутренней политики Марии Терезии³⁴ и Иосифа II, термин «просвещенный абсолютизм» далее характеризует политику венского двора как центра преобразующих общество

³¹ См.: *Ingrao Ch.* The Habsburg Monarchy 1618–1815. Cambridge, 2000. P. 169.

³² См.: *Kökényesi Zs.* A női Szolón, avagy Mária Terézia uralkodói képe a halotti beszédekben // *KoraujkorASZ. Koraujkor-történettel foglalkozó doktoranduszok tanulmányai* / Szerk. Zs. Kádár, Zs. Kökényesi, A.D. Mitropulos. Budapest, 2014. 128. old.

³³ Например, крупный знаток австрийского Просвещения английский историк Д. Билз, которого трудно заподозрить в симпатиях к Марии Терезии, признает, однако: «Навязывая религиозный фанатизм для большинства своих подданных, императрица тем не менее делала исключение для нескольких доверенных лиц и даже прислушивалась к их советам, основанным на прогрессивных идеях». См.: *Beales D.* Enlightenment and reform in eighteenth-century Europe. London; New York, 2005. P. 70.

³⁴ К 2017 г., к 300-летию юбилею Марии Терезии, вышел в свет ряд новых биографических работ. См., например: *Stollberg-Rilinger B.* Maria Theresia: Die Kaiserin in ihrer Zeit. München, 2017; *Lau T.* Maria Theresia. Die Kaiserin. Wien; Köln; Weimar, 2016.

инициатив и тех ключевых фигур в окружении государя, чьи представления о государственном устройстве определяли внутреннюю политику в монархии Габсбургов во второй половине XVIII столетия³⁵.

Таким образом, фокусировка на относительно непродолжительном отрезке в истории габсбургской бюрократии позволяет во всей полноте реализовать историко-антропологический подход к изучаемому материалу, сосредоточиться на эпизодах отдельных человеческих судеб, чтобы на основании их сопоставительного анализа вывести некоторые общие закономерности социальной мобильности в эпоху старого порядка.

Институциональная история габсбургской бюрократии изучается более полутора столетий, и тем не менее в распоряжении историков нет даже достоверных данных о численности чиновничества той эпохи. В 1995 г. знаток бюрократических элит в Габсбургской монархии британский историк Питер Диксон попытался приблизительно подсчитать, о каких цифрах может идти речь. Его усредненные данные — это 11 тыс. служащих, в том числе 1500 — при дворе, 1500 — в центральных органах власти, 2000 — в Австро-Чешских наследственных землях, 2000 — в Банке города Вены (*Wiener Stadt Banco*), 2500 — в Венгерском королевстве и 1500 после 1772 г. — в Галиции³⁶. Бюрократическая машина представляла собой пирамиду, в основании которой находился обслуживающий персонал (уборщики, истопники, привратники), далее следовали *Accessisten* (младшие клерки), *Kanzellisten* (копиисты, или переписчики), *Registratoren* (регистраторы), *Koncipisten* (клерки среднего уровня, которым доверяли составление важных документов) и секретари. Венчали пирамиду чиновники высшего эшелона — советники (непреренно дворяне) и главы соответствующих ведомств (как правило, аристократы).

³⁵ А. Ванрушка полагал, что важнейшие реформы, традиционно связывавшиеся с именем Иосифа II, начались в правление его матери. Отличие между ними — в скорости и осторожности преобразований, а не в их сути. См.: *Wandruszka A. Maria Theresia und der österreichische Staatsgedanke // MIÖG. Wien, 1968. Bd. 76. S. 182.*

³⁶ См.: *Dickson P.G.M. Finance and government under Maria Theresa 1740–1780. Oxford, 1987. Vol. 1. P. 308; Idem. Monarchy and bureaucracy in late eighteenth-century Austria // English Historical Review. 1995 (April). P. 338–339.*

Впрочем, судьба какого-нибудь привратника или истопника могла оказаться не менее интересной, чем у его начальника. Так, в 60-е гг. XVIII в. двери в Придворную казенную палату в Вене открывал Карл Хуттер — урожденный турок Спахен-ага, обратившийся в христианство³⁷. В 80-е гг. XVIII в. при бухгалтерии Венгерской казенной палаты служил (как сейчас сказали бы, разнорабочим) Георг Планк (1756–?) — этнический немец и подданный венгерского короля, слывший блестящим рисовальщиком, поскольку два с половиной года обучался в Академии изящных искусств в Вене³⁸.

Изучением венгерского чиновничества многие десятилетия плодотворно занимался Золтан Фалленбюхль (1924–2006). Им опубликованы списки чиновников Казенной палаты³⁹, главных должностных лиц Венгерского королевства и Трансильванского княжества⁴⁰, фёйшпанов⁴¹ венгерских и трансильванских комитатов⁴². Он одним из первых в Венгрии применил метод историко-антропологического анализа на примере персонала соляных контор⁴³. В монографии «Венгерское чиновничество Марии Терезии» автор

³⁷ См.: *ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 1: Hofkammer. Fasz. r. Nr. 3. Subd. 2. N 44 ex Aug. 1767.*

³⁸ См.: *MNL OL. E 701. 3. köt. Enthalt die von Einer Hochlöblichen Kaiserlichen Königlichen Hofrechenkammer herabgegebene acht Frägpunkte und wie sie durch ein jedes Glied der Ofner Landes-Zentral-Buchhalterey mit Inbegriff der in die Bezirke detaschirten sind beantwortet worden. Zusammengetragen den 15tens Decembri 1788.*

³⁹ См.: *Fallenbüchl Z. A Szepesi Kamara tisztviselői XVII–XVIII. században // LtK. 1968. 38. évf. 2. sz. 193–236. old.; Idem. A Magyar Kamara tisztviselői a XVIII. században // LtK. 1970. 41. évf. 2. sz. 259–336. old.; Idem. A Magyar Kamara tisztviselői II. Józseftől a polgári forradalomig. 1780–1848 // LtK. 1972. 43. évf. 2. sz. 327–395. old.*

⁴⁰ См.: *Fallenbüchl Z. Magyarország főméltóságai, 1526–1848. Budapest, 1988.*

⁴¹ *Фёйшпан* (венг. *főispán*, лат. *supremus comes*, нем. *Obergespan*) — избираемый дворянским собранием комитата или наследственный глава комитатской администрации. На русский язык иногда не вполне точно переводится как «губернатор».

⁴² См.: *Fallenbüchl Z. Magyarország főispánjai, 1526–1848. Budapest, 1994.*

⁴³ См.: *Fallenbüchl Z. A sóügyi hivatalnoksága Magyarországon a XVIII. században // LtK. 1979. 50. évf. 2. sz. 225–290. old.*

нарисовал социальный портрет бюрократии XVIII столетия в Венгрии, в том числе проанализировал и сопоставил со странами Западной Европы основные вехи реформирования управленческого аппарата, социальное происхождение чиновников различных ведомств, их образовательный уровень, семейное положение, условия службы, уровень доходов⁴⁴. Остается сожалеть, что в эту небольшую по объему книгу вошел не весь материал, накопленный автором за годы работы над темой.

В последнее время историки все чаще обращаются к методам статистического анализа. Иштван Сийярто в статье «Открытая элита? носители высших должностей в Венгрии XVIII в.» на основании количественного анализа десятков карьер отмечает, что высокие чиновничьи посты в правление Марии Терезии находились под контролем старой, родовитой аристократии и только при Иосифе II представители «новых людей» массово пришли во власть⁴⁵. Ученик Сийярто – Рихард Шебёк – изучает динамику и закономерности продвижения по служебной лестнице в Верховном суде Венгерского королевства и строит модели типичных судебских карьер в период с 1730 по 1785 г.⁴⁶

В предлагаемом вниманию читателя исследовании нет статистических обобщений и выкладок. Задача автора — не измерить параметры социальной мобильности или высчитать процент карьер, в которых прослеживается та или иная закономерность (образование, семейные связи, патронат). Все случаи, рассмотренные ниже, глубоко индивидуальны и одновременно типичны. Целью является показать, как в отдельных судьбах пересекались разнонаправленные векторы тех или иных факторов и тенденций и как из сугубо конкретных обстоятельств перед взором историка выкристаллизовываются более общие принципы индивидуальных карьерных продвижений и кадровой политики ведомственного руководства, а в более общем плане — венского двора.

⁴⁴ См.: *Fallenbüchl Z. Mária Terézia magyar hivatalnokai*. Budapest, 1989.

⁴⁵ *Cserpes T., Szijártó I.M.* Nyitott elit? A magyar főméltságok a 18. században // Sz. 2010. 144. évf. 4.sz. 1225–1261. old.

⁴⁶ *Sebők R.* Hivatali pályafutások a 18. századi Királyi Kúrián // *Politikai elit és politikai kultúra a 18. század végi Magyarországon* / Szerk. I.M. Szijártó, G.Z. Szűcs. Budapest, 2012. 15–50. old.

Основные просопографические данные в этой книге относятся к чиновникам центральных органов исполнительной власти Венгерского королевства — Королевской канцелярии⁴⁷, Казенной палаты и подчиненных ей ведомств (таможня, почта и пр.) и (в меньшей степени) Королевского наместнического совета. Отчасти этот выбор объясняется тем, что по органам управления Австро-Чешских провинций опубликованных архонтологических данных нет, а воссоздание полных списков персонала потребует отдельного архивного исследования. В книге также широко использованы данные Венской придворной казенной палаты⁴⁸, подтверждающие единые для всей монархии принципы найма и продвижения чиновников по службе. Невосполнимые потери, связанные с пожаром 1927 г. во Дворце правосудия в Вене, где хранился архив Чешско-Австрийской придворной канцелярии, и гибелью в годы Второй мировой войны фондов Государственного совета, не позволяют провести более детальное сопоставление чиновничьих карьер в различных землях монархии, однако есть возможность экстраполировать некоторые выводы, следующие из анализа доступных источников, на весь бюрократический аппарат владений Австрийского дома.

Главным источником реконструкции стали прошения (ходатайства, «челобитные») подданных к монарху. Относительно замкнутый характер чиновничьей корпорации, где начальству не составляло труда по своим неформальным каналам проверить сообщаемую информацию, служит гарантией того, что современный ученый имеет дело с более или менее достоверными фактами. Случаи заведомой лжи были крайне редки. Скорее можно говорить о целенаправленной селекции персональных данных, призванной выставить автора прошения в наиболее выгодном свете. Эти и подобные нюансы найдут отражение и будут подробно проиллюстрированы далее на страницах книги.

⁴⁷ См.: *Fazekas I.* A Magyar Udvari Kancellária és hivatalnokai a 16.–18. században: hivatalnoki karrierlehetőségek a kora újkori Magyarországon // Sz. 2014. 147. évf. 5. sz. 1131–1155. old.

⁴⁸ Об истории взаимодействия Казенной палаты в Вене с подчиненной ей Венгерской казенной палатой в Пресбурге см.: *Mayer Th.* Das Verhältnis der Hofkammer zur ungarischen Kammer bis zur Regierung Maria Theresias // *MIÖG.* Innsbruck, 1915. IX. Ergänzungsband. S. 178–263. Cp.: *Nagy I.* A Magyar Kamara: 1686–1848. Budapest, 1971.

Человеческая судьба и послужной список в зеркале прошений

В феврале 2013 г. бельгийские средства массовой информации сообщили, что в 2012 г. 11 тыс. бельгийцев написали письма королю, прося у него денег. Альберт II (1993–2013 гг.) удовлетворил просьбы порядка 650 корреспондентов, раздав подданным около 129 тыс. евро, или по 200 евро на человека. Пресс-служба прокомментировала, что речь идет о согражданах, оказавшихся не в состоянии оплатить счета из-за высоких расходов на электроэнергию или непредвиденные расходы на образование детей⁴⁹. Таким образом, в XXI в. жители монархий Старого Света по-прежнему видят в своих государях источник милости, справедливости, филантропической помощи. Совсем как их предки в XVIII столетии.

Этот пример помогает лучше представить, какого рода тип документа лежит в основе книги. Речь идет об обращениях подданных (прежде всего чиновников) к монарху о найме или продвижении по службе, денежных вспомоществованиях и иных выплатах, присуждении награды, назначении пенсии, зачислении детей в учебные заведения и т.п. Они подавались на имя государя или глав соответствующих ведомств и до 80-х гг. XVIII в., когда обращения подданных к властям в монархии Габсбургов — вследствие реформы делового стиля — обрели строго формализованный характер⁵⁰, составлялись в виде пространных, нередко глубоко личных по содержанию писем.

Информативный потенциал этого источника до сих пор недостаточно оценен. Исследования по истории чиновничества традиционно ведутся по двум направлениям: биографии

⁴⁹ См.: *Gazet van Antwerpen*. 2013.II.18. Текст доступен по адресу: <http://www.gva.be/cnt/aid1333705/koning-deelt-129-000-euro-uit>; *Het Belang van Limburg*. 2013.II.18. Текст доступен по адресу: <http://www.hbvl.be/cnt/aid1333705/koning-deelt-129-000-euro-uit> www.itar-tass.com/c11/653050.html. Выражаю признательность Л.Ю. Пахомовой за информацию о ссылках на газетные публикации, размещенные в интернете.

⁵⁰ Декрет о новых правилах подачи прошений см.: *Handbuch aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. für die k. k. Erbländer ergangenen Verordnungen und Gesetze*. Wien, 1785. Bd. 1. S. 18.

наиболее выдающихся представителей этой социальной группы и реконструкция ее параметров на основании правовых и иных нормативных актов, регулировавших юридический статус бюрократии. Между тем эго-документы⁵¹ позволяют реконструировать вехи наиболее типичных чиновничьих карьер, получить представление о составе семьи на протяжении нескольких поколений, узнать о принятых в этой среде образовательных и карьерных моделях и пространственных автобиографических или корпоративных дискурсах.

В европейских монархиях раннего Нового времени подданные широко пользовались правом подачи письменного прошения (ходатайства, «челобитной») на имя государя, где взывали к справедливости при отправлении правосудия, уповали на щедрое вознаграждение за свои достойные поступки, молили оказать им материальное вспомоществование в нужде. Для сравнения: в Российской империи прошения на высочайшее имя чаще всего были жалобами на несправедливое решение властей, а государство всячески регламентировало круг лиц, имеющих право прямо апеллировать к царю. В разные десятилетия XVIII в. «чиновник, принимающий прошения», именовался рекетмейстером (от фр. *maître de requêtes*), генерал-рекетмейстером или кабинет-секретарем. Власть была озабочена тем, как запретительными мерами ограничить круг лиц, обладающих правом подачи челобитных, и затруднить процедуру их подачи⁵². В монархии Габсбургов, напротив, правом обратиться к императору-королю (и не только с жалобой, но и с просьбой, с предложением, как улучшить положение дел в стране) активно пользовались лично свободные подданные всех сословий.

⁵¹ Этот термин и методология изучения подобных источников были предложены голландскими историками Рудольфом Деккером и Якобом Прессером, которые описывали их как тексты, где автор рассказывает о личной жизни и эмоциях, раскрывает, вольно или невольно, свое «я». Ср.: *Schulze W. Ego-Dokumente: Annäherungen an den Menschen in der Geschichte? // Von Aufbruch und Utopie. Perspektiven einer neuen Gesellschaftsgeschichte des Mittelalters. Für und mit Ferdinand Seibt aus Anlass seiner 65. Geburtstages / Hrsg. von B. Lundt, H. Reimöller. Köln; Weimar; Wien, 1992. S. 421.*

⁵² См.: *Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. СПб., 1830. Т. XLII. Указатель к полному собранию законов. Часть вторая. Отделение первое. Реестр алфавитный. А–К. С. 771.*

В немецкоязычной историографии принято различать «ходатайства» в судебные инстанции (*Suppliken*), где речь шла об удовлетворении юридически обоснованных претензий, и «прошения» (*Supplikationen*), в которых «испрашивалось», или, говоря языком той эпохи, «вымаливалось», некое благо (например, должность), на которое автор (или авторы) объективно не имел неоспоримого права и полагался на милость тех, от кого зависело принятие решения. Впрочем, сами историки признают, что отсутствие четких границ между судебной и административной сферами превращает деление на «ходатайства» и «прошения» в пустую формальность⁵³. Например, прошение о повышении в должности, имея под собой объективные основания (выслуга лет, отсутствие нареканий), зачастую оставалось результатом субъективного выбора между соискателями с более или менее равными стартовыми условиями.

Автор пособия «Разъяснения о деловом стиле в Австрийских наследственных землях» Георг Шайдляйн утверждал: «Прошения (*Bittschrift*) в широком смысле — это любое сочинение, в котором кто-то из низших слоев общества спрашивает что-то у вышестоящего лица; прошения же в узком смысле — это сочинения, которые направляются государю или в адрес правительственного органа по тому или иному политическому вопросу и удовлетворяют всем формальным требованиям»⁵⁴. Второе толкование роднило прошения с петициями, подача которых имела давнюю политическую традицию в Англии, представляя собой обращение к королю от имени парламента или большой группы подданных и трактуя актуальные политические вопросы. Можно с уверенностью утверждать, что вплоть до вступления на престол Иосифа II

⁵³ См.: Schennach M.P. *Supplikationen // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert)*. Ein experimentalisches Handbuch / Hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, T. Winkelbauer. Wien; München, 2004. S. 572–584; Würgler A. *Bitten und Begehren. Suppliken und Gravamina in der deutschsprachigen Frühneuezeitforschung // Bittschriften und Gravamina. Politik, Verwaltung und Justiz in Europa (14.–18. Jahrhundert)* / Hrsg. von C. Nubola, A. Würgler. Berlin, 2005 (Schriften des Italienisch-Deutschen Historischen Instituts in Trient. Bd. 19). S. 16–52. См. также статью «Supplik» в: *Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte* / Hrsg. von A. Edler et al. Berlin, 1998. Bd. 5. S. 94.

⁵⁴ Scheidlein G. *Erklärungen über den Geschäftsstyl in den Österreichischen Erblanden*. Wien, 1794. S. 139.

подача петиций, т.е. обращение к монарху с предложениями по изменению или улучшению политической и общественной системы, была довольно редка⁵⁵.

Исследовательский интерес к прошениям как типу массового источника пробудился на рубеже 70–80-х гг. XX в., когда стала очевидной ограниченность проблематики и методологии, свойственная социальной истории с ее макроисторическим подходом к прошлому. Изучение таких эго-документов, как письма, дневники, судебные иски или прошения о помиловании, позволило лучше понять мотивы поведения и масштаб социальных ожиданий, измерить широту кругозора, проникнуть в систему ценностей отдельных людей и в перспективе целых социальных групп⁵⁶.

Прошения, ходатайства, жалобы и подобные документы стали важным источником в изучении механизмов взаимодействия низов с властью. Крестьяне, горожане, наемные работники, солдаты в исследованиях последних десятилетий обрели имена и судьбы и дали бесчисленное множество примеров, когда власть оказывалась вынужденной прислушиваться к голосам простых подданных. Современные историки едины во мнении, что прошения в раннее Новое время играли важную роль информирования власти о настроениях в обществе, о градусе накала социальной неудовлетворенности, и власти были заинтересованы в функционировании этого механизма взаимодействия не меньше, чем те, для кого подача жалобы оставалась единственной надеждой на защиту и торжество справедливости⁵⁷.

Большинство подобных исследований основываются на судебных протоколах или иных источниках, документирующих развитие некой конфликтной ситуации. Примечательно, что в электронных поисковых системах библиотечных

⁵⁵ См.: Beales D. *Joseph II, petitions and the public sphere // Cultures of power in Europe during the long eighteenth century* / Ed. by H. Scott, B. Simms. Cambridge, 2007. P. 253.

⁵⁶ См.: *Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte* / Hrsg. von W. Schulze. Berlin, 1996.

⁵⁷ См.: *Petitions in social history* / Ed. by L. Heerma van Voos. Cambridge, 2001. (International Review of Social History. Suppl. 9). Анализ дискуссионных особенностей заявлений о принятии на службу или о повышении в должности на материале германских городов см.: Левинсон К.А. *Бюрократия немецкого города XVI–XVII вв. М., 2000.*

каталогов ключевые слова для этих публикаций — «прошение» и «конфликт». Это справедливо в том смысле, что в основе любого прошения лежит конфликт если не автора с физическим или юридическим лицом (лицами), то между желаемым и действительным. В то же время историки признают, что пока крайне мало сделано в области изучения прошений, где бы речь шла о найме на службу, назначении пенсии, денежного вспомоществования, присуждении награды.

Обращения на высочайшее имя могли называться по-разному: «*humillima instantia*» или «*supplex*» на латыни, «*Supplik*», «*Gesuch*», «*Bittschrift*», «*Bitten*» и пр. по-немецки. Но все эти документы традиционно сочетали в себе черты личного письма и официального заявления: в них разнообразие житейских обстоятельств излагалось с соблюдением норм эпистолярного канона. Как и письмо, они восходили к цистероновской структуре и начинались с обращения (*salutatio*). В иерархических обществах старого порядка особое внимание уделялось правильному титулованию адресата. Памятуя об этом, авторы письмовников нередко приводили таблицы соотнесения сана и обращения. Например, выдающийся немецкий камералист Иоганн Генрих Готлоб Юсти (1720–1771), чей учебник делового стиля служил пособием в венском Терезианском дворянском коллегииуме, предписывал обращаться к императору «Ваше Императорское Величество», к графам и баронам чином не ниже тайного советника или государевым министрам — «Ваше превосходительство», к прочим графам и баронам — «Ваше высокородие», к советникам придворных ведомств — «Ваше высокоблагородие», к дворянам — «Ваше благородие» и т.п.⁵⁸

За приветствием нередко следовало необходимое в письмах вступление (*exordium*). Например, экс-иезуит Ференц Кайдочи, желавший поступить на королевскую службу, начал свое прошение так: «Нежная любовь и материнская забота, которые ваше императорско-королевское величество испытывает ко всем подданным, и особенно к членам распущенного

Общества Иисуса, побуждают меня, бывшего в течение девяти лет членом этого ордена, положить к подножию трона вашего императорско-королевского величества мое верноподданнейшее прошение»⁵⁹. Однако многие просители, возможно памятуя о совете, содержащемся в любом письмовнике, что не следует писать слишком длинные письма и уж тем более обращаться к властям с пространными посланиями, опускали эту часть, переходя непосредственно к изложению личных обстоятельств (*narratio*), подкреплявших собственно просьбу (*petitio*). В то же время наррация могла быть краткой, а могла занимать несколько страниц убористым почерком. Перечисление подробностей добавляло достоверности излагаемым фактам и нередко оказывало необходимое эмоциональное воздействие на тех, от кого зависело принятие положительного решения.

В заключении (*conclusio*), перед подписью, проситель, как правило, клялся в вечной верности и обещал возносить молитвы за государя и правящий дом. Форма же подписи, как и приветствия, диктовалась принятыми в сословном обществе нормами. Прошение на высочайшее имя подписывали «всеподданнейше-наивернейший подданный» (гораздо реже — «слуга», «вассал» или «клиент»⁶⁰). По отношению к «его превосходительству» проситель был «подданнейшим слугой», к «его высокородию» — «совершенно покорнейшим слугой», к «его высокоблагородию» — «покорным слугой», к образованным разночинцам — «верным слугой», в остальных случаях достаточно было подписаться «к вашим услугам»⁶¹. Иными словами, по мере сокращения символической дистанции между просителем с адресатом превосходные степени и уничижительные определения опускались.

⁵⁹ MNL OL. E 47. 18. cs. N 423 ex Maj. 1775.

⁶⁰ На латыни — *humillimus perpetuoque fidelis subditus* [*servus, vasallus, cliens*], по-немецки — *alleruntertänigst- allergehorsamster Untertan* [*Diener, Vasall, Klient*].

⁶¹ Оборот «верный слуга» вынесен немецкими историками Х. Вундер и Ш. Бракензиком в заглавие тематического сборника статей «Верные слуги своих господ? Посредничество во властных отношениях в старой Европе». См.: *Ergebene Diener ihrer Herren? Herrschaftsvermittlung im alten Europa* / Hrsg. von S. Brakensiek, H. Wunder. Köln; Weimar; Wien, 2005.

⁵⁸ См.: *Justi J.H.G., von. Anweisung zu einer guten Deutschen Schreibart*. Wien, 1774. S. 185. Некоторые наблюдения об использовании титулов и обращений в письмах по материалам письмовников, имевших хождение в Венгрии XIX в. см. в: *Gyányi G., Kövér Gy. Magyarország társadalomtörténete. A reformkortól a második világháborúig*. Budapest, 1998. 96–97. old.

То, как сформировалась и развивалась практика составления и подачи обращений в монархии Габсбургов, специально никогда не изучалось. В целом историки и литературоведы сходятся во мнении, что риторические навыки, куда входило умение писать письма, преподавались в школе (эта ступень так и называлась: «риторика»). У тех, кто затем избирал чиновничью карьеру, мастерство совершенствовалось в ходе юридической практики. Письмовники — не как образцы высокого литературного стиля для избранных (труды Эразма Роттердамского или Филиппа Меланхтона), но как практическое руководство для образованных слоев населения — появляются в XVIII в., а широкое распространение получают не ранее середины XIX в. Немецкий филолог Райнхард Никиш в исследовании о немецкоязычных письмовниках позднего Ренессанса и раннего Нового времени уделяет преимущественное внимание эволюции литературной компоненты писем и по понятным причинам игнорирует консервативные по структуре обращения в официальные инстанции⁶².

Французские историки Р. Шартье, А. Буро и С. Дофин в монографии «Корреспонденция. Образцы написания писем от Средневековья до XIX века»⁶³ отмечают непреходящее значение эпистолярного искусства в обществе старого порядка, основанном на должности и ранге. Они убедительно доказывают, что владение мастерством правильного употребления титулатуры, облечение информации в имеющие широкое хождение топосы, доскональное соблюдение социальной дистанции между автором письма и адресатом превратили стряпчих в особую касту, отгороженную от непосвященных и занятую, ради самосохранения, дальнейшим усложнением форм символической коммуникации. Неслучайно многим из них льстили политические коннотации слова «диктатор». (Средневековое латинское название эпистолярного искусства — *ars dictaminis, ars dictandi*.)

В монархии Габсбургов с конца XVI в. подданным предписывалось подавать обращения на высочайшее имя,

⁶² См.: *Nickisch R.M.G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Mit einer Bibliographie zur Briefschreiblehre (1474–1800). Göttingen, 1969. (Palaestra. Untersuchungen aus der deutschen und englischen Philologie und Literaturgeschichte. Bd. 254).*

⁶³ См.: *Chartier R., Boureau A., Dauphin C. Correspondence: Models of letter-writing from the Middle Ages to the nineteenth century. Cambridge, 1997.*

составленные исключительно авторизованными писцами, стряпчими или агентами. Это способствовало внедрению единства формы, ясности изложения и не в последнюю очередь служило гарантией того, что в тексте не встретятся неприличные, оскорбительные для властей выражения⁶⁴. На многих дошедших до наших дней прошениях действительно проставлено имя агента. Оно выводилось на обороте письма, вертикально, т.е. перпендикулярно нижней кромке бумаги. Например, австрийский барон Иоганн Казимир Трикль в ходатайстве о выдаче ему копии венгерской дворянской грамоты (взамен сгоревшей при пожаре) упоминает, что поручил специальному агенту сбор необходимых документов и составление заявления⁶⁵. Этим агентом оказался Йожеф Керестури (1739–1794) — юрист и талантливый публицист, служивший в Венгерской придворной канцелярии.

Отсутствие имени агента на прошении не говорит однозначно в пользу авторства просителя. За аристократов, например, обращения к властям составляли их личные секретари, за бедных вдов и сирот чиновников — скорее всего, коллеги покойного мужа или отца. История не сохранила имени того, кто помог круглым сиротам покойного секретаря Венгерской казенной палаты Михая Чапо, «Анны четырех лет, Елизаветы двух лет и Михая одного года от роду», подав прошение о назначении им денежного пособия⁶⁶. «Лишенная средств, надежды и утешения вдова» Кристина Коста на ходатайстве о пенсии написала: «По бедности составила сама»⁶⁷. Однако это могло быть уловкой стряпчего, стремившегося вызвать жалость к своей доверительнице.

Прошения о назначении на чиновничью должность писались, как правило, самими просителями, потому что одновременно служили доказательством того, что соискатель владеет пером, знаком с основами делового стиля и обладает красивым почерком. Иногда в доказательство

⁶⁴ См.: *Schennach M.P. Op. cit. S. 579.*

⁶⁵ См.: MNL OL. A 39. 5834/1777.

⁶⁶ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29: Pensionen. Kt. 1949. Subd. 1. N 130 ex Jul. 1775.

⁶⁷ См.: ÖStA. FHKA. Camerale Siebenbürgen. Fond 64. Fasz. 135. N 43 ex Apr. 1769. Fol. 625r-v.

прикладывались образцы латинской и немецкой (готической) каллиграфии. Многие писали на обороте: «Составил сам» (на латыни — *Ipse fecit*), по-немецки — *Selbst verfasst*). Однако это не может служить гарантией того, что опытный стряпчий не подправил стиль или профессиональный писец не переписал начисто «составленный самим» просителем черновик. Например, в фондах Венгерской королевской канцелярии хранится прошение отставного офицера-инвалида Йозефа Кюнцлера, помеченное «Составил сам», но отличающееся необычным для военного владением деловым стилем и написанное изысканным и уверенным, «профессиональным» почерком⁶⁸.

Мало известно, как прошение попадало в руки государя. Предположительно всё через тех же придворных агентов, если соискатель уже не служил в органах власти и не передавал свое обращение «по инстанциям». Чаще всего монарх не принимал решения немедленно, но писал на обороте имя главы того ведомства (например Чешско-Австрийской канцелярии, Венгерской казенной палаты и пр.), которому вменялось в обязанности подать «вотум» (обоснованное мнение). Прошения с резолюциями и поручениями в настоящее время разбросаны по фондам различных ведомств. Иногда оригиналы обращений на высочайшее имя отсутствуют, и суть дела приходится реконструировать по «выпискам из протоколов», которые включали в себя краткое изложение просьбы подданного, вотум ответственного советника и наложенную государем резолюцию, от простого «*Placet*», т.е. «Одобрено», или «*Verstanden*», т.е. (в случае Марии Терезии) «Согласна», до развернутых комментариев к предложенному решению⁶⁹.

Новая (параллельно со старой) практика подачи ходатайств и прошений в монархии Габсбургов возникла в 1765 г., со вступлением Иосифа II на престол Священной Римской империи после смерти Франца I Стефана Лотарингского

⁶⁸ См.: MNL OL. A 39. 580/1770.

⁶⁹ В 1769 г. в Венской придворной казенной палате было решено сохранять в специальном фонде все обращения на высочайшее имя, переадресованные монархом президенту этого ведомства. Ныне там, в хронологическом порядке, хранятся тексты обращений и выписки из протоколов с наложенными резолюциями. Для XVIII в. см.: ÖStA. FHK. ÖK. Fasz. 61: Protokolle über allerhöchst signierte Bittschriften. Fasz. r. Nr. 2142 (1769–1772); 2143 (1773–1775); 2144 (1776–1789); 2145 (1790–1800).

(1745–1765 гг.). Чтобы лучше ознакомиться с подвластными землями и народами, он предпринял целый ряд путешествий по самым отдаленным уголкам страны, стараясь из первых рук собрать достоверную информацию о состоянии экономики, положении крестьян, нуждах армии, условиях отбывания наказаний. Из таких поездок он привозил сотни прошений, поданных на его имя, несмотря на то что до 1780 г. оставался только соправителем при своей, правившей фактически единолично, матери. Все эти обращения, попадая в уполномоченные ведомства, проходили затем установленную процедуру рассмотрения. Став после смерти матери единоличным правителем, Иосиф II с еще большим азартом принялся собирать обращения подданных, в том числе от крестьян, которым прежде было запрещено подавать жалобы⁷⁰.

С увеличением оборота всевозможных ходатайств рассмотрение их нередко замедлялось из-за того, что структура и объем никак не регламентировались. Язык их, будь то немецкий или латинский, был порой настолько архаичен, витиеват и перегружен излишними риторическими украшениями, что административный аппарат не справлялся с их рассмотрением. Профессор Венского университета Йозеф Зонненфельс, прославившийся как автор курса политико-камеральных наук⁷¹, преподававшегося будущим и действующим чиновникам сначала в столице, затем в целом ряде учебных центров монархии, взял на себя разработку принципов современного делового стиля. В 1781 г. он начал читать курс о том, как составлять документы различного характера на ясном и понятном немецком языке. Лекции на юридическом факультете Венского университета были публичными и бесплатными, проводились в ранние утренние часы, чтобы слушатели-чиновники могли затем отправиться в присутствие⁷². Успех курса у тех, кто связывал карьеру с

⁷⁰ См.: *Kulcsár K. II. József császár utazásai Magyarországon, Erdélyben, Szlavóniában és a Temesi Bánságban, 1768–1773.* Budapest, 2004.

⁷¹ См.: *Хаванова О.В.* Йозеф Зонненфельс и «генеалогия» его студентов: к вопросу о формировании бюрократии в монархии Габсбургов XVIII века // *Славянство, растворенное в крови / Отв. ред. К.В. Никифоров.* М., 2010. С. 79–98.

⁷² Это обстоятельство было впервые подмечено В. Хайндль. См.: *Heindl W.* Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln, Graz, 1991. S. 107.

овладением новейшими делопроизводственными техниками, был невероятный.

Слушатели тщательно конспектировали каждое слово мэтра, и, хотя собственный учебник Зонненфельса вышел в свет только в 1784 г.⁷³, верные последователи опубликовали свои заметки несколькими годами ранее. В анонимном учебнике делового стиля, выпущенном в 1782 г., говорилось: «Я не поленился усердно посещать бесплатные, читавшиеся исключительно из чистой любви к отечеству лекции по деловому стилю того мужа, глубине познаний которого, элегантности речи и рвению к улучшению литературы австрийское юношество обязано большей частью своей культуры; и я самым точным образом конспектировал каждое слово, слетавшее с его уст. <...> Почему бы мне не назвать по имени моего вождя, моего благодетеля? Это не кто иной, как Йозеф фон Зонненфельс»⁷⁴.

2 января 1782 г. последовал императорский декрет, к изданию которого, несомненно, имел отношение главный борец за чистоту делового стиля Зонненфельс, впоследствии цитировавший текст рескрипта в своем учебнике: «Его величество сочли необходимым воспользоваться возможностью, дабы определить все то, что относится к обоснованию ходатайства, отрезать путь к длиннотам и повторам, которые отвлекают от весомости доводов и делают прошение путанным, неясным и почти всегда неоправданно затянутым». Отныне запрещалась любая пышная титулатура, и обращение сводилось к простому названию инстанции («Ваше Величество!» или «Высокопочтимая Венгерская канцелярия!»). Композиционно прошение включало в себя «повод» (*Veranlassung*), «просьбу» (*Bitte*) и «обоснования» (*Gründe*), сочлененные в форме силлогизма, где повод был тезисом, обоснование — антитезисом, а просьба — их синтезом. Если проситель имел более одного основания получить испрашиваемое, все доводы следовало пронумеровать и последовательно изложить. В заключениях не допускалось использования прежних формул «всепокорнейший», «наивернейший»

⁷³ См.: *Sonnenfels J., von. Über den Geschäftsstil. Die ersten Grundlinien für anlegende österreichische Kanzleibeamte. Zum Gebrauch der öffentlichen Vorlesungen nebst einem Anhang von Registraturen.* Wien, 1784.

⁷⁴ Versuch über Grundsätze des Stils in privat- und öffentlichen Geschäften. Vienna, 1782.

и т.п., вместо этого следовало указать свое полное имя, адрес и занимаемую должность⁷⁵.

Зонненфельс не жалел слов, чтобы высмеять устаревшую практику подачи ходатайств: «Самое трудное порой — это найти, где же в прошении повод, и у некоторых в такие моменты может выступить на лбу холодный пот. При этом находятся просители, которые излагают повод настолько отвлеченно, что непросто найти взаимосвязь между поводом и сутью просьбы». Далее автор критиковал представителей старой риторической школы, советовавших начинать прошения словами о «всем известном влиянии наук на благополучие государства и о покровительстве, которое монарх оказывает людям исключительных способностей и прилежания. <...> К чему все это? — К тому, чтобы пристроить оканчивающего учебу молодца на должность мелкого клерка»⁷⁶.

Просители — не без помощи все тех же искусных стряпчих — быстро переняли новые правила. Из прошений постепенно уходил исповедальный тон, оставались лишь типичные для официального документа набор фактов и перечень прилагаемых справок. Вынужденная замена эмоционально окрашенной речи от первого лица («я») на повествование о себе в третьем лице («нижеподписавшийся») оставляла меньше возможностей для установления личного контакта между автором и читателем. И все-таки авторы продолжали смягчать чеканный стиль нового образца трогательными подробностями. Например, регистратор Чешско-Австрийской канцелярии Иоганн Херден завершал свое прошение о прибавке к жалованью жалостливым признанием: «В-шестых, нижеподписавшегося заботит заготовка дров на зиму, и горькая судьба его порой так мучит, что он ночи напролет, в раздумьях о том, как побороть бедность, не может сомкнуть мокрых от слез глаз»⁷⁷.

Впрочем, несмотря на все усилия реформатора и его единомышленников, и в начале XX в. запутанный деловой

⁷⁵ См.: *Handbuch aller <...> Verordnungen und Gesetze.* Wien, 1785. Bd. 1. S. 14–19; *Sonnenfels J., von. Über den Geschäftsstyl. Die ersten Grundlinien für anlegende österreichische Kanzleybeamten.* Wien, 1820. S. 64.

⁷⁶ *Sonnenfels J., von. Über den Geschäftsstyl.* S. 65.

⁷⁷ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 10: Pensionen und Gnadengaben. Fasz. r. Nr. 710. «H». N 186 ex Nov. 1784. Fol. 309r.

стиль был в Австро-Венгрии поводом для иронии. В романе Франца Кафки (1883–1924) «Процесс» фабрикант так отзывается о ходатайстве, поданом по его делу адвокатом: «Составлено оно было по-ученому, но, в сущности, без всякого смысла. Прежде всего — уйма латыни, в которой я не разбираюсь, потом — целые страницы общих фраз по адресу суда, затем самовосхваление, причем тут адвокат подлизывался к суду хуже собаки, и, наконец, исследования всяких судебных процессов прошлых лет, якобы схожих с моим делом»⁷⁸. Это скорее напоминает то, с чем пытался бороться Зонненфельс, чем плоды его усилий.

То безграничное тематическое разнообразие, которое отличает обращения на высочайшее имя, еще во многом только предстоит оценить историкам. В социальной системе, где государь каждодневно проявлял милость, основанную на справедливости, иными словами, действовал в рамках закона и одновременно возвышался над ним, у монарха просили должности, стипендии, пенсии, награды, денежные вспомоществования на личные или общественно значимые цели, возведения в дворянское достоинство, признания прав собственности и т.п. Одно такое обращение может стать для исследователя отправной точкой к интересному микроисторическому исследованию с макроисторическими перспективами. Если учесть, что архивные фонды центральных органов управления сохранились порой лучше, чем семейные фонды, а просители, аргументируя свою позицию, были вынуждены приводить массу дополнительных сведений, прилагать справки, выписки, генеалогические древа и пр., потенциал подобного типа источника далеко не исчерпан. Сказанное выше в полной мере относится к прошениям о назначении на должность, которые будут рассмотрены ниже.

⁷⁸ Кафка Ф. Процесс: Роман / Пер. с нем. Р. Райт-Ковалевой, Г. Снежинской. СПб., 2014. С. 203.

Глава I. Вертикальная и горизонтальная мобильность

Патронат: вездесущий и всесильный

Excellentissimus Dominus Comes Antonius Grassalkovics gremailis Consiliarius hominem suum Georgium Fürgang pro servitio isthoc mihi intimius commendaret: Ex eo desiderio titulati domini Comitibus deferre cupiens, hucce secundi ordinis instantem Georgium Fürgang (si Excelsa Camera haec Regia aliquam mihi absentem constare nequeunt Considerationem in contrarium non habet) pro repetito cursoratus servitio propono, et recommendo¹.

Когда историки перестали видеть в абсолютизме сильный королевский двор, приручивший родовую аристократию и покрывший страну сетью верных и покорных бюрократов², они обратили обличительный пафос на изнанку идеально-типического абсолютизма — патронат³. Британец

¹ Его графское превосходительство Антал Грашшалкович, советник нашего ведомства, лично порекомендовал мне на должность курьера своего человека, и, желая удовлетворить просьбу господина советника, я вношу на рассмотрение кандидатуру Георга Фюрганга (если у высокочтимой Казенной палаты во время моего отсутствия не возникло в этой связи каких-либо возражений) (лат.). — Нота президента Венгерской казенной палаты графа Яноша Непомука Эрдеди. Цит. по: MNL OL. E 47. 19. cs. N 599 ex Sept. 1775.

² Речь идет прежде всего о критике теории немецкого социолога Норберта Элиаса (1897–1990), сформулированной в книге «Придворное общество». См.: Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Левинсона, А.М. Перлова и др. М., 2002.

³ В современной социологии широкое распространение получил термин «патрон-клиентские отношения», которые социэкономический словарь определяет как «устойчивую систему внешне добровольных,

Николас Хеншелл в полемической книге «Миф абсолютизма» писал: «Институты центрального и местного управления представляли собой лишь структуры, внутри которых действовала система клиентелы <...> мелкие мафиозные группировки, которые из дворцов и замков, расположенных в темных уголках королевства, протягивали свои щупальца к различным административным органам»⁴.

Впрочем, государственное управление и отношения между уровнями властных элит трудно было свести исключительно к коррупции и злоупотреблениям. Более вдумчивый анализ привел историков к выводу: в раннее Новое время, когда существовавшие институты уже не справлялись с усложнившимися задачами администрирования или финансового управления, патронат стал общепринятым механизмом формирования бюрократических кадров⁵. Как пишет венгерский историк из Румынии Юдит Пал: «Принцип работы властных институтов нельзя понять без учета механизмов функционирования личных отношений, когда находившаяся в зародышевом состоянии бюрократия со своим малочисленным аппаратом и довольно примитивными рычагами управления сталкивалась с необходимостью справляться со все возрастающим и усложнявшимся объемом задач»⁶.

Преференции при распределении должностей «своим людям», курирование карьер клиентов по мере их восхождения по служебной и социальной лестнице — вот некоторые примеры патроната в сфере управления. В то же время важно вслед за Энтони Ла Вопой подчеркнуть, что патронат был культурной нормой, устанавливавшей неравенство, но и одновременно очерчивавшей границы, благодаря которым

непринудительных отношений субъектов, принадлежащих к разным уровням служебной иерархии. <...> Патрон-клиентские отношения отражают ресурсную взаимозависимость при неравном положении сторон и способ перераспределения ресурсов — Райзберг Б.А. Современный социоэкономический словарь. М., 2012. С. 350.

⁴ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Пер. с англ. А.А. Паламарчук. СПб., 2003. С. 57.

⁵ См.: Droste H. Patronage in der Frühen Neuzeit — Institution und Kulturform // ZHF. 2003. Jg. 30. S. 555–590.

⁶ Pál J. Az állam és a patrónus szolgálatában. Egy Károlyi-kliens a 18. század elején // Korall. 2010. 42. sz. 179–205. old.

он оставался формой законного использования власти, а не дозволенным беззаконием⁷.

Сословная культура, в которой личные и родственные отношения не вуалировались, но встраивались в господствовавшие представления о социальной мобильности, повлияла на язык и поведение в рамках асимметричных альянсов между более и менее влиятельными членами одной страны, где покровительство обменивалось на ответные услуги. По выражению Марка Хенгерера, патронат и клиентелы стали своеобразным шарниром между элементами процесса государственного строительства, сопровождавшегося укрупнением, упрочением, усилением центральной власти, и местными, основанными на личных отношениях и осуществлявшимися с помощью старых практик правосудия, политикой и администрацией⁸.

Строго говоря, патронат в XVI–XVII вв. — это в первую очередь отношения между вельможами и царедворцами, с одной стороны, и молодыми аристократами и дворянами, делающими первые шаги при дворе, — с другой. Не случайно излюбленным локусом исследователей патроната стали придворные сообщества Европы. Вот пример из переписки графа Липота Драшковича с Дёрским (Дьерским) епископом графом Ференцем Зичи: «Неожиданно, по занятости, мне пришлось отложить поездку в Дёр, но рекомендую покровительству вашей светлости моего сына Миклоша, которого отправил в Дёрский конвент [закрытое учебное заведение — О.Х.] для совершенствования в венгерском языке, отроку же я повелел чаще появляться пред вашими очами, однако, как только приеду, самолично отрекомендую его Вашей светлости»⁹.

По мере приближения к нашему времени социальный спектр тех, кто подпадает под определения «патрон» и

---

⁷ См.: La Vopa A. Grace, talent and merit: Poor students, clerical careers and professional ideology in eighteenth-century Germany. Cambridge, 1988. P. 83–84.

⁸ См.: Hengeger M. Amtsträger als Klienten und Patrone? Anmerkungen zu einem Forschungskonzept // Ergebnisse Diener ihrer Herren? Herrschaftsvermittlung im alten Europa / Hrsg. von S. Brakensiek, H. Wunder. Köln-Weimar; Wien, 2005. S. 63.

⁹ Л. Драшкович — Ф. Зичи, Пресбург, 4.XII.1746 // MNL OL. P 707. 550. cs. N 14396.

«клиент», существенно расширяется¹⁰. Перспективным направлением исследований остается, например, изучение патроната в так называемой Республике Ученых¹¹ (*res publica literaria*) XVII–XVIII вв. Она виртуально объединяла ученых мужей Старого Света поверх политических и конфессиональных границ и основывалась на принципе меритократической автократии. Несмотря на эгалитарную риторику интеллектуального братства, Республика представляла собой сложную систему, функционировавшую по законам патроната и клиентелы. Карьера новичков там зависела от умения оказывать услуги и представлять себя в выгодном свете в глазах авторитетных ученых¹². Применительно же к веку XIX, например, Э. Ла Вопа анализирует в категориях патроната и клиентелы отношения между бедными студентами-семинаристами и их спонсорами в Германии.

Можно сказать, что на сегодняшний день модель патрон-клиентских отношений не распространяется только на монархов, чьи контакты с подданными не описываются в категориях обмена услугами, и на низшие социальные слои, чья зависимость от сильных мира сего лишала их независимого выбора и свободы воли. В современных исследованиях патронат рассматривается не только как социальная структура, но и как культурная форма. Ученые обращаются к таким проблемам, как язык патроната, система обмена подарками, вопрос о личном доверии и эмоциональной привязанности между патроном и клиентом, место корыстного расчета при выборе патрона, соотношение монетарных и немонетарных услуг и ответных услуг, доступ клиентов к образованию и пр.¹³ Для

¹⁰ См. реконструкцию отношений патроната на материале переписки венгерских графов Каройи с управляющими своих имений: *Vári A., Pál J., Brakensiek S. Herrschaft an der Grenze. Mikrogeschichte der Macht im östlichen Ungarn im 18. Jahrhundert.* Wien; Köln; Graz, 2014.

¹¹ Переводчик романа Р. Музиля «Человек без свойств» предложил удачный вариант: «республика умов». См.: *Музиль Р. Человек без свойств / Пер. с нем. С. Апта.* Кн. 1. М., 1994. С. 43.

¹² Ср.: *Stegeman S. Patronage and service in the Republic of Letters: the Network of Theodorus Janssonius van Almeloveen (1687–1754).* Utrecht, 2005; *Les grands intermédiaires culturels de la République des Lettres. Études des réseaux de correspondances du XVIe au XVIIIe siècles / Ed. par C. Berkvens-Stwevenlinck, H. Bots, J. Häsel.* Paris, 2005.

¹³ См.: *Droste H. Die Erziehung eines Klienten // Ergebnisse Diener ihrer Herren? S. 23–44.*

изучаемого периода не станет преувеличением воспользоваться цитатой из Ф. Кафки, чтобы определить, к какому слою относились покровители, стоявшие за большинством карьер в управленческом аппарате: «По-настоящему ценными являлись только частные личные знакомства, главным образом с высшими чиновниками; конечно, речь идет хоть и о высших чиновниках, но низшей категории»¹⁴.

В контексте изучения механизмов карьерного роста и карьерных стратегий патронат особенно важен как неформальный, но получивший широкое распространение и общественное признание способ социального воспроизведения элит разных уровней. Следы патрон-клиентских отношений прослеживаются не только по личной переписке мелких клерков с их покровителями (из чего следует, что эти связи уходят в глубь десятилетий не на одно поколение), но и во внутреннем делопроизводстве, где рекомендательные письма и даже простые ссылки на имена сановников считались, при прочих равных условиях, дополнительными аргументами в пользу кандидатов.

Язык патроната. Австрийский писатель Роберт Музиль (1880–1942) в романе «Человек без свойств», действие которого происходит в 1913 г., писал об отце заглавного героя — уважаемом профессоре: «Все события, касавшиеся круга бывших его покровителей, тщательно регистрировались в его записях и с большой точностью переносились с отцов на сыновей и внуков, и не проходило ни одной свадьбы, ни одного рождения, ни одних именин без поздравительного письма с тонкой смесью почтительности и общих воспоминаний. С той же пунктуальностью приходили каждый раз и короткие ответные письма, благодарившие дорогого друга и маститого ученого»¹⁵. Так Музиль точно и иронично выразил суть одной из важнейших коммуникативных практик иерархических обществ — поддержание символической связи между клиентом и патроном посредством регулярной переписки.

В условиях, когда патронов и клиентов разделяли физические расстояния и социальная дистанция, грамотное вступление в переписку и умелое ее поддержание становились, по образному выражению Саскии Стегеман, ключом, который

¹⁴ Кафка Ф. Процесс. С. 132.

¹⁵ *Музиль Р. Человек без свойств.* Кн. 1. С. 37.

открывал все двери¹⁶. Если раньше историки рассматривали характерные для эпистолярного наследия XVII и большей части XVIII в. «цветы красноречия» как пустое следование предписанным нормам, то современные исследователи видят в них форму символической коммуникации¹⁷. Излишние, казалось бы, стилевые изыски делали тип и назначение текста очевидными для читателя и тем самым облегчали взаимопонимание между автором письма и его адресатом. Как и в случае петиций или ходатайств, на помощь новичкам приходили многочисленные письмовники.

Опубликованный в 1753 г. в Аугсбурге «Дворянский письмовник» (2-е изд.) предлагал образцы писем на случаи, наиболее распространенные в дворянской среде, учил добиваться расположения сильных мира сего, аккумулировать символический капитал услуг с целью его дальнейшего обмена на милости патрона. Например, рекомендовать воспитателя покровителю-аристократу следовало так: «Я чаял сделать Вашей светлости приятно, когда покорнейше направи к Вам г-на просителя — весьма способного субъекта, ибо мне доподлинно известно, что он человек хорошего поведения, путешествовал по стране, особенно сведущ в науках, языках, письме и [дворянских] упражнениях, к тому же снискал похвалу на должности воспитателя при молодом бароне N.N. Посему я не сомневаюсь, что ваше сиятельство обратит милостивое внимание на его персону»¹⁸.

Примерно в те же годы Й.Г.Г. Юсти обучал дворянских юношей в Терезианском коллегииуме, как грамотно добиваться искомым должностей, как использовать покровительство и дружбу влиятельных знакомцев. В рекомендательном письме вымышленного г-на N. из Майнца к министру в Вене предлагалось поведать: «Податель сего, сын здешнего тайного советника N., в доме которого я во время своего пребывания встретил много расположения, намеревается отправиться в Вену и почел бы за честь предстать пред очами Вашего превосходительства и лично убедиться в Ваших

¹⁶ См.: Stegeman S. Patronage and service in the Republic of Letters. P. 294–295.

¹⁷ См., например: Droste H. Briefe als Medium symbolischer Kommunikation // Ordnung und Distinktion Praktiken sozialer Repräsentation in der ständischen Gesellschaft / Hrsg. von M. Füßel, T. Weller. Münster, 2005. S. 239–256.

¹⁸ Hohenwald C., von. Adeliches Briefbuch. Augsburg, 1753. S. 36.

исключительных качествах, посему я никак не могу не поспособствовать ему в этом. Возможно, Ваше превосходительство заметит в сем подающем надежды молодом человеке свойства, которые, по Вашему благородному усмотрению, позволят ему вкусить Ваших милостей»¹⁹.

Обучение начаткам эпистолярного жанра традиционно входило в планы коллегииумов, которые содержали Общество Иисуса и учительствующий орден пиаристов. К XIX в., с введением общегосударственных учебных планов и повышением спроса в обществе на гимназическое образование, без которого трудно было претендовать на сколько-нибудь стоящую должность, к мастерству написания писем своим покровителям приобщилось едва ли не все ученичество во владениях Габсбургского дома. В школьной тетради пештского гимназиста Михеля Вернера за 1802 г. сохранился латинский образчик письма, озаглавленного «Благодарственное письмо, или Клиент воздает хвалу своему патрону [курсив мой. — О.Х.] графу N.N. за денежную субсидию и усилия, дабы он мог в будущем году посещать школу»²⁰. Похожее, но, впрочем, чуть менее элегантно письмо на венгерском языке ученика к своему наставнику с просьбой выслать 20 фл.²¹ на одежду, чтобы ходить на занятия в школу, содержится в письмовнике Йожефа Егера за 1803 г.²²

Начиная с последней трети XVIII в. государство последовательно вводило все новые требования к найму чиновников на службу: им вменялось иметь дипломы и сертификаты об образовании и приветствовалось, когда они могли предоставить официальные рекомендательные письма от прежних начальников. Однако, судя по многочисленным и неоднократно переиздававшимся письмовникам, практика патроната продолжала служить действенным механизмом карьерного роста.

¹⁹ Justi J.H.G., von. Anweisung zu einer guten Deutschen Schreibart. Wien, 1774. S. 175–176.

²⁰ OSZKK. Quart. Lat. 2964. Exertitia correcta per diversos conscripta. Fol. 113v.

²¹ Денежной единицей во владениях Австрийского дома служил гульден; его латинское название — флорин, венгерское — форинт, а общепринятое сокращение — *fl.* Во избежание путаницы и разночтений далее используется сокращение — фл.

²² См.: Jéger J. Magyar író deák a' vagy külömbfélé irásbeli feltételek. Kassa, 1803. 30. old.

Вот пример из «Общего австрийского и новейшего венского секретаря для деловых сношений, жизненных ситуаций и дружеской переписки» Андреаса Энгельхарта: «Некто просит одного барона: он хочет, чтобы тот похлопотал за его племянника». В письме, в частности, говорилось: «Когда около месяца назад я имел честь засвидетельствовать свое уважение Вашему высокоородию, Вы милостиво обещали похлопотать при ближайшей оказии за моего племянника. Поскольку после недавней кончины N.N. как раз появилась вакансия, для которой сей молодой человек подходит как нельзя лучше, настал момент, когда я смею надеяться, что Вы не преминете оказать мне сию милость. Ваше высокородие окажетесь ему особенно полезны при соискании этой должности, я же убежден, что Ваше весомое слово поможет ему получить искомое. Тем самым Вы осчастливите человека, который мог бы стать полезен государству, получи он возможность развить свои способности и применить свои силы»²³.

В венгерских письмовниках встречаются сходные образцы. В «Пештском и будайском домашнем секретаре» Элека Фаркаша и Иштвана Кёви предлагалось письмо бедного сироты к надворному советнику — патрону его покойного отца: «Хотя я убежден, что обладаю необходимыми для занятия этой должности качествами, знаю, что у меня будет много конкурентов и без милостивого заступничества Вашей светлости мне места не получить. Поскольку я уже не раз пользовался сердечностью Вашей светлости, то и сегодня смело обращаюсь к Вам в полной уверенности: примите во внимание скромные заслуги моего отца и станьте источником моего счастья»²⁴.

Вельможы, начальники, отцы-командиры. Отраженная в письмовниках практика действительно имела широчайшее распространение. О покровительстве и вспомоществовании при назначении на должность просили высокопоставленных сановников, имевших влияние в административном аппарате,

²³ Engelhart A. Allgemeiner österreichischer oder neuester Wiener Secretär, für im Geschäfts und gemeinen Leben, so wie in freundschaftlichen Verhältnissen vorkommenden Fälle. Wien, 1826. S. 110–111.

²⁴ Farkas E., Kövy I. A' Pesti és Budai Házi Secretarius, vagy is a' közönséges élet akármely helyheztesésében megkívántató Levelezésre, a' kereskedésbeli levelek 's más hasznos irások helyes elkészítésére vezető példák. Pest, 1829. 127. old.

армии, судебной системе, церковной иерархии и пр. О том, какую роль играл патронат, весьма точно написал в своем письме обер-лейтенант Янош Киш. Он вспомнил, как в школе их учили, что мало собрать прочную, надежную телегу, — чтобы она быстро ехала, нужно непременно смазать колеса. «Это я сравнил бы, если хорошо поразмыслить, с судьбами современных молодых дворян, особенно тех, кто служит в армии: мы безупречно себя ведем, но будь ты сама безупречность, в современном мире, если нет у тебя покровительства, уж больно медленно вращается колесо нашей фортуны»²⁵.

Во многом (еще) теоретические рассуждения Киша подтверждает горький опыт Франца Хубера. Он 11 лет прослужил акцессистом в Венгерской казенной палате, причем первые три года (1751–1754) вне штата и безвозмездно, прежде чем получил скромное жалованье в 150 фл. Чиновник неоднократно подавал прошения о назначении на освобождавшиеся места, но всякий раз искомая должность доставалась конкурентам. К 1760 г. Хубер насчитал семерых, кто вперед него без всяких (как он полагал) на то оснований пошел на повышение. И вот когда, наконец, ему была обещана должность счетовода, бедняга неожиданно скончался, не в последнюю очередь, по мнению его вдовы, от многолетних мытарств в ожидании лучшей доли²⁶.

Аристократы, совмещавшие в одном лице несколько публичных функций, оказывались наиболее частыми адресатами подобных писем. К хорватскому бану (королевскому наместнику) и фёйшпану комитата Фейер графу Ференцу Надашди (1708–1783) брату королевского канцлера Липота Надашди (ок. 1700–1758), обращались десятки зависимых от него мелких дворян и разночинцев. О том, каким весом граф пользовался в ведомстве, которое некогда возглавлял его покойный брат, свидетельствует письмо агента Антала Прускаи: «Что касается милостивых распоряжений Вашей светлости на место повышенного до секретарей г-на Михалковича взять на должность регистратора и экспедитора Антона Хольцмана, я довел ваше милостивое мнение до господ-членов Венгерской королевской канцелярии, на что последовал единогласный ответ: ни г-н Михалкович,

²⁵ Я. Киш — А. Каройи, Вена, 23.IX.1778 // MNL OL. P 398. 86. d. N 39703.

²⁶ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 897. 14. Maj. 1760. Fol. 244r; Fasz. r. Nr. 925. 9. Sept. 1762. Fol. 190r–v.

ни тот, другой, г-н Хольцман, не могут быть одобрены без согласия на то Вашей светлости и Высокого совета»²⁷.

О покровительстве регулярно просили военачальников²⁸. Полковник Янош Тернеи писал своему командиру генерал-фельдмаршалу Ференцу Надашди: «Один из сыновей моего брата, императорско-королевского советника, два года назад поступил кадетом в Ваш полк, речь идет о молодом человеке, не обделенном от природы способностями, который выказывает много служебного рвения, и полковник Сёрени вполне им доволен. Я осмеливаюсь покорно предложить сего племянника всемиловитвейшей протекции и со смирением и покорностью прошу: соизвольте при возможности назначить [его] на одну из офицерских должностей, за что я и мой брат, отец означенного кадета, будем обязаны вам до последних дней жизни»²⁹.

Майор К. Фрониус обращался в письме к своему командиру, генерал-фельдмаршалу Анталу Каройи: «Господин генерал и полковой бригадир фон Бловски попросил доложить Вашему превосходительству, что его физически крепкий, обученный необходимым наукам и прекрасно воспитанный племянник г-н фон Грати имеет особую склонность к воинской стезе и предоставил дяде выбрать полк, в котором он начал бы службу в чине кадета, тот же, поскольку питает высочайшее доверие к полку Вашего превосходительства, тем более что ранее служил там штабным офицером, просит о милости зачислить своего племянника кадетом именно сюда»³⁰.

²⁷ А. Прускаи — Ф. Надашди, Вена, 5.III.1771 // MNL OL. P 507. V.X. Nádasdy Ferenc horvát bánhoz címzett levelek. 39. cs. N 604.

²⁸ Письма офицеров к отцам-командирам остаются важным, но недооцененным источником просопографических и историко-антропологических исследований. О том, что такие письма встречаются в архивах разных европейских стран, свидетельствует исследование британских историков И.Ф. Бертона и А.Н. Ньюмана об английском офицере сэре Джоне Коупе: «Он быстро освоился и занялся любимым делом армейских офицеров — оценкой шансов на повышение в чине, не забывая докладывать об успехах своему патрону и непосредственному начальнику» — *Burton I.F., Newman A.N. Sir John Cope: promotion in the eighteenth-century army // The English Historical Review. 1963. Vol. 78. N 309. P. 659.*

²⁹ Я.М. Тернеи — Ф. Надашди, 21.V.1777 // MNL OL. P 507. 43. cs. N 727.

³⁰ К. Фрониус — А. Каройи, Чортков, 27.III.1790 // Ibid. P 398. 42. d. N 19022.

Наконец, патронами выступали иерархи церкви. Калочайский архиепископ Адам Патачич (1717–1784) писал президенту Венгерской казенной палаты графу Яношу Непомуку Эрдеди (1723–1789): «Ласло Чома, мой клиент [курсив мой. — О.Х.], с малых лет был мною воспитан, затем получил должность в моей канцелярии. Сиятельный президент Казенной палаты [покойный] граф Грашшалкович³¹ взял его к себе на два года разбирать корреспонденцию, затем пристроил в Пресбург³², где тот уже девять лет служит адъюнктом в регистратуре». И далее: «Я не посмел бы обратиться с просьбой по поводу этого юноши, если бы мне не были знакомы его задатки, соединенные с большим трудолюбием»³³. Архиепископ просил для своего питомца прибавки к жалованью. Год спустя он вновь обратился с просьбой повысить молодого человека в должности. Несомненно, такие письма способствовали формированию положительного образа служащего в глазах начальства, но, судя по послужному списку Чомы, не имели прямого отношения к его последующим назначениям. Вероятно, начальство воздерживалось от немедленного удовлетворения просьб патронов, иначе кадровая политика превратилась бы в соревнование покровителей. Так или иначе, за 40 лет безупречной службы Антал Ласло Чома сделал прекрасную карьеру: начинал скромным акцессистом в архиве Казенной палаты (1767–1769), продолжил как канцелярист (1769–1773), затем адъюнкт регистратора (1773–1780), вице-регистратор (1780–1789), регистратор (1789–1808), а с 1791 г. и до самой смерти в 1808 г. еще и секретарь³⁴.

³¹ Речь идет о президенте Венгерской казенной палаты графе Антале Грашшалковиче (1694–1771).

³² Столица современной Словакии — Братислава, в XVIII в. была административной столицей Венгерского королевства. В русской историографии за этим (населенным преимущественно немцами) городом закрепилось имя Пресбург (ср. Пресбургский мир 1805 г.), на венгерском языке город называется Пожонь.

³³ А. Патачич — [Й. Эрдеди], Пешт, 23.VI.1777 // ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1: Normalia et Gremialia. Kt. 11. Konv. 2: Ratsgremium. N 66 ex Jun. 1777. Fol. 281r-v.

³⁴ См.: *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVIII. században // LtK. 1970. 41. 2. sz. 315 – 317, 325. old.; Idem. A Magyar Kamara tisztviselői II. Józseftől a polgári forradalomig. 1780–1848 // LtK. 1972. 43. évf. 2. sz. 348. old.*

Чем богаче архивный фонд патрона, тем больше в нем обнаруживается свидетельств переписки с клиентами. Единственным недостатком такого источника является отрывочность сохранившихся данных. Впрочем, даже одно-единственное письмо некоего Матиаса Лампля в архиве Дёрского епископа графа Ференца Зичи (1701–1783) дает представление о взаимоотношениях семейства с их «благодетелем». Узнав о создании нового капитула в Шопроне, тот просил о назначении туда каноником своего брата Карла. «Если же тех 18 лет, что он неустанно трудился о спасении душ верующих, будет недостаточно, — писал Ламбль, — примите во внимание те 38 лет, что наш отец прослужил верой и правдой Вашей светлости». Это назначение позволило бы дать образование племянникам — сыновьям третьего брата, Георга, который «равным образом уже 18 или двадцать лет состоит у Вас на службе»³⁵. Упоминание об «отеческой заботе, в которой Вы нам никогда прежде не отказывали», говорит о многолетней связи между Ламплями и епископом. Новичку же приходилось прибегать к посредничеству тех, чье мнение было авторитетным для патрона. Мелкий чиновник Ференц Субич писал епископу: «Господин Йозеф Деаки, чей отец служил префектом в имениях Тата и Честеш, узнав, что Ваша светлость ищет инженера для замеров Дивинского поместья, обратился ко мне, чтобы я отрекомендовал его Вам <...> Не сомневаюсь, что он будет исполнять распоряжения Вашей светлости к полному удовлетворению и окажется достойным Ваших милостей»³⁶.

Чем длиннее и богаче была история взаимоотношений семьи клиента с родом патрона, тем разнообразнее и смелее становились просьбы; у клиента появлялась иллюзия, что он в силу давности и доверительности отношений может влиять на своего благодетеля. Семейство Аделфи верой и правдой служило графам Баттяни не одно десятилетие. Советник Янош Аделфи работал под началом канцлера Лайоша Баттяни (1696–1765) в Венгерской королевской канцелярии и передал символический капитал высокого покровительства своему сыну Анталу. В графском архиве сохранилось письмо, в котором клиент, ставший к тому времени председателем

³⁵ М.Й. Ламбль — Ф. Зичи, Вена, 28.XII.1778 // MNL OL. P 707. 552. cs. N 14606.

³⁶ Ф. Субич — Ф. Зичи, Тата, 8.IV.1780 // Ibid. 707. cs. N 14941.

окружного суда, убеждает своего патрона, чтобы тот употребил все свое влияние и, ссылаясь на допускающие различные толкования статьи венгерского свода законов, отговорил императрицу-королеву облагать налогом беднейший слой безземельных дворян³⁷.

Авторы подобных писем обычно подписывались «слуга» («*servus*», «*Diener*» или «*Knecht*», «*szolga*»), реже «клиент» («*cliens*», «*Klient*», «*kliens*»), вне зависимости от того, были ли они действительно клиентами адресата или лишь стремились к этому. Более того, в официальных прошениях они не скрывали, что являются клиентами того или иного влиятельного начальника. Йозеф Храбинаи, подписавшийся «писец барона Вайяи», о себе сообщал, что патрон хлопотал за него перед руководством ведомства как за своего клиента («*pro me humillimo cliente suo*»³⁸). Однако, как бы ни называл себя зависимый от патрона «маленький человек», в обществе действовали негласные критерии, как распознать настоящего клиента, отличить от постороннего, выдававшего случайное знакомство за форму личных отношений. Например, Иштван Бот — личный секретарь генерала Ференца Каройи (1705–1758) — жаловался ему в одном из писем: «Офицеры и челядь живут в мире друг с другом, вот только к себе я не чувствую доброго отношения, потому что втихомолку ведутся разговоры, будто Ваша светлость обо мне знает ничего не знает, слыхом обо мне не слыхивала, что я самовольно явился в Карой, а будь я Вашей светлости нужным человеком, взяли бы меня с собой в полк, в остальном даже не хочу огорчать Вашу светлость»³⁹.

При подаче официальных прошений о назначении соискатели, как правило, перечисляли прежние места работы, упоминали высокопоставленных лиц, в чьем подчинении им довелось служить. Их имена сами по себе должны были служить лучшей рекомендацией. Такие сведения могли говорить о принадлежности к клиентеле сановника, могли же быть просто строкой в послужном списке. Молодой человек по имени Иоганн Игнац Заутерсхаймб (личность авантюрного склада, позднее

³⁷ См.: А. Аделфи — Л. Баттяни, 2.I.1756, Késer // Ibid. P 1314. N 55164.

³⁸ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1. Kt. 3. Konv. 3: Registratur und Kanzlei. N 99 ex Dec. 1767. Fol. 184r.

³⁹ И. Бот — Ф. Каройи, Карой, 19.XI.1758 // MNL OL. P 398. 19. d. N 8989.

прославится своей перепиской с Жан-Жаком Руссо; 1712–1778⁴⁰) в 1760 г. ходатайствовал о зачислении в штат Казенной палаты: «Да будет вашему императорско-королевскому апостолическому величеству известно, что я, посетив разные страны, приложил немало усилий для изучения коммерции и камеральных наук, а также весьма прилежно практиковался под началом советника Рибича». Ведомство сочло необходимым дать соответствующие пояснения. Президент Венской казенной палаты граф Рудольф Хотек писал государыне: «Вышеназванный Заутерсхаймб был приписан покойным президентом Казенной палаты графом Кёнигсегом⁴¹ к советнику Рибичу исключительно в качестве простого практиканта»⁴².

В случае, когда сановник проявлял подлинную заинтересованность в своем клиенте, он поддерживал его прошение отменной рекомендацией, как сделал граф Янош Палфи в отношении одного служилого дворянина: «Просителя, о котором идет речь, почтенного Йожефа Бачака, в прошлом — военного, затем нотариуса в комитате Пресбург, теперь же в течение многих лет верно несущего службу в Казенной палате, признавая его заслуги перед государем и отечеством, я особо рекомендую, как способного, обладающего выдающимися личными качествами дворянина, на искомую должность канцеляриста»⁴³.

Вице-президент Венгерской казенной палаты граф Пал Фештетич (1725–1782) в письме к президенту Венской придворной казенной палаты графу Леопольду Коловрату (1727–1809) утверждал: «Я взял себе за правило никогда не просить о должности для тех, кто состоит лично у меня на службе, поскольку всякий раз ищу другие пути, как по-иному позаботиться об этих людях; на этот раз я вынужден отступить от собственного принципа»⁴⁴. Далее следовала отменная рекомендация своему секретарю Йожефу Хатошу, сыну

⁴⁰ См.: Rácz L. Rousseau és Sauttersheim. Budapest, 1913 (Értekezések a nyelv- és széptudományok köréből. XXII. köt. 6. sz.).

⁴¹ Речь идет о президенте Венской придворной казенной палаты графе Карле Фердинанде Кёнигсег-Эрпсе (1696–1759).

⁴² ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2003. 10. Apr. 1760. Fol. 192–193.

⁴³ Ibid. Kt. 1781. 15. Dec. 1744. Fol. 409v.

⁴⁴ П. Фештетич — Л. Коловрату, Сигет, 14.III.1779 // Ibid. UK. Fasz. 1. Kt. 15. Konv. 3: Registratur et Kanzlei. N 127 ex Apr. 1779. Fol. 64r.

вышедшего на пенсию советника Венгерского королевского наместнического совета, прекрасно образованному молодому человеку, обладавшему отменными деловыми качествами. Возможно, такое начало письма было не чем иным, как риторическим приемом. Не исключено, что Фештетич действительно (в отличие от покойного президента Венгерской казенной палаты А. Грашшалковича) не злоупотреблял радением своим людям. Так или иначе, процитированный отрывок говорит как о том, что эта практика была распространена, так и о том, что у опытного патрона был целый арсенал приемов, позволявших пристраивать клиентов.

Дворянский комитат. Картина патроната будет неполной, если не рассмотреть роль такого коллективного патрона, как дворянский комитат. В венгерской государственно-правовой традиции и социально-политической истории эта административно-территориальная единица занимает особое, сакральное место. Действовавшие в ней органы дворянского самоуправления по мере все более тесной интеграции Венгрии во владения Австрийского дома в XVII–XVIII вв. превращались в «оплот» сопротивления тем инициативам имперского центра, которые грозили превратить королевство в еще одну провинцию под скипетром Габсбургов, лишить его того государственно-правового своеобразия, которое позволяло сословиям сохранять реальную власть.

Формирование системы комитатов началось еще в X в. как взаимодействие мадьярского (административные границы изначально совпадали с ареалами расселения племен и племенных групп), франкского (прослеживалось заимствование франкских пограничных марок) и славянского (терминология была позаимствована у местного славянского населения) факторов. После ослабления центральной власти в XIII в. на смену королевскому комитату со временем пришел комитат дворянский. Во главе стоял фёйшпан (*főispán*), назначаемый королем из числа богатых и влиятельных магнатов. Ему подчинялась выборная администрация, рекрутировавшаяся из местного дворянства средней руки: заместитель — вице-ишпан (*alsipán*), исправники (*szolgabírók*), нотариусы (*jegyzők*), секретари (*titkárok*).

В раннее Новое время должность фёйшпана в целом ряде комитатов официально стала наследуемой: графы Чаки в Сепеше, графы Палфи в Пресбурге, графы Эстерхази в Шопроне. В других комитатах должность закрепилась за

епископом, в чьей епархии располагался комитат. В некоторых комитатах фёйшпанами на протяжении нескольких поколений назначали членов одного аристократического рода, хотя должность так и не объявлялась наследственной. Бывали случаи, когда император-король назначал сразу двух братьев на одну фёйшпанскую должность, а мог, наоборот, одному магнату доверить руководство сразу двумя комитатами. Так или иначе, полнота реальной власти сосредоточивалась не в их руках, ибо многие из них наведывались в комитат только по важным поводам, а, как правило, в руках заместителя — представителя среднепоместного дворянства. Оставаясь выборной, должность нередко переходила на несколько веков в монопольное владение одной семьи. В подобной властной пирамиде фёйшпаны брали на себя роль патронов, а вице-ишпаны — клиентов и брокеров, которые сами активно пользовались расположением главы родного комитата и охотно посредничали в регулировании доступа к патрону для «своих людей».

Назначение фёйшпанов, даже наследственных, формально санкционировалось королем, а копии грамот переписывались в так называемые «Королевские книги», которые для процедурных нужд вели чиновники Венгерской канцелярии. Это в свое время позволило З. Фалленбюхлю опубликовать архонтологическое исследование «Фёйшпаны Венгрии». Вице-ишпаны выбирались комитатскими дворянскими собраниями, и история их назначений может быть восстановлена только путем кропотливой работы в десятках местных архивов. Современная венгерская историография идет по пути реконструкции историй отдельных семейств, их карьер и вовлеченности в сети патроната⁴⁵. Однако сказывается отсутствие обобщающего труда, позволяющего реконструировать политическое влияние, социальный профиль и культурный облик комитатской верхушки⁴⁶.

⁴⁵ Для XVI — начала XVIII в. наибольший интерес представляют работы Петера Доминковича. См., например: *Dominkovics P. Közigazgatástörténet-családtörténet. Egy 16.-18. századi Sopron vármegyei család, a petőházi Zekék // Fejezetek Győr, Moson és Sopron vármegyék történetéből / Szerk. J. Horváth. Győr, 2000. 39–67. old.; Idem. Familiárisi szolgálat — vármegyei hivatalviselés. Egy 17. századi Sopron vármegyei alispán, gálosházi Récsey (Rechey) Bálint // Korall. 2002. 9. sz. 32–54. old.*

⁴⁶ О комитатской администрации в период реформ Иосифа II см.: *Barna A. Der wahre Diener des Staates — Verwaltungsreformen von Joseph II. in den ungarischen Komitaten. Budapest., 2006.*

Их дети традиционно были одной из главных целевых групп при распределении королевских стипендий в учебные заведения страны. Поскольку выделение такой стипендии становилось, как правило, признанием заслуг отцов, дедов, семейства в целом, то источники позволяли составить представление о тех, кого власти вознаграждали возможностью получить образование и, последовав примеру предков, поступить на государеву службу. Например, в сводном списке всех соискателей королевских стипендий за 1775 г., который Венгерский королевский наместнический совет направил для рассмотрения Венгерской королевской канцелярии, для 44 из 84 кандидатур указаны сведения о родителях. Из них почти 40% были так или иначе связаны с комитатскими администрациями, в том числе двое служили вице-ишпанами. Среди прочих родителей значились военные, судебские, почтовые и прочие служащие.

Комитат выступал коллективным просителем за своих особо заслуженных товарищей. Так, в 1780 г. в рекомендательном письме дворянского собрания комитата Сабольч содержалась просьба зачислить сына их вице-ишпана Йожефа Ницки, Иштвана, в Вацкий терезианский дворянский коллегийум: «Сей юноша происходит из древнего дворянского рода, чей отец и дед состояли на государевой службе, последний — в суде Затисского округа, а затем в Королевском суде в должности ассессора, первый — в нашем комитате сначала в городском фиске (казне), затем — в должности второго вице-ишпана»⁴⁷. Роль комитата как коллективного патрона становилась еще очевиднее, когда речь шла о сиротах, за воспитание которых дворянская корпорация чувствовала себя в ответе. В бумагах Наместнического совета хранится немало писем, подобных этому: «Комитат Криза рекомендует принять дворянских детей Имре Зидарича и Йожефа Вишшака, рожденных от обедневших, к тому же ныне покойных родителей, в какую-нибудь семинарию, чтобы те могли продолжить учебу»⁴⁸.

Характерный пример того, как отношения патроната простирались от комитатских собраний до боевых полков габсбургской армии, встречается в переписке двух генералов и шефов, соответственно, кавалерийского и пехотного

⁴⁷ MNL OL. C 67. 1780. Universitas Budensis. Fasc. 12. 182 cs. N 2.

⁴⁸ Ibid. N 13.

полков — графа Имре Эстерхази и графа Антала Каройи. Последний обратился с дружеской просьбой о зачислении кадетом молодого барона Лепеля, но получил отказ по следующей причине: «После недавних изменений в кавалерии стало ясно, что юноше из такого знатного рода не приходится рассчитывать на быстрое продвижение по службе, тем более что наряду с другими кадетами в моем полку уже служат пять вице-ишпанских сыновей, и после расформирования эскадрона ни у кого из них не остается надежд на новый чин»⁴⁹.

Венский двор отдавал себе отчет во всесии комитатских администраций. Не случайно В.А. Кауниц в своем знаменитом, часто цитируемом историками восточном труде писал: «Мы обязаны, судя по обстоятельствам, заполучить в союзники комитаты, чтобы ваше величество могли там рассчитывать на поддержку в лице вице-ишпанов и среднего дворянства. Таким образом, надлежит направить усилия в нужное русло, т.е. не на совокупность сословий [Государственное собрание. — О.Х.], которые безнадежны, но на составные части. Когда мы преуспеем в этом, придет время задуматься о целом. Через несколько лет, если будем благоразумны и упорны, мы пожнем неплохие плоды. Но следует проявлять твердость: мольбы о снисхождении и милосердии ничего не стоят. Пусть вознаграждение и наказание следуют по делам»⁵⁰.

Одним из самых успешных начинаний венского двора в этом направлении стало создание в 1760 г. венгерской дворянской лейб-гвардии. Туда, по рекомендациям комитатов, зачисляли молодых дворян, чтобы они — после нескольких лет службы, вращения в придворной среде, посещения, при желании, лекций в Венском университете и специальных, организованных для гвардейцев занятий по политико-камеральным наукам и иностранным языкам — сделали выбор между военной и статской карьерой. Для комитатских элит делегирование сыновей в венгерскую лейб-гвардию казалось заманчивой возможностью обеспечить своим детям уникальный шанс обрести свое место в габсбургской армии, одном из центральных учреждений исполнительной власти или, по возвращении, в родном комитате.

⁴⁹ И. Эстерхази — А. Каройи, Кашша, 14.VI.1771 // MNL OL. P 398. 37. d. N 16734.

⁵⁰ Цит. по: *Ember Gy.* Magyarország és az Államtanács első tagjai // Sz. 1935. 69. évf. 664. old.

Как следствие, подавляющее большинство гвардейцев происходило из семей, не одно поколение контролировавших комитатские администрации. Хорватский дворянин Ласло Радичевич — в скором будущем лейб-гвардеец — писал: «Общеизвестно, что наш род всегда был дворянским; это подтверждается и тем, что отец мой до последних дней жизни занимал в Загребском комитате должность исправника, а ныне на ней служит его брат и мой дядя <...> ссылаюсь также на епископа Пакши, знавшего меня с детских лет <...> и не следует забывать, что я состою в родстве с покойным Загребским епископом Тауси»⁵¹. К сожалению, в биографическом лексиконе Кальмана Хеллебронта нет сведений о должностях отцов гвардейцев⁵², поэтому точные подсчеты потребуют кропотливых просопографических изысканий. Однако нет сомнений, что комитаты, наряду с фёйшпанами, выступали в качестве коллективного патрона, спонсировавшего ранний карьерный старт сыновей своих влиятельных членов.

Рассмотрим типичную карьеру дворянского сына Михая Чергё (1738–?) из комитата Абауй. Его отец — комитатский нотариус — умер, когда мальчику едва исполнилось три года. При поддержке коллег покойного родителя мальчик получил образование, занял скромную должность в комитатской администрации, а когда ему минул 22-й год, одним из первых отправился в Вену — служить в лейб-гвардии, где провел 11 лет. Пребывание в столице не прошло для венгра даром. Сам он писал об этом периоде так: «Я не терял ни единого часа, но использовал время, свободное от моих прямых обязанностей, для изучения естественного права и права народов [т.е. международного права. — О.Х.], камеральных наук под руководством профессора Зонненфельса и, что немаловажно, сделал заметные успехи в немецком и итальянском языках; и все это, чтобы с куда большим рвением стать еще более полезным вашему величеству»⁵³. Красноречие возымело свое действие: выйдя в отставку, он

⁵¹ Л.И. Радичевич — Ф. Надашди, Вена, 9.VIII.1771 // MNL OL. P 507. 39. cs. N 609.

⁵² См.: *Hellebronth K.* A magyar testőrségnek névkönyve, 1760–1918. Budapest, 1940.

⁵³ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1. Kt. 7. Konv. 2: Ratsgremium. N 63 ex Aug. 1771. Fol. 61r.

вскоре получил должность младшего секретаря в Венгерской казенной палате, где прослужил до 1783 г.⁵⁴

Пример того, как вице-ишпан мог войти в ряды венгерской аристократии, демонстрируя поразительную гибкость при форсировании горизонтальной и вертикальной мобильности, дает карьера президента Сепешской казенной палаты графа Йозефа Тёрёка (1714–1777). Он родился в мелкодворянской семье и первые шесть лет (1748–1754) служил в должности вице-ишпана комитата Боршод. Затем переехал в Пресбург и четыре года трудился в Королевском наместническом совете. Тёрёк взял в жены баронессу Катарину Пфеферсховен, дочь влиятельного чиновника, и таким образом породнился с бюрократическими элитами монархии. Следующие 11 лет он прослужил в Венгерской придворной канцелярии — главном совещательном органе при монархе. Несомненно, Тёрёк оказался усердным, деятельным и компетентным управленцем, что подтверждает его назначение в 1769 г. в Сепешскую казенную палату⁵⁵, которую он за два года до выхода на пенсию возглавил в качестве президента. Это был финансово-административный орган с центром в Кашше, подчинявшийся Венской придворной казенной палате и созданный для управления восточными областями Венгерского королевства. После того как Габсбурги в середине XVI в. установили контроль над частями Венгерского королевства, которые не были покорены османами и не попали в вассальную зависимость, они принялись выстраивать там систему фискального и административного управления. Для более эффективного контроля над отдаленными частями королевства в дополнение к Казенной палате в Пресбурге в первые годы XVII в. и была создана Сепешская казенная палата. Свое название она получила от комитата Сепеш, который также известен под своим немецким именем Ципс (по-словацки Спиш).

Признание заслуг Тёрёка последовало в форме наследственного графского титула и зачисления на службу в Казенную палату его сына Лайоша. Косвенным свидетельством успешности покойного графа Тёрёка, может служить

⁵⁴ См.: *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVIII. században* // 299., 319. old.; *Idem. A Magyar Kamara tisztviselői II. Józseftől a polgári forradalomig.* 348. old.

⁵⁵ См.: *Fallenbüchl Z. A Szepesi Kamara tisztviselői XVII-XVIII. században* // *LtK.* 1968. 38. évf. 2. sz. 193–236. old.

то обстоятельство, что вдове отказали в назначении пенсии. Реестр принадлежащей ей движимой и недвижимой собственности не оставлял у властей сомнений: она не относилась к числу нуждающихся⁵⁶.

Гражданин «Республики Клиентов». Большинство дошедших до наших дней писем клиентов или посредников не позволяют реконструировать историю взаимоотношений с патроном во всей полноте. Удача ожидает ученого, когда в руки попадают компактные эпистолярные коллекции, по которым можно восстановить взаимодействие клиента с патроном или патронами на протяжении нескольких лет. Таковы письма советника и регистратора Венгерской королевской канцелярии Михая Ваша (?–1789): работая в Вене, центре принятия решений и возникновения слухов он имел возможность оказывать услуги многим аристократам и, как следствие, пользоваться их благоволением и покровительством. Особенно незаменимым он стал для тех, кто большую часть года проводил в провинции или в постоянных разъездах. В семейных архивах баронов Халлеров, графов Баттяни, Брунсвиков, Дежёфи, Каройи хранятся письма чиновника, в которых он отчитывался в выполнении поручений, о чем-то просил, перечислял венские новости и сплетни.

М. Ваш родился в Дёнъдеше, что в комитате Хевеш, в семье городского судьи и сборщика налогов предположительно между 1710 и 1715 гг. Не сохранилось данных, где он учился, но можно предположить, что он окончил университет, поскольку в дворянской грамоте, изданной в 1741 г., говорилось: «Проявляя интерес к политическим наукам, добился столь выдающихся успехов, что в 1734 г. был принят писцом в Венгерскую королевскую канцелярию»⁵⁷. Нет информации и о том, при каких обстоятельствах молодой человек познакомился с графом Лайошем Баттяни — королевским кравчим (1723–1751) и венгерским канцлером (1733–1746), а с 1751 г. и до своей кончины — надором⁵⁸. Но в одном из пи-

⁵⁶ См.: *ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27: Kaschauer Kameraladministration.* Kt. 1905. Subd. 1. N 130 ex Dez. 1773. Fol. 233r; Fasz. 29: Pensionen. Kt. 1955. N 26 ex Jun. 1777. Fol. 239–240.

⁵⁷ *MNL OL. A 57. 38. köt. 27. old.*

⁵⁸ *Надор* (венг. *nádor*), или палатин (лат. *palatinus*), — королевский наместник, первая государственная должность в сословной иерархии

сем Ваш упоминал, что именно по его милости был принят в штат ведомства. В 1746 г. с помощью своего покровителя Ваш попытался получить вакантное место в окружном суде в Дебрецене⁵⁹: «Смиренно прошу ваше сиятельство, соблаговолите, как уже делали не раз, явить мне свою милость и в письме г-ну графу Миклошу Палфи упомянуть обо мне <...>. Я не сомневаюсь, что в короткий срок смогу освоиться в новой должности»⁶⁰. Вряд ли это была единственная подобная попытка, но, в конце концов, чиновник так и остался служить в канцелярии до самого 1784 г., когда его разбил апоплексический удар. Заслуженного советника, отдавшего ведомству полвека, отправили на почетную пенсию с сохранением в полном объеме жалованья, а император Иосиф II наградил его почетной золотой медалью на цепи⁶¹.

Хотя в служебные обязанности Ваша входило вести делопроизводство на латинском и немецком языках, письма он писал исключительно по-венгерски. По ним можно судить, как функционировала система патроната, в каких случаях покровитель мог рассчитывать на клиента, в чем мог оказать помощь, как отблагодарить. Как образцовый клиент, Ваш неустанно твердил о своей верности, не забывал пожаловаться на свою бедность, не упускал возможности пересказать самые последние новости. Для тех, кто стоял на низких ступенях социальной лестницы, именно новости давали возможность повысить свой символический капитал в глазах патрона⁶². Не случайно, что многие свои письма Ваш заканчивал словами: «Больше никакими новостями не могу польстить вашему сиятельству».

Венгерского королевства. Л. Баттяни стал последним представителем венгерской аристократии на этом посту. После его смерти в 1765 г. пост занимали члены Габсбургского дома.

⁵⁹ К графу Лайошу Баттяни часто обращались с подобными просьбами. В 1754 г. о должности председателя окружного суда в Кёсеге для себя ходатайствовал (и получил ее) Антал Аделфи. См.: А. Аделфи — Л. Баттяни, 19.XI.1754, Регеде // MNL OL. P 1314. N 55163.

⁶⁰ М. Ваш — Л. Баттяни, 2.VII.1746, Вена // MNL OL. Ibid. N 104712.

⁶¹ См.: MNL OL. A 39. 8481/1784.

⁶² См., например: Pál J. Karrier a «tudatlanság földén». Egy főúri kliens a 18. század közepén Kelet-Magyarországon // Sz. 2007. 141. évf. 6. sz. 1407–1454. old.; Eadem. Az állam és a patrónus szolgálatában. 179–205. old.

Самая богатая подборка писем, написанных между 1749 и 1777 гг., 60 эпистол, адресована барону Шамуэлю Халлеру⁶³. Из них следует, что наряду со своими официальными агентами в столице аристократы охотно пользовались услугами Ваша. Он заказывал Халлеру мебель и платье, искал в канцелярском архиве требуемые акты и дипломы, помогал реализовывать зерно и вино из баронских поместий, помогал выгодно ссудить деньги, подбирал подходящих людей для тех или иных поручений. В отличие от других патронов, с Халлером чиновника связывала не только клиентская верность, но и общая малая родина. В одном из писем Ваш просил: «Если уродится у вас виноград, соблаговолите припасти для меня бочонок из Вишонты, чтобы вновь вкусил я, пока хожу по этой земле, вина моей родной земли»⁶⁴.

Отставной генерал Халлер, живший в далеком Дёньдёше, благодаря письмам Ваша мог почувствовать себя в центре бурной светской жизни Вены. У этих писем была двоякая функция: отчитаться в исполнении поручений и поведать новости, которые могут стать поводом для новых поручений. Большинство новостей касалось двора, правительственных ведомств и армии. Поскольку королевские декреты относительно Венгрии готовились именно в канцелярии, из писем Ваша генерал Халлер точно знал о вакансиях, соискателях должностей и назначениях. Так как клиенту не был безразличен общественный вес патрона, в одном из писем Ваш выражал пожелание, чтобы Халлер выставил свою кандидатуру в Государственное собрание королевства. Далее Ваш информировал Халлера о событиях при дворе, будь то здоровье императрицы, рождение эрцгерцогов и эрцгерцогинь, свадьбы, болезни, похороны аристократов. Не забывал чиновник и о том, о чем говорила вся Вена, например о чудесных опытах доктора Ф.А. Месмера (1734–1815)⁶⁵. Особого

---

⁶³ Ваш не был единственным клиентом и информатором Ш. Халлера. Подобно Вашему, проживавший в Пресбурге и работавший в Венгерском королевском наместническом совете Иштван Гостони отчитывался из административной столицы Венгрии о примечательных событиях, выполнял поручения, просил об ответных услугах. См.: MNL OL. P 527. Missiles. II. 16 cs. Gosztonyi István.

⁶⁴ М. Ваш — Ш. Халлеру, Вена, 29.X.1765 // MNL OL. P 527. Missiles. II. 18 cs. Vass Mihály.

⁶⁵ См., например: М. Ваш — Ш. Халлеру, Вена, 17.I.1775 // Ibidem.

упоминания заслуживали наводнения, пожары и иные катастрофы (например знаменитое землетрясение 1763 г.).

Широкий круг знакомств позволял Вашу рекомендовать подходящих исполнителей для различных должностей или разовых поручений. При социальном порядке, где еще не было ни системы народного образования, ни требования предоставлять сертификат об образовании и квалификации, публичный или частный наем был невозможен без разветвленной сети клиентов-посредников. Они, лавируя между nepотизмом и меритократией, рекомендовали патронам наиболее подходящих субъектов⁶⁶, потому что их собственное реноме зависело от того, насколько протееже отвечал выдвигавшимся требованиям. Михай Ваш серьезно брался за такие задания в том числе потому, что благодетельствованный кандидат становился и его клиентом. В одном письме он так рекомендовал выпускника Венской инженерной академии Иштвана Киша: «О нем, положи руку на сердце, могу сказать Вашей светлости, что поведения он примерного, обладает хорошей подготовкой и вообще порядочный молодой человек, знает венгерский язык, немного по-французски, гораздо лучше владеет латинским и немецким»⁶⁷. Из более позднего письма становится известно, что молодой человек поступил в полк брата Ш. Халлера. В другом же случае чиновнику приходилось признать: «Юношу, сколько-нибудь пригодного для секретарской работы, найти не так легко, у меня на примете такого нет; если же встретится, тут же отпишу Вашей светлости»⁶⁸.

В обществе, где заслуги родителей становились отправной точкой и прочным фундаментом для карьеры их детей, отцы использовали систему патроната, чтобы помочь взрослым сыновьям получше устроиться. Ваш никогда не забывал о необходимости позаботиться о будущей карьере сыновей. Старший Пал вслед за отцом избрал профессию чиновника. Поучившись в Трнавском университете, он год набирался практического опыта в комитатской администрации Нитры,

⁶⁶ См., например: *Fischer W.* Rekrutierung und Ausbildung von Personal für den modernen Staat. Beamte, Offiziere und Techniker in England, Frankreich und Preußen in der frühen Neuzeit // *Studien zum Beginn der modernen Welt* / Hrsg. von R. Koselleck. Stuttgart, 1977. S. 194–217.

⁶⁷ М. Ваш — Ш. Халлеру, Вена, 3.IX.1771 // MNL OL P 527. Missiles. II. 18. cs.

⁶⁸ М. Ваш — Ш. Халлеру, Вена, 27.X.1767 // *Ibidem*.

затем помогал патрону отца советнику Анталу Брунsvику (1709–1780) проводить крестьянскую реформу в нескольких комитатах, потом трудился в штате персонала Йозефа Урмени, пока, наконец, в 1775 г. Михай Ваш не выхлопотал для него место в Королевской канцелярии⁶⁹.

Сын Михай не желал быть никем, кроме гусара, поэтому отправился служить не в пехотный полк Халлера, а в кавалерийский, под начало Игнаца Алмаши. Заботливый отец писал барону: «Соблаговолите, ваша светлость, дать сынку моему отеческое наставление, как ему, новичку, вести себя там. <...> Может быть, сведете его с семейством Штёссель, а еще лучше — поможете, чтобы он услужил ее светлости баронессе Балашша»⁷⁰. Старик Халлер не забывал сына своего клиента, посылал ему в подарок породистых лошадей, кавалеристскую экипировку и не в последнюю очередь эгерские вина. Молодой же офицер, который к 1775 г. был произведен в чин майора, время от времени навещал благодетеля в Дёньдёше.

О двух младших сыновьях Михая Ваша известно лишь то, что они в 1770-е гг. обучались в дворянских конвиктах Трнавы, в 1777 г. одного из них приняли во вновь открытую Терезианскую академию в Буде. В свое время самому чиновнику (несмотря на многочисленные попытки) не удалось пристроить сыновей на престижные стипендии⁷¹ в венский Терезианум, зато о детях обучавшихся там патронов он проявлял подлинно отеческую заботу, о чем и отчитывался в письмах к Шамуэлю Дежёфи или Анталу Брунsvику. Чиновник давал пансионерам деньги в долг, заказывал для них у портного платье, снабжал кофе и вином, подбадривал в дни телесных недомоганий⁷².

Если в прошениях на высочайшее имя о выделении сыновьям королевских стипендий Ваш представлялся маленьким человеком, ведущим ежедневную борьбу с дороговизной и безденежьем, то его письма к патронам несколько

⁶⁹ См.: MNL OL. A 39. 5352/1774.

⁷⁰ М. Ваш — Ш. Халлеру, Вена, 3.VII.1768 // MNL OL P 527. Missiles. II. 18. cs.

⁷¹ См.: MNL OL. A 34. 205/1762.

⁷² Подробнее см.: *Khavanova O.* Egy magyar úrfi a bécsi Tereziánumban. Dessewffy István szellemi világa és mindennapi gondjai // *Redite ad cor. Tanulmányok Sahin-Tóth Péter emlékére* / Szerk. L. Krász, T. Oborni. Bp., 2008. 387–394. old.

корректируют этот образ. У дёнъдешского мещанина, возведенного в дворянство, была усадебка в Нежидере. Одно время он помышлял о том, чтобы продать ее и купить другую, на своей малой родине. Этими планами он делился с Халлером: «Если у Вашей светлости есть какой-нибудь клочок земли, в котором у Вас самого не было бы нужды, позвольте мне взять его в кредит на несколько лет, я бы охотно дал за него несколько тысяч форинтов»⁷³. После роспуска в 1773 г. Общества Иисуса чиновник намеревался прикупить участок из конфискованной у иезуитов земли, но отказался из-за высокой цены, запрошенной Венгерской казенной палатой: «Упаси меня Господь войти в такие расходы и оставить бедным моим деткам одни долги»⁷⁴.

Выше уже шла речь о символической Республике Ученых с ее иерархией авторитетов, члены которой обменивались книгами, рекомендациями, информацией. Можно сказать, что в обществах раннего Нового времени было и другое виртуальное государство — «Республика Клиентов». Сотни таких мелких чиновников, как Михай Ваш, были ее незаметными, но весьма деятельными гражданами.

Сыновья своих отцов

Итак, в основе патроната лежала делящаяся не одно поколение связь между влиятельными сановниками и их мелкодворянской и разночинской клиентелой. Следствием этого нередко становилось стремление отцов использовать доступные средства, в том числе влияние своих патронов, для того, чтобы помочь сыновьям интегрироваться в чиновничью среду и даже передать должность по наследству. Поступать так им позволяла широко распространившаяся в монархии Габсбургов XVIII в. практика накопления наследования заслуг, о чем подробнее речь пойдет ниже. Когда возникла эта практика, историкам еще предстоит установить. Очевидно лишь то, что на протяжении всего столетия

⁷³ М. Ваш — Ш. Халлеру, Вена, 7.X.1768 // MNL OL P 527. Missiles. II. 18. cs.

⁷⁴ М. Ваш — Ш. Халлеру, Вена, 31.III.1775 // Ibidem.

отцы-чиновники были уверены, что их преданность, исполнительность, безотказность будут вознаграждены в их детях. Вот несколько примеров из прошений разных лет.

В 1729 г. Франц Клемер, испрашивая должность вековщика в соляной конторе, писал: «Ваше высокографское сиятельство и Ваши милости заботятся, дабы при назначениях на те или иные камеральные посты⁷⁵ всякий раз милостивое внимание обращалось на тех, чьи отцы и деды снискали заслуги на императорской службе»⁷⁶. В 1750 г. советник Венгерской казенной палаты Карой Конкей, прося о зачислении своего сына в штат ведомства, расточал похвалы: «С одной стороны, заслуги родителей по обыкновению переводятся на сыновей, особенно тех, кто, следуя примеру славных своих отцов, стремятся отличиться перед августейшим Австрийским домом; с другой стороны, нигде на свете не ведома такая милость, которую мы с восторгом почитаем в сем августейшем доме»⁷⁷. В 1752 г. юрист Михай Блашкович, желавший получить должность таможенного инспектора, выражал уверенность: «Отец продолжает жить в своем сыне, и милость Ее Величества, подобно ее славным предшественникам, распространяет заслуги отцов на пока еще не столь достойных сыновей»⁷⁸. Йозеф Тиммер в ходатайстве утверждал: «У Вашего Величества давно заведено воздавать детям за заслуги родителей»⁷⁹.

О том, что речь идет не о пустых ожиданиях, свидетельствуют вотумы начальников центральных ведомств, подававшие государю для принятия окончательного и взвешенного решения. Например, в 1752 г. по поводу Габора Копронаи, назначавшегося таможенником в Уйхей, было сказано: «Не только его собственная верная служба, но и добрые заслуги отца дают основания полагать, что он и далее будет приносить пользу в этой должности»⁸⁰. В 1761 г. об Антоне Радле, сыне налогового инспектора из Сакольцы, говорилось:

⁷⁵ *Камеральные* — т.е. имеющие отношение к Казенной палате (лат. *Camera*, нем. *Kammer*).

⁷⁶ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1407. 15. Mar. 1729. Fol. 238r.

⁷⁷ Ibid. Kt. 1865. 30. Jun. 1750. Fol. 335r.

⁷⁸ Ibid. Kt. 1895. 18. Oct. 1752. Fol. 224r.

⁷⁹ Ibid. ÖK. Fasz. Nr. 2143. N 57 ex Aug. 1775. Fol. 804r.

⁸⁰ Ibid. HFU. Kt. 1896. 7 Nov. 1752. 264r.

«За то, что набрался опыта в сборе тридцатинного налога⁸¹, за отцовские и собственные, снисканные на воинском поприще, заслуги»⁸². В 1762 г. чиновник Венгерской казенной палаты Карл Мет удостоился замечания: «Как его собственные достоинства, так и (в общей сложности) деда и отца его 60 лет службы требуют вознаграждения в потомстве»⁸³.

У подобной практики, являвшейся по сути частным случаем спонсированной мобильности, были, конечно, свои издержки. Сыновья, которым должность доставалась «авансом», в счет будущих заслуг, с трудом интегрировались в среду, где карьерный рост был результатом медленного восхождения по ступенькам служебной лестницы. В 1754 г. генерал граф Надашди проводил инспекцию гусарских полков и по поводу барона Габора Шплени (1728–1816) — сына генерала Габора Антала (1690–1762) — в отчете записал: «В полку служит майор — сын шефа полка, который пока еще совсем молодой человек, но талантливый офицер, которому, чтобы достичь совершенства на избранном поприще, было бы желательно перейти в какой-нибудь другой полк»⁸⁴.

Пример тому, какие конфликты могли воспоследовать, если сын делал карьеру под началом отца, — молодой граф Лайош Тёрёк. Он попал в Камеральную администрацию в Кашше по протекции родителя, который лично хлопотал за него перед императрицей. Помимо прочего, Тёрёк-старший утверждал: юноша «овладел не только науками, необходимыми для жизни в обществе, но и получил наставление в важнейших дисциплинах, таких как немецкий и французский языки, практические предметы, касательные до камеральных наук, наконец, делопроизводство в сфере публичной администрации, в котором он, находясь при мне, постоянно практиковался»⁸⁵. Работа в Сепешской казенной палате (с 1774 г. — Камеральной

⁸¹ Тридцатинный налог, или тридцатина, — разновидность адвалорной (стоимостной) таможенной пошлины, взимавшейся со стоимости импортных товаров в момент их ввоза в страну. Известен с XIII в., однако размер и порядок взимания тридцатины с тех пор неоднократно менялись.

⁸² ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2029. 12. Aug. 1761. 226v.

⁸³ Ibid. Kt. 2051. 2. Okt. 1762. 113v.

⁸⁴ *Sebestyén J. Adatok gróf Nádasdy Ferenc tábornagy életrajzához (1709–1783) // HtK. 1917. 22. old.*

⁸⁵ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1905. Subd. 1. N 150 ex Dec. 1773. Fol. 233r.

администрации) считалась особенно сложной: ее чиновники обслуживали край, где располагались шахты, соляные конторы, таможенные пункты; население вольных королевских городов занималось разными видами предпринимательства. В крае проживало полдюжины народностей, говоривших на разных языках. В 1771 г. к администрации приписали 16 сепешских городов, полученных (возвращенных Венгрии) в канун первого раздела Польши. Вместо того чтобы терпеливо перенимать опыт, молодой человек после смерти отца пошел по пути открытого конфликта со старшими коллегами, стал жаловаться на их недостаточное к себе уважение высокому венскому начальству. Те обратились к президенту палаты графу Эрдеди с ответной жалобой, в которой перечислили случаи, когда честолюбивый коллега проявил некомпетентность, чем вызвал не только нарекания в ведомстве, но и поставил под угрозу интеграцию 16 городов в финансовую систему Венгрии⁸⁶.

Пример того, как высокопоставленный родитель открыто протезировал собственному сыну, являл лично президент Венгерской казенной палаты граф А. Грашшалкович. Этот мелкий дворянин, проявивший незаурядную ловкость при исполнении государственной казны и накоплении личного имущества, сделал одну из самых головокружительных карьер в истории Венгрии: начав как мелкий служилый дворянин, он умер наследственным графом. В 1755 г. Грашшалкович устроил сына, тоже Антала, сразу на должность советника Казенной палаты, а в 1759 г. добыл для него должность фёйшпана комитата Бодрог⁸⁷. Того, впрочем, мало интересовали обязанности службы, в комитате он практически не появлялся, на заседания в Казенную палату ходил неохотно.

Вскоре после смерти отца Грашшалкович-младший под предлогом заботы об овдовевшей матери, жившей в родовом дворце Гёдёллэ, испросил личного дозволения императрицы отсутствовать в Пресбурге. Государыня постановила: «Я не возражаю, чтобы он во всем служил опорой своей матери и чаще отлучался к ней без специального разрешения, но пусть отсутствует не более месяца, чтобы оставаться в курсе дел»⁸⁸.

⁸⁶ См.: Ibid. Fasz. r. Nr. 592. Subd. 1. N 102 ex Mar. 1777.

⁸⁷ См.: *Fallenbüchl Z. Grassalkovich Antal. Gödöllő, 1996.*

⁸⁸ ÖStA. FHKA. UK. Hofresolutionsprotokolle Ungarn & Siebenbürgen. Bd. 110. 1772–1773. Fol. 15.

Советник жил на широкую ногу, больше думал о домашнем театре, который построил еще отец, чем о скучных заседаниях в Казенной палате или делах вверенного ему комитата. Денег, скопленных отцом, хватило на то, чтобы купить семье наследственный титул графов Священной Римской империи, однако равнодушные к публичной карьере и неумение строить отношения в венском придворном обществе привели к тому, что в XIX в. семейство практически сошло с политической и общественной сцены монархии.

Для сотен безвестных малоимущих чиновников, трудившихся в центральных или местных ведомствах, устройство сыновей — по своим стопам — в административный аппарат было таким же актом отеческой заботы, как для богатых Тёрёков и сказочно богатых Грашшалковичей. С той только разницей, что от желания и умения сыновей овладеть секретами профессии зависело их личное благосостояние, их способность самостоятельно зарабатывать на жизнь. Наследование рода деятельности было в раннее Новое время широко распространенной социальной практикой: историкам известны офицерские, купеческие, чиновничьи династии. Власти с пониманием относились к стремлению отцов передать свою профессию сыновьям по наследству: дети заслуженных, но бедных чиновников пользовались преимущественным правом (по крайней мере, номинально) при зачислении в учебные заведения на королевские стипендии, их принимали на службу из сострадания к поседевшим на государственной службе отцам. Однако таких стипендиальных мест было крайне мало, за них мелким провинциальным чиновникам приходилось конкурировать друг с другом и с высокопоставленными коллегами, причем чаще — проигрывать.

Иоганн Георг Прунер (1714–?) служил налоговым контролером в далекой приграничной Градиске, затем перевелся приемщиком в соляную и таможенную контору в Земьен в Южной Венгрии, долгие годы добивался назначения в славонский Эсек. Чужак в венгерской административной элите, Прунер не был связан ни с комитатским дворянством, ни с влиятельными аристократами, стоявшими во главе камеральных ведомств. В столь отдаленных краях и на скромное жалованье ему было трудно дать образование единственному сыну — Антону Георгу. О том, что семейство не бедствовало, говорит хотя бы то обстоятельство, что Иоганн Георг при назначении в Эсек с готовностью внес в казну требуемый залог.

Сын с 1765 г. работал безвозмездно сначала как помощник отца, затем при администраторах приписанных к Казенной палате имений. По этому поводу отец с горечью писал: «Мне приходится делить с ним свой хлеб, что обременительно для меня, но еще тяжелее — для него, потому что он чувствует себя в состоянии быть полезным тому королевству, в котором родился»⁸⁹.

Молодой человек неоднократно подавал прошения о найме в Зомборскую камеральную администрацию. В первый раз ему ответили, что, пока он не улучшит свой почерк⁹⁰, должности канцеляриста ему не видать. Во втором ходатайстве, в 1775 г., Антон Прунер писал: «В то время я не знал о введении новых правил чистописания [возможно, речь идет о введении делопроизводства на немецком языке. — О.Х.], но сразу налег на тщательное написание букв и употребление слов, так что надеюсь в скором времени усидчивостью и старанием достичь совершенства»⁹¹. Это ходатайство тоже осталось без последствий. Год спустя вице-президент Казенной палаты весьма неопределенно писал: «Что касается устройства молодого Прунера, после того как он семь лет проработал в сфере управления казенными именьями, пусть его знания и прочие качества при первой же возможности будут приняты во внимание»⁹².

В прошении от 1775 г. Прунер-отец ссылался на некий декрет Марии Терезии, в котором та якобы повелевала в случае образования вакансий в Венгерской казенной палате обращать преимущественное внимание на сыновей камеральных служащих, если те обладают необходимыми качествами, и предпочитать их иным кандидатам. Далее он писал: «Если

⁸⁹ Ibid. Fasz. r. Nr. 612. Subd. 3. N 19 ex Sept. 1776. 114r.

⁹⁰ При зачислении в штат Венгерской канцелярии сына Пала Марковицки, Ференца, отмечалось: «как за пригодность почерка, так и за заслуги отца, многие годы к полному удовлетворению [начальства] служащего в этом ведомстве» — MNL OL. A 39. 5735/1773. В 1792 г., по поводу замещения вакантной должности в том же ведомстве, говорилось, что «требуется индивиды, которые наряду с похвальными моральными качествами обладают *хорошим, правильным почерком* [курсив мой. — О.Х.]» — MNL OL. A 39. 1520/1792.

⁹¹ MNL OL. E. 47. 18. cs. N 141 ex Maj. 1775.

⁹² ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29: Jubilationen. Kt. 1954. Subd. 3. N 19 ex Sept. 1776. Fol. 120r.

также является правдой то, что работники Казенной палаты, честно прослужившие 30 лет, имеют право испросить себе особую милость, я могу и смею надеяться, что государево распоряжение распространится также на меня и моего сына»⁹³. К сожалению, следов декрета с таким или подобным содержанием обнаружить не удалось⁹⁴. Однако практика поддержки чиновничьих династий, несомненно, существовала. С одной стороны, у властей были веские основания не препятствовать ее внедрению, а с другой — приходилось опасаться ее слишком широкого распространения.

Пример удачной интеграции сыновей в административные элиты дает семейство Какони. Этот мелкодворянский род гордился тем, что их предок погиб в 1526 г. в знаменитой битве при Мохаче, защищая королевство от османов. Приставка к имени — Вершеги — говорит о том, что, в отличие от других носителей распространенной фамилии Какони, эти происходили из деревни Вершег, что на границе комитатов Пешт и Ноград. Известно, что Ференц Какони более 40 лет прослужил в Венгерской казенной палате. Он начал в 1715 г. со скромной должности акцессиста, в 1718 г. перешел в канцелярию Казенной палаты, с 1725 по 1728 г. был приписан к Комиссии по вновь приобретенным территориям (*Commissio Neoaquistica*), занимавшейся наведением фискального порядка на землях, отвоеванных у османов на рубеже XVII–XVIII вв. С 1728 г. и до самой смерти в 1759 г. чиновник трудился в должности камерального регистратора, причем с 1753 г. в номинальном чине советника.

У Ференца Какони от жены Катарины Сёдени родилось пятеро сыновей и две дочери. Двое старших — Игнац и Матяш еще при жизни отца поступили на службу в Венгерскую казенную палату: первый — в 1739 г., второй — в 1755 г. В 1741 г., когда началась война за Австрийское наследство (1740–1748), Игнац записался в дворянское ополчение, но уже в 1744 г. вернулся в Казенную палату, где его направили в Комиссию по вольным королевским городам. Когда в 1751 г. в таможенную Нежидере потребовался новый инспектор, Игнац, обойдя

⁹³ MNL OL. E. 47. 18. cs. Nr. 141. ex Maj. 1775.

⁹⁴ Чиновники Венгерской казенной палаты вели специальные книги учета императорско-королевских резолюций по частным и общим вопросам, которые, как при прецедентном праве, служили источником легитимации тех или иных более поздних решений. См.: ÖStA. FHKA. UK. Hofresolutionsprotokolle Ungarn und Siebenbürgen. Bd. 107–111.

двух более опытных конкурентов, получил туда назначение. В этой должности он прослужил до выхода на пенсию в 1772 г. Причиной относительно ранней отставки стал ущерб здоровью, полученный в 1766 г. во время сильного пожара. По свидетельству хирурга, Игнац Какони испытывал телесные боли, зрение его ослабло настолько, что чиновник не мог больше работать при свете свечи. Его брат Матяш дождался подобного назначения в 1762 г., когда аналогичная вакансия открылась в городе Вагуйхей. После семи лет в Казенной палате, где он не отказывался ни от одного поручения и трудился сверхурочно, лишь бы заработать себе доброе имя, Матяш гордо писал о своей квалификации: «Считаю себя достаточно способным для руководства этой конторой, где требуются не только верность и усердие, но и широкие познания»⁹⁵.

О третьем сыне Ференца Какони известно лишь то, что он служил почтмейстером. Четвертый сын, Антал, в юности выбрал карьеру военного. За 15 лет службы он прошел путь от кадета до обер-лейтенанта, но во время Семилетней войны (1756–1763) попал в прусский плен, подорвал здоровье, и доля в отцовском наследстве ушла на лечение. В 1768 г., выйдя в отставку, офицер решил пойти по стопам отца и старших братьев. Прощение о назначении его таможенным инспектором в Ваце руководству Казенной палаты подала его мать как вдова заслуженного камерального чиновника. Однако ей не удалось убедить руководство, что ее сын — отставной военный, владеющий шестью языками, изучивший философию и право и готовый, по примеру «предков, братьев и многих родственников», служить в Казенной палате⁹⁶. Из-за отсутствия практического опыта и специальных знаний Анталу Какони рекомендовали попытаться счастья в каком-либо военном ведомстве. Сходным образом, когда в 1775 г. вдова вновь попробовала пристроить пятого, самого младшего сына Ференца в один из центральных органов исполнительной власти, на заседании Казенной палаты постановили, что «сын просительницы из-за отсутствия необходимых познаний в немецком языке и чистописании не может быть нанят в Казенную палату»⁹⁷.

⁹⁵ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2044. 6. Maj. 1762. Fol. 81r.

⁹⁶ См.: Ibid. UK. Fasz. 13: Fiscalitäten in genere. Kt. 570. Subd. 1. N 76 ex Apr. 1768. Fol. 529v.

⁹⁷ MNL OL. E 47. 3. köt. 84. Session. 15.XII.1775. N 16.

Раннее поступление двух старших сыновей Ференца Какони на камеральную службу позволило им, опираясь на фундамент отцовской репутации, сделать самостоятельную карьеру. К концу 60-х гг. XVIII в., когда у братьев Какони подросли дети, повсеместно в монархии Габсбургов открывались учебные заведения с углубленным изучением политико-камеральных наук и соответствующими стипендиальными квотами для сыновей камеральных служащих. Например, из прошения Игнаца Какони следует, что в 1769 г. его двенадцатилетний сын Пал обучался в Сенцском политико-экономическом коллегииуме⁹⁸ (правда, не как стипендиат, а как платный воспитанник⁹⁹). В Королевско-епископском конвикте в Трнаве в конце 70-х гг. XVIII в. королевскими стипендиатами были сыновья Матяша — Ференц и Игнац Какони¹⁰⁰. По всей вероятности, именно к этому семейству принадлежал и Йожеф Какони, который с 1782 по 1792 г. служил в Венгерской королевской канцелярии. Однако судьба его сложилась крайне несчастливо. Из-за душевного расстройства, вылечить которое врачи оказались бессильны, он до срока вышел на пенсию и в 1795 г. скончался¹⁰¹.

Единственным, чему власти последовательно противились, было стремление чиновников передать свою должность по наследству. Не допускать этого в центральных ведомствах было относительно нетрудно: на каждую открывавшуюся вакансию претендовали чиновники более низкого ранга, выстраиваясь в очередь по возрасту и выслуге. В удаленных соляных и таможенных конторах, на почтамтах у отцов была большая свобода взрастить себе преемника в лице

⁹⁸ Политико-экономический коллегииум в Сенце был основан в 1763 г. по инициативе венгерского канцлера Ференца Эстерхази при финансовой поддержке казны (по рескрипту Марии Терезии) для обучения «полезным» наукам, таким как экономика, финансы, статистика, инженерное дело, геодезия, картография и пр., на немецком языке. В 1776 г. после пожара, разрушившего большую часть жилых и хозяйственных построек, канцлер перевел коллегииум в другое свое владение — Тату. В 1781 г. коллегииум был закрыт не в последнюю очередь в связи с низким уровнем подготовки слушателей.

⁹⁹ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 41: Stiftungen. Kt. 2481. Subd. 1. N 113 ex Oct. 1769. Fol. 386r.

¹⁰⁰ См.: MNL OL. C 67. 1779. Universitas Budensis. Fasc. 4. 170 cs. N 48.

¹⁰¹ См.: Ibid. A 39. 1520/1792; A 79. Kakony Josephus.

собственного сына. Именно поэтому руководство Казенной палаты неустанно требовало: «Не следует допускать, чтобы отец и сын служили вместе, в одном учреждении»¹⁰². Например, когда в таможенном пункте в венгерском Дёре освободилось место контролера, туда именно по этой причине не взяли сына инспектора Томаса Зайфрида — Иоганна Фердинанда. Зато при первом же случае, когда в Комароме потребовалась замена для престарелого и тяжелобольного инспектора Шрёпфера, младший Зайфрид получил назначение, в том числе и потому, что недавно ему отказали в праве служить под началом собственного отца¹⁰³.

Чиновники с завидным упорством прилагали усилия к тому, чтобы заложить основы профессиональной династии, но удача или неудача на интергенерационном уровне зависела от умения приспособливаться к менявшимся условиям. Проживавшие в комитате Шарош дворяне Тернеи получили грамоту и герб в 1667 г., хотя сами, без веских на то оснований, выводили свой род от однофамильцев, живших в домохачской Венгрии. Во второй четверти XVIII в. по линии Казенной палаты служили два брата — Ласло (? — 1753) и Янош (? — ок. 1758). Первый побывал приемщиком в соляной конторе в Сомольноке, управляющим на руднике в Надьбане и во владении короны в Токае. Тяжелый недуг, водянка, побудил его просить о переводе в соляную контору в Дебрецене, где он вскоре безвременно ушел из жизни¹⁰⁴. Его сын Янош Пал пошел по отцовским стопам, набирался опыта на серебряных и золотых рудниках Капникбани, в 1748 г. перевелся приемщиком на соляные копи в Бачке, там на него во время инспекционного визита обратил внимание президент Венгерской казенной палаты А. Грашшалкович и пригласил одновременно исполнять обязанности контролера в солехранницах Марамарошсигета. В ходе очередных кадровых перестановок Тернеи назначили контролером в соляную контору в Ронасеке и в 1758 г. повысили до приемщика¹⁰⁵.

Младший брат Янош Тернеи служил в Сепешской казенной палате с 1711 г. сначала архивным канцеляристом,

¹⁰² ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1945. 8. Mar. 1756. Fol. 50r.

¹⁰³ См.: Ibid. 53r.

¹⁰⁴ См.: Ibid. Kt. 1912. 21. Dec. 1753. Fol. 312r–v.

¹⁰⁵ См.: Ibid. Kt. 1971. 9. Febr. 1758. Fol. 205r–206r, 211r.

затем помощником хранителя, в 1723 г. был переведен в счетоводы, в 1736 г. повышен до советника¹⁰⁶. Сыновей своих он пристроил в родное ведомство внештатными сотрудниками, чтобы те набирались опыта на случай образования вакансий. В 1757 г. в ходе инспекционного визита в Кашшу представителя Венской придворной казенной палаты барона Харукерна эти факты вскрылись и получили негативную оценку. Если авторы отчета ничего не перепутали, то сыновей звали Янош и Миклош¹⁰⁷. Однако в штат они зачислены не были. Похоже, медленному карьерному росту чиновника братья предпочли стезю военного. Но был еще и третий брат — Иштван (если только он не «скрывается» за Яношем из отчета). Он служил в Сепешской казенной палате 25 лет, с 1751 по 1776 гг., когда и был отправлен на пенсию в должности вице-регистратора. Когда в 1779 г. он обратился к властям с прошением о зачислении старшего сына в императорско-королевские кадеты и о финансовом вспомоществовании на воспитание остальных пятерых детей, просьбы немолодого отставного чиновника были удовлетворены, а продолжения чиновничья династия, похоже, не получила.

Обустройство и содержание соляных контор, таможенных пунктов или почтамтов¹⁰⁸ были, как правило, делом хлопотным и затратным, а персонал, имевшийся в распоряжении начальника, — ограниченным. Там сыновья с ранних лет начинали постигать азы отцовской профессии, чтобы по достижении совершеннолетия, как Антон Прунер, сослаться на практический опыт и знания. Власти проводили четкое различие между штатным «адъюнктом» и внештатным «помощником». Если на добровольную и безвозмездную помощь сына отцу руководство охотно давало разрешение, то должность адъюнкта при почтмейстере, инспекторе таможенной или соляной конторы открывала реальные перспективы карьерного роста и давалась членам семьи с большой осторожностью.

Например, в 1766 г. Конрад Эггердес, сын пражского почтмейстера, признался руководству Придворной казенной палаты, что три года назад, когда его назначили на

¹⁰⁶ См.: *Fallenbüchl Z. A Szepesi Kamara tiszttviselői.* 221–232. old.

¹⁰⁷ См.: *ÖStA. FHKA. HFU. Kt.* 1962. 7. Jul. 1757. Fol. 75v.

¹⁰⁸ См.: *Post-offices of Europe 18th — 21st century. A comparative history / Ed. by M. Le Roux, S. Richez.* Brüssel, 2014.

скромную должность почтового контролера, самовольно стал именовать себя адъюнктом. Он просил не стыдить его перед всем честным народом за маленькую уловку и узаконить его адъюнкство, тем более что некоторые контролеры являлись одновременно адъюнктами. Руководство Придворной казенной палаты осталось непреклонно: «С одной стороны, проситель — родной сын почтмейстера, и, когда отец по нездоровью или по делам отсутствует на почтамте, сыну приходится действовать как администратору, контролеру и адъюнкту; с другой же стороны, здешний контролер Зайдль получил титул адъюнкта за многолетнюю примерную службу и большую искушенность в делах почтового ведомства»¹⁰⁹. Чтобы не создавать нежелательного прецедента, Эггердесу-младшему в просьбе отказали.

Была одна веская причина, по которой приходилось делать исключение и нанимать сыновей на отцовские должности, — хронический бюджетный дефицит. Усложнявшиеся задачи управления экономикой и финансами требовали численного роста административного аппарата, повышения его квалификации, а средств выплачивать жалованье действующим и пенсии отправленным на заслуженный отдых чиновникам не было. Если чиновник выходил на пенсию, казну до конца дней его жизни ожидали двойные траты: пенсия ему и жалованье преемнику. Двойную задачу заполнения вакансий опытными сотрудниками и экономии денежных средств решали путем продления срока службы для тех пенсионеров, кто еще не потерял зрение, не был разбит апоплексическим ударом, оставался в здравом уме и твердой памяти. Если у них были сыновья, годные к службе, они придавались им в бесплатные помощники, а со временем — назначались на их должности.

Когда Иоганн Георг Микич — таможенник из Буды — стал «настолько стар и слаб, что уже не в состоянии [был] и далее исполнять свои обязанности», возник вопрос, как с наименьшим ущербом для казны обеспечить бесперебойную работу конторы. Сын чиновника тоже служил по казенному ведомству — банковским контролером в моравском Брюнне. Однако венское начальство напоминало: «Венгерской казенной палате было посредством высочайшего рескрипта

¹⁰⁹ *Ibid.* ÖK. Fasz. 9: Postwesen. Fasz. r. Nr. 342. Subd. 2: Niederösterreich. N 131 ex Aug. 1766. Fol. 102v.

доведено до сведения, что предпочтительное назначение на место того или иного чиновника его сына нежелательно и противоречит императорско-королевской воле»¹¹⁰. Регламент требовал платить чиновникам, прослужившим в ведомстве 40 и более лет, почетную пенсию в размере полного жалованья — так называемую юбилейную. Такая же сумма (400 фл.) полагалась преемнику Микича — контролеру Йозефу Шифковичу. Выгодное для фиска решение состояло в том, чтобы назначить Шифковича на место Микича-старшего, не платить последнему никакой пенсии, а за это нанять на освободившееся место контролера Микича-младшего с жалованьем в 180 фл. и освобождением от уплаты обязательного залога в 1000 фл.¹¹¹

Особое рвение в деле «приватизации» должностей проявляли почтмейстеры¹¹²: перед выходом на пенсию они всеми правдами и неправдами добивались разрешения передать почтамт сыновьям¹¹³. Заслуги поколения отцов было трудно переоценить. Карл Маннер, отдавший ведомству 33 года жизни, писал: «Сначала меня приняли почтовым служащим в Грац <...> затем в 1744 г. перевели в Клагенфурт, и, поскольку в то время в Каринтии не было никакого регулярного почтового сообщения, письма и иную корреспонденцию передавали с нарочными, а путешественники из-за нехватки почтовых станций и отсутствия дорог теряли драгоценные дни в пути. Именно мне были вверены возведение почтамтов, наем почтмейстеров, благоустройство дорог, что я и осуществил со своими подчиненными на

¹¹⁰ ÖStA. FHKA.HFU. Kt. 1963. 4. Aug. 1757. 49r-v.

¹¹¹ См.: Ibid. Fol. 52r.

¹¹² Кстати, самым знаменитым австрийским почтмейстером, чья биография воссоздана со всей возможной точностью, можно считать Якоба Плохля (?–1828). Его дочь Анна (1804–1885) пленила сердце австрийского эрцгерцога Иоганна (1782–1859), вышла за него замуж и получила титулы баронессы Брандхофен и графини Меран. См.: *Naschenweg H.P.* Genealogische Notizen zur Familie Plochl // *Mitteilungen des Steiermarkischen Landesarchivs*. Graz, 2001. N 50/51. S. 399–414.

¹¹³ По истории венгерской почты см.: *Munkás L.* A Királyi Magyar Posta története 1528–1715. Bp., 1911; *Hennyey V.* A magyar posta története. Budapest, 1926; *A magyar posta története és érdemes munkásai / Szerk. L. Hencz.* Budapest, 1937. Из новейших работ см.: *Post Offices of Europe 18th–21st century. A comparative history / Ed. by M. Le Roux, S. Richez.* Brussel, 2014.

всем пространстве от Тироля, через Каринтию и Верхнюю Штирию, до пункта Брук-ан-дер-Мур»¹¹⁴.

С другой стороны, как справедливо отмечала в своем востюме Придворная казенная палата: «Управляющие почтамтов с некоторого времени начали расценивать свою должность как собственность, которую можно передавать от отца к сыну, Ваше же Величество заинтересовано в том, чтобы оставить право назначения за собой и тем самым поощрить особо заслуженных чиновников местных почтовых ведомств, у которых нет никакого иного пути, чтобы продвинуться по службе; если отнять у них единственную надежду, их рвение ослабеет, а настроение ухудшится»¹¹⁵. Императрица решила в пользу просителя и применила давно опробованную практику: «Этому из особой милости разрешаю, чтобы он перенял [почтамт] от отца, которому [в этом случае] не будет выплачиваться пенсия»¹¹⁶.

Через год история повторилась в трансильванском Надьсебене, где пожилой, заслуженный почтмейстер Леопольд Мартини захотел передать свою должность сыну, седьмой год трудившемуся при отце. Президент Казенной палаты граф Леопольд Коловрат слово в слово повторил свой прошлогодний востум, что «управляющие почтамтов с некоторого времени начали расценивать свою должность как собственность», и добавил: «Прошение противоречит интересам государственной службы и фиска, и я полагаю, что следует ему отказать. Когда отец в свое время отойдет в мир иной, просителю — по мере заслуг и способностей — предоставят работу в другом месте». Однако императрица приняла сторону Мартини-младшего и утвердила его в должности почтмейстера¹¹⁷. Наконец, в том же году — вопреки возражениям Казенной палаты — назначения на отцовское место добился сын престарелого темешварского почтмейстера Антал Йозеф Бартошка. Президент ведомства граф Л. Коловрат годом раньше рассуждал: «На самом деле тамошнему почто-

¹¹⁴ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 9. Fasz. r. Nr. 368. Subd. 5: Tirol und Vorderösterreich. N 339 ex Febr. 1775. Fol. 64r-v.

¹¹⁵ Ibid. Fol. 69r.

¹¹⁶ Ibidem.

¹¹⁷ См.: ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 9. Fasz. r. Nr. 368. Subd. 5. N 350 ex Dec. 1775. Fol. 458v.

вому контролеру, который служит уже 19 лет, должно быть весьма обидно, когда в результате испрашиваемой отцом и сыном Бартошка резолюции у него отнимут надежду на дальнейшее продвижение по службе»¹¹⁸. Мария Терезия, выслушав мнение своего вельможи, тем не менее остановила: «Относительно изложенных Казенной палатой обстоятельств я постановляю, что место почтмейстера в Темешваре переходит к сыну просителя — Анталу Йожефу»¹¹⁹.

В правление Марии Терезии, в рамках дихотомического единства семейных и личных заслуг, власти искали золотую середину между вознаграждением за верность и поощрением личных достижений. Результат был более чем амбивалентный. Наем на государеву службу сыновей заслуженных чиновников, с одной стороны, зарекомендовал себя как эффективный инструмент социального дисциплинирования, но, с другой стороны, грозил принести цели общего блага в жертву партикулярным интересам отдельных семейств. Далее, прагматический обмен пенсии на трудоустройство сына позволял, конечно, экономить бюджетные средства, однако в отдаленной перспективе тормозил как введение обезличенных критериев найма, так и реализацию общегосударственных мер социальной защиты по выслуге лет.

В то же время разрастание бюрократического аппарата, усложнение задач управления экономикой, финансами, зарождающейся социальной сферой, образованием требовали от чиновника уже не только безупречной генеалогии, но разносторонних способностей, знаний и опыта. Прием на службу сыновей заслуженных родителей еще долгое время оставался одним из принципов кадровой политики, гарантировавшей в конечном счете превращение чиновничества в профессиональную группу с наследуемым родом занятий. Однако получить назначение просто как сыну своего отца становилось все сложнее. Например, в 1761 г. таможенный контролер Теодор Шмидт пристроил своего сына Йозефа (к тому времени уже несколько лет прослужившего на таможне) в Венгерскую казенную палату. Пятнадцать лет спустя повзрослевший и набравшийся опыта сын не нуждался более в упоминании

¹¹⁸ Ibid. Fasz. 9. Fasz. r. Nr. 363. Subd. 1. N 140 ex Maj. 1774. Fol. 222r.

¹¹⁹ Ibid. Hofresolutionsprotokolle. Bd. 205. 1774–1775. S. 269.

отцовского имени. Ходатайствуя о должности канцеляриста, он писал: «Если же для подобного назначения придется держать экзамен, я в любой момент тем более готов к проверке моих способностей, что без того каждый день сдаю подобный экзамен перед своим начальством»¹²⁰.

Символический итог усилиям согласовать лояльность с компетентностью подвела в конце своего правления сама императрица. Когда в 1780 г. чиновник Венгерской казенной палаты Йозеф (Йожеф) Рибич попросил прибавки к жалованья, ссылаясь на заслуги своего покойного отца — в прошлом директора архива того же ведомства, государыня написала на отрицательном вотуме своих советников: «Доложить мне, столь ли велики собственные таланты и достижения [просителя], чтобы я приняла во внимание заслуги его почтенного отца»¹²¹. Так заслуги предков из «пропуска», открывающего заветные двери канцелярий, превращались в своего рода рекомендательное письмо, не имевшее обязательной силы. Например, Йожеф Майлат-младший, сын бывшего губернатора Фиуме и вице-президента Венгерской придворной казенной палаты, ходатайствуя в 1787 г. о месте секретаря в Венгерской королевской канцелярии, на первое место в ряду аргументов поставил пять лет, проведенных им на службе, в том числе в должности секретаря Наместнического совета, на второе — похвальные отзывы начальства. И лишь в конце: «[Нижеподписавшийся] берет на себя смелость смиренно упомянуть 30 лет службы своего отца, бывшего королевского комиссара Пештского округа, и иные заслуги своих предков»¹²².

Даже такой последовательный сторонник меритократии, как Иосиф II, принимал заслуги отцов как (дополнительный) аргумент в пользу назначения на тот или иной пост, если личные достижения соискателя соответствовали должностным требованиям. Когда в 1787 г. император обнаружил в числе претендентов на место советника Венгерского королевского наместнического совета имя сына председателя Придворного военного совета графа Андраша Хадика (1710–1790) — Яноша, он продиктовал следующую резолюцию: «Я с удовольствием

¹²⁰ MNL OL. E 47. 17. cs. N 401 ex Febr. 1775.

¹²¹ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2144. N 270 ex Maj. 1780. Fol. 480v.

¹²² MNL OL. A 39. 156/1787.

назначаю советником Наместнического совета молодого Хадика, ибо тем самым я могу не только вознаградить его служебное рвение, но и дать его отцу фельдмаршалу знак моего высочайшего признания его многолетних заслуг»¹²³.

Э. Ла Воба, рассуждая о роли, которую играло государство при отборе кандидатов на стипендии в духовные учебные заведения, приходит к выводу, что о беспристрастности, декларируемой в современных обществах, не было и речи. «Пойдя на союз с церковью, государство стало инструментом централизованного корпоративизма и позволило церковной верхушке закрепить четко эндогамный принцип зачисления в свои ряды»¹²⁴. Нечто подобное наблюдается и в монархии Габсбургов, в чиновничьих корпорациях разных уровней. Однако дверь в корпорацию была неплотно прикрыта: через нее в круги чиновников с разной степенью успеха проникали чужаки: авантюристы, случайные люди, аутсайдеры. В начале XX в., когда бюрократия превратится в одну из важнейших центростремительных сил Австро-Венгрии, именно в этих людях будут видеть корень зла. Критик режима, писатель и публицист Герман Бар, в полемическом памфлете «Вена» (1907) писал: «Необходимо было срочно найти <...> людей, у которых нет ни дома, ни родины, ни корней, которые вчера еще были никем, но теперь вдруг воспарили, поднятые невидимой рукой <...> и они обеспечивали функционирование государства и общества на протяжении двух сотен лет»¹²⁵.

Однако кто были эти люди, которых Бар называл «дезертиры, бродяги, бездомные, конюхи, авантюристы, алхимики, астрологи, незаконнорожденные, искатели счастья, лакеи, писари, бесправные одиночки без роду и племени», для которых «дом — всюду, где есть перспектива пожить»¹²⁶? Как складывались их отношения с теми, кто продолжал чиновничью династию или вступил в ряды бюрократии в ранней юности? Как они изменили облик административных элит и в самом ли деле у них не было ни чести, ни родины, одна только слепая преданность монарху?

¹²³ Ibid. 156/1787.

¹²⁴ La Vopa A. Grace, merit and talent. P. 37.

¹²⁵ Bahr H. Wien. Stuttgart, [1907]. S. 37. Цит. по: Ясу О. Распад Габсбургской монархии / Пер. с англ. О.А. Якименко. М., 2011. С. 206.

¹²⁶ Ibidem. Цит. по: Ясу О. Распад. С. 206.

Авантюристы, случайные люди, аутсайдеры

Корпоративная культура предполагает предпочтение «своих» — «чужим». Лица иноземного происхождения, подданства, языка и даже люди, пожелавшие посередине карьеры перейти из одного сегмента административного аппарата в другой, в рассматриваемую эпоху оказывались в проигрышном положении по сравнению с теми, кто, следуя размеренному распорядку назначений «по возрасту и выслуге», постепенно поднимался по ступеням служебной лестницы в родном ведомстве. В декабре 1760 г. (возможно, под давлением самих чиновников) Мария Терезия издала частную резолюцию: «В случае образования вакансий штатные¹²⁷ сотрудники всегда заслуживают предпочтительного внимания перед соискателями извне»¹²⁸. Комитатским чиновникам, военным, судейским и частным адвокатам, личным секретарям вельмож или управляющим их имений приходилось всеми силами доказывать, что они ничуть не хуже тех мелких клерков, которые уже заняли низшие ступеньки служебной лестницы и постепенно продвигаются вверх. Формулировки в подаваемых монарху вотумах о чужаках гласили: «Заслуги просителя ведомству неизвестны» или: «Никаких заслуг перед ведомством не имеет».

Архивы центральных органов власти полны ходатайств от ничем не выдающихся молодых людей. Все они в большей или меньшей степени владели искусством составления прошений, были осведомлены о том, что для успешной карьеры чиновника необходимо демонстрировать служебное рвение, ответственность и исполнительность и что привходящие обстоятельства (бедность, сиротство) могут сыграть решающую роль. На большинстве таких прошений ставилась краткая пометка: «Отложить и архивировать». Почему, например, переход из личных секретарей кого-нибудь из аристократов в государевы чиновники одним давался легко, а другим — не

¹²⁷ Штаты (лат. *status personalis*) — в России, как и в Австрийской монархии XVIII в., означало документ, в котором фиксировались размеры должностных окладов. См.: Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Служба, промысел, работа // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живова. М., 2009. С. 132.

¹²⁸ ÖStA. FHKA. NFU. Kt. 2029. 12. Aug. 1761. Fol. 226v.

удавался вовсе, однозначно ответить трудно. Все решало соотношение многих факторов: насколько выигрышно смотрелся послужной список соискателя в сравнении с конкурентами, кто из начальства или влиятельных при дворе лиц за него хлопотал, к какому решению, выслушав компетентное мнение референтов, склонялся сам государь.

Ференц Такач происходил из старого дворянского рода, проживавшего в комитате Пресбург. Представители этого семейства в середине XVIII в. занимали должность вице-ишпана, следовательно, водили знакомство с влиятельными аристократами. Выучившись в Трнаве на юриста, Ференц поступил в секретари к венгерскому вице-канцлеру графу Дёрдю Фекете (1711–1788). Переехав в Вену, молодой человек пять лет «набирался полезного опыта в практических вопросах венгерского права, государственных делах и политических материях», пока в 1767 г. ему не «подвернулась удача» получить место регистратора в архиве Венгерской казенной палаты¹²⁹. Он прослужил в ведомстве восемь лет, безуспешно пытался выхлопотать себе более высокую должность, пока в 1775 г. не был назначен секретарем в Марамарошскую¹³⁰ камеральную администрацию. Есть основания полагать, что некий Амбруш Такач, который в 70-е гг. XVIII в. прошел сходный карьерный путь от личного секретаря графа Адама Баттjани до протоколиста Венгерской королевской канцелярии, доводился Ференцу родственником, возможно братом.

Дёрдь Чотка восемь лет служил личным секретарем президента Венгерской казенной палаты графа Грашшалковича, сопровождал его во время инспекционных визитов по таможенным конторам и пунктам соледобычи. Нет сомнений, именно граф поспособствовал тому, чтобы Чотку назначили временно исполнять обязанности солевара в Надъвараде. Ведь в том числе и о нем могущественный патрон несколькими годами позже напишет императрице: «До сих пор все мои личные секретари по воле вашего величества назначались секретарями в Казенную палату»¹³¹. Однако, когда речь

¹²⁹ См.: ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 3. Subd. 1. N 102 ex Jun. 1767.

¹³⁰ *Марамарош* — исторический регион на востоке Венгерского королевства (ныне — в составе Украины и Румынии) с центром в г. Марамарошсигет.

¹³¹ А. Грашшалкович — Марии Терезии, Комъят, 21.X.1761 // ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2037. 7. Jan. 1762. Fol. 92r.

зашла о найме на постоянной основе, Придворная казенная палата решила, что на вакантное место следует назначить более опытного Миклоша Легшади, потому что тот «уже четыре года служит примерно, усердно и без нареканий, а рекомендованный Венгерской казенной палатой Чотка состоит на государственной службе всего лишь полгода». По этой причине Чотку поставили в иерархии кандидатов на третье место, заметив, что «как личный секретарь он уже получил необходимые навыки и имеет право остаться на государственной службе, но получать повышения должен шаг за шагом, постепенно»¹³².

Иными словами, «чужаку», если его принимали на службу, предстояло, пропуская вперед чиновников с большей выслугой лет, ждать, когда до него дойдет очередь. О том, что место секретаря, практиканта или иную подобную вспомогательную должность было не так-то просто получить, косвенно свидетельствует замечание референта Венской придворной казенной палаты Заумила. Когда Йозеф Тиммер — сын покойного майора, служившего в замке Бельведер, — попросил руководство ведомства подыскать ему скромную должность в Палате, чиновник написал в вотуме: «Он просит назначить его практикантом к какому-нибудь советнику, но у всех советников должности, на которые требуются индивиды для составления выписок из дел или ведения экспедиции, уже заняты»¹³³.

Рассмотрим пример Лайоша Петеша, которого вопреки всем его стараниям не приняли на службу в Венгерскую казенную палату. Как и многие, он начинал в комитатской администрации родного Дёра, где два года практиковался в юриспруденции и делопроизводстве. В начале 1750-х гг. Петеш попал в Пешт, к советнику Венгерского королевского наместнического совета Анталу Брунsvику, но вскоре перешел на службу в Королевскую судебную палату, где четыре года числился внештатным протонотарием. Познакомившись с графом Миклошем Эрдёди — действительным тайным советником, вице-директором окружного комиссариата и фёйшпаном комитата Зойом, — Петеш поступил к аристократу в личные секретари. После смерти графа в 1757 г. способного молодого человека взял в секретари другой влиятельный

¹³² Ibid. Kt. 1970. 23. Jan. 1758. Fol. 411v, 412r.

¹³³ Ibid. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2143. N 57 ex Aug. 1775. Fol. 806r.

вельможа — фёишпан комитата Гёмёр, королевский виночерпий граф Пал Балашша. Прослышав в 1760 г. про вакантное место конциписта в Венгерской казенной палате, Петеш решил попытаться счастья в этом ведомстве. Однако там трудилось достаточно внештатных конципистов, одного из которых предполагалось назначить на освободившееся место. Поэтому просителю отказали¹³⁴.

Год спустя, после смерти Дёрдя Янзо, в Казенной палате вновь образовалась вакансия. На этот раз прошение Петеша взывало к чувствам тех, кому предстояло принять решение по его кандидатуре. Молодой человек, прибегая к одному из распространенных риторических приемов, писал: «О горе! Во времена нынешней дороговизны бедный молодой дворянин, желающий вести достойную жизнь и не надеющийся на помощь родителей, которых у меня нет, едва ли может прожить на то жалованье, на которое я должен покупать еду, одежду и все необходимое»¹³⁵. Возможно, куда более действенным оказалось приложенное к прошению рекомендательное письмо вдовы графа Эрдеди, в котором она просила президента Придворной казенной палаты Хотека обратить внимание на дельного молодого человека, в прошлом — секретаря ее покойного мужа¹³⁶. Так или иначе, в вотуме Палаты, подписанном президентом, говорилось: «Поскольку только что один из акцессистов произведен в счетоводы, на освободившееся место под первым номером проходит снискавший похвалу Венгерской казенной палаты и частным образом [курсив мой. — О.Х.] отрекомендованный Вашему Величеству Петеш»¹³⁷. Однако и на этот раз назначения не последовало.

Последнее из сохранившихся в архивах ведомства писем Петеша, датированное 9 октября 1762 г., демонстрирует подлинное или наигранное чувство безысходности, даже крайнюю степень отчаяния: «После стольких трудов в ученичестве и лет, потраченных на секретарскую работу при

¹³⁴ См.: Ibid. HFU. Kt. 2017. 10. Dec. 1760. Fol. 120r–121r; 16. Dec. 1760. Fol. 244v.

¹³⁵ Ibid. Kt. 2051. 2. Oct. 1762. Fol. 147r. Документы, цитируемые здесь и в двух последующих сносках, датированы 1761 годом, но архивированы под датой 2 октября 1762 г.

¹³⁶ См.: Ibid. Fol. 148r.

¹³⁷ Ibid. Fol. 109r.

дворах вельмож, я до сих пор не смог найти себе применения. Меня питала ложная надежда на то, что в сей Казенной палате появятся новые вакансии, одну из которых испрашивал себе, но даже не попал в список достойных кандидатов. Особенно прискорбно, что я, сын отечества и настоящий дворянин, был попросту отвергнут, другие же — и менее знатного происхождения и более скромных достоинств — так легко добились своего назначения. Признаюсь <...> такое обуяло меня смятение, что, не будь я отмечен клеймом благородного происхождения и не имей опыта в юриспруденции и политике, был бы готов взяться за любое дело, но дворянская кровь и порицание, которому меня не замедлят подвергнуть, удерживают меня»¹³⁸.

По всей видимости, Петеша сочли недостаточно компетентным для столь специфической должности, как бухгалтерия и финансы. Вот пример, который косвенно подтверждает это предположение. В 1758 г., когда Россия в разгар Семилетней войны устанавливала свое, на тот период кратковременное господство в отвоеванном у Фридриха II (1740–1786 гг.) Кёнигсберге, чиновник Коллегии иностранных дел Алексей Волков просил отозвать его оттуда: «По здешней губернии для текущих дел необходимо потребно знать не токмо внутреннее состояние земли, но надобно еще совершенно знающе быть в здешних правах и узаконениях, не менее же в делах до Каморы [казны. — О.Х.] надлежащих, чего в скорости ни коим образом знать не возможно [курсив мой. — О.Х.], а на пред сего при отправлении подобных тому дел не бывал»¹³⁹.

Впрочем, была категория чужаков, которых в Венгрии охотно принимали на королевскую службу. Речь идет о мобильных, честолюбивых, образованных выходцах из владений Австрийского дома и Священной Римской империи. Для них практически были закрыты Венгерский королевский наместнический совет — оплот сословного дворянства — и Венгерская королевская канцелярия, монополизированная образованными, но бедными дворянами из пограничных с Австрией комитатов. Зато в Венгерскую казенную палату,

¹³⁸ Ibid. 9. Oct. 1762. Fol. 349r.

¹³⁹ А. Волков — М.И. Воронцову, [Кёнигсберг], 9.IX.1758 // Архив внешней политики Российской империи, Москва. Ф. 32: Сношения с Австрией. Оп. 1. 1754. Д. 46.

подчинявшуюся Венской придворной казенной палате, с согласия и при поддержке венского двора путь иноземцам был открыт. При относительно небольшом штате это ведомство, как говорилось выше, не только отвечало за наполнение королевской казны в фискальном смысле слова, но и контролировало шахты, солеварни, внутреннюю и внешнюю торговлю, а на территориях, недавно освобожденных от османов, чиновники Казенной палаты, наряду с военными, долгое время были единственными представителями верховной власти.

Одних иностранцев манила близость к финансам и операциям с недвижимостью. В 1785 г. Иосиф II будет писать в инструкции своему окружному комиссару Банате: «Поскольку комитаты созданы здесь [вновь] недавно и слой помещиков тут тонок, чиновничество приходится рекрутировать из всех уголков Венгрии. Часто выбор падает на весьма дельных людей, но встречаются и иные, совсем для этого не приспособленные субъекты, которые берутся за дело кто со всей жестокостью, а кто и с корыстным интересом»¹⁴⁰. Выходец из Верхнего Пфальца барон Вольфганг Конрад Нефцер нажил сказочное состояние, беря в аренду казенное имущество и присваивая себе часть дохода. Многие венгерские чиновники в своем стяжательстве, кстати, не отставали от этого семейства. Впрочем, ни состояние, ни венгерский индигенат (членство в дворянской корпорации королевства)¹⁴¹ не открыли семейству Нефцер двери в венгерскую дворянскую или административную элиту. Вольфганг Конрад и его брат Иоганн Якоб, ведавший зернохранилищами, так и остались чужаками и агентами влияния венского двора¹⁴².

Многих чужеземцев, по всей вероятности, привлекало дворянское землевладение, не облагавшееся в Венгрии налогом. Они получали венгерский индигенат и даже поступали на службу в центральные органы управления. Доход им приносили поместья, а должности были, как правило,

¹⁴⁰ Verbesserungsanstalten für das Königreich Ungarn, welche S. Kais. Königl. Majestät in einem an die X. königliche Ungarische Kommissäre eigenhändig erlassenen Befehlsschreiben den 30. März 1785. In Deutschland, 1785. S. 14. Подробнее об истории издания этой инструкции речь пойдет ниже.

¹⁴¹ См.: Гусарова Т.П. Пожалования венгерского гражданства иностранцам во второй половине XVI — середине XVII в. («indigenatio solemnis») // История (электронный научно-образовательный журнал). 2014. Т. 5. Вып. 6 (29).

¹⁴² См.: *Fallenbüchl Z. A Szepesi Kamara tisztviselei*. 209. old.

внештатными — высокими, но неоплачиваемыми. В 1715 г. австрийский барон Иоганн Георг Пфедферсховен, при императоре Леопольде I (1640–1705 гг.) участвовавший в подавлении антигабсбургских волнений на востоке королевства, получил венгерский индигенат. О том, что семейство по-прежнему связывало карьерные ожидания именно с Веной, говорила женитьба его сына Иоганна Вильгельма (коменданта Надварадской крепости) на дочери вице-президента Придворной казенной палаты барона Петера Прандау — Марии Йозефе и отправка их сына Йозефа на учебу в только что открывшийся венский Терезианский коллегийум. Отсутствие имен потомков Йозефа в венгерских генеалогических справочниках говорит о том, что — несмотря на его многолетнюю службу в Венгерской казенной палате и замужество сестры, Катарини, за Йозефом Тёрёком — семейство Пфедферсховен не обрело в королевстве вторую родину.

Уроженец Германии барон Фердинанд Лаферт (?–1737) в 1715 г. был приписан к Комиссии по вновь приобретенным территориям, а с 1720 г. и до самой смерти служил советником в Сепешской камеральной администрации. Туда же в 1754 г. на должность внештатного советника приняли его сына Антона¹⁴³. Другой сын, Игнац (хотя в генеалогических трудах его называют братом), служил в кавалерийском полку Имре Эстерхази¹⁴⁴. Судя по тому, что их потомок барон Антон Лаферт участвовал в работе Государственного собрания 1844 г., интеграция в дворянскую среду увенчалась успехом. Однако говорить о том, что семья прочно вошла в административные элиты королевства, не приходится.

Справедливости ради, следует признать, что иноземное происхождение не служило гарантией ни попадания в бюрократические структуры, ни закрепления в них. Уроженец Верхней Австрии королевский советник Готард фон Дернат (его имя писалось и как *фон дер Нат*, и как *ван Дернат*, и как *Вандернат*) женился на графине Марии Терезии Зичи, приобрел венгерский индигенат. Их сын Герхард после

¹⁴³ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1917. 29. Mar. 1754. Fol. 279r; Kt. 2015. 8. Nov. 1760. Fol. 408r–490v; Kt. 2017. 23. Dec. 1760. Fol. 411r–v; UK. Fasz. 27. Kt. 1904. Subd. 1. N 71 ex Maj. 1763. Fol. 24r–25v; N 30 ex Jan. 1772. Fol. 218r–223v.

¹⁴⁴ См.: Ibid. KA. Musterliste. Kt. 7386. Esterhazy Hussaren. Musterlistado Musterplatz Horodentics den 12. Maj. 1777.

смерти отца пожелал поступить на службу в Сепешскую камеральную администрацию, о чем неоднократно подавал прошения императрице. Молодой человек считал, что славное имя родни по матери, его собственные познания в юриспруденции, членство в венгерской дворянской корпорации открывают путь к успешной административной карьере¹⁴⁵. Однако фамилия Вандернат ничего не говорила руководству ведомства, а авторитетных поручителей за молодого графа не нашлось. Более того, он подал свое прошение в тот момент, когда в Сепешской администрации в качестве внештатных советников уже служило несколько венгерских аристократов. Поступая на службу «как бы» без жалованья, они потом испрашивали себе эквивалентные жалованью суммы под видом пособий и вспомоществований¹⁴⁶. В связи с Вандернатом граф Хотек даже напомнил императрице о ее желании видеть в венгерских административных структурах больше немцев, однако Мария Терезия наложила уклончивую резолюцию: «Просителю нужно набраться немного терпения и пр.»¹⁴⁷. Судя по спискам персонала Венгерской казенной палаты, граф Вандернат так и не был зачислен в штат.

В целом, анализируя кадровую политику двора, З. Фалленбюхль пришел к выводу, что «чужаки», вливавшиеся в ряды венгерского чиновничества в XVIII в., явно стремились «осесть», «пустить корни» в королевстве. И в этом стремлении их поддерживала верховная власть¹⁴⁸. Вену устраивало, что эти люди не были связаны с комитатскими дворянскими элитами и хранили безоговорочную преданность государю. Ведомые собственным честолюбием, они с готовностью брались за сложные поручения короны и справлялись с самыми щекотливыми политическими вопросами. Для них не было непреодолимых административно-политических границ. Владения Австрийского дома уже были для них единым пространством. Как писал в 1761 г. Франц Ло Прести: «Примите во внимание годы, проведенные в должности горного советника, и назначьте меня на первую освободившуюся руководящую должность

¹⁴⁵ См.: Ibid. FHKA. HFU. Kt. 2003. 22. Maj. 1760. Fol. 465r; Kt. 2006. 4. Jun. 1760. Fol. 43r; Kt. 2031. 30. Sept. 1761. Fol. 748r.

¹⁴⁶ См.: Ibid. Fol. 751r.

¹⁴⁷ Ibid. Fol. 755r.

¹⁴⁸ См.: *Fallenbüchl Z.* A Szepesi Kamara tiszttviselői. 210. old.

в Тироле, Трансильвании и Богемии»¹⁴⁹. Искушенные в управлении и финансах, не боявшиеся трудностей и опасностей, сопряженных с жизнью и работой в отдаленных краях, они охотно поступали на венгерскую службу, а некоторые со временем — фактически или номинально — инкорпорировались в венгерское дворянское сословие.

Семейство Дешан — пример удачной интеграции чужеземцев. Эльзасец Иоганн Антон де Жан фон Ханзен (?–1760) за годы службы в Венгрии стал Дешаном. При пожаловании в 1754 г. венгерского дворянства он, по всей вероятности, сам составил проект дворянской грамоты, из которой следует, что после пяти лет службы квартирмейстером в имперской армии (1714–1719) он вышел в отставку и поступил на службу в Королевскую казенную палату в Венгрии. Дешан не отказывался от поездок в самые отдаленные уголки недавно отвоеванного у турок Баната, неустанно заботился о заселении края немецкими переселенцами-католиками, инспектировал соляные и медные шахты, руководил ирригационными работами на реке Саве, боролся с эпидемиями¹⁵⁰, отвечал за поставки продовольствия армии. В 1741 г. он был повышен до советника Королевской казенной палаты, с 1743 г. в течение 20 лет возглавлял стратегически важный департамент соледобычи¹⁵¹.

Иоганн Антон взял в жены баронессу Франциску Кох, состоявшую в родстве с кабинет-секретарем императрицы. У четы родилось шестеро детей. Сын Иоганн (которому посвящена цитированная выше резолюция императрицы) получил образование в близкой к венскому двору Савойской рыцарской академии, затем специально изучал венгерское право. Он поступил на службу в Венгерскую казенную палату на должность внештатного конциписта, но затем, по всей вероятности, решил посвятить себя Богу: в генеалогических справочниках Иоганн фигурирует как «каноник». Младший сын, Йозеф, в 1779–1785 гг. служил в Казенной палате секретарем, затем был переведен в камеральную администрацию в родной Темешвар. Неустанные труды по заселению и возрождению края были вознаграждены, помимо прочего, еще и

¹⁴⁹ Ibid. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 1. Subd. 1. N 148 ex Dec. 1763.

¹⁵⁰ См.: *Lesky E.* Die österreichische Pestfront an der k. k. Militärgrenze // *Saeculum.* 1957. N 8. S. 82–106.

¹⁵¹ См.: MNL OL. A 57. 40. köt. 4–6. old.

тем, что одно из поселений получило имя Дежанфалва (можно перевести как «Дешановка»). В годы Наполеоновских войн ему пришлось заниматься рекрутскими наборами, поставками продовольствия и фуража армии¹⁵². Семейство Дешан, как и многие им подобные, интегрировалось в венгерскую дворянскую среду «наполовину». Разбогатеv на государственной службе, пустив корни в поначалу чужом им Банате, они остались где-то в третьем эшелоне венгерской элиты. Косвенным свидетельством тому могут служить их брачные предпочтения: в числе невесток и зятьев не было ни одного сколько-нибудь звучного венгерского дворянского имени.

Другим семейством, обязанным своим вхождением в этнически пеструю элиту Венгрии службе на далеких южных рубежах, стали будущие бароны Редль фон Роттенхаузен-унд-Растина¹⁵³. Путь их интеграции во многом схож с тем, что прошли Дешаны. Основателем этой бюрократической династии стал сын и внук офицеров габсбургской армии австриец Йозеф Редль (?–1763). Он поступил на службу в венскую Придворную казенную палату в 1717 г., но о первых годах службы известно лишь то, что она протекала в так называемой Австрийской Валахии — области Османской империи, присоединенной по Пожаревацкому миру 1718 г. к подвластной Габсбургам Трансильвании. В 1736 г. Редля назначили генеральным инспектором, в 1739 г. направили камеральным директором в Белград. Однако уже через год, когда эти территории вернулись под османское владычество, чиновнику пришлось подыскивать новое место работы. В 1740 г. Редля произвели в советники, но не перевели в комфортабельную административную столицу — Пресбург, а поручили управлять владениями короны в южновенгерском комитате Бач-Бодрог¹⁵⁴ и заведовать камеральной и военной кассой в Сегеде.

Поселившись в административном центре комитата — Зомборе, Редль проводил время в разъездах по краю, неся

¹⁵² См. оставшееся неудовлетворенным прошение Й. Дешана о награждении малым крестом св. Стефана: MNL OL. P 1058. 29. cs. N 226.

¹⁵³ Это семейство не имеет ничего общего с полковником Альфредом Редлем (1874–1913), начальником контрразведки австрийского Генерального штаба и русским шпионом накануне Первой мировой войны.

¹⁵⁴ Инструкцию с перечислением должностных полномочий и служебных обязанностей см.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1758. 28. Jun. 1743. Fol. 434–445.

«весьма многотрудную и сопряженную с немалыми неудобствами, заботами и лишениями службу»¹⁵⁵. Остается только догадываться, чего стоило Редлю навести порядок в уплате налогов, сдаче казенных имуществ в аренду, распределении подрядов и пр. Выполнение многочисленных разовых финансовых поручений и комиссий, отнимавших время и силы, дополнительно никак не оплачивалось и не премировалось. В 1759 г. он получил австрийское дворянство и приставку к имени «фон Роттенхаузен», а годом раньше чиновнику даровали личное дворянство в Венгрии¹⁵⁶. В 1761 г. Редля наконец перевели в Венгерскую казенную палату в Пресбург, где он прослужил три года, до конца своих дней. В 1765 г. в знак признания неустанных усилий покойного чиновника по повышению доходов фиска и улучшению управления краем вдове Анне Марии Редль вместе с детьми Францем, Фердинандом и Юлией был дарован венгерский дворянский титул¹⁵⁷.

В 1769 г. старший сын, Франц Редль (1750?–1801), поступил на службу в Венгерскую казенную палату на скромную должность внештатного практиканта, не предусматривавшую жалованья, но открывавшую возможность набраться опыта и быть замеченным начальством. В 1774 г. вице-президент Венгерской казенной палаты граф Фештетич порекомендовал Редля на освободившееся место конциписта в главной финансово-экономическом ведомстве монархии — столичной Придворной казенной палате. За шесть лет в имперской столице Франц освоился в бюрократических кругах, обзавелся влиятельными знакомствами, доказал свою компетентность. Признанием заслуг перед правящим домом стало пожалование Редлю в 1780 г. имения Растина, расположенного в его родном комитате Бач. Отныне семейство именовалось «фон Роттенхаузен-унд-Растина». Символическая связь с Венгрией была упрочена в 1782 г., когда чиновник перешел на службу секретарем в Венгерскую королевскую канцелярию — главный совещательный орган при монархе. Спустя три года его повысили до советника¹⁵⁸.

¹⁵⁵ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1905. 21. Jun. 1753. 514r.

¹⁵⁶ См.: MNL OL A 57. 47. köt. 238. old.

¹⁵⁷ См.: MNL OL A 57. 47. köt. 238–240. old.

¹⁵⁸ См.: *Ember Gy.* A M. Kir. Helytartótanács ügyintézésének története, 1724–1848. Budapest, 1940. 200., 205. old.

Похоже, что Редлю особо благоволил (как этническому немцу?) сам император Иосиф II. При назначении советником государь начертал: «Поскольку Вы признаете, что секретарь Редль обладает необходимыми качествами, повелеваю на освободившееся место советника Канцелярии назначить именно его»¹⁵⁹. Год спустя его жалование было повышено до 5000 фл.¹⁶⁰ Для сироты, на воспитание которого императрица в свое время выписала 100 фл. в год из средств казны, карьерный рост был впечатляющим. Символично, что службу он закончил в Трансильванской канцелярии (одно время объединенной с Венгерской канцелярией): ведь именно в княжестве начинал служить его отец. Франц проработал в этом ведомстве без малого полтора десятилетия, с 1786 г. и до самой смерти в 1801 г.

Если за многолетнюю службу Йозефа Редля вдове и детям его было пожаловано венгерское дворянство, то детям Франца — Имре (Эмериху) (1793–1853) и Дюле (Юлиусу) (1796–?) за заслуги родителя и семейства в целом был в 1808 г. присвоен баронский титул. Королевская грамота упоминала многолетнюю похвальную службу их отца в Венгерско-Трансильванской канцелярии, а также активное участие в строительстве канала на Драве в родном комитате Бач. Мать новоиспеченных баронов Редль, баронесса Юлия Герамб, удостоилась упоминания в грамоте за щедрое пожертвование на создание военной академии Людовика. Старший, Имре, продолжил бюрократическую династию и поступил на службу в Венгерский королевский наместнический совет, где в 1823–1824 гг. занимал должность секретаря, а в 1834–1848 гг. — советника¹⁶¹. Младший, Дюла, вел частную жизнь в поместье.

Если о семействе баронессы Герамб авторитетный венгерский генеалог Иван Надь в классическом труде «Семейства Венгрии», опубликованном век спустя, писал: «Как следует из звучания самого имени, это чужеземная кровь»¹⁶², то другой иноземный род — бароны Ло Прести (или Лопрести) — удостоился от историка следующей лестной оценки: «Это

¹⁵⁹ MNL OL. A 39. 13391/1785.

¹⁶⁰ Ibid. 14629/1786.

¹⁶¹ См.: *Ember Gy.* A M. Kir. Helytartótanács. 201., 208. old.

¹⁶² *Nagy I.* Magyarország családai címerekkel és nemzékrendi táblákkal. Pest, 1858. 4. köt. 365–366. old.

обосновавшееся в Венгрии семейство относится к самым преданным патриотам отечества»¹⁶³. Ло Прести происходили из далекой Сицилии, которая с 1720 г. входила в состав владений Габсбургского дома. В 1736 г. семейство переселилось в Вену, где Рох Ло Прести дослужился до полковника, получил баронский титул в Австрии, а в 1765 г. — в Венгрии. Старшего сына, Франца, он послал учиться в Терезианский коллегиум. Впоследствии тот служил в Придворной казенной палате по горному ведомству, удачно женился на графине Юлии Эстерхази. Их сын Николас (Миклош) продолжил семейную традицию военной службы и в 1788 г., в возрасте 26 лет, пал смертью героя в войне с османами. Сын Рохуса Ло Прести от второго брака — Людвиг (Лайош) после смерти отца был усыновлен бездетным графом Заурау и таким образом превратился в одного из крупнейших помещиков Темешского края. Он старательно интегрировался в новую культурную и языковую среду, побуждал сыновей изучать венгерский язык. Его младший сын, получивший истинно венгерское имя Арпад, прославился щедрым пожертвованием на создание Венгерской академии наук¹⁶⁴.

О Дешанах потомкам напоминал их дворец в Темешваре, построенный в начале XIX в. в неоренессансном стиле; о Редлях — импозантная неоготическая усадьба, возведенная в начале XX в. в Келеби (пригород Сабадки). Однако в истории чиновничества немало примеров того, как чужеземцы, верой и правдой служившие государю и своей новой родине на высоких постах, не смогли скопить состояния. В 1763 г., после смерти Йозефа Редля, должность его перешла к протеже Дешана — Антону Котману. Сын вестфальца и богемской немки, этот высокопрофессиональный и исполнительный чиновник четверть века прослужил в Венгерской казенной палате, пройдя путь от конциписта до советника. Подобно Дешану, Котман руководил добычей соли в королевстве; подобно Редлю, он неустанно пекся о приросте населения в Южной Венгрии. Детей

¹⁶³ Ibid. Pest, 1860. 7. köt. 169. old.

¹⁶⁴ См. генеалогический очерк о Ло Прести, изданный в 1885 г. на венгерском языке без указания авторства: Fontana d' Angioli báró Lo Presti család nemzedék-rendje. Budapest, 1885. Считается, что это перевод с немецкого языка не дошедшего до наших дней сочинения Лоренца Шлауха, выполненный по заказу Иштвана Мельцера, женатого на последней представительнице этого семейства — Генриетте Ло Прести.

у него не было, почти все имущество погибло при двух пожарах. В завещании он распорядился с большой осторожностью распродать то немногое, что останется после его кончины, чтобы на жену не перешли сделанные им при жизни долги. Поскольку чиновник нередко находился в разъездах по казенной надобности, последней волей Котмана было: «Пусть тело мое будет без всякой роскоши погребено в крипте приходской церкви того населенного пункта, где меня застанет смерть»¹⁶⁵.

Люди в униформе

В период между неудачной осадой османами Вены (1683 г.) и Венским конгрессом (1815 г.) монархия Габсбургов 87 лет находилась в состоянии войны. Это обстоятельство не могло не оказать влияния на бюджетную и налоговую политику государства, на взаимоотношения государя с сословиями, на меры, свидетельствовывавшие о социальной ответственности власти перед ранеными, инвалидами, офицерскими и солдатскими вдовами и сиротами. Необходимость повышения квалификации офицерских кадров побудила императрицу Марию Терезию создать систему специальных учебных заведений, где на вершине пирамиды находились готовившие высший кадровый состав Военная академия в Винер-Нойштадте (основана в 1751 г.) или венская Инженерная академия (учреждена в 1769 г.), а у подножья — десятки кадетских школ. Поощрению героизма в генералах и рядовых служил орден Марии Терезии, вручавшийся с 1757 г. безотносительно родovitости и чина за личное мужество на поле брани¹⁶⁶.

Именно война открывала подданным завидные возможности для карьерного роста или преодоления сословных рамок. С одной стороны, австрийский военный историк Михель Хохэдлингер в статье «Марс во дворянстве» показал, что в условиях постоянного бюджетного дефицита возведение в дворянство становилось немонетарным вознаграждением простолюдинам в униформе, не жалевшим крови и жизни

¹⁶⁵ ÖStA. HHStA. OMAA. Testamente. Kt. 639. 1768/15. Cothmann Anton. 14. Aug. 1768.

¹⁶⁶ См.: *Pandula A.* A Katonai Mária Terézia Rend társadalomtörténetéhez // Turul. 2008. LXXX. évf. 1. sz.

в войнах за утверждение геополитических приоритетов Габсбургского дома. Например, в правление Марии Терезии офицеры с выслугой десять лет возводились в дворянское достоинство¹⁶⁷. С другой стороны, как подсчитал венгерский военный историк Йожеф Захар, отсутствие дворянской грамоты не мешало продвижению по службе: в период с 1683 по 1848 г. каждый пятый генерал не был дворянином¹⁶⁸.

Вопрос о социальном составе, прежде всего о дворянско-аристократическом характере армии, особенно результативно изучается историками Франции. Традиционно считалось, говоря словами американского ученого Чарльза Ронга, что французская армия «крайне неохотно принимала в ряды офицеров тех, кто не был дворянином»¹⁶⁹. На самом деле, при более дифференцированном подходе обнаруживается, что дворянская грамота не служила гарантией блестящей карьеры: требовались знания, опыт, выдающиеся личные качества¹⁷⁰. С другой стороны, на младших офицерских должностях служили не только дворяне, армия предлагала им престижную карьеру и шанс социального возвышения для их сыновей.

Социальный состав габсбургской армии, согласно М. Хохэдлингеру, был иным. Казалось бы, возможность проявить смелость в бою и заслужить награду или более высокий чин должны были сделать армейскую карьеру привлекательной для сотен молодых честолюбцев. Однако историк пишет: «Австро-чешское дворянство, за исключением нескольких военных династий, тесно связанных с двором, оставалось на удивление равнодушным к возможности стать офицером, предпочитая должности в центральной и местной

¹⁶⁷ См.: *Hochedlinger M.* Mars ennobled. The ascent of the Military and the creation of a military nobility in mid-eighteenth-century Austria // German History. 1999. Vol. 17. N 2. P. 141–176.

¹⁶⁸ См.: *Zachar J.* A katonai pálya mint karrierlehetőség a XVIII. századi magyarság előtt. Történeti-statisztikai adalék a társadalmi mobilitás kérdéséhez // Írott és tárgyú emlékek kutatója. Emlékkönyv Bánkúti Imre 75. születésnapjára / Szerk. K. Mészáros. Budapest, 2002. 249–259. old.

¹⁶⁹ См.: *Wrong Ch.J.* The officers de fortune in the French infantry // French Historical Studies. 1976. Vol. 9. N 3. P. 425.

¹⁷⁰ См., например: *Chartier R.* Un recrutement scolaire au XVIIIème siècle: l'École royale du génie de Mézières // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1973. N 20. P. 353–375; *Blaufarb R.* The French army, 1750–1820: careers, talent, merit. Manchester, 2002.

администрации». В результате «австрийский офицерский корпус оставался гетерогенным и космополитическим»¹⁷¹. Косвенные подтверждения тому встречаются в частной переписке эпохи. Когда юный австрийский граф Вайхард Траутмансдорф решил поступить на военную службу, взволнованный этим решением ректор Терезианского коллегиума Теодор Кронштайн писал опекуну: «Прежде чем он поступит в тот или иной полк, ему нужно закончить учебу <...> нам всем прекрасно известна его переменчивая натура, может статься, что граф передумает быть офицером, и без необходимой подготовки и знаний, требуемых на статской службе, ему придется удалиться в свои поместья, за что он не скажет нам спасибо»¹⁷².

И все-таки утверждение о полной индифферентности дворянских элит монархии к карьере военного нуждается в уточнении. Достаточно упомянуть, что с началом Семилетней войны в 1756 г. престижный венский Терезианум лишился многих своих знатных воспитанников, пожелавших отправиться в действующую армию¹⁷³. Для младших сыновей обедневших (разорившихся) дворян и аристократов, а также для всех тех, кого влекли блеск мундира и не пугали тяжести походной жизни, армия оставалась спасительной возможностью если не улучшения, то сохранения социального статуса. Старший лейтенант Янош Киш из гусарского полка Имре Эстерхази писал своему патрону А. Каройи накануне окончания скоротечной войны за Баварское наследство (1778–1779): «Я, бедняга, не рад этому; что мне делать, когда наступит мир (да хранит нас от этого Господь хотя бы год), что станет с нашими назначениями?»¹⁷⁴

Однако для многих мечты о подвигах оборачивались томительным прозябанием в отдаленных гарнизонах, безденежьем, тщетными попытками выбиться из рядов младших офицеров, ранениями, несовместимыми с продолжением

¹⁷¹ *Hochedlinger M.* Austria's wars of emergence: war, state and society in the Habsburg Monarchy, 1683–1797. London; New York, 2003. P. 305.

¹⁷² См.: Т. Кронштайн — Ф. Надашди, [Вена, 1772?] // MNL OL. P 507. 35. cs. N 433.

¹⁷³ См.: *Schwarz J.* Die niederen und höheren Studien an der k. k. Theresianischen Akademie in Wien. Teil I // Jahresbericht über das Gymnasium an der k. k. Theresianischen Akademie. Wien, 1903. S. 16.

¹⁷⁴ Я. Киш — А. Каройи, Пентс (?), 3.III.1779 // MNL OL. P 398. 86. d. N 39706.

воинской службы. Выпускник венского Терезианума краинский барон Мария Непомук Энгельсхаус в 1774 г. поступил прапорщиком в полк под командованием Ф. Надашди и пять лет томился ожиданием производства в капитаны. Не имея достаточных средств даже на снаряжение собственной лошади, он с горечью писал командующему: «Сознаюсь в своем малодушии: если Ваша светлость не войдут в мое положение, что тогда делать мне, прапорщику, у которого есть дети?»¹⁷⁵ В последнем из сохранившихся писем Энгельсхаус ссылался на то, что не может выступить в поход, бросив жену на сносях и потратив последние деньги на экипировку. Похоже, что в дальнейшем офицер исполнил «угрозу» выйти в отставку и перешел на статскую службу¹⁷⁶.

Барон Энгельсхаус не был одинок в своем решении. Все, кто рано или поздно обнаруживал, что карьера военного не оправдывает связанных с ней ожиданий, предпочитали выйти в отставку и искать свое место в гражданской жизни, нередко в рядах бюрократии разных уровней. В отсутствие просопографических исследований, посвященных социальному составу бюрократических элит монархии, трудно делать обобщающие выводы, однако даже при беглом знакомстве с биографиями чиновников центральных и местных ведомств обращает на себя внимание, что многие из них имели за плечами пять, семь, десять и больше лет армейской службы. Как писала унтер-офицерская вдова Катарина Пёк: «Муж мой, Фердинанд Пёк, отдал армейской службе 28 лет жизни, прослужил в соляной конторе еще десять лет, пока не скончался в 1760 году»¹⁷⁷. Одни переходили на статскую службу вынужденно, вследствие тяжелого ранения; другие после 15–20 лет в армии чувствовали себя в силах приносить пользу государю и отечеству; третьи ловко маневрировали между разными покровителями, предлагавшими место в том или ином учреждении; четвертые, видя, как жесткая конкуренция между молодыми офицерами не оставляет надежды на производство в чин, в отчаянии подавали в отставку.

¹⁷⁵ М.Н. Энгельсхаус — Ф. Надашди, Бела-Вода, 15.II.1778 // Ibid. P 507. 43. cs. N 727.

¹⁷⁶ См.: М.Н. Энгельсхаус — Ф. Надашди, Загреб, 27.II.1778 // Ibidem.

¹⁷⁷ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29: Pensionen. Kt. 1934. Subd. 1. N 24 ex Aug. 1764. Fol. 842r-v.

Примером успешной интеграции в бюрократическую элиту монархии может служить Подивина Кучерсфельда (1769–?). Сын управляющего Тосканскими поместьями¹⁷⁸, юноша по настоянию отца изучал «свободные искусства и в особенности бухгалтерию и экономию»¹⁷⁹, однако выбрал для себя профессию военного. Он сражался в войне за Австрийское наследство и в 1741 г. был пленен в Праге. После освобождения Кучерсфельд был приписан к Савойскому драгунскому полку в Италии, участвовал в сражениях, был ранен. В 1752 г. он вышел в отставку в чине капитана и был зачислен в штат Сепешской казенной палаты в Кашше, через два года перевелся в Венгерскую казенную палату в Пресбург. При каких обстоятельствах произошло зачисление в штат финансового ведомства — неизвестно. В своих более поздних прошениях сам отставник постоянно ссылался на богатый опыт управленческой работы. В бытность офицером он часто выполнял денежные поручения своих командиров. Похоже, Кучерсфельд и в самом деле был искушенным финансистом и администратором. Президент Венской казенной палаты граф Р. Хотек хвалил его как «активного, неутомимого и прилежного человека, сведущего в венгерских фискальных делах, равно как и в юридических и экономических материях». Так, ему «удалось повысить доходы с казенного имения Альтенбург настолько, что за прошедший год фиск пополнился на 30 тыс. фл.»¹⁸⁰. Спустя десять лет Кучерсфельду даровали венгерский дворянский титул. Даже если его прошение 1765 г. о награждении малым крестом престижного ордена св. Стефана было отклонено, бюрократическая карьера капитана Кучерсфельда может считаться образцовой.

¹⁷⁸ Так называемые *Тосканские поместья* располагались на севере и в центре Чешского королевства и изначально принадлежали семейству Саксен-Люнебург. В 1697 г., когда представительница этого рода Анна Франциска вышла замуж за Джана Гастона Медичи, поместья перешли к герцогу Тосканскому. Впоследствии, после женитьбы герцога на единственной дочери императора Священной Римской империи Карла Альбрехта Баварского (1742–1745 гг.), эти земли оказались во владении Виттельсбахов. Когда Габсбурги в 1742 г. вернули себе мятежное Чешское королевство, Тосканские поместья подверглись секвестрированию и стали управляться напрямую из Вены. Вышеприведенную информацию мне любезно предоставил австрийский историк Петр Матя.

¹⁷⁹ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1900. 3. Febr. 1753. Fol. 33r.

¹⁸⁰ Ibid. Kt. 2037. 15. Jan. 1762. Fol. 442r.

В один год с Кучерсфельдом в Сепешскую казенную палату пришел и другой отставной офицер — венгерский барон Йожеф Вечеи. После 20 лет армейской службы он, штабной офицер, решил попытать счастья на гражданском поприще. Трудно сказать, за какие заслуги он был зачислен в штат, причем едва ли не сразу на должность советника¹⁸¹. Возможно, служа при штабе, он набрался каких-то полезных в финансовом ведомстве знаний и навыков, а возможно, руководство просто выдало ему кредит доверия, приняв во внимание знатность рода и безупречную военную карьеру. З. Фалленбюхль отмечал, что кадровая политика в Сепешской казенной палате, расположенной на безопасном отдалении от Вены, имела свои отличия: чужеземных немцев (т.е. выходцев из Австро-Чешских провинций) там не жаловали. Неслучайно Кучерсфельд предпочел при первой возможности перевестись в Пресбург¹⁸². Напротив, на должностях советников служили сплошь венгерские аристократы из недавно возведенных в магнатское сословие мелкодворянских родов, таких как Орци, Стараи, Вечеи. За 12 лет службы Кучерсфельд набрался опыта и заслужил репутацию сведущего и исполнительного чиновника.

Когда здоровье администратора графа Яноша Чаки в последние годы жизни ослабло настолько, что он не был в состоянии вести дела, бесперебойную работу аппарата обеспечивал именно Вечеи, который после смерти начальника в 1766 г. был назначен на эту должность в обход менее компетентных конкурентов. За одного из них — фёйшпана комитата Сабольч графа Яноша Баркоци — хлопотал его двоюродный брат, Эстергомский архиепископ¹⁸³. Между тем в Венской придворной казенной палате сочли: «Барон Йозеф Вечеи обладает живым и ясным умом и хорошо разбирается в делах, в ведении которых он старателен и исполнительен, к тому же он 20 лет служил в армии, выказывает большую искушенность во всех вопросах и в камеральной администрации в Кашше верно и справно служит с 1753 г. в должности первого советника, обладает достаточными для этого данными. Кроме того, барон Вечеи происходит из семьи, состоящей в родстве с первыми

¹⁸¹ См.: Ibid. Kt. 1889. 24. Apr. 1752. Fol. 318r.

¹⁸² См.: *Fallenbüchl Z. A Szepesi Kamara tisztviselői*. 211. old.

¹⁸³ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1904. Subd. 1. N 22 ex Jun. 1766. Fol. 135r.

лицами Венгерского королевства, и в этом ничем не уступит графу Баркоци»¹⁸⁴. В конце концов, двумя месяцами позднее Мария Терезия собственноручно написала на полях ноты: «Это место достанется Вечеи как первому советнику»¹⁸⁵.

Матиас Клохаммер (?–1769) — другой характерный пример интеграции отставного офицера в бюрократическую иерархию. Простолюдин из комитата Пресбург, он, подобно многим своим сверстникам¹⁸⁶, в самом начале войны за Австрийское наследство вступил в комитатское ополчение, получив должность провиант- и квартирмейстера. Покровительство фёйшпана комитата графа Яноша Палфи помогло ему попасть в действующую армию. Корнет Клохаммер служил в Баварии, Тироле и Северной Италии, был ранен, или, как он позднее напишет о себе, «служа моему государю, подвергал свое тело и жизнь опасности». Спустя 14 лет он не чувствовал себя более годным к продолжению военной службы. Неоднократно подавал Клохаммер прошения о зачислении в штат Казенной палаты и всякий раз настаивал на своей искушенности в бухгалтерском учете¹⁸⁷. В 1756 г. он получил скромную должность в соляной конторе в Кёрменде (комитат Ваш) и дворянскую грамоту¹⁸⁸.

Когда в 1769 г. Матиас Клохаммер умер (к тому времени он служил в соляной конторе в Немшове в комитате Тренчен), его старшему сыну Иоганну (Яношу) было около 16 лет. Молодого человека (по ходатайству его овдовевшей матери) приняли за казенный счет в Политико-экономический коллегийум в Сенце на одну из специальных стипендий, предусмотренных для сирот чиновников Венгерской казенной палаты. Брат его, Франц, вступил в учительствующий орден пиаристов и преподавал в Терезианском коллегийуме в венгерском Ваце. Иоганн достиг таких успехов в геометрии и гидравлике,

¹⁸⁴ Ibid. Fol. 127r.

¹⁸⁵ Ibid. Fol. 117v.

¹⁸⁶ Например, молодой клерк из Венгерской казенной палаты Игнац Какони вступил в 1741 г. в ополчение, чтобы через три года вернуться на службу в Палату, где, кстати, служил его отец. Ibid. HFU. Kt. 1881. 31. Oct. 1751. Fol. 545–550.

¹⁸⁷ См.: Ibid. Kt. 1937. 2. Sept. 1755. Fol. 24–26; Kt. 1948. 4. Maj. 1756. Fol. 169–170.

¹⁸⁸ См.: MNL OL A 57. 44. köt. 296–298. old.

что был отправлен на девять месяцев в Голландию — совершенствоваться в этих науках. По возвращении на родину он служил инженером-гидравликом в Каринтии, Хорватии и Южной Венгрии, стал страстным библиофилом и оставил после себя богатое собрание книг¹⁸⁹.

Смена «штыка» на «перо» завершилась успешно в случаях, когда ранение и, как следствие, отставка оказывались необходимым условием, чтобы власти почувствовали социальную ответственность за подданного; достаточным же условием едва ли не во всех случаях была способность мобилизовать доступные механизмы патроната. Что было делать 24-летнему младшему офицеру Иоганну Георгу Пертину (Бертину), когда неудачное падение с лошади сделало его, полного сил и крепкого духом человека, инвалидом, непригодным к воинской службе, на которой погибли, сражаясь под габсбургскими знаменами, его отец и дед? В данном конкретном случае проблема счастливо разрешилась в результате дружеского ходатайства генерала Карла Цинцендорфа к своему брату — президенту Придворной счетной палаты. Молодому человеку подобрали вакантное место в далеком Ронасеке, где тот и прослужил без малого полвека. В 1773 г. престарелый, готовившийся к выходу в отставку Пертин был отцом десятерых детей, из которых старший продолжил чиновничью карьеру, второй — по семейной традиции — поступил в пехотный полк, а двоих младших сыновей, при деятельной поддержке родного ведомства, удалось отправить учиться в Сенцкий политико-экономический коллегийум за казенный счет¹⁹⁰.

Мария Терезия до конца своих дней сохраняла особую щепетильность в вопросах благодарности родным офицерам и солдатам, отдавших жизнь за ее короны и земли. В годы Семилетней войны супруги Ветштайн потеряли троих сыновей на полях сражений. Относительно четвертого — офицера Зигмунда Ветштайна в полку Адама Баттяни императрица лично распорядилась: отправить в отставку и принять на гражданскую службу, а пока для него отыщется подходящая

¹⁸⁹ См.: Hegyi F. Klohammer János XVIII–XIX. századi geometra-hidraulika könyvtára // Magyar Könyvszemle. 1980. 96. évf. 1. sz. 60–69. old.

¹⁹⁰ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 19: Saltzwesen, Bestellung, Agenda. Kt. 1383. N 82 ex Dec. 1773. Fol. 468r–471r, 475r; Fasz. 41. Kt. 2483. Subd. 3. N 108 ex Oct. 1774. Fol. 276r, 307r.

вакансия — платить пенсию в размере армейского жалования (300 фл.). Когда же в 1763 г. юношу приняли акцессистом в бухгалтерию Казенной палаты на содержание, составлявшее лишь половину прежней пенсии, недостающие 150 фл. покрывали из Тайной камеральной кассы Ее Величества¹⁹¹.

О том, что отсутствие покровителей существенно понижало шансы на карьере чиновника даже для самых отважных и заслуженных ветеранов, свидетельствует судьба отставного капитана Иоганна Генриха Фрюэвюрта. Этот этнический немец из Южной Венгрии и подданный венгерского короля в 1750 г. ходатайствовал о скромной должности инспектора соляной конторы. Из истории семьи, изложенной в прошении, следовало, что его прадед Георг Адам в 1663 г. с тремя ранениями, полученными в бою с турками, попал в плен и умер в Буде в возрасте 69 лет, дядя Франц погиб в 1683 г. при отражении осады Вены. Дед Матиас погиб на следующий год, при осаде Буды, а при повторном штурме древней венгерской столицы в 1686 г. погиб другой дядя просителя. Отец Иоганна Генриха прослужил в габсбургской армии 53 года и в 1736 г. умер в должности комиссара провиантской дирекции¹⁹². Однако совокупных ратных подвигов семейства оказалось недостаточно, чтобы выдержать конкуренцию с более опытными чиновниками, претендовавшими на ту же должность, возможно, с большими основаниями.

В вышеприведенных случаях обращает на себя внимание, что отставные офицеры, в отличие от «сыновей своих отцов», которым словно на роду было написано повторить ту же самую карьеру, нередко в том же самом городке, поселке или таможенном пункте, расцветивали новыми красками бюрократическую среду королевства. Они не только привносили в нее этническую пестроту: многие из них были немадьярами или членами дворянских сообществ из других габсбургских провинций. Они приносили личный и профессиональный опыт, накопленный вдали от Венгрии. Например, Андреас Франц Пюхер происходил из комитата Шопрон, в 1728–1735 гг. служил в гарнизоне Мессины на Сицилии (отвечал за полковые финансы и снабжение); впоследствии офицера перевели в полк князя Лобковица, расквартированный в континентальной части Италии; ему

¹⁹¹ См.: Ibid. HFU. Kt. 2054. 28. Dec. 1762. Fol. 463 r–v.

¹⁹² См.: Ibid. Kt. 1867. 15. Aug. 1750. Fol. 217r–221r.

довелось сопровождать австрийское посольство в Османскую империю; в годы войны за Австрийское наследство Пюхер ведал военными финансами герцога Карла Лотарингского¹⁹³. В XIX в. эта социальная группа станет одной из центристических сил, работавших на сохранение монархии и размывавших замкнутый характер венгерской бюрократии¹⁹⁴.

Раннее знакомство с бухгалтерским учетом и опыт управления финансами нередко помогали отставным офицерам найти место в гражданской жизни. Эти знания открывали им дорогу к целому спектру административных должностей в Казенной палате и смежных с ней ведомствах. Офицер Антон Радль, сын сборщика налогов из Сакольцы, десять лет прослужил в пехотном полку Л. Палфи и вышел в отставку по ранению. Чтобы повысить шансы на трудоустройство в мирной жизни, он поступил практикантом к собственному отцу. В прошении Радль писал: «Наряду с родным немецким языком я владею венгерским, шлавонским [так. — О.Х.], латинским и итальянским». Руководство Палаты поставило соискателя на почетное второе место, обосновав свое решение так: «...как за опытность в деле сбора тридцатинного налога, так и за отцовские заслуги и собственные, добытые на ратном поприще»¹⁹⁵. Частная резолюция императрицы многозначительно гласила: «Когда можно, то принимать на такие должности офицеров и унтер-офицеров, которые знают языки»¹⁹⁶.

Впрочем, навыки счетовода никогда не служили гарантией зачисления в штат того или иного ведомства. Отставной офицер Янош Станкович, желавший поступить туда курьером, писал: «Я десять с половиной лет верой и правдой служил в пехотном полку эрцгерцога Фердинанда, причем последние пять лет вел переписку на латинском, венгерском, словацком и немецком языках и всю финансовую документацию, и все старшие по званию офицеры, включая военно-полевого комиссара, о чем говорится в копии справки о выходе в отставку и прилагаемых аттестатах, были мной совершенно

¹⁹³ См.: Ibid. Kt. 1794. 5. Dec. 1744. Fol. 233r.

¹⁹⁴ См.: Deák I. Beyond nationalism: A social and political history of the Habsburg officer corps, 1848–1918. New York; Oxford, 1990; Hajdu T. Tisztikar és középosztály a dualizmus korában. Budapest, 1991.

¹⁹⁵ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2029. 12. Aug. 1761. Fol. 226v, 229r–v.

¹⁹⁶ Ibid. Fol. 225v.

довольны»¹⁹⁷. Должность, однако, досталась другому соискателю — протеже сына президента Палаты, тому самому «своему человеку» Антала Грашшалковича-младшего.

Как любые аутсайдеры в бюрократической среде, отставные военные представляли потенциальную угрозу основополагающему принципу кадровых назначений — постепенному восхождению по служебной лестнице. В условиях, когда младшие чиновники годами томительно ждали повышения, наем бывших офицеров на открывавшиеся вакансии вступал в противоречие с декларируемой аппаратной этикой. Например, в 1775 г. Дёрдь Насвади попросил императрицу устроить его в штат Казенной палаты. О себе он сообщал, что 13 лет посвятил службе в армии и вышел в отставку по состоянию здоровья в чине капитана. Будучи еще нестарым человеком, полным желанием приносить пользу на другом общественном поприще, офицер отказался от положенной ему пенсии, «дабы не обременять государев фиск». Отец семейства, обязанный дать детям приличествующее образование, он стоял на краю финансового краха, ибо скромное наследство, доставшееся ему от матери, было наполовину описано и заложено в счет скопившихся долгов. Королевская служба представлялась ему способом поправить материальное положение и послужить общественному благу.

На запрос императрицы вице-президент Палаты граф Фештетич ответил, что Насвади обладает необходимыми познаниями для работы в ведомстве, однако предложить ему должность, сопоставимую с пенсией капитана, не представлялось никакой возможности («в очереди» за такими должностями давно уже стояли многоопытные сотрудники). Посему решено было на будущее иметь соискателя в виду, но рассчитывать на жалованье выше 200 фл. в год отставному капитану не пришлось бы¹⁹⁸. Явное нежелание пополнять штат камеральных ведомств за счет бывших военных прослеживается и в случае отставного подполковника Имре Виткоци. Два года прослужил он в военно-хозяйственной комиссии в Кашше и, как сообщало руководство, «не причинил никакого вреда», однако его желание занять должность инспектора в соляной конторе встретило решительное противодействие:

¹⁹⁷ MNL OL. E 47. 19. cs. N 599 ex Sept. 1775.

¹⁹⁸ См.: Ibid. N 133 ex Dec. 1775.

«По нашему мнению, он столь дряхл, что, кажется, не годится уже ни для какой королевской службы»¹⁹⁹. Тем более что даже непродолжительная служба в казенном ведомстве давала офицеру право на казенную пенсию.

Особую группу отставных офицеров составляют венгерские лейб-гвардейцы. Уже при их зачислении в гвардию предполагалось, что после трех-пяти-семи или более лет в Вене они сделают выбор между военной и статской карьерой. Таким образом, лейб-гвардия предлагала молодым людям путь спонсированной мобильности: личное знакомство с императрицей (некоторым доводилось не только охранять ее покой, но и спасать ей жизнь во время конных прогулок) и близость к властным центрам монархии сокращали и облегчали путь к заветному назначению. Сведения, содержащиеся в биографическом справочнике Хеллебронта, а также информация, которую удалось собрать в архивных фондах центральных ведомств, позволяют утверждать, что отставные гвардейцы поступали на службу в Казенную палату, таможенные, налоговые, соляные конторы и почтамты, Венгерскую королевскую канцелярию и Венгерский королевский наместнический совет, в окружные суды, комитатские и городские администрации. В количественном измерении речь идет примерно о трети личного состава в период между 1760 и 1790 гг.

Итак, перед офицерами гвардии открывалось три пути: перевестись в действующую армию, занять административную должность или, если позволяла выслуга лет, выйти на пенсию со скромным денежным довольствием. Выше уже приводился пример Михая Чергё, который сумел удачно интегрироваться в чиновничью среду. Его пример не был единственным. Дворянин Йозеф Баботи из комитата Нитра с 1767 по 1775 г. служил в лейб-гвардии в Вене, причем последние два года регулярно подавал прошения о зачислении на любую вакантную должность в административном аппарате. В 1773 г. он писал: «Поскольку я с ранней юности всецело посвятил себя освоению необходимых наук и изучению семи языков, из которых немецкий и французский дальше совершенствовал во время нахождения в гвардии, и плодами сих усилий была подготовка в юридических науках и горячий интерес к экономии, так что я в совершенстве подготовился к занятию

¹⁹⁹ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 19. Kt. 1383. N 82 ex Dec. 1773. Fol. 509r.

подобных должностей»²⁰⁰. Прошения Баботи неоднократно откладывались в долгий ящик, пока в 1775 г. ему, наконец, не предложили скромную должность конциписта в Венгерской казенной палате, где он прослужил до 1783 г.

С другой стороны, дворянин Йожеф Доци (1741–1825) из комитата Зала в 1762 г. поступил в лейб-гвардию, служил в Пресбурге, Парме и Милане, сопровождал императора Иосифа II на войну за Баварское наследство. Все ходатайства, которые он время от времени подавал в надежде на переход на статскую службу, отклонялись, однако офицер упорно доказывал, что за годы в гвардии как нельзя лучше подготовился к карьере чиновника: «За время, что я провел в Милане, я не только со всей возможной точностью исполнял свои обязанности, но и изучал науки и языки, чтобы лучше подготовиться к [чиновничьей] должности»²⁰¹. К 1819 г. Доци дослужился до полковника и вышел в отставку. Его сослуживец Имре Дёрди (1741–?) неоднократно просил перевести его в Венгерскую казенную палату, но не сумел убедить власти в своей профессиональной пригодности. Президент ведомства советовал императрице по этому поводу: «Я тем менее поддерживаю просителя, что нетрудно предположить: у него нет ни знаний, ни представления об обязанностях камерального асессора»²⁰².

Справедливости ради следует заметить, что если кто-то из отставных военных, не имеющих ни знаний, ни умений, требуемых на чиновничьем поприще, проникал в ряды статских, от него находили способ избавиться. Так произошло в 1771 г. с бывшим венгерским лейб-гвардейцем (сыном офицера, сражавшегося в Семилетнюю войну) Михелем Ротенштайном (1740–?), который, выйдя в отставку, устроился в 1768 г. нотарием в окружную Судебную палату в Эперьеше²⁰³. Через три года, явно устав от его вопиющего непрофессионализма, Венгерская королевская канцелярия постановила: «Отставку у него — принять, от должности — освободить, за 11 лет прилежной [военной и статской] службы, а также прочие похвальные качества — пожаловать титул

²⁰⁰ MNL OL. E 47. 14. cs. N 430 ex Nov. 1773. Прошение от 1774 г. см.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1905. Subd. 1. N 114 ex Jan. 1774. Fol. 255–256.

²⁰¹ См.: MNL OL. E 47. 20. cs. Nr. 190 ex Mar. 1776.

²⁰² См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1906. Subd. 1. N 1 ex Jun. 1776. Fol. 168r.

²⁰³ См.: Hellebronth K. A magyar testőrségek névkönyve. 321. old.

королевского советника, освободив от необходимости уплачивать казенный сбор»²⁰⁴.

Делать какие-либо обобщающие выводы относительно шансов отставных военных на статской службе в отсутствие специальных исследований не представляется возможным. В каждом случае наличествует сложное сочетание факторов, таких как способность офицера грамотно (рационально и эмоционально) изложить в прошении суть своих карьерных ожиданий, везение заручиться поддержкой влиятельного лица, наконец, произвести впечатление на государя. Например, отставной лейтенант Людвиг (Лайош) Донегг (мелкий дворянин из восточновенгерского комитата Сатмар) буквально забросал петициями императрицу и Придворную казенную палату, прося принять его на должность сборщика налогов. Несмотря на то что чиновники в Вене поставили его кандидатуру только на третье место, после двух соискателей, не один год проработавших по специальности, а чиновники в Пресбурге предпочли Донеггу другого отставного офицера (сына покойного инспектора, трудившегося на этом посту), императрица, не терпя возражений, выбрала именно Донегга, добавив при этом: «...если принесет хорошую характеристику из полка»²⁰⁵.

Дворянская грамота

Quod eidem, qua ignobili omnia via futurae gradualis promotionis ex lege simpliciter praeclusa sit²⁰⁶.

Современная венгерская историческая наука определяет дворянство как «группу, которая начиная со Средних веков играла ведущую роль в обществе и располагала

²⁰⁴ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 8: Tabula Septemviralis, Banalis et Judicialis in Kroatien. Kt. 481. Subd. 3. N 88 ex Jun. 1771. Fol. 118.

²⁰⁵ Ibid. HFU. Kt. 1851. 16. Maj. 1749. Fol. 163–189.

²⁰⁶ Поелику ему, как простолюдину, все пути дальнейшего постепенного повышения [по службе] просто-напросто отрезаны по закону (лат.). — Из образца прошения о выдаче дворянской грамоты, опубликованного в письмовнике Игнаца Кашшича. Цит. по: Kassics I. Praxis politica civilis et stylare politicorum Latino-Hungaricum... Posenii, 1827. P. 127.

привилегиями, содержание которых менялось от эпохи к эпохе»²⁰⁷. Главнейшей привилегией, как известно, был налоговый иммунитет — право не платить налоги в обмен на добровольное обязательство нести общественно полезную службу. Доля дворянства в населении королевства была, по европейским меркам, довольно высока и составляла в среднем 5% по стране: в областях, не знавших османского владычества, этот процент был выше, в недавно освобожденных комитатах — существенно ниже. На вершине социальной пирамиды стояли около 100 богатейших аристократических родов, за ними следовали примерно 3 тыс. среднепоместных семейств (именовавшихся *bene possessionati*), ближе к основанию иерархической структуры располагались 70 тыс. мелкопоместных семей, число же так называемых армалистов, т.е. тех, у кого дворянская грамота была единственным доказательством их привилегированного статуса и не подкреплялась земельным владением, не поддается подсчетам²⁰⁸.

В смысле прав и свобод индивида безземельный дворянин ничем не отличался от сиятельного графа; в государственно-правовом отношении дворянство как корпорация делилось на сословия магнатов (*főnemesség*) и простых дворян (*köznemesség*). Они заседали в разных палатах Государственного собрания, причем первые присутствовали лично, вторые — через избранных в комитатах и представлявших их интересы делегатов. Имелись четкие разграничения, на какие должности имеют право претендовать простые дворяне, а какие зарезервированы исключительно для магнатов. Положительная дискриминация наблюдалась, например, в Венгерской казенной палате, где в штатном

²⁰⁷ Orosz L. Nemes // Magyar művelődéstörténeti lexikon. Középkor és újkor. Bp., 2008. VIII. köt. 153. old.

²⁰⁸ Литература о венгерском дворянстве обширна, в то же время остро ощущается нехватка современного обобщающего труда. До сих пор не потеряла актуальности широко цитируемая в англосаксонской историографии книга выдающегося венгерского историка Х. Марцали: *Marczali H. Hungary in the eighteenth century*. Cambridge, 1910. Из кратких очерков обращают на себя внимание статьи блестящего знатока монархии Габсбургов Р. Эванса. См., например: *Evans R.J.W. Der Adel Ungarns in der Habsburgermonarchie im 18. Jahrhundert // Der europäische Adel im Ancien Régime. Von der Krise der ständischen Monarchien bis zur Revolution (ca. 1600–1789) / Hrsg. von R.G. Asch. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 345–362.*

расписании закреплялась магнатская квота для советников, сначала числом в три, затем, с увеличением объема работ, в четыре человека.

Историки придумали множество способов провести разграничительные линии внутри привилегированного сословия. З. Фалленбюхль делил дворянство на *древнее, новое* и *«сомнительное»*²⁰⁹. В рядах потомственных дворян доля старинных родов была невысока, ибо с гибелью королевского войска в битве при Мохаче в 1526 г. ряды господствующего класса сильно поредели. Габсбурги, получившие в 1527 г. корону св. Стефана, сделали дворянские титулы наследственными и окружили себя зависимыми от венского двора «свежеиспеченными» аристократами (которых стали несколько уничижительно называть *«homines novi»*, т.е. «новые люди»). Древностью могли похвастаться скорее уцелевшие в геополитических катаклизмах XVI–XVII вв. разветвленные средне- и мелкодворянские семьи (вспомним Какони), задававшие тон в комитатах и громко отстаивавшие неприкосновенность корпоративных привилегий на Государственных собраниях. «Сомнительными» считались дворяне, не способные подтвердить свои претензии дворянской грамотой или ее официально заверенной копией. После войн и череды внутренних волнений таковых насчитывалось великое множество. Расследованием обстоятельств в каждом отдельном случае занимались специальные комиссии, выяснявшие не только вероятность наличия грамоты в прошлом, но и то, в какой мере соискатели соответствовали требованиям, предъявляемым к членам корпорации ныне.

Интерес привилегированных сословий раннего Нового времени к публичным, пусть даже неоплачиваемым должностям можно считать подтверждением того, что служба (*officium*) неизменно воспринималась как неотъемлемая часть исключительного статуса. Право именоваться политической нацией и наравне с королем творить законы королевства венгерское дворянство, старое и новое, традиционно обосновывало несением службы: в древности — военной, по мере разрастания управленческого аппарата всех уровней — статской. Не занимать никакой должности, не делать ничего для общественного блага было если не постыдно, то достойно жалости. Президент Венгерской казенной палаты А. Грашшалкович в

²⁰⁹ См.: *Fallenbüchl Z. Mária Terézia magyar hivatalnokai*. 52. old.

1767 г. с глубочайшим сожалением писал о бароне Мозеше Реваи, испрашивая ему скромную пенсию из уважения к заслугам перед отечеством этого древнего рода: «По бедности, не имея средств к существованию и к тому же обремененный многочисленным потомством, он вынужден вести приватный образ жизни и похоронить в домашнем безделье [курсив мой. — О.Х.] обнаруженные в себе доблести предков»²¹⁰.

В этом смысле владения Австрийского дома в целом и Венгерское королевство в особенности разительно отличались от Российской империи. Процитируем Ю. Лотмана: «По мере усиления независимости дворянства оно начало все более тяготиться двумя основными принципами петровской концепции службы: обязательностью ее и возможностью для недворянина становиться дворянином по чину и службе»²¹¹. Только после манифеста 1762 г. о вольности дворянства, пишут А.А. Плетнева и А.Г. Кравецкий, у привилегированного сословия «практически не осталось обязанностей, и в результате они начали по доброй воле делать то, к чему принуждал их Петр I»²¹². В Габсбургской же монархии сословия сохраняли контроль над внутренней политикой и законодательской деятельностью, участвовали в решении финансовых и военных вопросов. Дворянство как корпорация считало службу способом влияния на центральную власть, а на индивидуальном уровне охотно пополняло ряды чиновничества, видя в этом способ сохранения или повышения социального статуса.

Для аристократов служба всегда была сопряжена с представительством и защитой интересов рода, корпорации, страны. З. Фалленбюхль обратил внимание, что с конца XVII в. графы Эрдеди, влиятельный южновенгерский род с хорватскими корнями, практически на полвека приватизировали пост президента Венгерской казенной палаты. Мария Терезия попыталась было назначением верного ей Грашшалковича остановить эту сословную «реконкисту» на интересы королевского фиска, однако в 1765 г. после

²¹⁰ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1938. Subd. 1. N 52 ex Sept. 1767. Fol. 345v.

²¹¹ См.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.). СПб., 1997. С. 39.

²¹² Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Служба, промысел, работа. С. 121.

смерти ее любимца пост президента вновь достался одному из Эрдеди — Яношу Непомуку²¹³. В отличие от других магнатов, которые поступали на королевскую службу на год-два, чтобы набраться опыта и обзавестись связями, этот Эрдеди пришел в ведомство всерьез и надолго.

Как и многие его сверстники-магнаты, Янош Непомук начал в 1745 г. с должности внештатного советника. Число и продолжительность службы таких работников проследить крайне сложно, потому что их редко регистрировали в штатном расписании. Близость аристократических семейств к двору оказывалась залогом того, что сердобольная императрица назначала им, сыновьям своих вельмож, пенсии в размере жалования или половины жалования, в то время как их коллегам дворянского происхождения приходилось рассчитывать лишь на поддержку своей семьи. Так и Яношу Непомуку уже с января 1747 г. положили пенсию в размере 1000 фл., а в следующем году перевели в штат. В 1770 г. к тому времени многоопытного камерального служащего графа Эрдеди назначили вице-президентом Палаты, а спустя два года — президентом. Эту должность он исполнял десять лет, вплоть до 1782 г.

В фальшивом письме графини Оливии, которое в комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь» хитроумные слуги подбросили мажордому Мальволио, говорилось: «Одни рождаются великими, другие достигают величия, третьим оно жалуется»²¹⁴. В самом деле, в одних случаях возведение в дворянство со всей очевидностью демонстрировало признание накопленных заслуг, в других — становилось знаком особой милости, оказать или не оказать которую было в прерогативе монарха. Вот два примера.

Молодой простолюдин Йозеф (Йожеф) Энгельхардт дворянства достиг. Он изучал право в Венском университете, стажировался у столичных адвокатов, а с 1748 по 1756 г. служил личным секретарем у советника Королевской казенной палаты Иштвана Надя (?-1766) — референта по венгерским делам в этом ведомстве. Продвижение Энгельхардта по карьерной лестнице с должности референдаря к посту канцеляриста и потом помощника экспедитора было

²¹³ См.: *Fallenbüchl Z. Mária Terézia magyar hivatalnokai*. 70. old.

²¹⁴ Шекспир У. Двенадцатая ночь, или Что угодно / Пер. с англ. М.А. Лозинского. Текст доступен по адресу: http://lib.ru/SHAKESPEARE/12th_3.txt

медленным и очень скудно оплачивалось. Впрочем, руководство Палаты считало его прилежным, ответственным и надежным служащим, и его знания бухгалтерского учета и экспедиции оказались в высшей степени востребованы как в родном ведомстве, так и в Королевском наместническом совете. Этот скромный и сведущий клерк может служить примером того, как годы и десятилетия самоотверженного труда со временем приносили желанное вознаграждение. Энгельхардту должно было быть около 70 лет, когда он, наконец, получил дворянский титул для себя, своих жены, детей и племянника — через 18 лет после своего первого обращения об оказании подобной милости²¹⁵. Коллеги из Венгерской королевской канцелярии создали для него глубоко личный, так называемый говорящий²¹⁶ герб. В первой и четвертой четвертях щита был изображен белый ангел (нем. *Engel*) с поднятой вверх правой рукой; во второй и четвертой размещалась сидящая на вершине каменистой горы сова с пером в клюве²¹⁷.

Напротив, акцессисту Венгерской канцелярии Матиасу Круттону дворянский титул был дарован в ранней молодости, и во многом — авансом. В 1755 г. канцлер Л. Надашди писал в ноте: «Сей проситель верно и преданно служит в указанной должности шестой год, Ваше Священнейшее Величество; когда его принимали на службу в ведомство, изволили обнадежить молодого человека, что, если дела у него пойдут хорошо, можно выдвинуть кандидатуру на дворянскую грамоту, и, поскольку сей проситель, по мнению канцелярии, хорошо себя зарекомендовал, мы рекомендуем его императорско-королевской милости»²¹⁸. В его гербе на щите (во втором из трех полей) красовалась не сова на скале, но ворон, восседавший на одном из трех зеленых холмов, держа в клюве неизменное (казалось бы) для аноблируемых чиновников перо. В третьем поле (нижняя половина щита)

²¹⁵ См.: MNL OL. E 47. 14. cs. N 511 ex Jun. 1773; ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1951. Subd. 2. N 50 ex Febr. 1776. Fol. 56r-v; MNL OL. A 57. 55. köt. 762. old.

²¹⁶ Это была широко распространенная практика, и не только в Венгрии. Примеры из венгерской геральдики см.: *Csoma J. A magyar heraldika korszakai. Máriabesenyő; Gödöllő, 2008. 114. old.*

²¹⁷ См.: MNL OL. A 57. 55. köt. 762. old.

²¹⁸ MNL OL. A 1. 265/1755.

были изображены три ветки рогоза²¹⁹. Матиас Круттен прослужил в скромной должности акцессиста еще 30 лет, добившись увеличения жалованья с 300 до 900 фл., затем его повысили до помощника экспедитора, с какового поста он в 1800 г. в возрасте 76 лет — уже немощным и дряхлым — ушел на пенсию, получив в награду за полувековую безупречную службу медаль на цепи²²⁰.

Наконец, крайне примечательный случай, когда «величие даровалось», произошел в семье одного из первых лиц Венгрии — королевского персонала графа Имре Баттяни (1701–1774). Вторым браком он женился на Еве Ганц (в девичестве Райхенхубер) — овдовевшей бюргерше с двумя детьми. Граф воспитал пасынков Йозефа и Себастьяна и дал им образование, как подобало примерному отцу. После смерти отчима братья обратились к императрице с просьбой возвести их в дворянское достоинство на том основании, что отчим-аристократ дал им приличествующее юношам из благородного сословия образование, но отсутствие дворянского диплома преграждало им путь к «добыванию честного хлеба». Венгерская канцелярия оказалась в затруднении, ведь у молодых людей не было никаких заслуг, которые можно было бы вознаградить дворянским титулом. Однако государыня наложила примечательную резолюцию: «Я иду на это неохотно, но даю свое дозволение за верность матери их отчиму и по просьбе [сводного брата] Йозефа Баттяни»²²¹.

3. Фалленбюхль как крупный знаток чиновничества раннего Нового времени пришел к двум важным выводам о соотношении административной карьеры и возведения в дворянское достоинство. Во-первых, далеко не все заряженные на карьеру чиновники-простолюдины непременно хотели войти в ряды дворянского сословия. С одной стороны, для целого ряда должностей этого не требовалось; с другой — не все были в состоянии внести обязательный в таких случаях

²¹⁹ См.: MNL OL. A 57. 43. köt. 560. old. Вообще, рогоз нередко изображался на родовых гербах и гербах поселений. У секретаря Венгерской канцелярии Йозефа (Йожефа) Гаснера (получившего дворянство в 1760 г.) на гербе красовалась серна, выскакивавшая из зарослей рогоза. См.: Ibid. 45. köt. 501. old.

²²⁰ См.: Ibid. A 39. 9283/1800; A 79. Krutten Mathias.

²²¹ Ibid. A 39. 1809, 2173, 4136/1776.

сбор, а в дальнейшем — обзавестись именьицем, чтобы «прописаться» в дворянском сообществе того или иного комитата. Самый высокий процент дворянства, по подсчетам историка, был в системе судопроизводства и в Наместническом королевском совете, традиционно считавшихся оплотом сословий. Там недворянин редко поднимался выше истопника или курьера. Самым «демократичным» ведомством была Казенная палата, где знающий, опытный недворянин мог войти в среднее административное звено.

В Венгерской королевской канцелярии образованных разночинцев допускали в регистраторы и экспедиторы. Однако отсутствие дворянской грамоты часто ставило соискателя должности, скажем, секретаря в неравные условия. Агент этого ведомства Антал Прускай писал своему патрону графу Ф. Надашди: «Прошение бедного Йожефа Керестури о месте канцелярского секретаря попросту отвергнуто, потому что он недворянин»²²². (Речь идет о том самом многоопытном агенте Керестури, имя которого стоит на десятках обращений на высочайшее имя.) Несколько дней спустя Прускай докладывал о развитии событий: «Относительно дворянства г-на Михалковича²²³, предложенного на должность секретаря, у господ — членов Королевской канцелярии зародились большие сомнения, на что мы с г-ном секретарем и регистратором Бистрицей не замедлили сообщить, что дворянство его вот уже несколько лет как официально признано в комитате Ваш. Одному БОГУ [так в тексте. — О.Х.] известно, почему застопорилось это назначение?»²²⁴

Второе важное наблюдение Фалленбюхля относится к социальному профилю тех, кто возводился в дворянское достоинство. Издание дворянской грамоты становилось, по мнению историка, юридическим признанием уже свершившегося факта инкорпорации простолюдина в дворянскую среду. Многочисленные примеры говорят в пользу этой точки зрения. Мелкий комитатский служащий Йозеф Феликс Лооб

²²² См.: А. Прускай — Ф. Надашди, Вена, 5.III.1771 // Ibid. P 507. 39. cs. N 604.

²²³ Скорее всего, желанного назначения так и не последовало. В штате Венгерской канцелярии имя Михалковича не значится. См.: MNL OL. A 79. Зато известно, что Янош Михалкович в 1779–1794 гг. служил секретарем в Венгерском королевском наместническом совете. См.: *Ember Gy.* A M. Kir. Helytartótanács. 203. old.

²²⁴ А. Прускай — Ф. Надашди, Вена, 19.III.1771 // MNL OL. P 507. 39. cs. N 604.

многие годы добивался дворянского титула, о чем неустанно просил своих патронов — венгерского палатина графа Лайоша Баттяни и хорватского бана графа Кароя Баттяни (1698–1772). По словам Лооба, его семья некогда принадлежала к числу дворянских, однако, как и сотни им подобных, не могла предоставить документального подтверждения. Венгерская канцелярия рассудила, что проситель «занимает комитатские должности и сведущ в законах страны, в будущем же он может нести полезные обществу службы, для исполнения которых необходима дворянская грамота»²²⁵. Получив желаемое, Лооб со временем добился того же для брата Йоганна.

Та же логика просматривается в позиции властей в случае с регистратором Венгерской королевской канцелярии Ференцем Домбаи (?–1761). Его семья заявляла о своем дворянстве со времен Фердинанда I (1556–1564 гг.), однако, как это случалось сплошь и рядом, не могла найти в семейном архиве заветной грамоты. В пользу своего всем известного благородного происхождения они приводили тот факт, что власти не оспаривали у них приставку «*egregius*» к имени, полагавшуюся только дворянам. Янош Домбаи с 1711 по 1724 г. трудился в Венгерской канцелярии истопником и за год до смерти, в 1723 г., пристроил сына Ференца акцессистом без жалованья, а в следующем году младший его сын Йозеф Годафрид «унаследовал» после смерти отца должность истопника. Ференц прослужил в канцелярии 37 лет, упорно карабкаясь по служебной лестнице. Через десять лет он уже трудился канцеляристом с годовым жалованьем 600 фл., еще через четыре года эту сумму увеличили на треть. В 1747 г. Ференц Домбаи занимал чин экспедитора с жалованьем 1000 фл., через три года оно возросло до 1200 фл. Карьера брата Йозефа сложилась куда менее впечатляюще: после 30 лет работы истопником его перевели в привратники. С 1753 г. в Венгерской канцелярии трудился третий Домбаи — Михай (скорее всего, сын старшего брата Ференца)²²⁶. Когда в 1761 г. Ференц Домбаи умер, руководство испросило у императрицы подтверждение дворянского титула для всего семейства²²⁷. Новоиспеченного сироту

²²⁵ MNL OL. A 1. 146/1754.

²²⁶ См.: Ibid. A 79. Dombay Michael.

²²⁷ См.: Ibid. A 57. 45. köt. 655–658. old.

Домбаи — во исполнение характерной резолюции императрицы: «Тому, который беднее» — немедленно зачислили на учебу в венский Лёвенбургский конвикт²²⁸.

Одновременное применение двух принципов — возведения в дворянство за заслуги и дарования дворянства по милости — давало властям свободу маневра использовать дворянскую грамоту как инструмент «социального моделирования». В одних случаях шла речь о том, чтобы дать пример, достойный подражания. Отставные офицеры брата Иоганн Карл и Михель Гаспар Ласгальнер, писавшие в прошении, что «построили» свою судьбу усердием и трудолюбием, исповедовали лютеранство. Однако канцлер Л. Надашди, обращаясь к императрице, особо подчеркнул: хотя она и очень редко соглашается на аноблирование таковых подданных, в данном случае представляется возможность не только отплатить монаршей милостью за несомненные заслуги братьев-офицеров, но и явить всем подданным образец достойного поведения²²⁹.

В ряде случаев власти поддерживали всех мало-мальски достойных просителей из краев, где процент дворянства, прежде всего дворян-католиков, по объективным причинам был низок. В 1749 г. хорватский бан пожаловался, что в трех славонских комитатах — Сереме, Верёце и Пожеге — ощущалась нехватка дворянства и там остро нуждаются в лицах, способных вести комитатские дела. По этой причине было решено удовлетворить прошение Михая Костица, мещанина из Эсека, поскольку он и его старший сын «были католиками, имели приличное состояние, владели латинским, венгерским, немецким, итальянским и склавонским²³⁰ языками, разбирались в арифметике, т.е. обладали необходимыми качествами для той или иной комитатской должности»²³¹. В ряду аргументов женитьба Костица на баронессе Пеячевич (генеалогические справочки не позволяют установить ее имя) упоминается в

²²⁸ См.: Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов (1746–1784). СПб., 2006. С. 216.

²²⁹ MNL OL. A 1. 232/1754.

²³⁰ Здесь, скорее всего, имеется в виду один из южнославянских языков-диалектов.

²³¹ MNL OL. A 1. 148/1749.

последнюю очередь, как условие необходимое, но само по себе недостаточное. Нет достоверных данных, получили ли отец и сын Костиц дворянскую грамоту. Известна лишь одна дворянская фамилия Костиц, и соответствующая грамота была издана только в 1791 г.

Сходное положение наблюдалось в восточных комитатах королевства, известных также как Верхняя Венгрия. В том же, 1754 году, когда Ласгальнеры стали дворянами, власти удовлетворили прошение Ференца Макаи — приходского священника из комитата Бихар. По признанию самого канцлера, большой нужды в том не было: Макаи не занимал должностей в комитатской администрации и как священник пользовался многими дворянскими прерогативами. В то же время он происходил из комитата, где «дворянство немногочисленно или, в лучшем случае, проживают дворяне-некатолики»²³². Канцлер настаивал: «Для исполнения закона [о том, что для комитатских должностей избираются дворяне королевства. — О.Х.] и продвижения императорско-королевской службы необходимо, чтобы в этих комитатах приумножалось число дворян-католиков»²³³.

Там, где доля дворян была высока, как, например, в западных комитатах, где не знали османского владычества, где не бушевали антигабсбургские восстания, а доля католиков была высока, каждое прошение о дворянстве и даже простое подтверждении сомнительного дворянского титула рассматривалось словно под увеличительным стеклом. Экспедитор Венгерской королевской канцелярии Бернат Кончек писал канцлеру (своему патрону): «На прошлом заседании совета помимо прочего зашла речь о предполагаемом дворянине, некоем г-не Гомбоце из комитата Ваш, просящем признать несомненность его титула, в связи с чем многие высказывались в том смысле, что в этом комитате без всякого тщания многих уже возвели в дворянское достоинство, о чем выдали соответствующие документальные свидетельства. Сообщая об этом обстоятельстве, я желал бы дать Вашему сиятельству знать, что, если, не дай Бог, прозвучат упреки из уст недоброжелателей, вы были бы к ним готовы»²³⁴. Судя по

²³² MNL OL. A 1. 146/1754.

²³³ Ibidem.

²³⁴ Б. Кончек — Л. Баттяни, 18.I.1749, Вена // MNL OL. P 1314. N 82678.

«Королевским книгам», дворянский титул некоего Гомбоца действительно был признан, но не в 1749 г., когда написано письмо, а в 1763 г. Список жителей комитата Ваш, чье дворянство было подтверждено, занял более шести страниц убористым почерком²³⁵. Вероятно, в него вошли все те, кто долгие годы дожидался этой милости.

Еще в середине XVIII в. большинство просителей и счастливых получателей дворянской грамоты были преимущественно простолюдины, тесно связанные с дворянскими сообществами комитатов, имевшие высокопоставленных патронов в лице иерархов церкви и аристократов, занимавших ключевые должности в органах законодательной, исполнительной или судебной власти королевства. Заслуги их чаще всего заключались в обслуживании сословных институтов, угождении тем, в чьи ряды они хотели влиться. Ближе к концу столетия среди просителей неуклонно возрастало число тех, кто добивался общественного признания или заслуживал вознаграждения за достижения, связанные с высоким образованием, неоспоримым профессионализмом и беспримерной личной инициативой.

Наконец, возведением в дворянское достоинство талантливых инженеров власти сигнализировали дворянскому сообществу, что крайне нуждаются в людях таких «недворянских» профессий. В начале XIX в. в венгерских гимназиях будут задавать сочинения на тему: «Отец, убеждающий сына изучать геометрию»²³⁶. Сто лет спустя, в сатирическом романе «Выборы в Венгрии», Кальман Миксат (1847–1910) так описывал (неожиданно проснувшийся) интерес дворянства к инженерно-техническим специальностям: «“Профессия, по крайней мере, не зазорная, — рассуждали они, улещая разных чудищ в своих гербах: грифов, драконов, аистов и цапель. — Не очень, конечно, аристократичная, но и не унижительная”»²³⁷. В самом деле, на гербе упомянутого выше барона Франца Ло Прести изображался золотой дракон в короне и с оливковой ветвью в передних лапах; сам же он, не жалея сил и выделенных на

²³⁵ См.: MNL OL. A 57. 46. köt. 452–459. old.

²³⁶ См.: OSZKK. Quart. Lat. 2964. Exertitia correcta per diversos conscripta. Fol. 112. См. также: *Хаванова О.В.* Заслуги отцов и таланты сыновей. С. 198.

²³⁷ См.: *Миксат К.* Выборы в Венгрии / Пер. с венг. О.К. Россиянова. М., 1965. С. 16.

его совершенствование в профессии родительских денег, изучал тонкости горного дела, много путешествовал и довольно быстро дослужился до советника²³⁸.

Гербы, что воспроизведены в «Королевских книгах», позволяют говорить об отражении этих социальных сдвигов в геральдической символике. В гербе упомянутого выше М. Клохаммера красовались весы: ведь в его служебные обязанности входило взвешивать соль на солеварне. Потомкам инженера-гидравлика Франца (Ференца) Бёма, участвовавшего в регулировании течения реки Шарвиз, протекавшей по территории комитатов Фехер и Толна, о профессии их прадеда напоминало изображение циркуля на родовом гербе²³⁹. Теолог-кальвинист Миклош Шинеи долгие годы добивался восстановления своей семьи в дворянском сословии. Когда же он, наконец, получил в 1783 г. заветное дворянство (грамота официально выдана при Леопольде II (1790–1792 гг.) в 1791 г.), на гербе была изображена символ мудрости — змея, обвившаяся вокруг холма и держащая в зубах свиток.

В то же время дворяне-армалисты, к каковым принадлежало большинство аноблированных чиновников, не испытывали потребности в гербе. В отличие от родовитого дворянства и аристократов у них не было ни дворцов, фасады которых можно было украсить фамильным гербом, ни личной печати или особой почтовой бумаги. Собственно говоря, у них зачастую не было даже денег, чтобы оплатить услуги канцелярского художника. Историк геральдики начала XX в. Йозеф Чома педантично отмечал, что в XVIII в. гербы нередко составлялись кое-как, без соблюдения строгих правил и «национальных» традиций, а период после 1711 г. он вообще назвал временем упадка²⁴⁰. И все-таки приведенные выше примеры свидетельствуют скорее о фантазии, изобретательности и стремлении соединить канон с менявшимися реалиями. Впрочем, некоторые гербы действительно были весьма незатейливы, как тот, что в 1792 г. получил Янош Кланицаи — инспектор школьных округов. На лазоревом поле щита были изображены солнце, луна и звезды, а из левого верхнего в правый нижний угол тянулось латинское

²³⁸ См.: ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 1. Subd. 1. N 148 ex Dec. 1763.

²³⁹ См.: MNL OL. A 57. 54. köt. 39–43. old.

²⁴⁰ См.: *Csoma J.* A magyar heraldika korszakai. 110., 121. old.

слово «EDUCATIO» («образование»)²⁴¹. Слова оказались пророческими — этот род в XX в. дал Венгрии литературоведа Тибора Кланицаи (1923–1992) и историка-медиевиста Габора Кланицаи (род. 1950).

Итак, возведение в дворянское достоинство в обществе старого порядка было одной из наиболее распространенных форм вертикальной мобильности и одновременно инструментом модификации политических и административных элит. Профессионализм, исполнительность, инициативность солдат, чиновников, ученых мужей находили все более высокое признание в глазах монарха и властей. Возведение в дворянство становилось сигналом обществу, какими государь желает видеть своих подданных.

Глава II. Меритократия и филантропия в зеркале карьерных дискурсов

Современные методики работы с письменными источниками развиваются под перекрестным влиянием филологии, социологии, культурной антропологии. Историков интересует не только ЧТО рассказывается в тексте, но и КАК это рассказывается. Смежные дисциплины учат задавать источникам, прежде всего эгодокументам, новые вопросы и тем самым больше узнавать о коллективных и индивидуальных представлениях людей минувших эпох. Одним из направлений, получивших широкое распространение в исторических исследованиях последних десятилетий, стал анализ и реконструкция дискурсов и дискурсивных практик. Термин «дискурс» («discours») был введен французским лингвистом Эмилем Бенвенистом (1902–1976), который понимал под ним «речь, привязанную к тексту». Сильнейшее влияние на философов, историков, социальных антропологов оказали труды Мишеля Фуко (1926–1984), изучавшего дискурсы как социально обусловленную организацию системы речи и действия.

Исследователи дискурсов полагают, что, *во-первых*, речевые понятия социально обусловлены; *во-вторых*, речь, в том числе письменная, не только что-то высказывает, но и объясняет то, что высказывает. Методом сопоставительного анализа контекстов они выявляют принципы, в соответствии с которыми реальность в тексте определенным образом классифицируется и репрезентируется. Для того чтобы понять основополагающие принципы терезианского правления — дихотомическое единство меритократии (часто переводится как «власть достойных») и филантропии, историку может быть полезно проникнуть в суть социальной обусловленности речевых понятий, используемых в делопроизводстве эпохи: прошениях, меморандумах, постановлениях. В этой главе будут рассмотрены наиболее широко распространенные карьерные дискурсы, т.е. классификация и репрезентация личной информации, имевшей отношение к прошениям о чиновничьих назначениях: накопление заслуг, обращение в истинную (католическую) веру, сиротство

²⁴¹ См.: MNL OL. A 57. 56. köt. 331. old.

и немощь, сопутствующая старости, страдания, принятые в дни (гражданских) войн за верность правящему дому.

Апелляция к заслугам

...Wann auch nicht aus meinem Vermögen, doch wenigstens durch meine Verdienste...¹

Лингвист Т.М. Николаева предложила новый подход к изучению замкнутых художественных текстов, не слишком протяженных и имеющих некий смысловой центр, и назвала его «ключи нарратива». Подобно тому как детектив случайно находит в траве шпильку, клочок материи или булавку и связь событий вдруг становится ему ясна, пишет она, «ключи нарратива» — это элемент, как бы открывающий глаза читателю на *неочевидные смыслы*². В этой книге речь идет не о художественных текстах, хотя многим авторам прошений нельзя отказать в литературном таланте, но о массовом, по сути, источнике — обращениях к властям. Между тем, чтобы разгадать социальную обусловленность многих понятий, историку тоже приходится подбирать ключи — ключи к дискурсивным³ практикам. Одним из таких ключей, открывающим многие прежде неочевидные смыслы, стало понятие «заслуги».

В последние десятилетия историки обратились к феноменологии заслуг в континентальных монархиях раннего Нового времени и предложили оригинальные интерпретации дискурса о природе и характере заслуг в обществах старого порядка. Джей М. Смит на примере Франции XVII в.

¹ ...Уж если не из [нажитого мною] состояния, то в силу моих заслуг (нем.). — Строки из завещания советника Антона Котмана. Цит. по: ÖStA NHStA. OMAA. Testamente. Kt. 639. 1768/15. Cothmann, Anton. 14. Aug. 1768.

² См.: Николаева Т.М. Введение // Ключи нарратива / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 2012. С. 41.

³ Подробнее см.: Кибрик А.[А.] FAQ Дискурс: 7 фактов об одном из центральных понятий современной лингвистической теории. — Текст доступен по адресу: <https://postnauka.ru/faq/10456>

и (цитированный выше) Э. Ла Вопа на материале протестантской Германии XIX в. показали⁴, как переосмысление этого феномена меняло корпоративную этику дворянства или карьерные модели духовенства. Во владениях Австрийского дома, как, возможно, нигде в Европе, заслуги (по крайней мере, с начала XVIII в.) стояли в центре общественного внимания, служили действенным инструментом социального дисциплинирования и самодисциплины индивида.

Для Габсбургов поражение в войне за Испанское наследство (1700–1713) стало водоразделом, знаменовавшим отказ от геополитических амбиций. Двойной эффект от условий Сатмарского мира 1711 г., положившего конец кровопролитной гражданской войне в Венгрии, и Утрехтского мирного договора 1713 г., фиксировавшего отказ от испанской короны в пользу Франции, нашел выражение в концентрации внимания на центральноевропейских владениях. В последующие десятилетия венскому двору предстояло заинтересовать элиты в долгосрочном сотрудничестве с династией, создать прагматические основания для политической лояльности. В обществе начала насаждаться меритократия особого рода — не только связанная с достижениями индивида, но и аккумулировавшая заслуги семьи на поколения в глубь веков. Заслуги становились разновидностью символического капитала — ресурса, доступного индивиду на основе чести, престижа, признания⁵.

О том, что именно в правление Карла VI (1711–1740 гг.) обществу был предложен негласный договор, суть которого заключалась в обмене лояльности на государевы милости, пишет австрийский историк Элизабет Гармс-Корнидес. Проанализировав ситуацию в Северной Италии начала XVIII в., сразу после вхождения в состав владений Австрийского дома, она пришла к выводу, что верность предков на службе монарху трактовалась как легитимация социального статуса и претензий просителя. Преимущественное внимание уделялось примерам верности правящему дому, в особенности когда это было сопряжено с моральными и

⁴ Smith J.M. The culture of merit. Nobility, royal service and the making of absolute monarchy in France, 1600–1789. Ann Arbor, 1996; La Vopa A. Grace, talent and merit: Poor students, clerical careers and professional ideology in eighteenth-century Germany. Cambridge, 1988.

⁵ Bourdieu P. Distinction: social critique of the judgement of taste. London, 1984.

физическими страданиями (тюремное заключение, разорение, разлука с семьей, эмиграция). Редкая просьба не подкреплялась ссылками на карьеру отцов и дедов, родственников по отцовской и материнской линии, где собственные достижения — учеба или служба — становились закономерным продолжением семейной традиции⁶.

Первой дверью, которая открылась с помощью ключа «заслуги», была система королевских стипендий в правление Марии Терезии, о чем подробно говорилось в главе «Накопление заслуг, подсчет достоинств» нашей книги «Заслуги отцов и таланты сыновей». Там было высказано предположение, что награждение заслуженных отцов возможностью дать престижное образование детям бесплатно являлось частью более широкой социальной практики⁷. Причем практика эта не сводилась к праву потомков жить за счет капитализации достойных похвалы и награды деяний предков, но являлась универсальным общим знаменателем измерения общественной полезности каждого подданного. Молодой чиновник Янош Пал Петричевич, прося повышения по службе, писал: «Всемирно известная милость Вашего Величества вселяет в меня уверенность, что Вы не откажетесь меня выслушать, и я тем более буду услышан, что многое свидетельствует: Ваше Императорское Величество постоянно думает о вознаграждении верноподданных служб»⁸.

Универсальность категории «заслуга» проявляется, помимо прочего, в том, что характеризует и дворянина, и простолюдина, ибо желанный путь добровольного служения общему благу был открыт для всех. Выше, в параграфе «Дворянская грамота» (глава I), приведено немало случаев того, как заслуги конвертировались в наследственный титул, пусть и номинальный, не сопряженный с немедленными изменениями качества жизни и социальной среды

⁶ См.: *Garms-Cornides E.* Funktionäre und Karrieren im Italien Karls VI. // *Österreichisches Italien — Italienisches Österreich? Interkulturelle Gemeinsamkeiten und nationale Differenzen vom 18. Jahrhundert bis zum Ende des ersten Weltkrieges* / Hrsg. von B. Mazohl-Wallnig, M. Meriggi, Wien, 1999. S. 211.

⁷ См.: *Хаванова О.В.* Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784 гг. СПб., 2006.

⁸ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2032. 14. Oct. 1761. Fol. 307r.

обитания. Дворянин же, по определению обладая родовыми заслугами (что есть дворянство, если не наследование чести?), ни на минуту не должен был успокаиваться, чтобы не уронить доставшееся ему от отца и дедов доброе имя. О природе и месте родовых заслуг говорит как бы вскользь оброненное замечание референта Казенной палаты о соискателе Ференце Ради: «Заслуги его *помимо дворянского звания* [курсив мой. — О.Х.] коренятся в том, что начиная с 1720 г. он пять лет прослужил в одной из подведомственных бухгалтерских контор»⁹.

В целом в обществе царил консенсус относительно того, что все заслуги требуют вознаграждения. Как писал отставной офицер-инвалид Антон Радль, надеявшийся на скромное место при своем отце — сборщике тридцатинного налога в Холиче: «Никто из тех, кто обладает заслугами в меру своих способностей, ни на минуту не усомнится в высочайшей милости [Вашего Величества]»¹⁰. Награда могла быть той или иной, но при этом весомость заслуг должна была соотноситься с характером и размером ожидаемой монаршей милости. Наконец, за одно и то же признаваемое заслугой деяние можно было получить вознаграждение или компенсацию лишь единожды.

Стандартная резолюция на прошениях неудачливых соискателей звучала как приговор: «О заслугах просителя ничего не ведомо». Это могло означать, что, например, Казенная палата не имела оснований признавать в качестве достаточных аргументов ранения и боевые награды боевого офицера при отсутствии финансово-экономического опыта. Это могло также говорить о том, что соискатель слишком молод и неопытен и в его окружении нет ни одного влиятельного лица, кто взял бы на себя роль патрона, выступив с поручительством о благонадежности и профессиональной пригодности юноши. Янош Анхелли признавался: «Заслуги мои, всемилостивейшая государыня, кроме того, что со всем старанием и прилежанием прослушал курс наук, дабы сделаться полезным подданным и гражданином отечества, *равны нулю* [курсив мой. — О.Х.]»¹¹. Отсюда настойчивые поиски

⁹ Ibid. Kt. 1870. 7. Nov. 1750. Fol. 256r.

¹⁰ Ibid. Kt. 2029. 12. Aug. 1761. Fol. 229r.

¹¹ Ibid. UK. Fasz. 1. Kt. 3. Konv. 3. N 99 ex Dec. 1767. Fol. 186r.

покровителей (см. письмовники этой и последующих эпох) и законная гордость, когда положения удавалось добиться без посторонней помощи.

О том, как «нулевые заслуги» при наличии патрона не мешали делать весьма успешную карьеру, можно судить по жизненному пути Андраша Слабига. В 1759 г. он писал: «Заслуг, которые мог бы перечислить [для получения должности акцессиста Венгерской казенной палаты], у меня нет, если не счесть таковыми неустанные усилия, которые с молодых ногтей прилагал, чтобы стать способным и пригодным для службы Вашему Священнейшему Величеству»¹². Между тем из прошения следовало, что по окончании учебы он семь лет был домашним наставником у сына венгерского канцлера Миклоша Палфи (1710–1773) — Кароя (1735–1816), будущего канцлера и основателя герцогской ветви рода. Неудивительно, что молодого человека зачислили в штат в обход трех заранее отобранных ведомством кандидатов. Венгерская казенная палата «забыла» указать, владеют ли поддержанные ею соискатели немецким языком, поэтому место досталось протеже канцлера, владевшему, согласно рекомендации, латинским, немецким, венгерским и «славонским» языками. В аппарате Казенной палаты Слабиг, впрочем, не задержался и через полтора года уже трудился контролером в соляной конторе в Таркане. Еще через полгода в его карьере произошел новый поворот: он поступил камердинером и «информатором [учителем?] по венгерскому языку» к эрцгерцогу Фердинанду (1754–1806), а в 1766 г. — в штат эрцгерцогини Марии Кристины (1742–1798), чей супруг (они поженились в 1765 г.) Альберт Саксен-Тешенский (1738–1822) был венгерским палатином и держал двор в Пресбурге. Вне всяких сомнений, близость к герцогской семье помогла Слабигу получить должность камерального инспектора в этом вольном королевском городе¹³. Испрашивая в 1777 г. сыну место в Терезианской академии в Буде, он уже ссылался на свои «порядочность», «профессионализм» и «заслуги». На этом карьере Слабига не закончилась. Из Пресбурга он был переведен инспектором в Буду. В 1791 г. император Леопольд II даровал ему и его потомкам дворянскую грамоту¹⁴.

¹² См.: Ibid. HFU. Kt. 1988. 3. Apr. 1759. Fol. 19v, 23r.

¹³ См.: MNL OL. C 67. 81. d. 1777. Universitas Budensis. F. 7. N 21.

¹⁴ См.: Ibid. A 57. 55. köt. 494–496. old.

А что было делать просителю, который за душой не имел ничего, кроме родительских заслуг? Лишь уповать на филантропические побуждения властей. Некто Фердинанд Фессель — по его словам, «осиротевший сын заслуженных родителей» — в 1760 г. составил целую таблицу, где перечислил восемь оснований, по которым он заслуживает сострадания, и источник, способный подтвердить истинность его слов. Дед его, Сигизмунд, прослужил в императорских войсках 59 лет, в 1764–1772 гг. храбро сражался с повстанцами Имре Тёкёли (1657–1705), дослужился до полковника и скончался в 1703 г. в возрасте 78 лет. Его сын Франц (отец просителя) тоже стал военным и в годы войны (1703–1711) под предводительством Ференца II Ракоци (1676–1735) не пошел на сговор с мятежниками, более того — передал властям три адресованных ему письма от вождя бунтовщиков нераспечатанными. Мать просителя (ее он лишился в младенчестве) была кормилицей будущей императрицы Марии Терезии, а это значит, что сам он родился, скорее всего, в 1717 г. и на момент составления петиции ему было за сорок. Сын и внук офицеров, в жены Фердинанд Фессель выбрал дочь военного, но (парадоксально), сообщая о заслугах тестя, даже не назвал его имени. Сочтя родительские заслуги достаточно весомыми, он влез в долги и не позднее 1755 г. приехал в Вену, чтобы просить себе даже не столько должность, сколько пенсию или иное содержание. Скорее всего, он не имел никакого образования или профессиональных навыков, поскольку о них нигде не говорится. Императрица лично просила президента Венгерской казенной палаты графа Грашшалковича изыскать способ хоть чем-то помочь несчастному. На работу в Палату его из-за отсутствия опыта, конечно, не взяли¹⁵. Но, возможно, ему как-то удалось стабилизировать свое финансовое положение и дать детям образование. В начале XIX в. в королевской академии в Дёре трудился профессор права Сигизмунд (названный в честь прадеда?) Фессель¹⁶.

Итак, за заслуги повышали по службе, возводили в дворянство, оплачивали детям образование в престижных учебных заведениях, удовлетворяли просьбы, в которых в противном случае следовало отказать. Их награждали

¹⁵ См.: ÖStA. FHK. HFU. Kt. 2001. 22. Febr. 1760. Fol. 880r; Kt. 2003. 9. Apr. 1760. Fol. 160r–162v.

¹⁶ См.: Szinyei J. Magyar írók élete és munkái. Budapest, 1894. 3. köt. 430. old.

медалями¹⁷ и орденами. При этом внутреннее моральное удовлетворенное от своей нужности было едва ли не столь же важно, как и внешнее, материальное выражение признания. Для поощрения заслуженных подданных, отличившихся прежде всего на статской службе, в 1764 г. был основан орден св. Стефана. Название награда получила по имени первого венгерского короля Иштвана (Стефана), обратившего страну в христианство около 1000 г. и в 1083 г. канонизированного.

С одной стороны, налицо было заигрывание двора с лояльным сегментом венгерской элиты, следующий шаг в ряду мер, подобных учреждению четырьмя годами ранее венгерской дворянской лейб-гвардии. С другой стороны, награда предназначалась не исключительно для венгров, но для всех элит монархии, и венгры не должны были иметь численного преимущества или пользоваться предпочтением. Орден имел три степени — большой, командорский и малый крест, выпускался в ограниченном количестве, находился во владении награжденного пожизненно, после чего возвращался казне и вручался новому достойному владельцу. Изначально число кавалеров большого креста устанавливалось в 20, командорского — в 30, малых, или рыцарских, — в 50 человек. Список тех, кого в период с 1764 по 1914 г. Габсбурги отличили орденом св. Стефана, опубликован. Согласно этим данным, в эпоху просвещенного абсолютизма (с 1764 по 1792 г.) или в годы правления Марии Терезии и ее сыновей Иосифа II и Леопольда II, 243 награды были вручены 209 кавалерам, в том числе 66 больших крестов, 65 — командорских и 112 — малых крестов св. Стефана¹⁸.

Среди награжденных были представители правящих дворов Европы (одним из первых кавалеров большого креста стал Альберт Саксен-Тешенский), отпрыски австро-чешских, венгерских, бельгийских, итальянских аристократических родов,

¹⁷ Медаль на цепочке была формой морального поощрения для престарелых чиновников, прослуживших полвека (вспомним М. Вашу). Исследований об этой практике пока нет, поэтому приходится опираться на разрозненные свидетельства в документах о выходе на пенсию.

¹⁸ См.: *Namenverzeichnis der Persönlichkeiten, die in den Jahren 1764–1914 mit dem Königlichen Ungarischen St. Stephan-Orden ausgezeichnet worden sind*. Herausgegeben anlässlich der 150 Jahreswende der Gründung dieses Ordens von der Ordenskanzlei. Budapest, 1914.

чиновники высшего и, что особенно важно, среднего звена. В числе кавалеров превалировали лица особо приближенные к венскому двору: имперский вице-канцлер Рудольф Колоредо и венгерский канцлер Ференц Эстерхази, архитекторы внешней политики Австрийского дома в первой половине столетия Иоганн Бартенштайн и во второй половине XVIII в. В.А. Кауниц, члены Государственного совета Фридрих Биндер, Эгид Борье и Тобиас Геблер, кабинет-секретари императрицы Корнелий Макнени и Йозеф Пихлер. В дальнейшем орденов удостаивались высокое духовенство, дипломаты, губернаторы провинций, профессора юриспруденции, чиновники разных уровней и пр.

Гораздо меньше известен историкам архив ордена, который после распада Австро-Венгрии был передан на хранение в Венгерский государственный архив. Именно там находятся прошения о присвоении ордена, в том числе и от тех, кто не был удостоен награды. Компактная коллекция второй половины XVIII — первого десятилетия XIX в. включает в себя 310 прошений от почти 200 соискателей (некоторые подавали прошения многократно, а также параллельно на имя Марии Терезии и ее соправителя Иосифа II). Там же можно ознакомиться с делопроизводственной документацией. Она довольно лаконична, но все-таки дает некоторое представление о принципах и критериях отбора соискателей. Этот ценнейший просопографический материал до сих пор не становился предметом специальных исследований по социальной истории и использовался главным образом фалеристами или архонтологами¹⁹.

Орден св. Стефана быстро получил второе название — «орден за заслуги». Как писал один из соискателей, барон Кристиан Штегнер, государыня преследовала цель «отметить знаком особой милости тех, кто вперед других снискал заслуги в заботе о благе государства и при несении высочайшей службы»²⁰. Вручая его, венский двор сигнализировал обществу не только о том, кто в данный момент находится «в фаворе», но и о том, какого рода поступки, достижения, заслуги особо ценятся, — в назидание современникам и потомкам. Дошедшие до наших дней прошения удачливых и

¹⁹ См.: *Хаванова О.В.* Поиск общего знаменателя заслуг в монархии Габсбургов в XVIII веке: орден св. Стефана // *Славяноведение*. 2014. № 3. С. 3–13.

²⁰ MNL OL. P 1058. 29. cs. N 192.

менее удачливых просителей, позволяют — через апелляции к родовым заслугам или скрупулезное перечисление позиций из собственного послужного списка — реконструировать дискурс о заслугах и таксономию коннотаций, в которых это понятие встречается в текстах эпохи.

Во всем многообразии риторических приемов и стилистических особенностей изложения можно выделить четыре типа аргументации.

К первому, и самому популярному, относится соединение собственных заслуг с заслугами предков, представление себя как достойного их преемника. При этом акценты расставлялись по-разному. Президент Главного торгового интендантства Приморья, отпрыск древнего краинского рода граф Адольф Вагенсперг после подробного изложения вех своей двадцатилетней службы добавлял: «Я не буду ничего говорить о заслугах моих предков, ибо Вашему Священнейшему Величеству и всему обществу они небезызвестны. Вагенсперговский род прославился верностью и заслугами, добытыми на протяжении многих веков в плаще воина и тоге государственного мужа»²¹. Внук губернатора Трансильвании и сам фёйшпан трех комитатов, граф Денеш Банфи испрашивал себе крест за заслуги предков: «Я по праву называю себя счастливецом, ибо моя семья уже шесть веков подряд входит в число венгерских магнатов». О себе он скромно замечал: «Мои заслуги, которые я в течение пятнадцати лет снискал на различных государственных должностях, слишком ничтожны, чтобы я тешил себя надеждой на этот высокий орден»²². Действительный тайный советник и член губерниума (орган исполнительной власти) Чешского королевства, будущий президент Венской придворной казенной палаты граф Леопольд Коловрат прямо писал: «Подобно моим предкам, которые служили светлейшему Австрийскому дому как военные и статские, и моему отцу, прослужившему долгие годы, я сам уже 17 лет наслаждаюсь милостью состоять на службе Вашего Величества»²³. Наконец, скромный капитан Имре Шишкович, чей полк был расквартирован в недавно присоединенной к Габсбургским

²¹ Ibid. N 151.

²² Ibid. N 146.

²³ Ibid. N 76.

владениям Галиции, восклицал: «Я — прирожденный венгр, ношу имя заслуженного перед отечеством генерала [Йожефа] Шишковича и хочу использовать его немалые и общественно признанные заслуги себе во благо»²⁴.

Власти, буквально заваленные шквалом прошений (некоторые подавались по нескольку раз) о заветной награде, не имели возможности удовлетворить всех достойных соискателей. Советника Венской придворной казенной палаты Йоахима Карла Циглера можно было бы с полным правом отнести к целевой группе, которой адресовался если не сам орден, то призыв служить так, чтобы рассчитывать на награду²⁵. Между тем Циглеру, в отличие от его более удачливого современника Антона Котмана, не повезло. Прощение же его, составленное с достоинством и обстоятельностью, заслуживает того, чтобы быть рассмотренным подробнее.

15 апреля 1764 г., вскоре после учреждения ордена, Циглер поспешил на аудиенции у Марии Терезии попросить себе малый крест. Однако и десять лет спустя, в 1775 г., он по-прежнему ожидал этой милости. Его аргументы, как они изложены в двух дошедших до нас прошениях, построены вокруг этапов карьеры и высоких начальников, способных дать ему отменные рекомендации. Послужной список Циглера — пример высокой горизонтальной мобильности чиновничества. Он поступил на службу в 1747 г. ассессором в Обергофмаршальский суд, в 1751 г. получил чин надворного советника, перешел на службу в Казенную палату в Вене, где ведал чеканкой монеты, горным делом в Чехии, Моравии и Силезии, производством железа в Австрии. Кроме того, с 1751 по 1768 г. он заседал в камеральной комиссии по Темешварскому Банату и Придворной депутации по санитарным вопросам. Наконец, на протяжении 15 лет Циглер был членом Придворной депутации по иллирской нации (ведала делами сербов во владениях Австрийского дома). О своей семье проситель упоминает в самом конце: его род в 1550 г. был возведен в рыцари Священной Римской империи за героическую оборону рубежей Венгрии от османов. Заслуги далеких предков становились еще одной рекомендацией в пользу заслуженного просителя. Не его вина, что для него не нашлось лишней награды.

²⁴ Ibid. N 238.

²⁵ См.: Ibid. N 177.

Вторым по частотности типом аргументирования является апелляция исключительно к собственным заслугам. Позже эту тенденцию превращения заслуг в главный критерий продвижения по службе подметит Й. Зонненфельс в учебнике делового стиля. Если раньше, согласно широко распространенной практике, писали: «N.N. скончался / вышел на пенсию — проситель стоит следующим в очереди, исполняет свои обязанности и пр. — посему просит назначить его на освободившуюся должность». Теперь же, как отмечал профессор, рекомендуется писать: «Проситель имеет такие-то и такие-то заслуги — посему просит назначить его на должность, освободившуюся после смерти / выхода на пенсию N.N.»²⁶.

Третий тип аргументации чаще избирали аристократы, считавшие необходимым и достаточным упомянуть свою принадлежность к одному из славнейших родов монархии. Члены придворного общества, как никто, прекрасно понимали, что прошение о награде является в известной степени формальностью был и государь, прекрасно осведомлен, кому и за что полагается вручить очередной орден. Вельможные просители не утруждали себя какими-либо обоснованиями правомерности своих претензий, а, подобно обер-гофмейстеру императрицы графу Йоганну Йозефу Кевенхюллеру, писали: «Заслуги предков моих и древность их происхождения, как по отцовской, так и по материнской линии, всем прекрасно известны»²⁷.

Четвертым типом было причисление к собственным заслугам самого факта своей близости ко двору (здесь акцент делался не столько на службу, сколько на факт причастности к высочайшему окружению). Барон Карл Ульм, служивший по казенному ведомству в отдаленном Фрейбурге, просил выделить ему орден за то, что был в числе приглашенных на прием по случаю предстоящего бракосочетания эрцгерцогини Марии Антонии с французским дофином. К такому аргументу прибегали не только соискатели ордена. Мелкие дворяне, которым волей случая посчастливилось приблизиться к придворному обществу, непременно сообщали об этом в обращениях к властям. Сын венского почтмейстера

²⁶ Sonnenfels J., von. Über den Geschäftsstyl. Die ersten Grundlinien für anlegende österreichische Kanzleybeamten. Wien, 1820. S. 63–64.

²⁷ Ibid. N 80.

Венцель Бин, испрашивая себе место обер-почтмейстера в Троппау, писал: «По молодости лет мне очень хотелось обладать всеми теми качествами, которые были у моего отца, и я добился высочайшей милости сопроводить двор в Парму, затем на коронацию во Франкфурт-на-Майне, потом в Инсбрук и Флоренцию, наконец, по случаю бракосочетания до границ Неаполя, вплоть до Террачины»²⁸. Наконец, привратник Матиас Вальделивре, прося принять своего сына на службу в Придворную казенную палату, обращался к Марии Терезии со словами: «Я не только сопровождал Его Величество покойного императора Франца во всех его поездках и походах, но имел счастье лично присутствовать при всех коронациях <...> и мне не нужны никакие аттестаты, ибо лучшим доказательством моего служебного рвения является то, что я поседел на глазах Вашего Величества»²⁹.

Отпрыск старинного хорватского дворянского рода аббат Дёрдь Маленич в своем прошении объединил все четыре типа аргументации. Предки его служили отечеству в армии, администрации и церкви, избирались депутатами Государственных собраний королевства и проливали кровь за Австрийский дом. Прадед, Криштоф, сражался в Тридцатилетнюю войну и участвовал в битве при Люцене, в которой погиб шведский король Густав II Адольф (1611–1632 гг.). Дед, Дёрдь, изгонял османов из Среднего Подунавья под знаменами Священной лиги. Отец, Миклош, служил в армии, представлял хорватские сословия на Государственных собраниях (в том числе голосовал за ратификацию Прагматической санкции), исполнял обязанности фёйшпана комитатов Загреб и Кёрёш. Сам проситель изучал теологию в Вене и Болонье, пять лет окормлял церковный приход, два года руководил духовной семинарией в Загребе, в 1755 г. был назначен каноником, представлял католический клир

²⁸ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2143. N 5 ex Dec. 1775. Fol. 863r. Из контекста следует, что эти путешествия предпринимались в 1764 г., когда эрцгерцог Иосиф был коронован императором во Франкфурте, и в 1768 г., когда дочь Марии Терезии эрцгерцогиня Мария Каролина (1752–1814) вышла замуж за Фердинанда IV Неаполитанского (1759–1806 гг.). Кстати, в свите невесты, в которую входили и венгерские лейб-гвардейцы, находился начинающий поэт Дёрдь Бешенеи (1746/1747–1811), для которого поездка стала источником поэтического вдохновения. Подробнее см.: Gálos R. Bessenyei György életrajza. Budapest, 1951. 40–41. old.

²⁹ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasc. r. Nr. 2142. N 52 ex Nov. 1772. Fol. 798r.

на Государственном собрании 1764–1765 гг. Просьбу свою об ордене он мотивировал заслугами предков, многолетней безупречной службой и тем обстоятельством, что в числе депутатии хорватского духовенства имел честь присутствовать на бракосочетании императора³⁰ (по всей видимости, речь шла о свадьбе Иосифа II с Марией Баварской, состоявшейся в январе 1765 г.). Однако, как и в случае с Иоахимом Циглером, спрос превышал предложение настолько, что на всех орденов не хватало. Не хватило их и для брата Дёрдя Маленича — Шандора Михая (первым в роду несколькими годами ранее получившего баронский титул)³¹.

Подводя итог анализу этой социальной практики, можно сказать, что конструирование венским двором «наследственной меритократии» позволило заложить основы стабильности общественного порядка, закрепить в дворянско-аристократическом сознании такие ценности, как политическая лояльность и служебное рвение. В то же время орден св. Стефана довольно скоро превратился в «декорацию», предназначенную не тем, кто «скопил заслуги», но обладателям синекур, высоким официальным лицам, членам иностранных правящих домов. Кавалерами большого креста в XIX в. станут персидский шах Насер ад-Дин (1859 г.), министр-председатель прусского правительства Отто Бисмарк (1864 г.), сыновья российского самодержца Александра II — великие князья Алексей, Сергей и Павел (последнему в год вручения — 1874-й — едва исполнилось 14 лет).

В дальнесрочной перспективе проект насаждения, наряду с родовой меритократией, принципа верховенства индивидуальных заслуг потерпел относительное поражение. Нельзя отрицать наличия вертикальной мобильности в Габсбургской монархии, где внимание к меритократии манифестировалось, помимо прочего, и в награждении за личные заслуги. В то же время, как в конце XIX в. иронизировал в сатирическом романе «Выборы в Венгрии» К. Миксат: «В этой стране дворянских титулов и званий и у заслуги свое звание есть: “только”. Только заслуга»³².

³⁰ См.: MNL OL. P 1058. 29. cs. N 49.

³¹ См.: Ibid. N 217.

³² Миксат К. Выборы в Венгрии / Пер. с венг. О.К. Россиянова. М., 1965. С. 155.

Обращение в католицизм

В романе Х. фон Додерера «Окольный путь», действие которого разворачивается в Австрии в конце XVII в., испанский гранд делится с кузеном новостями из столицы: «Этих господ из Штирии и Каринтии ныне чаще приходится видеть в Вене, и все они, хотя и остаются лютеранами, понемногу притираются ко двору. Я слышал, что император намерен лил слезы радости оттого лишь, что один из этих господ возвратился в лоно Римской церкви. Якобы он даже написал новообращенному дословно следующее: “Будь я сейчас рядом с тобой, я бы тебя расцеловал”. Говорят, что теперь он ничему на свете не способен радоваться так, как подобному обращению»³³. Автор — сам выпускник престижного Института по изучению австрийской истории Венского университета — был прекрасно знаком с историей Реформации и Контрреформации во владениях Австрийского дома. Ненасильственное обращение в католичество действительно приветствовалось венским двором, и социальная помощь новым католикам должна была служить пропагандистским целям.

Во второй половине XVIII в. в монархии Габсбургов эпоха зрелищных обращений в католичество влиятельных аристократов-протестантов и скромных тайнств крещения для простых подданных ушла в прошлое. Но, как и сто лет назад, власти не упускали случая продемонстрировать преимущества принадлежности к Римско-католической церкви. Так, Янош Становски (? – 1776), вернувшись на родину после учебы в протестантских университетах Западной Европы, 20 лет преподавал учение Лютера в Пресбурге, после чего принял решение перейти в католичество. Сам Становский спустя несколько недель после крещения писал: «Ныне, благодаря приложенным усилиям и в особенности благодати Святого Духа, я просветился настолько, что 29 марта сего года в Пресбурге, у досточтимых отцов-иезуитов, в присутствии всех дворянских сословий я свободно и открыто отверг чуждое учение Лютера и присягнул истинной вере»³⁴. Наградой ему стала должность сенатора в городе Базин.

³³ Додерер Х., фон. Окольный путь // Избранное: Сб. / Пер. с нем. С. Шлапоберской. М., 1981. С. 357.

³⁴ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2023. 16. Apr. 1761. Fol. 373–375.

Те, кто по морально-религиозным или сугубо прагматическим причинам вернулся в лоно Римско-католической церкви, наверняка считали, что этот по сути глубоко личный акт — имея социальное, даже политическое измерение — неизбежно различен властям и может быть с успехом обменен на монаршие милости. К этому их подвигал опыт эпохи, которую в современной немецкоязычной историографии принято называть «конфессиональной» («*das konfessionelle Zeitalter*»)»³⁵. В период с середины XVI до второй половины XVII в. религия, облеченная в узкие рамки той или иной христианской конфессии (католицизма, лютеранства, кальвинизма), играла определяющую роль в развитии Западной Европы раннего Нового времени³⁶. В монархии Габсбургов светской власти в союзе со Святым Престолом удалось ко второй половине XVII в. консолидировать раздираемое глубокими противоречиями общество³⁷.

В основе хрупкого социального мира эпохи Контрреформации лежал компромисс пока еще слабой центральной власти с заметно ослабленными сословиями. Как и повсюду в Европе, Контрреформация сопровождалась насильственным установлением католической конфессии как единственной официально признанной. Ее приметами стали добровольное или принудительное обращение в католицизм

³⁵ Этот термин ввел в 1906 г. теолог и историк Эрнст Трельч (1865–1923). В 1980-е гг. новый импульс к рассмотрению экономических, социально-политических, духовных последствий конкуренции между христианскими конфессиями за монополию в вопросах веры дали работы Вольфганга Райнхарда, Хайнца Шиллинга и др. См., например: *Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfession, 1500–1650* / Hrsg. von A. Schilling, W. Ziegler. 7 Bde. Münster, 1989–1997; *Die katholische Konfessionalisierung* / Hrsg. von W. Reinhard. Münster, 1995.

³⁶ См.: *Klueting H. Das konfessionelle Zeitalter, 1525–1648*. Stuttgart, 1989; *Winkelbauer T. Ständefreiheit und Fürstenmacht. Länder und Untertanen des Hauses Habsburg im konfessionellen Zeitalter, 1522–1699*. 2 Teile. Wien, 2003.

³⁷ См.: *Scheutz M. Glaubenswechsel als Massenphänomen in der Habsburgermonarchie im 17. und 18. Jahrhundert — Konversionen bei Hof sowie die «Bekehrung» der Namenlosen // Geheimprotestantismus und evangelische Kirchen in der Habsburgermonarchie und im Erzstift Salzburg (17./18. Jahrhundert)* / Hrsg. von R. Leeb, M. Scheutz, D. Weikl. Wien, 2008. S. 431 (Veröffentlichungen des Institutes für Österreichische Geschichtsforschung. Bd. 51).

представителей всех социальных слоев, исход в протестантские страны тех, кто не желал поступаться принципами истинной, в их понимании, веры³⁸. В то же время преследование отдельных представителей протестантского лагеря никогда не вело к опале семейства в целом. Можно было начать карьеру мятежником-протестантом и завершить жизненный путь католиком и слугой династии³⁹.

К середине XVIII в. католики во владениях Австрийского дома были убеждены, что истинный подданный его или ее императорско-королевского величества может исповедовать только католицизм. Посол при русском дворе граф М. Эстерхази с возмущением писал государственно-му канцлеру Кауницу в апреле 1754 г., что чешский граф Франц Йозеф Вальдштайн (1719–1758), с 1749 г. проживавший в Российской империи, выразил желание взять в жены дочь одного русского аристократа. Императрица Елизавета Петровна поставила условием своего согласия, чтобы тот перешел в православие. Возмущенный дипломат писал: «С тех пор как я здесь, граф Вальдштайн не часто бывал у меня с визитами, а уж после такого отступничества я сам позабочусь о том, чтобы он больше не переступал порог моего дома»⁴⁰.

Считается, что в середине XVIII в. триумф обретшего барочные формы католицизма был настолько очевиден, что вопрос об обращении в «истинную веру» утерял свою остроту. В самом деле, господствующий класс в Австро-Чешских землях едва ли не поголовно, в Венгрии — в своей значительной части был успешно рекатолизирован. Однако, как пишет Г. Клингенштайн, на протяжении всего XVIII в. терпимость и нетерпимость в религиозной сфере «существовали друг подле друга»⁴¹. Например, Мария Терезия видела едва ли не во всех лютеранах шпионов своего заклятого врага — прусского короля Фридриха II, однако не препятствовала

³⁸ См.: *Herzig A. Der Zwang zum wahren Glauben. Rekatholisierung vom 16. bis zum 18. Jh. Göttingen, 2000. S. 11–14.*

³⁹ См.: *Evans R.J.W. The making of the Habsburg Monarchy, 1550–1700: An interpretation. Oxford, 1979. P. 157–274.*

⁴⁰ М. Эстерхази — В. А. Кауницу, *Post Scriptum secundum zum Bericht Nr. 10, Москва, 13.IV.1754 // ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 36.*

⁴¹ *Klingenstein G. Modes of religious tolerance and intolerance in eighteenth-century Habsburg politics // AHY. 1993. Vol. XXIV. P. 3.*

подданным-протестантам, проживавшим в пограничных районах, посещать церковные службы в сопредельных государствах. Иными словами, протестантизм оставался сознательным выбором тех, кто в силу семейной традиции или личных религиозных (и не в последнюю очередь политических) убеждений сохранял верность конфессии, отдавая себе отчет: это влечет за собой поражение в правах и ограничения в карьерном росте.

В то же время в общественном сознании, прежде всего среди «маленьких людей», не одно десятилетие умело преподносимые церковной пропагандой примеры обращения в католичество, как то сделал Янош Становски, произвели своеобразный «кумулятивный» эффект. В подданных окрепла уверенность, что обращение в истинную веру может быть с успехом использовано в личных карьерных интересах или во благо собственной семьи⁴². Вопрос о причинах перехода в иную веру традиционно волнует историков, в чем распоряжении в лучшем случае имеются отрывочные сведения из дневников, переписки и иных источников личного происхождения. Австрийский историк Томас Винкельбауэр озаглавил одну из своих статей «Карьеристы или благочестивые люди? Дворяне-конвертиты в Чешских и Австрийских землях около 1600 года». Автор предостерегает от однозначной трактовки проблемы: наряду с прагматиками, желавшими таким образом усилить свои позиции при дворе, и глубоко верующими христианами, отдавшими после серьезных раздумий предпочтение католицизму как, в их глазах, более целостной и эмоционально привлекательной доктрине, был целый ряд «смешанных» случаев, где присутствовали соображения обоих порядков⁴³.

⁴² В венгерской истории особой известностью пользуется случай писателя Дёрдя Бешшени: молодой протестант из комитата Сабольч в 1765 г. попал в Вену, в венгерскую дворянскую лейб-гвардию, быстро освоился в новой для себя среде и в 1779 г. перешел в католичество в надежде на почетную должность в придворной библиотеке, однако после кончины Марии Терезии был вынужден вернуться в Венгрию и посвятить себя комитатским делам.

⁴³ Winkelbauer T. Karrieristen oder fromme Männer? Adelige Konvertiten in den böhmischen und österreichischen Ländern um 1600 // Frühneuzeit-Info. 1999. Jahrgang 10. Heft 1+2. S. 9–20; *Idem*. Fürst und Fürstendiener. Gundaker von Liechtenstein, ein österreichischer Aristokrat des konfessionellen Zeitalters. Wien; München, 1999.

К сходному выводу на материале 1670–1720-х гг. пришла австрийская исследовательница Инес Пепер. Она называет противопоставление «искренних» и «оппортунистических» обращений в католичество методологически устаревшим. Осознание того, что католическое исповедание является единственно правильным, не означало, будто новообращенный не понимал: переход в иную веру сулит изменения в материальном положении и социальном статусе. В то же время историк оставляет за людьми той эпохи право — после вдумчивого сопоставления теологических аргументов «за» и «против» — осознанно выбрать католическую веру, потому что, по их убеждению, именно она сулила спасение вечной души⁴⁴. Например, судья и сенатор Василий Дамнянович из южновенгерского города Зомбор, говоривший на девяти языках, обладавший познаниями в юриспруденции и камералистике и в свободное время написавший «Новую сербскую арифметику», в конце жизни отказался от православной веры и перешел в католичество. Он особо подчеркивал свое бескорыстие: «К священной унии меня подвигла не корысть (ибо я не стеснен в средствах; курсив мой. — О.Х.), но единственно понимание того, в каком заблуждении я жил до сих пор»⁴⁵.

Необходимо оговориться, что подобные документы не раскрывают подлинных причин перехода в иную конфессию⁴⁶. Лишь в редких случаях историку удается дополнить информацию из прошений признаниями в дневниках и частных письмах, раскрывающими побудительные мотивы обращения в католичество. Так, обер-лейтенант Энгельхард Зоннтаг (1733–?)⁴⁷ из пехотного полка графа А. Каройи в письме к своему командиру просил помочь ему поскорее сложить

⁴⁴ См.: Peper I. Konversionen im Umkreis des Wiener Hofes um 1700. Wien, 2010. S. 71–84. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 55). S. 232. Cp.: Conversions. Gender and religious change in early modern Europe / Ed. by S. Ditchfeld, H. Smith. Manchester, 2017.

⁴⁵ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1906. Subd. 2. N 43 ex Aug. 1776. Fol. 56r.

⁴⁶ См.: Siebenhüner K. Glaubenswechsel in der Frühen Neuzeit. Chancen und Tendenzen einer historischen Konversionsforschung // ZHF. 2007. Jg. 34. S. 243–272.

⁴⁷ Приношу благодарность венгерскому делегату в Военном архиве Австрийского государственного архива (Вена) Балажу Лазару за дополнительные биографические данные об Энгельхарде Зоннтаге.

с себя обер-лейтенантский чин и удалиться в монастырь: «Я пользуюсь случаем открыть Вам ход своих мыслей. Он заключается в том, чтобы отведенные мне Господом годы жизни провести в уединении. Для этих целей я выбрал округу аббатства Санкт-Блез в Шварцвальде, где я, как конвертит, чаю встретить искреннюю приязнь у тамошнего истово-католического населения»⁴⁸. Однако даже петиции подданных к властям и документы официального происхождения при всех ограничениях жанра все-таки позволяют составить представление о дискурсивном характере обращения в католичество как весомого или малозначимого аргумента в диалоге подданных с верховной властью.

И. Пепер обратила внимание на то, что спустя сто лет после окончания «конфессиональной эпохи» австрийские Габсбурги в борьбе за однородность подвластного населения по-прежнему прибегали к опробованным инструментам Контрреформации⁴⁹. Понимая это, просители однозначно рассматривали обстоятельство своего обращения не просто как достойный упоминания факт, но как несомненное преимущество, выделявшее их из общей массы соискателей. Суть предлагавшегося властью прагматичного обмена заключалась в том, что подданные-протестанты пополняли ряды католиков, а власти компенсировали им моральные и материальные потери (разрыв с родней и окружением, который часто влек за собой лишение доли в наследстве) и «премировали» должностью, пенсией или стипендией.

Как и во многих других реформах терезианской эпохи, филантропия тесно переплеталась с меритократией: поддержкой государства пользовались прежде всего нуждающиеся и достойные⁵⁰. Просителей-конвертитов можно условно разделить на тех, кто подкреплял свое право на испрашиваемую милость стесненным материальным положением, и тех, кто апеллировал к заслугам перед династией.

⁴⁸ Э. Зоннтаг — А. Каройи, Вена, 8.VII.1764 // MNL OL. P 398. 147. d. N 6588.

⁴⁹ См.: Pепер I. Op. cit. S. 84.

⁵⁰ Подробнее см.: Хаванова О.В. Карьерные стратегии в монархии Габсбургов второй половины XVIII в. в зеркале обращений на высочайшее имя // Одиссей. Человек в истории: Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время. М., 2008. С. 230–250.

На один полюс можно условно поместить трансильванского графа Денеша Банфи — представителя богатейшего и влиятельнейшего рода в княжестве. Испрашивая для себя орден св. Стефана, он напоминал, что дед его был первым губернатором Трансильвании, а сам он четверть века служит Габсбургскому дому и даже стал первым в роду конвертитом [курсив мой. — О.Х.], а посему заслуживает «памятный знак первого христианского короля [Венгрии]»⁵¹. На другом полюсе находятся многодетная вдова Антония Шаурот и ей подобные. В ответ на прошение Антонии о выделении скромного денежного вспомоществования референт Венской придворной казенной палаты написал: «Этой несчастной персоне может быть выделено испрашиваемое, ибо ее заявление не оставляет сомнений в ее крайней нищете <...> в которую она впала после отказа от веры и разрыва с родней»⁵². Само собой разумеется, что между этими идеальными-типическими моделями располагался целый спектр смешанных случаев.

Примеры того, как обращение в католичество становилось залогом будущей удачной карьеры, нередки. Акты центральных органов власти в некоторых случаях позволяют весьма детально восстановить этапы продвижения таких конвертитов по служебной лестнице. Рассмотрим случай Иоганна Георга (Яноша Дёрдя) Мецнера (?–1778) — этнического немца и венгерского дворянина из вольного королевского города Бартфа, что в комитате Шарош. Впрочем, дворянский род Мецнер не упоминается ни в одном генеалогическом справочнике. Родился Мецнер около 1715 г. в лютеранской семье; где и как он получил образование — неизвестно. В 1737 г. — в разгар войны с османами — Мецнер поступил секретарем на службу в окружной комиссариат города Кашши, побуждаемый, по его собственному признанию, «желанием подготовиться к службе в отдаленных землях»⁵³. Такой случай представился в 1739 г., когда граф Карл Аспремонт взял молодого юриста с собой в крошечное графство Рекхайм на границе с Нидерландами, с 1620 г. входившее в состав

⁵¹ MNL OL. P 1058. 29. cs. N 155.

⁵² ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 66: Temesvarer Banat. Fasz. r. Nr. 2178. N 40 ex Nov. 1773. Fol. 152r.

⁵³ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1906. Subd. 1. N 31 ex Nov. 1777. Fol. 349r.

Священной Римской империи. Там Иоганн Мецнер 21 год прослужил в должности советника, «совершенствовался в публичном и гражданском праве, изучал экономику края и французский язык», там же в 1743 г., в возрасте 28 лет, он принял католичество.

Было ли это плодом вдумчивого изучения и сопоставления лютеранской и католической доктрин, как в случае с теологом Яношем Становским, или Мецнер решил, что карьере в католическом окружении лучше делать в качестве единоверца, а не вероотступника? Источники не дают ответа на этот вопрос. Так или иначе, но по возвращении на родину юрист Мецнер ощутил преимущества смены вероисповедания. В 1762 г. в венгерском городе Таркань умер инспектор соляной конторы, и Венгерская казенная палата объявила конкурс на вакантную должность. В соледобывающей отрасли нельзя было рассчитывать на высокое жалование, круг обязанностей требовал большой самоотдачи, специальных знаний и не в последнюю очередь высоких моральных качеств (воровство там не было редкостью)⁵⁴, но это был гарантированный, пусть и скромный заработок и шанс интегрироваться в бюрократическую иерархию. По всей вероятности, кто-то из высокопоставленных покровителей потрудился хлопотать за Мецнера, и венгерские власти, составляя обычный в таких случаях список из трех кандидатов для окончательного утверждения императрицей, поставили Мецнера на первое место, впереди двух других, более опытных чиновников, и особо подчеркнули, что он конвертит.

Подобный выбор удивил Венскую придворную казенную палату, и в меморандуме было указано: «Означенный Мецнер не снискал никаких заслуг в камеральной сфере и предположительно не имеет достаточных познаний в соляном деле, каковое, в его-то немолодом уже возрасте, он вряд ли захочет изучать; к тому же он не просто небогат, но не в состоянии внести требуемый для занятия должности залог, да и другим заслуженным чиновникам будет досадно, что предпочтение при назначении на высокие должности отдается не тем, кто многие годы служил верой и правдой, но подобным некомпетентным людям»⁵⁵. Между тем императрица распорядилась

⁵⁴ См.: *Fallenbüchl Z. A sóügyi hivatalnoksága Magyarországon a XVIII. században* // *LtK. 1979. 50. évf. 2. sz. 225–290. old.*

⁵⁵ *ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2047. 14. Jul. 1762. Fol. 187v–188r.*

иначе: «Я назначаю предложенного Венгерской придворной казенной палатой Мецнера, учитывая его деловые качества и личные обстоятельства [факт обращения в католичество? — О.Х.], что же касается служебных обязанностей инспектора соляной конторы, то их не так сложно изучить и даже весьма просто освоить»⁵⁶. Решение в высшей степени неожиданное, ибо отсутствие необходимого опыта и знаний чаще служило причиной отказа.

Вопреки сомнениям чиновников Мецнер быстро вошел в курс дела, доказал свою профессиональную пригодность и полностью освоился в католической среде. В 1769 г., когда освободилась должность начальника соляной конторы в Ронасеке, туда назначили именно Мецнера. К 1777 г. двое из пятерых его сыновей стали католическими священниками, двое поступили на службу в Казенную палату⁵⁷, самый младший, Йожеф, второй год обучался, как конвертит, за государственный счет у иезуитов в Трнавe⁵⁸, дочери были выданы замуж за камеральных чиновников. Мецнер все чаще задумывался о переходе на более высокую и менее хлопотную должность. В прошении на имя императрицы он писал: «В свои 62 года я чувствую, что силы, необходимые для ведения здешнего делопроизводства, начали меня оставлять, а высокая ответственность, связанная с финансовой отчетностью, стала мне в тягость, посему нет у меня иного желания, кроме как вести более размеренную жизнь так, чтобы употребить для службы Вашему Величеству все свои силы, а также опыт и знания, накопленные с юных лет на разных должностях, прежде всего в сфере экономики и соляном деле». Поскольку в камеральной администрации в Марамароше как раз появилось место для ассессора, Мецнер надеялся занять именно эту должность.

Высокое начальство поддержало прошение престарелого чиновника. Вице-президент Венгерской придворной казенной палаты граф П. Фештетич в просторном сопроводительном письме, уже ни словом не упоминая, что Мецнер — конвертит, воздал должное своему подчиненному: «К Марамарошской камеральной администрации нельзя

⁵⁶ *Ibid. Fol. 189r.*

⁵⁷ См.: *Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1906. Subd. 1. N 31 ex Nov. 1777. Fol. 349v.*

⁵⁸ См.: *MNL OL. A 39. 4778/1775.*

относиться как ко всем прочим подобным ведомствам, там непременно должны служить люди, в первую очередь весьма искушенные и в высшей степени опытные в соляном деле, знающие процесс, так сказать, изнутри <...> и я полагаю, что на вакантное место ассессора не найти более способного и сведущего человека, чем означенный проситель Мецнер»⁵⁹. Впрочем, на новой должности чиновник проработал всего около года: в 1778 г. он скончался⁶⁰. Его послужной список — свидетельство относительно высокой степени горизонтальной и вертикальной мобильности в монархии Габсбургов XVIII в.: уроженец Северо-Восточной Венгрии отправляется служить к северо-западным границам Священной Римской империи, возвращается на родину, чтобы в зрелом возрасте освоить новую профессию и занять скромную руководящую должность. Все это было бы немислимо, не перейди Мецнер в католичество, но и не стало бы возможно, не прояви он незаурядных личных качеств.

В судьбе Иоганна Георга Мецнера обнаруживается немало типических черт, присущих биографиям других конвертитов. *Во-первых*, это понимание того, что обращение в католичество является заслугой как в глазах подданного, так и с точки зрения властей. Еще более «рельефно», чем у Мецнера, это проявилось в случае с трансильванским дворянином Мартоном Тёвиши. Он добивался скромной должности писца в таможенной конторе, но не смог (по его словам, подвела почта) предоставить копию своего дворянского диплома. В отчаянии, что искомое место может достаться кому-то другому, он писал: «Если бы я даже не был дворянином, хотя дворянство мое не подвергается сомнению (раньше или позже я смогу с Божьей помощью таковое доказать), но мое обращение, милостиво дарованное мне Святым Духом, я точно могу причислить к своим заслугам»⁶¹. Власти не увидели причин, почему не принять на службу того, кто «помимо других похвальных качеств и заслуг может похвастаться тем, что отказался от кальвинистской и перешел в католическую веру»⁶².

⁵⁹ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1906. Subd. 1. N 31 ex Nov. 1777. Fol. 352v.

⁶⁰ См.: Ibid. Fasz. 29. Kt. 1907. Subd. 1. N 62 ex Aug. 1778. Fol. 10r.

⁶¹ Ibid. HFU. Kt. 1795. 1. Jan. 1746. Fol. 14r, 43r.

⁶² Ibidem.

Во-вторых, в каждом конкретном случае немало важным обстоятельством становилось покровительство влиятельных аристократов. Если в прошениях Мецнера это читается между строк, то в случае Шамуэля Барани из Дебрецена имя высокопоставленного патрона послужило в глазах властей дополнительной рекомендацией при назначении в таможенную контору в Надьвараде. Президент Венской придворной казенной палаты писал: «Означенного Шамуэля Барани, который несколькими днями ранее был крещен в Римско-католическую веру [курсив мой. — О.Х.] в здешней архиепископской часовне, весьма настойчиво рекомендует архиепископ граф Мигацци». Сам же новоиспеченный конвертит от себя спешил добавить, что его жена и трое детей по-прежнему пребывают в заблуждении неистинного учения (*in dem unrechten Glauben*), но если переселятся из Дебрецена (который современники именовали не иначе, как «кальвинистский Рим») в Надьварад с его преимущественно католическим населением, то, возможно, последуют примеру супруга и отца и тоже перейдут в спасительную для бессмертной души католическую веру. Мария Терезия наложила резолюцию: «Одобряю. Да будет вместо [Игнаца] Дельпини — Барани, рекомендованный архиепископом»⁶³.

Тем, кто не мог похвастаться влиятельным патроном, не приходилось рассчитывать на снисхождение к факту обращения в католичество. Молодой венгерский дворянин Жигмонд Петроци писал: «Я был рожден в Пресбурге, в Венгрии, от родителей-протестантов и воспитан в этой вере, но после того, как я по здравому размышлению и по мере взросления увидел, в какой ошибочной вере я живу и какая опасность подстерегает мою душу, по велению совести выбрал для себя лучшее и открыто обратился в римско-католическую веру». Далее он живописал, как «материнская любовь превратилась в ненависть», как он «оставлен всем миром только потому, что выбрал истинную веру». Петроци не просил себе ни пенсии, ни денежного вспомоществования, он надеялся, что «всевозможные науки и различные в родном отечестве необходимые языки» откроют ему путь к скромной оплачиваемой должности, а, по сути, безвыходное положение, в котором он

⁶³ Ibid. Kt. 1989. 5. Maj. 1759. Fol. 45r.

очутился, смягчит сердца тех, от кого зависела его судьба. Прощение никому не известного Жигмонда Петроци, как и десятков других безвестных конвертитов, осталось без ответа⁶⁴.

В-третьих, переход в католическую веру каждого отдельного подданного обретал тем больший вес, что тот своим примером подвигал к этому шагу окружающих. Вспомним, что многочисленное потомство Мецнера пополнило ряды католических пастырей и паствы. Ш. Барани тоже не терял надежды склонить к переходу в католичество жену-кальвинистку. Упомянутый выше М. Тёвиши не без гордости писал: «Со времени моего обращения я Божьей милостью вернул к свету истинной веры двух проповедников, трех горожан, несколько простолюдинов и многих еще верну»⁶⁵. Некий Готлоб Эрнфрид Штрекенбах, желавший получить хоть какую-нибудь камеральную должность, подписывал свои прошения так: «Верноподданнейший и всепокорнейший слуга с женой и тремя детьми-конвертитами»⁶⁶.

Какое отношение к найму курьером в Венскую придворную казенную палату Иоганна Мемингера, казалось бы, мог иметь тот факт, что его жена-голландка ради мужа перешла в католичество? Между тем власти считали это обстоятельство не менее важным, чем послужной список: проситель многие годы работал при австрийской дипломатической миссии в Константинополе, овладел итальянским, голландским и французским языками, изучил ювелирное искусство у золотых дел мастеров в Голландии. Приняв все это к сведению, экспедитор Фердинанд Эрнст Цальхаймб написал: «Сей проситель, явившийся ко мне лично, показался человеком делным, к которому не может быть никаких претензий, и, поскольку он женат на конвертитке, а таким персонам при каждом случае полагается уделять особое внимание [курсив мой. — О.Х.] не вижу оснований ему отказать [в просьбе]»⁶⁷.

⁶⁴ См.: Ibid. Kt. 1949. 28. Jun. 1756. Fol. 414–415r.

⁶⁵ См.: Ibid. Kt. 1795. 1. Jan. 1746. Fol. 14v.

⁶⁶ MNL OL. E 47. 16. cs. N 132 ex Oct. 1773.

⁶⁷ ÖStA. FHK. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 3. Subd. 1. N 102 ex Jun. 1767.

Власти прекрасно понимали как пропагандистский эффект от каждого обращения в католичество, так и опасности, которые таила поспешность в подобных делах. В 1769 г. бывший кальвинистский проповедник Мартон Силади из Трансильвании попросил денежное вспомоществование, чтобы получить скромный католический приход. Советники предупреждали Марию Терезию, что «сии конвертиты не полностью покончили с прежними заблуждениями или даже со временем вновь к ним возвращаются». Однако императрица повелела: «Мое желание, чтобы он его [приход — О.Х.] получил»⁶⁸.

В-четвертых, судьбы конвертитов дают примеры высокой горизонтальной мобильности в Европе раннего Нового времени, способности тех, кто сменил веру, адаптироваться к новой культурной и языковой среде. В актах Венской придворной казенной палаты хранятся прошения шведа Иоганна Флориана Дизинга, в 1773 г. обратившегося к властям с прошением об увеличении ему жалованья. В 1739 г. в Бреслау (тогда еще в составе владений Австрийского дома) он «отверг заблуждения лютеранского учения», в 1747 г. поступил на службу в Венскую придворную казенную палату. Примечательно, что в петиции на имя главы ведомства он делал акцент на свою многолетнюю безупречную службу, а в обращении к императрице на сострадание к нему — бедному, больному, недавно похоронившему любимую дочь, а ныне заботящемуся о беременной жене — конвертиту, который «выдержал суровый экзамен в школе Христовой на право именоваться истинным христианином». Как чужаку, ему было несравненно труднее добывать даже столь скромный хлеб насущный, и об этом он прямо писал: «Невзирая на все свалившиеся на меня несчастья, я никогда не отягощал высочайшего фиска и, несмотря на многолетнюю службу, ибо нет у меня покровителей, никогда не получал денежного вспомоществования»⁶⁹.

Справедливости ради следует признать, что честолобивые, ловкие и настойчивые просители добывались искомого и без влиятельных покровителей. Показателен случай стряпчего Яноша Сёлёши. К обращению в католичество его

⁶⁸ Ibid. Fasz. r. Nr. 2142. N 161 ex Dec. 1769. Fol. 68.

⁶⁹ Ibid. Fasz. r. Nr. 2143. N 293 ex Jul. 1773. Fol. 217r-v.

подвиг архиепископ Эстергомский Миклош Чаки, у которого тот затем многие годы служил финансовым инспектором. После смерти патрона Сёлёши снискал славу ловкого адвоката по делам о недвижимости. Перечисление выигранных им процессов, позволивших бывшим владельцам вернуть поместья, некогда проданные или отчужденные с нарушением (неверным толкованием) действовавших правовых норм, заняло значительное место в его прошении. Впрочем, должность инспектора соляной конторы, которую Сёлёши надеялся испросить у императрицы, требовала специальных знаний производственного процесса и владения тонкостями делопроизводства и финансовой отчетности, в которых адвокат был не силен. Убедить императрицу (как в случае с Мецнером), что проситель быстро овладеет профессией, не удалось, но Мария Терезия собственноручно приписала на полях меморандума: «Что касается ученого и искусного адвоката Сёлёши, его назначаю внештатным фискальным инспектором по Венгрии и Трансильвании с выплатой ему 500 фл., и да будет при каждом доказанном случае обнаружения казенного имущества [в частном владении] доплачено ему сверх того в соответствии с размером возвращенной в казну собственности»⁷⁰.

Критерии объективной оценки деловых качеств часто рассматривались властями сквозь призму христианского сострадания. Как следствие, одним из распространенных топосов в прошениях конвертитов было упоминание (как в случае Петроци) о полном отчуждении от протестантской родни и об отсутствии той финансовой и моральной поддержки, на которую мог рассчитывать любой исповедующий веру отцов. К подобной аргументации по понятным причинам прибегали просители, искавшие решения своих материальных проблем, как это сделал венгерский дворянин Ласло Дравецки. Он, в частности, писал: «Поразмыслив здраво, я совершенно осознанно отказался от учения Лютера, в котором был воспитан, и недавно в здешней церкви ам-Хоф [в Вене] перешел в единственную дарующую спасение души Римско-католическую веру. Как только моя мать доподлинно об этом узнала, она <...> отвернулась от меня и вот уже 11 месяцев лишает меня скромного денежного содержания, отчего я ввергнут в крайнюю нищету». Казенная палата

⁷⁰ Ibid. HFU. Kt. 2049. 13. Sept. 1762. Fol. 191r.

сочла возможным посоветовать императрице «назначить милостивую пенсию, ибо он из-за перемены веры не может рассчитывать на поддержку друзей, к тому же болен и беден, и мать ни в чем ему не помогает». Лаконичная резолюция Марии Терезии гласила: «100 фл.»⁷¹.

О том, что само по себе обращение в католичество не спрямляло пути к придворной или административной должности, свидетельствует и письмо упомянутого выше обер-лейтенанта Зоннтага: «За два года, прошедших после моей отставки <...> я странствую по католическим дворам империи, но так и не пристроился ни на военную, ни на статскую службу, дабы получать хоть какое-то жалованье. К тому же, к моему величайшему невезению, в Дурлахе прознали про мое обращение, после чего тамошняя родня отказала во всяком денежном вспомоществовании»⁷².

С другой стороны, вполне успешный молодой венгерский дворянин, бывший лейб-гвардеец, а ныне писарь при камеральной администрации в Кашше Элек Околичани, испрашивая себе жалованье секретаря, не считал лишним упоминание факта обращения в католичество, как и того обстоятельства, что «из-за перемены вероисповедания покинут всем окружением». Подписывался он «лейтенант лейб-гвардии в отставке и конвертит»⁷³. Прощение было частично удовлетворено: жалованье Околичани повысили, но на должность секретаря назначили более опытного чиновника. Похоже, по складу характера проситель был из тех, кто при каждой возможности настойчиво просил себе всё новые милости, не забывая указывать при этом, что перешел в католическую веру. Однако вся его дальнейшая карьера оказалась результатом здравого рассуждения начальства: достоин ли проситель по своим деловым качествам того или иного назначения, возможно ли в принципе удовлетворить его просьбу?

В то же время практика приема на службу конвертитов не была лишена элементов манипулирования. Конвертиты, подчеркивая факт своего обращения, стремились таким

⁷¹ Ibid. ÖK. Fasz. 10. Fasz. r. Nr. 663. «D», «T». N 324 ex Aug. 1774. Fol. 265r, 265a/v.

⁷² Э. Зоннтаг — А. Каройи, Мюнхен, 10.III.1767 // MNL OL. P 398. N 65882.

⁷³ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1905. Subd. 1. N 61 ex Sept. 1773. Fol. 165v.

образом достичь партикулярных целей за счет властей. Власти же, не отрекаясь от поддержки и защиты конвертитов, оставляли за собой право решать в каждом конкретном случае, достоин ли подданный испрашиваемой милости. Когда, например, в 1771 г. супруга барона Ламарре обратилась с прошением о выделении мужу пенсии на том основании, что он — уроженец Вюртемберга, десять лет назад перешедший в католичество, — не имеет средств к существованию, Придворная казенная палата рассудила следующим образом: «Супруг просительницы никогда не служил по нашему ведомству и вообще не имеет никаких иных заслуг, кроме принятия католической веры <...> посему мы не советуем Ее Величеству удовлетворять эту просьбу»⁷⁴. Сходным образом, когда в 1777 г. конвертит Бернанд Странский — беженец из оккупированной пруссаками Силезии — попросил увеличить ему пенсию, чиновники Казенной палаты постановили: «Поскольку проситель не привел никаких своих заслуг и вообще не обосновал необходимость увеличения ему пенсии, представляется, что ему вполне достаточно одного дуката, что он ежемесячно получает из Тайной казначейской кассы»⁷⁵.

Декрет Иосифа II о веротерпимости 1781 г. не ставил под вопрос единственную правильность римско-католического исповедания, но был направлен на отмену или смягчение наиболее одиозных дискриминационных мер в отношении лютеран, кальвинистов, православных восточного обряда. Самые, пожалуй, далеко идущие последствия были у отмены запрета принимать на государеву службу протестантов и отказа от принуждения их к принесению должностной присяги, отдельные положения которой противоречили их религиозным убеждениям. Разумеется, конвертиты могли и далее привлекать внимание к факту перехода в иную веру, однако появляется и противоположная тактика: протестанты начинают упоминать принадлежность к той или иной протестантской конфессии. Например, молодой Миклош Змешкал (ок. 1760–1833)⁷⁶, который прославится в веках как один из

⁷⁴ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2142. N 61 ex Sept. 1771. Fol. 445.

⁷⁵ Ibid. Fasz. r. Nr. 2144. N 436 ex Maj. 1777. Fol. 186–187r.

⁷⁶ Подробнее см.: Vörös K. Zmeskáll Miklós udvari titkár élete és pályafutása // Ltk. 1974. 44–45. évf. 1–2. sz. 615–632. old.

доверенных друзей Бетховена и сам автор музыкальных произведений, при поступлении в Венгерскую казенную палату не без гордости подписался: «Николаус Змешкал, венгерский дворянин августинского⁷⁷ вероисповедания»⁷⁸. В Венгерской канцелярии он за 20 лет дослужился до ответственного поста директора экспедиции. Другой лютеранин, Пал Хоссу, был зачислен в штат ведомства даже раньше Змешкала, но, судя по списку сотрудников, проработал менее года в скромной должности акцессиста⁷⁹.

Важность описанных выше случаев заключается прежде всего в том, что они относятся к довольно позднему периоду. В исторической науке традиционно считается, что к началу XVIII в. границы между конфессиями более или менее устоялись и переход того или иного подданного в господствующую в данной стране религию потерял в глазах властей свою актуальность. Между тем для 1740-х — первой половины 1780-х гг. удалось обнаружить около 100 петиций к властям с упоминанием факта обращения в католичество в контексте той или иной просьбы (список, разумеется, далеко не полный). Все эти примеры, сколь малочисленными бы они ни были, могут по праву считаться элементом более распространенной практики. Не будет преувеличением сказать, что здесь речь идет о частном случае социального дисциплинирования, ибо явным или негласным выделением этой категории населения власть на протяжении всего XVIII в. сигнализировала подданным о своих ожиданиях и предпочтениях.

Повышение требований к квалификации бюрократического аппарата «обесценивало» факт смены вероисповедания. Власти — при прочих равных условиях — время от времени принимали конвертитов на чиновничьи должности, однако на деле все чаще отдавали предпочтение иным «целевым» группам: талантливым детям заслуженных родителей или высококвалифицированным протеже влиятельных сановников. Оказание материальной помощи конвертитам постепенно переходило в сферу церковной и частной благотворительности. В начале XIX в. упоминать факт обращения

⁷⁷ Августинское, или аугсбургское вероисповедание — здесь синоним лютеранства.

⁷⁸ MNL OL. A 39. 4632/1784; A 79. Zmeskall Nicolaus.

⁷⁹ См.: Ibid. Hosszu Paulus.

в католичество не принято. Сошлемся на архив супруги императора Франца II (I) (1792–1835 гг.)⁸⁰ — Каролины Шарлоты Августы (1816–1835 гг.), взявшей под свой патронат бедняков, вдов и сирот: мало кто из просителей, живописуя свою нужду, упоминал об обращении в истинную веру⁸¹.

Немощь, старость, сиротство

Ich will hoffen, dass dieser Mann ehrlich und gut gedient, in diesem Fall ihm die Gnad accordiere. Maria Theresia⁸².

Французский историк Роже Шартье в очерке об ученых эпохи Просвещения в числе доказательств того, что люди умственного труда составляли особую категорию населения, приводит занимательные примеры из лекции профессора Медицинского коллежа Лозанны Симона Августа Тиссо (1728–1797) «О здоровье ученых». В ней последователь Ж.-Ж. Руссо рассказывал, к чему ведет «напряжение духа» в сочетании с «бездействием тела». Интеллектуальное истощение замедляет циркуляцию крови и вызывает опухоли, обмороки, судороги, бессонницу, несварение желудка. От сидения⁸³ на одном месте мышцы становятся дряблыми, моча застаивается в мочевом пузыре,

⁸⁰ Сын Леопольда II вступил на престол как Франц II, но после превращения в 1804 г. владений Габсбургского дома в Австрийскую империю и упразднения в 1806 г. Священной Римской империи изменил свое имя на «Франц II», начав тем самым новый отсчет правителей в созданном им государстве.

⁸¹ См.: ÖStA. HHStA. Kabinettskanzlei. Bittschriften. Fasz. 1–25 (1816–1835).

⁸² Чаю надеяться, что этот человек служил честно и прилежно, и в этом случае да будет снисхождение к его просьбе. Мария Терезия (нем.). — Из резолюции на прошении инспектора Иоганна Себастьяна Кайзера. Цит. по: ÖStA. FHKA. NFU. Fasz. r. Nr. 776. 10. Maj. 1743. Fol. 143r.

⁸³ Интересно, что в России XVII в. для характеристики деятельности приказных употреблялись слова «сидеть», «сидение». См.: Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Служба, промысел, работа // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живова. М., 2009. С. 117.

в кишечнике возникают запоры, а как следствие — геморрой, водянка⁸⁴, болезни мочеточника, желудочного тракта и, не в последнюю очередь, ипохондрия⁸⁵.

Болезни и телесная немощь. Многое в этом коллективном портрете среднего европейского интеллектуала роднит его с чиновниками. Они тоже проводили большую часть дня сидя, в плохо проветриваемых помещениях, горбились за конторкой, переписывая под диктовку бесчисленные копии императорско-королевских рескриптов и ведомственных протоколов. Секретарь Чешско-Австрийской канцелярии Эренрайх Фрагнер писал: «Сколь утомительны, многообразны и обширны обязанности секретаря в нашем ведомстве: это, с одной стороны, ведение всякого рода корреспонденции, не только с подчиненной нам Санитарной комиссией, но и со всеми дворцовыми и провинциальными учреждениями, а с другой — наряду с ведением текущих протоколов — составление и редактирование протоколов и служебных записок, которые ложатся на стол государю, поскольку процесс принятия решений по широкому кругу важных вопросов ни на минуту не прекращается»⁸⁶. Многие работали сверхурочно, особенно молодежь, желавшая доказать свое служебное рвение. Й. Храбина писал, что занимался копированием актов в Венгерской казенной палате «со всем старанием, вниманием и точностью правописания, не пропуская ни дня, в том числе и в престольные праздники»⁸⁷. Его коллега и конкурент Иоганн Кляйн о себе сообщал: «Дабы быть принятым на должность, проявлял я такое рвение, что работал не только в урочные, но и сверхурочные часы (чему немало доказательств), и заслужил одобрение начальства»⁸⁸.

Нередко приходилось трудиться даже по ночам, при тусклом свете свечи. Вдова секретаря Казенной палаты Адама Филипповича в 1779 г. писала: «Мой покойный

⁸⁴ Выше уже упоминался случай с Ласло Терней.

⁸⁵ См.: *Chartier R. Der Gelehrte // Der Mensch der Aufklärung / Hrsg. von M. Vovelle. Frankfurt a/M., 1996. S. 161–163.*

⁸⁶ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 5. Hofstellen. Fasz. r. Nr. 79. Subd. 3. N 184 ex Aug. 1767.

⁸⁷ Ibid. UK. Fasz. 1. Kt. 3. Konv. 3. N 99 ex Dec. 1767. Fol. 184r.

⁸⁸ Ibid. Fol. 179r.

супруг <...> брал свои труднейшие служебные задания на дом, так что я собственными глазами видела, как он год за годом не только весь день проводил в присутствии, но и множество бессонных ночей с неутомимым рвением посвящая государственной службе, теряя зрение и подрывая свое здоровье»⁸⁹. Престарелый таможенный контролер Иоганн Петер Зоммер приложил к прошению о пенсии проникновенное стихотворение собственного сочинения. Оно начиналось словами: «Набожной монархине пожалуюсь сегодня, / Как больно сразила меня рука Господня. / Тяжелая болезнь меня лишила зрения, / О, будьте же полны ко мне снисхождения. / Дозвольте мне жалованье сохранить, / Чтоб вместе с моим чадом жить»⁹⁰.

Это искреннее и наивное стихотворение напоминает анекдот из российской истории⁹¹, когда отставной кригс-комиссар Иван Лузин попытался в коротком стихотворении обратить внимание императора Павла I на следующее: «Не по правилам фортификации, / Ниже по ситуации, / Но по Божеской власти / Петербург разделен на части; / Сиречь в крепости комендант, / А в городе другой». За это ценное в его глазах наблюдение автор, «Истощая ума своего крошки / Просит от щедрот твоих трошки»⁹². Государь проявил великодушие, повелев: «Выдать ему, дураку, 2000 руб.»⁹³.

Похоже, что за сто с лишним лет условия труда чиновников не изменились. Герой Ф. Кафки, попав в судебное присутствие, видит такую картину: «Хотя непосредственного доступа света ниоткуда не было, все же темнота казалась

⁸⁹ Ibid. Fasz. 29. Kt. 1959. Subd. 1. N 42 ex Aug. 1779. Fol. 374r.

⁹⁰ Ibid. HFU. Kt. 2001. 20. Febr. 1760. Fol. 746r. [пер. мой. — О.Х.].

⁹¹ Из новостей-однодневок о российской действительности XXI в.: бывший губернатор Марий Эл Л. Маркелов, арестованный по обвинению во взятке, написал обращение к Президенту Российской Федерации в стихах, в котором попросил разобраться в деле и помиловать его. См.: <https://meduza.io/shapito/2017/06/24/arrestovannyuzavzyatku-byvshiy-gubernator-mariy-el-poprosil-putina-opomilovanii-v-stihah>

⁹² Стерлигов С. Прощение кригс-комиссара Лужина Павлу I // Русская старина. 1887. Кн. 56. С. 216. Выражаю признательность С.В. Алпатову за информацию об этом стихотворном прошении.

⁹³ Степанов Н.П. Из времен императора Павла Петровича // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 645.

неполной, потому что некоторые помещения отделялись от прохода не сплошной перегородкой, а деревянной решеткой, правда, доходившей до потолка: оттуда проникал слабый свет, и даже можно было видеть некоторых чиновников, которые писали за столами или стояли у самых решеток, наблюдая сквозь них за людьми в проходе»⁹⁴.

Подобно иным представителям интеллектуального труда, у чиновников от постоянных умственных перегрузок вполне могло пошатнуться душевное здоровье. Наиболее известен случай потерявшего рассудок советника Сепешской казенной палаты (впоследствии Камеральной администрации в Кашше) Вольфганга Руднянски⁹⁵. Годами ранее у трудившегося там же адъюнкта регистратуры Андраша Серафила тоже помутился разум, и его в 1757 г. поспешили отправить на пенсию⁹⁶. Об упомянутом выше канцеляристе Венгерской королевской канцелярии Йозефе Какони его начальник — директор экспедиции Йозеф Павич — в 1792 г. сообщал, что тот «вот уже два года как сначала демонстрировал признаки апатии, которая затем сменилась ипохондрией, и, наконец, впал в тихое и небуйное помешательство. В венской Общественной больнице перепробовали все средства, чтобы вернуть ему здоровье, и теперь, согласно прилагаемому медицинскому свидетельству (хотя дважды казалось, что он шел на поправку и возвращался к исполнению служебных обязанностей, нет никакой надежды на его излечение»⁹⁷. Та же судьба постигла в 1797 г. конциписта Эммериха Гибера, который провел два года в лечебнице (все это время за ним сохранялось место и жалованье) и умер в январе 1800 г.⁹⁸

Далее, при пожарах, которые нередко случались в то время, чиновники — спасая вверенные им архивы или кассы — получали тяжелейшие ожоги, теряли зрение от едкого дыма. Таможенник из Нежидера Игнац Какони (выше подробно говорилось об этой чиновничьей династии) серьезно

⁹⁴ Кафка Ф. Процесс / Пер. с нем. Р. Райт-Ковалевой, Г. Снежинской. СПб., 2014. С. 80–81.

⁹⁵ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1905. Subd. 1. N 93 ex Apr. 1774. Fol. 59, 61.

⁹⁶ См.: Ibid. HFU. Kt. 1962. 7. Jul. 1757. Fol. 77v.

⁹⁷ MNL OL. A 39. 1520/1792.

⁹⁸ Ibid. 9283/1800.

пострадал при пожаре в здании конторы. О своем потерянном здоровье он в 1772 г. писал: «День ото дня я испытываю всё более и более нестерпимые мучения, о чем свидетельствует прилагаемый аттестат хирурга, к тому же глаза все хуже служат мне при свете свечи, так что не могу ни смотреть, ни читать, потому не в состоянии более исполнять свои служебные обязанности»⁹⁹. Наконец, молодого, подающего надежды человека за конторкой мог сразить тяжкий недуг, последствия которого можно сравнить с ранением на войне. Иоганн Зайбот, сын австрийского офицера, в 1768 г. окончил политико-экономический коллегийум в Сенце, три года набирался опыта в Императорско-королевском городском и земельном суде Вены, в 1774 г., преисполненный надежд, поступил в Сепешскую камеральную администрацию. Однако два года спустя у него в возрасте 28 лет отнялась правая рука. По просьбе руководства ему назначили скромную пенсию в 100 фл.¹⁰⁰

Ведомственное руководство само признавало, что перегрузки на работе становились причиной преждевременного ухода чиновников из жизни. Как писал президент Венгерской казенной палаты Я.Н. Эрдеди по поводу назначения пенсии вдове бухгалтера Йозефа Элленбогена (?–1772): «Из-за частой занятости во внеурочные часы здоровью его причинен был немалый ущерб, что и приблизило кончину»¹⁰¹. Кстати, сам граф Эрдеди страдал подагрой, так что не всегда мог покинуть дом и появиться в ведомстве¹⁰².

Те же, в чьи служебные обязанности входили частые разъезды, тряслись в повозках и на телегах, совершали опасные путешествия сквозь непроходимые леса, а иногда и по бурным морям, ночевали на холодных постоялых дворах, попадали в центры эпидемий, становились жертвами нападения «лихих людей». Жена камерального чиновника Фердинанда Эбена осталась вдовой с тремя детьми, после того

⁹⁹ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 18: Maut- und Dreißigstwesen in genere. Kt. 1198. N 19 ex Nov. 1772. Fol. 168v.

¹⁰⁰ См.: MNL OL. E 47. 15. cs. N 125 ex Jan. 1774; ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 41. Kt. 2484. Subd. 2. N 52 ex Febr. 1776. Fol. 99–100.

¹⁰¹ Ibid. Fol. 74r.

¹⁰² О факте болезни см.: П. Фештетич — Й. Коловрату, Пресбург, 7.VI.1774 // ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 19: Salzwesen in genere. Kt. 1363. N 6 ex Jun. 1774. Fol. 457v.

как мужа ее подкараулили разбойники, ослепили несчастного и нанесли раны, несовместимые с жизнью, от которых тот и скончался¹⁰³. Советнику Венгерской казенной палаты Иоганну Петеру Хентлю повезло больше. В сентябре 1774 г. он сопровождал президента ведомства из Пресбурга в Кашшу, где как раз в то время осуществлялась крупномасштабная ведомственная реорганизация, и вышло так, что в зинюю стужу ему пришлось в одиночку совершить поездку в Пресбург и обратно (даже по современным дорогам это в совокупности около 1 тыс. км). В прошении о перерасчете «командировочных» расходов не чаявший, как остался в живых, советник писал: «В конце января 1775 г. в еще более лютый мороз и по глубокому снегу я с неописуемыми трудностями совершил куда более опасное обратное путешествие, не раз сбивался с пути, у меня ломалась повозка и терялась столь необходимая поклажа, опять-таки от почтовой станции близ Дёра меня до самых предместий сопровождали два страшных волка, отставшие и повернувшие назад в лес, только завидев костер, горевший во дворе корчмы “Таубен”»¹⁰⁴.

Иными словами, к старости здоровье чиновников оказывалось капитально подорвано, о чем постоянно говорилось в прошениях о назначении пенсии (нередко сопровождавшихся медицинскими аттестатами¹⁰⁵). Такие петиции могут служить великолепным просопографическим источником. Подводя итог, чиновники описывали этапы карьеры, сообщали о длительности службы, возрасте, наличии и составе семьи. Из сопоставительного анализа этих документов можно сделать вывод о социальной мобильности (частоте смены мест проживания и рода деятельности), об обстоятельствах, традиционно принимаемых во внимание властями при назначении пенсионного содержания, наконец, о болезнях, которые подстерегали государевых слуг на старости лет.

Например, в 1761 г. Якоб Сабо, начальник соляной конторы из Арада, признался руководству Казенной палаты, что

¹⁰³ См.: Ibid. HFU. Kt. 1851. 20. Maj. 1749. Fol. 208r.

¹⁰⁴ Ibid. UK. Fasz. 34: Reise- und Liefergelder. Kt. 2422. Subd. 2. N 87 ex Aug. 1776. Fol. 537r–v.

¹⁰⁵ См.: Ibid. Subd. 1. N 30 ex Jan. 1775. Fol. 6r. В 1784 г. Иосиф II в частной резолюции потребует, чтобы любые ссылки на состояние здоровья как основание для денежных выплат сопровождались справками от врачей. См.: Ibid. ÖK. Fasz. 10. Fasz. r. Nr. 710. «Н». N 186 ex Nov. 1784. Fol. 305r.

сил с каждым днем остается все меньше, он так постарел и одряхлел, что далее не в состоянии исполнять служебные обязанности. Советник Котман побывал с инспекционным визитом в Араде и убедился: «Зрение у пожилого человека ухудшилось настолько, что он едва различал предметы даже на близком расстоянии»¹⁰⁶. На следующий год встал вопрос о судьбе инспектора Франца Либа из соляной конторы в Бартфе: после 36 лет безупречной службы его разбил апоплексический удар, и, как следствие, разум и память оставили больного¹⁰⁷. Таким чиновникам полагалась так называемая юбилеяция — выход с почетом на заслуженный отдых при сохранении всего или большей части жалованья¹⁰⁸. Косвенной причиной того, что пожилые, больные люди до последнего держались за свои должности, была практика отказывать в пенсии вдовам чиновников, давно покинувших службу¹⁰⁹.

И. Зонненфельс в сочинении «О любви к Отечеству» вывел идеальный образ чиновника-патриота в форме клятвы, которую якобы приносили шаху служащие в Кандагаре. Она завершалась такими словами: «И когда, наконец, работа или возраст ослабят остроту моего ума и истощат силы моего тела, я добровольно покину эту должность»¹¹⁰. По целому ряду причин это оставалось не более чем благим пожеланием.

Назначение пенсий и проблема работающих пенсионеров. В первой половине XVIII в. не было принято выводить на пенсию по достижении какого-то определенного возраста. На покой, как правило, уходили тогда, когда здоровье становилось препятствием к продолжению трудовой деятельности. Как говорилось в меморандуме Венской придворной казенной палаты по поводу привратника Галицийского земельного суда Йозефа Вафа: «Фактическая недееспособность этого

¹⁰⁶ Ibid. HFU. Kt. 2026. 12. Jun. 1761. Fol. 315r.

¹⁰⁷ См.: Ibid. Kt. 2046. 7. Jun. 1762. Fol. 138r.

¹⁰⁸ В раннее Новое время латинский глагол «*jubeo*» («ликовать», «радостно восклицать») получил еще одно значение. В словаре Антала Бартала прилагательное «*jubilatus*» переводится как «тот, кто прекратил трудиться». См.: Bartal A. Glossarium mediae et infimae latinitatis Regni Hungariae. Lipsiae, 1901. P. 354.

¹⁰⁹ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1957. 28. Febr. 1757. Fol. 281v.

¹¹⁰ Sonnenfels J., von. Über die Liebe des Vaterlandes. Wien, 1771. S. 124–125.

пожилого человека может нанести урон государевой службе»¹¹¹. Б. Вундер, изучивший пенсионную политику австрийских властей во второй половине XVIII в., отмечает, что шансы сохранить жалованье в полном объеме после увольнения были особенно высоки у тех, кто десятилетиями служил без нареканий¹¹². Этот вывод подтверждают слова президента Венской казенной палаты Иоганна Зайфрида Херберштайна (Герберштейна; 1706–1771): «Нам представляется, что необходимо строго различать между теми, кто имеет право на юбилеяцию, и теми чиновниками, которые по причине происшедшего с ними несчастья <...> не в состоянии далее служить, и таковыми, дабы не ввергать их вместе с семьями в нищету, следует положить скромное содержание»¹¹³.

Пенсия в размере полного жалованья была не частым исключением. Обычно власти ограничивались двумя третями или даже половиной. Похоже, сердца бюрократов смягчались, когда речь шла о сотрудниках, дни которых были сочтены: выплата 75 или даже 100% жалованья в течение короткого периода не истощала казну, но это производило благоприятное впечатление на окружающих. Когда 80-летний Габриэль Йозеф Штеттнер, прослуживший полвека сначала в военном комиссариате, затем в управлении военной кассы, наконец, в городском банке Вены, понял, что больше не в состоянии вести финансовую отчетность, он попросил о юбилеяции, какковая — учитываемая исполнительность и аккуратность просителя — была ему назначена в размере полного жалованья. Граф Иоганн Франц Дитрихштайн писал: «Примем в данном случае во внимание заслуги, к тому же бремя для казны не будет непосильным, если учесть, что милость эта из-за преклонного возраста просителя и немногих оставшихся ему дней жизни не составит значительной суммы»¹¹⁴.

В целом же, поскольку юбилеяция считалась формой заработной платы, выплачиваемой неработающему в качестве знака особого уважения, власти рассматривали

¹¹¹ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 10. Fasz. r. Nr. 711. «W». N 396 ex Oct. 1784. Fol. 218v.

¹¹² См.: Wunder B. Die Institutionalisierung der Invaliden-, Alter- und Hinterbliebenenversorgung der Staatsbediensteten in Österreich (1748–1790) // MIOG. Wien, 1984. Bd. XCII. N 3/4. S. 369.

¹¹³ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2047. 7. Jul. 1762. Fol. 133v.

¹¹⁴ Ibid. Kt. 1756. 6. Apr. 1743. Fol. 121r.

сто процентное сохранение жалованья непозволительной роскошью. На место вышедшего на покой чиновника приходил новый, казне же приходилось фактически нести двойные расходы — содержать и работника, и юбилянта. В 1756 г. — при рассмотрении прошения Георга Пассо — императрица попеняла Венгерской казенной палате, что те, в нарушение всех предписаний, при каждом удобном случае назначают своим коллегам пенсию в размере целого жалованья, и в своей резолюции урезала денежное содержание просителю до половины¹¹⁵.

Первыми, кто во владениях Австрийского дома в конце Семилетней войны стал получать в полном смысле слова государственную пенсию, были военные инвалиды. (Так государство пыталось привлечь мужскую часть населения в армию.) На рубеже 1740–1750-х гг. двор зарезервировал в государственных финансах 1 млн фл., в какую сумму следовало вместить весь объем выплат по болезни, старости или утере кормильца. По мнению Б. Вундера, нормирование пенсионных выплат во второй половине XVIII в. было направлено на то, чтобы, придерживаясь сложившихся практик, не выходить за пределы означенной суммы. Особенность политики Марии Терезии состояла в том, что она — вразрез с практикуемыми в соседних странах мерами — шла не по пути глобальных линейных сокращений или прекращения назначения новых пенсий, но требовала детального регламентирования процедур и досконального отслеживания практики выплат¹¹⁶. На деле это означало: ни меритократия, ни филантропия не должны были создавать разорительных для казны прецедентов.

Поскольку каждая новая пенсия была, по сути, дополнительным бременем для казны, прилагались колоссальные усилия, чтобы продлить время службы опытных чиновников или вернуть на службу тех, кто уже вышел на заслуженный отдых. В 1762 г. по запросу императрицы Венгерская казенная палата составила сводный список пенсионеров: 22 человека, которые обходились казне в 10–110 фл. в год. Однако состояние их здоровья было таково, что о возвращении к трудовой деятельности не могло быть и речи: «Все чиновники

¹¹⁵ См.: Ibid. Kt. 1954. 8. Nov. 1756. Fol. 66v.

¹¹⁶ См.: Wunder B. Die Institutionalisierung. S. 404.

отправлены на покой из-за преклонного возраста, телесной слабости, истощения сил и дряхлости, соответственно нет ни одного, кто мог бы занять какую-либо должность или вернуться к своим прежним обязанностям»¹¹⁷. Практиковалось урезание жалованья вновь назначенному чиновнику, чтобы пенсия его предшественнику не так ощутимо была по бюджету. Поскольку на такую дискриминацию добровольно никто не соглашался, преемников уговаривали получать неполное жалованье лишь на время жизни предшественника¹¹⁸.

Выше уже шла речь об одной из форм бюджетной экономии — передаче сыну отцовской должности при условии, что тот берет на себя заботы о содержании и пропитании добровольно отказавшегося от пенсии родителя. Каждый из таких случаев рассматривался отдельно и не имел последствий для сходных коллизий. Чтобы подобная сделка государства с подданным состоялась, филантропическое сострадание к больным и немощным не должно было входить в противоречие с меритократическим принципом «каждому по заслугам». Порой вырабатывались многоходовые решения, как в случае весовщика одной из соляных контор Йозефа Зингхофера. Имея к 70 годам 37 лет трудового стажа, он едва управлялся с тяжелыми кубами соли и выразил готовность отказаться от пенсии, если его должность отойдет к зятю Георгу Штагеру. Между тем выяснилось, что тот не умеет как следует ни писать, ни считать, потому что по профессии был садовником. Тогда Казенная палата рассудила: место Зингхофера мог занять шоварский инспектор Мартин Пиллер, на место Пиллера отправлялся на повышение кладовщик Франц Герзон, а зять Зингхофера вполне мог справиться с кругом обязанностей кладовщика. Садовник обязался за жалованье в 70 фл. и дополнительные 6 фл. на содержание тестя заботиться о старике до конца его дней. Проявившему же благородство Зингхоферу положили пенсию в 50 фл.¹¹⁹

Благодаря годам настойчивого поиска оптимальной политики по социальной защите престарелых, более не способных трудиться граждан и членов их семей Австрия стала первой страной в Европе, где в 1781 г. была введена

¹¹⁷ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2051. 2. Oct. 1762. Fol. 338v, 349r.

¹¹⁸ См.: Ibid. Kt. 2053. 24. Nov. 1762. Fol. 245–246r.

¹¹⁹ См.: Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1946. Subd. 3. N 59 ex Jan. 1767. Fol. 6–7.

всеобщая система пенсионного страхования — *Pensions-Normale*. (Второй в 1790 г. станет революционная Франция. Для сравнения: в Германии первый закон о пенсиях по инвалидности и старости был принят только в 1889 г.¹²⁰) Император Иосиф II установил, что «для всех классов без исключения» условием для пожизненной пенсии является, как минимум, 10 лет службы, при выслуге лет от 10 до 25 лет выплачивалась треть, от 25 до 40 лет — половина, более 40 лет — две трети жалования (в исключительных случаях — полное жалование)¹²¹. Если считать упомянутый выше список камеральных пенсионеров за 1762 г. репрезентативной выборкой, можно предположить, что доля тех, кто имел 40 и более лет выслуги, была довольно высока и составляла пятую часть.

К чести императора, прославившегося своими искренними симпатиями к «простому народу», следует отметить, что он последовательно трактовал положения пенсионного законодательства в пользу нуждающихся. Введение *Pensions-Normale* не решало такую проблему, как совокупное исчисление стажа для военных, перешедших на статскую службу. С одной стороны, выходя в отставку, офицеры могли рассчитывать на пенсию по военному ведомству. С другой стороны, вновь поступая теперь уже на чиновничью должность, они отказывались от своей военной пенсии. В 1784 г. президент Придворной казенной палаты обратился к императору с просьбой рассмотреть случай Йозефа Вартенбергера из Галиции: тот 33 года прослужил в армии, а 9 лет и 8 месяцев — в окружной администрации. Таким образом, ему не хватало 4 месяцев до минимальной пенсии. Решение, в духе административных практик Марии Терезии, было принято в пользу пожилого, заслуженного чиновника, которому положили достойную пенсию в 200 фл. «на предположительно немногие дни жизни»¹²².

Сострадание, однако, все чаще проявлялось строго в рамках закона. Когда помутившемуся рассудком Йозефу Какони не хватило тех же 4 месяцев для достижения мини-

¹²⁰ См.: Haerendel U. Ideas of justice in the foundation of the German old age pension system // German Historical Institute London Bulletin. 2009 (Nov.). Vol. 30. N 2. P. 3–28.

¹²¹ См.: Wunder B. Die Institutionalisierung. S. 373.

¹²² ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 10. Fasz. r. Nr. 711. «W». N 232 ex Jun. 1784. Fol. 123v.

мальной выслуги в 10 лет, император Леопольд II пошел навстречу пожеланию Венгерской королевской канцелярии и назначил несчастному пенсию в размере трети жалования (200 фл.). При этом он остался глух к предложению ведомственного руководства увеличить пособие до половины жалования (300 фл.)¹²³.

В начале XIX в. назначение пенсий приобрело рутинный характер и происходило в строгом соответствии с предписаниями закона. Фиксированные государственные пенсии были тем жалким минимумом, который в условиях бюджетного дефицита позволял реализовывать принцип равного вознаграждения за равные заслуги в масштабах всей монархии. В. Хайндль приводит немало душераздирающих жалоб современников на невозможность не только жить, но даже влачить существование на положенную от государства сумму. Именно в скудных жалованиях и пенсиях ученые видят пагубное пристрастие многих чиновников (как, кстати, и военных) к азартным играм и лотереям¹²⁴.

Зафиксированные в пенсионном законодательстве нормы были для своего времени единственно реалистичными и не оставляли места для субъективных филантропических порывов. Например, в 1804 г. с прошением о пенсии в размере полного жалования обратился советник в отставке барон Кюльберг, прежде служивший в отделившихся в ходе революции 1789 г. Австрийских Нидерландах. Венская казенная палата, отдавая дань уважения старику, имевшему за плечами 47 лет стажа, постановила, однако, платить ему, как и говорилось в законе, ровно две трети жалования. Причина была проста: престарелых, заслуженных, лишившихся своих должностей в вихре бельгийской революции чиновников было слишком много, и сострадание, проявленное к одному, могло вызвать разорительный шквал подобных прошений от всех остальных¹²⁵.

Следует, впрочем, особо оговорить, что введение всеобщей системы пенсионного страхования никак не отменило

¹²³ См.: MNL OL. A 39. 1520/1792.

¹²⁴ См.: Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991. S. 33.

¹²⁵ См.: ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2147. N 572 ex Jan. 1805 (пагинация отсутствует).

практику сохранения из жалости в штате престарелых и физически не способных справляться с кругом должностных обязанностей чиновников. Особо чувствительным такое бремя расходов стало в начале 1790-х гг., с началом войн с революционной Францией. Едва ли не всякий раз, когда в Венгерской королевской канцелярии происходили кадровые перестановки, поднимался вопрос об одряхлевших на службе чиновниках, которых в ожидании их близкой кончины от старости руководство ведомства не отправляло на пенсию, но распределяло их обязанности между молодыми коллегами. В 1800 г., обосновывая необходимость юбилея для 2-го адъютанта экспедиции Венгерской королевской канцелярии М. Круттена, ведомство напоминало, что его прилежный и усердный начальник Йозеф Павич служит уже 41 год и часто бывает нездоров, а 1-й адъютант Йозеф Херович, достигший 65-летнего возраста, вынужден порой работать один за всех¹²⁶.

Пенсия отставным чиновникам была призвана сохранить им, снискавшим заслуги, достойный (соразмерный их социальному статусу) уровень благосостояния. Для тех из них, кто, находясь на службе, испытывал серьезные материальные затруднения, а также — после смерти — для их вдов и сирот финансовая помощь носила характер государевой милости. С одной стороны, она была вознаграждением, а с другой — актом сострадания¹²⁷. Для этой категории просителей была создана специальная Придворная касса милостыней (*Almosenkassen*). По признанию руководства Казенной палаты, поток заявлений от нуждающихся не иссякал¹²⁸. Вот пример заявления, по которому было принято положительное решение. Счетовод Венской придворной казенной палаты Иоганн Михель Нехута в 1776 г. попросил о выделении ему скромной суммы на воспитание детей и о зачислении сына в кадеты. Родное ведомство отнеслось к судьбе коллеги с нескрываемым сочувствием: «С одной стороны, плачевное состояние заявителя, в котором тот оказался не из-за своего постыдного поведения, но по причине многочисленности семейства, так что его жена и дети из-за отсутствия одежды

¹²⁶ См.: MNL OL. A. 39. 9283/1800.

¹²⁷ См.: Wunder B. Die Institutionalisierung. S. 379.

¹²⁸ См.: ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2142. N 61 ex Sept. 1771. Fol. 445.

уже десять месяцев не ходят в церковь, вызывает понятное сострадание; с другой стороны, его прилежная 24-летняя служба позволяет рекомендовать Вашему Величеству выделить ему с женой и восемью детьми помощь в размере 100 фл.». Императрица одобрила единовременную выплату означенной суммы, но не вняла просьбе об устройстве судьбы сына¹²⁹. Две милости на одну, даже такую многочисленную семью были непозволительной роскошью.

Корпоративная забота о детях и сиротах. Рождение детей в семьях чиновников не всегда было радостью. Необходимость позаботиться об их пропитании, воспитать и выдать замуж девочек, дать образование и помочь поступить на службу мальчикам, тяжелы грузом давила на родительские плечи. Терезия Херхер — вдова советника Венгерской казенной палаты Яноша Тагани — выразилась на этот счет весьма образно: «Не бывало и года, чтобы Господь не оделял нас детьми, болезнями, смертями и иными напастями»¹³⁰. Практически не было семьи, которую миновала бы детская смертность.

В среднем в семьях было по четыре-шесть детей, как, например, у акцессиста Венгерской казенной палаты Константина Зайделя: к сорока годам у него было пятеро отпрысков¹³¹. У протоколиста Венгерской казенной палаты Иштвана Тернеи было три брата и две сестры. Женившись на Кларе Будаи (из старого мелкодворянского рода), он прижил шестерых детей — трех мальчиков и трех девочек. В 1779 г. им было: Йозефу — 16 лет, Анне — 14, Терезии — 12, Иштвану — 6, Имре — 3, Кларе — 1 год¹³².

Поздние, даже по современным меркам, дети не были редкостью. Престарелый (в 1770 г. ему должно было быть около 70 лет¹³³) бухгалтер из Сепешской камеральной адми-

¹²⁹ См.: Ibid. Fasz. r. Nr. 2144. N 42 ex Apr. 1776. Fol. 48v–49.

¹³⁰ Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1960. Subd. 2: Remunerationen und Gnadegaben. N 121 ex Jul. 1779. Fol. 316v.

¹³¹ См.: Ibid. HFU. Kt. 2044. 6. Maj. 1762. Fol. 50r.

¹³² См.: Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1960. Subd. 3: Jubilationen. N 28 ex Jan. 1779. Fol. 9r, 12r.

¹³³ Ю.Л. Бессмертный на основе анализа французских источников приходил к выводу, что старость в средневековой Европе наступала между 50 и 60 годами. Раннее Новое время, по-видимому, унаследо-

нистрации Йозеф (Йозеф) Шарлах писал: «Если я не ошибаюсь, то в своих браках я прижил 24 ребенка, из которых 12 умерли, так что со мной остались 8 мальчиков и 4 девочки»¹³⁴. Последняя жена, Анна (в девичестве Деметрович), родила ему пятерых детей, из которых в 1774 г. самому старшему — Юлиусу Йозефу (Дюле Йозефу) было 17 лет¹³⁵. Известно, что Йозеф Бачак дожил до 81 года и от единственной жены Анны Марии Конде имел 12 детей (из которых не все дожили до совершеннолетия). Георг Хельблинг, приемщик из соляной конторы в Мохаче, пережил свою жену и в возрасте 70 лет ушел в мир иной, оставив после себя десятерых детей — семерых сыновей, старший из которых уже самостоятельно зарабатывал себе на жизнь, и трех малолетних девочек¹³⁶. Советник Венгерской казенной палаты Гергей Шаги, скончавшийся на 39-м году службы (следовательно, ему было не менее 60 лет), оставил после себя вдову с восьмерыми детьми, «в том числе малолетними и школьного возраста»¹³⁷.

Тем, кто едва сводил концы с концами, родные ведомства выхлопывали скромные денежные вспомоществования (разовые или на регулярной основе), оказывали предпочтение, при прочих равных условиях, при продвижении по службе. Отец пятерых малолетних сыновей регистратор Шандор Копронай за многолетнюю примерную службу получил, по представлению ведомственного начальства, прибавку к жалованью в размере 200 фл. (по 40 фл. на каждого ребенка)¹³⁸. Сборщик тридцатинного налога Симон Сарин жил в такой нищете, что не имел достаточных средств ни как следует

вало такое же видение, хотя сама продолжительность человеческой жизни, скорее всего, увеличилась. См.: *Бессмерный Ю.Л.* Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 113.

¹³⁴ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1942. Subd. 1: Pensionen. N 116 ex Aug. 1770. Fol. 71v.

¹³⁵ См.: MNL OL. E 47. 16. cs. N 71 ex Nov. 1774.

¹³⁶ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1959. 18. Apr. 1757. Fol. 153r.

¹³⁷ Ibid. UK. Fasz. 1. Kt. 19. Subd. 2: Ratsgremium. N 132 ex Apr. 1781. Fol. 100r.

¹³⁸ См.: Ibid. Fasz. 29. Kt. 1945. Subd. 2: Remunerationen und Gnadegaben. N 45 ex Dec. 1773. Fol. 306r.

накормить своих семерых детей, ни справиться им одежду, так что им даже не в чем было выйти в церковь. К тому же дом его сгорел при пожаре, и отец многодетного семейства залез в долги. Президент Придворной казенной палаты выхлопотал ему 100-процентную прибавку к его нищенскому жалованью, чтобы тот вместо 100 получал 200 фл. в год¹³⁹.

Практика корпоративной поддержки молодых отцов и многодетных семейств сохранилась до конца существования монархии Габсбургов. Ироничный Р. Музиль в романе «Человек без свойств» писал, высмеивая медлительность австрийской бюрократии: «Например, прошение мелкого чиновника об особом пособии по случаю родов у жены резервировалось до тех пор, пока ребенок не становился взрослым и трудоспособным, не по какой-либо другой причине, кроме как по той, что к тому времени вопрос мог ведь, чего доброго, и решиться законодательным путем, а сердце начальника не хотело преждевременно отклонять эту просьбу»¹⁴⁰.

Сироты — если не в силу социальной ответственности государства, то из христианского сострадания — издавна пользовались преимуществом при зачислении в учебные заведения на средства специальных фондов, которые основывали католическая церковь, верховные правители и частные лица¹⁴¹. Порой забота эта не была лишена идеологической подоплеки. Поскольку верховный правитель традиционно считался опекуном всех сирот, в XVI–XVII вв. Габсбурги охотно пользовались правом патроната над осиротевшими дворянами-протестантами, обращая тех в католичество. В годы правления Марии Терезии открывались сиротские приюты, государство начало выделять средства (например, часть акцизных сборов от продажи алкоголя и табака¹⁴²) на содержание, воспитание, образование детей, оставшихся без родителей.

Первое нормативное регулирование выплат вдовам и сиротам, пишет Б. Вундер, относится к 1749 г. В нем, в частности,

---

¹³⁹ См.: Ibid. HFU. Kt. 1959. 15. Apr. 1757. 27r–28r.

¹⁴⁰ Музиль Р. Человек без свойств. Т. 1. С. 264.

¹⁴¹ См.: Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей. С. 207–213.

¹⁴² См.: Glösmann C. Das pädagogische Jahrhundert — Konzepte der Erziehung und Bildung im allgemeinen und am Beispiel der Soldatenkinder zur Zeit Maria Theresias. Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades der Philosophie eingereicht an der Geisteswissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien. 1997 (рукопись).

фиксировалось, что круглые сироты могли, как правило, рассчитывать на пенсию в одну шестую отцовского жалования (или гораздо меньшую сумму) вплоть до достижения совершеннолетия: у мальчиков оно наступало в 22 года, у девочек — в 20 лет. Для детей неквалифицированного персонала совершеннолетие начиналось еще раньше, поскольку им не обязательно было учиться, а самостоятельно зарабатывать на хлеб под силу мальчикам с 15, а девочкам — с 14 лет¹⁴³. Вообще, как было сказано по случаю прошения истопника герцога Пармского Джованни Карабальди, просившего перевести пенсию матери на сестер: «В просьбе сей тем более отказать, что дети низкого происхождения [*Kinder von minderen Herkunft*] по достижении совершеннолетия теряют право на пенсию и должны сами зарабатывать себе на хлеб»¹⁴⁴.

Прежде чем назначить сиротам пенсию, власти требовали предоставления исчерпывающей информации, сколько лет детям, в состоянии ли они самостоятельно зарабатывать на хлеб и какими дополнительными источниками дохода располагают. Пенсия обычно назначалась на три года, по истечении которых рассматривался вопрос о продлении. Например, сын приемщика из соляной конторы Йозеф Тольд, оставшийся сиротой на попечении деда в пять лет, получал скромную годовую пенсию в 15 фл., по крайней мере, в течение девяти лет¹⁴⁵. Можно сказать, что не всякой вдове удавалось растопить сердца чиновников, но сиротство вызывало естественное сострадание. Нередко в резолюциях Марии Терезии особо оговаривалось, какая сумма предназначается матери, а какая — детям. По поводу Терезии Хильмайер императрица распорядилась: «Ей — 66 фл., каждому ребенку — по 20, всего — 206 фл.»¹⁴⁶.

Никто лучше тех, кто вырос без родителей, не знал, как высоко ценится и трудно достается образование, позволяющее заработать на кусок хлеба. Прощения о приеме на службу от сирот сопровождаются, как правило, детальным описанием знаний и умений. Янош Мандли просил руководство

¹⁴³ См.: Wunder B. Die Institutionalisierung. S. 383–384.

¹⁴⁴ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2142. N 40 ex Mar. 1770. Fol. 84r.

¹⁴⁵ См.: Ibid. HFU. Kt. 1981. 28. Sept. 1758. Fol. 773r, 773r; UK. Fasz. 29. Kt. 1934. Subd. 1. N 24 ex Aug. 1764. Fol. 855r, 856r.

¹⁴⁶ См.: MNL OL. A 39. 177/1776.

Венгерской казенной палаты помочь «бедному сироте, который уже много лет лишен родителей и не имеет никаких средств к существованию». Он писал: «По окончании учебы я добывал на пропитание, практикуясь у различных адвокатов и придворных агентов, чтобы лучше подготовиться к публичной службе. Кроме латинского я владею немецким и венгерским, знаю искусство арифметики, к тому же имею многолетнюю практику быстрого и правильного чистописания и письма под диктовку, знаком с новыми требованиями к ведению делопроизводства»¹⁴⁷.

Далеко не всем давалась такая возможность, о чем свидетельствует печальная судьба Карла Ладислава Пёкингера, в младенчестве лишившегося отца — приемщика соляной конторы из Марамароша. Мать едва сводила концы с концами, но, если бы не помощь коллег покойного супруга, не всегда имела бы средства прокормить и одеть мальчика. Через некоторое время она вышла замуж за Франца Людвиг Вурма (тоже чиновника в одной из соляных контор), однако семью преследовали несчастья. Отчима (как потом выяснилось, несправедливо) обвинили в должностном преступлении, и на покрытие судебных издержек пошло не только скромное имущество, но и пенсия в 60 фл., выделенная в 1741 г. Венгерской казенной палатой для обучения маленького Карла. Когда выплаты прекратились, несовершеннолетний мальчик едва умел читать и писать, а на работу, требующую физической силы и выносливости, его не брали. Он подавал прошение о стипендии в одном из местных коллегиумов, но безрезультатно. Наконец, ему удалось получить должность садовника, но за 16 лет его здоровье ухудшилось, а зрение ослабло настолько, что к 1760 г. Карл не мог более трудиться. Все, о чем просил этот раньше времени состарившийся человек, было назначение ему тех самых 60 фл. в год до конца жизни в качестве вспомоществования по нетрудоспособности¹⁴⁸. Сведений о том, что прошение было удовлетворено, не найдено.

В условиях, когда государство — организационно и финансово — не могло в равной мере позаботиться обо всех осиротевших, многие из них были обязаны своим жизненным

¹⁴⁷ Ibid. E 47. 16. cs. N 533 ex Nov. 1774.

¹⁴⁸ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1941. 14. Maj. 1743. Fol. 248r–249r; Kt. 2012. 24. Sept. 1760. Fol. 599.

успехом корпоративной солидарности, вовремя проявленной коллегами покойного отца. Иногда свидетельства тому обнаруживаются в самих документах. В 1764 г. Антал и Шара Корбей (явно не без помощи взрослого) писали: «По совету нашего покойного отца, данному на смертном одре, мы смиренно прибегаем к покровительству Венгерской казенной палаты. <...> Обливаясь слезами, мы молим милостиво дать нам какую-нибудь пенсию на хлеб насущный, ибо нет у нас ни матери, ни родственника, ни патрона». Отец их 30 лет (по словам сирот, 33 года) отдал камеральной службе, в том числе на должности сборщика тридцатинного налога в конторе Фекетето, о чем подробно говорилось в меморандуме коллег покойного. Дабы подвигнуть иных чиновников к примерному несению службы, детям не только выделили пенсию, но, по решению Придворной казенной палаты в Вене, несколько увеличили сумму: с 26 фл. 40 крейцеров до 30 фл., т.е. по 15 фл. на каждого ребенка¹⁴⁹.

В других случаях о корпоративной солидарности можно догадаться из контекста. В январе 1776 г. молодой и полный сил ассессор Марамарошской камеральной администрации Йозеф Риттер неожиданно скончался, оставив свою молодую жену Анну (в девичестве Вюрцер) вдовой, а пятилетнего сына — сиротой. Где бы Риттер ни служил, руководство ценило его очень высоко. За четыре года в Урбариаальной комиссии (1769–1773), призванной описать и упорядочить объем крестьянских повинностей в комитатах, он заслужил восторженные отзывы своего начальника советника Венгерской королевской канцелярии Иоганна (Яноша) Нойхольда, который настойчиво хлопотал о переводе своего компетентного подчиненного в Казенную палату¹⁵⁰. Венгерский канцлер Ф. Эстерхази так писал о Риттере со слов того же Нойхольда: «Это человек не только достойного поведения, выказанного со всем вниманием, верностью, старанием и сноровкой в доверенных ему урбариаальных, делах, но он обладает такими качествами, как знакомство с ведением камеральных операций, хорошо говорит и пишет на латыни, немецком и

¹⁴⁹ См.: Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1935. Subd. 1. N 93 ex Apr. 1765. Fol. 1227r, 1228r, 1231r.

¹⁵⁰ См.: Я. Нойхольд — Ф. Балашша, Эперьеш, 17.V.1773 // MNL OL. P 1765. 76. cs. 22. t. N 7057; Я. Нойхольд — Ф. Балашша, Эперьеш, 27.V.1773 // Ibid. N 7056.

венгерском языках, является умелым счетоводом, не склонен к интригам»¹⁵¹.

Вдова и сын чиновника с такими могущественными покровителями не могли остаться без защиты и попечения. Молодая женщина с помощью опытного стряпчего Прокеса составила обстоятельное прошение о пенсии, где подробно и систематично изложила, где и в каком качестве ее супруг служил с 1760 по 1775 г. Ссылаясь на то, что незадолго до кончины он потратил значительные суммы на переезд к новому месту службы в Марамарош, она просила назначить ей и сыну пенсию. Прошение было полностью поддержано руководством ведомства, и императрица положила вдове и сироте 400 фл. в год¹⁵². Молодая женщина вскоре снова вышла замуж, что грозило прекращением выплаты пенсии, но стряпчий помог ей составить новое ходатайство — о сохранении части пенсии для воспитания сына. Мария Терезия рассудила, что половина пенсии (200 фл.) по праву должна и далее выплачиваться на содержание мальчика, которого, если представится возможность, необходимо устроить в какой-нибудь пансион¹⁵³.

В 1747 г. чиновник Дирекции таможенных сборов Иоганн Вильгельм Ляйтнер умер, оставив вдову с пятью детьми — двумя мальчиками и тремя девочками. Старший его сын еще при жизни отца начинал служить в Венгерской казенной палате, однако из-за тяжелой болезни ног был вынужден оставить службу; младший — Каетан — посещал школу. Вдове Алоизии Ляйтнер (урожденной фон Бляйхенбах) была назначена пенсия в 300 фл. на два года, но та внезапно скончалась до истечения этого срока. Казенная палата помогла сиротам составить жалостливое прошение от их имени и сопроводила его официальным письмом в поддержку просьбы. Императрица урезала сумму пенсии до 200 фл. (все-таки жить на нее предстояло уже не шестерым, а пятерым иждивенцам) и тем самым фактически открыла перед Каетаном возможность получить образование¹⁵⁴. Через два года тот окончил курс наук, овладел немецким и латинским языками, о чем поведал в петиции

¹⁵¹ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1. Kt. 9. N 93 ex Mar. 1773. Fol. 9r.

¹⁵² См.: Ibid. Fasz. 29. Kt. 1951. N 118 ex Apr. 1776. Fol. 152r–153r.

¹⁵³ См.: Ibid. Kt. 1955. N 84 ex Nov. 1777. Fol. 468r–471r.

¹⁵⁴ См.: Ibid. HFU. Kt. 1821. 21. Aug. 1747. Fol. 469r, 471–474r.

собственного сочинения и подписался «Каетан Ляйтнер — осиротевший сын Иоганна Вильгельма Ляйтнера»¹⁵⁵. Его приняли в финансовый отдел Казенной палаты сначала на половину, затем на полную ставку. Он постепенно поднимался по служебной лестнице, начальство было им довольно и так характеризовало его: «...в совершенстве овладел навыками ревизии счетов и по праву пользуется уважением за свои способности, прилежание и отцовские заслуги»¹⁵⁶. С небольшим перерывом Каетан проработал в ведомстве без малого полвека и в 1794 г. вышел на пенсию.

Несчастье Пёкингера заключалось в том, что его отчим, вынужденный бороться за восстановление своего доброго имени, не только не смог помочь пасынку, но и, возможно, косвенно стал причиной того, что юноша не смог получить образования и интегрироваться в чиновничью среду. По-иному сложилась судьба другого сироты — Матиаса Вебера (1756–?). Его отец (приемщик из соляной конторы в Чактороне) умер, когда младенцу еще не исполнилось и года. Вскоре умерла и мать. Матиаса вместе со старшим братом-погодком взял в свой дом из христианского сострадания преемник отца Петер Райнфельд. Он вырастил их как родных, получая от казны лишь скромные 15 фл. в год¹⁵⁷. В 1775 г. девятнадцатилетний Матиас Вебер уже служил практикантом при отчине и гордо писал о себе: «Я не только владею родным немецким языком, но и окончил философский факультет, знаю латинский, венгерский и хорватский языки и всегда имел склонность к финансовым наукам», но на должность рассчитывал на том основании, что являлся «беспомощным и не имеющим средств к существованию сиротой»¹⁵⁸.

Подобно тому как утеря родителя в младенчестве или раннем детстве драматическим образом влияла на всю последующую судьбу человека, повзрослев, он считал в порядке вещей упоминать о своем личном горе и в 20, и в 30, и в 40 лет. Соискатель должности в Венгерской королевской канцелярии Антал Молнар заявлял: «Вот уже 15-й год я, кому покойные родители по бедности своей не завещали ничего,

¹⁵⁵ Ibid. Kt. 1868. 8. Sept. 1755. Fol. 117r.

¹⁵⁶ Ibid. Kt. 2054. 28. Dec. 1762. Fol. 452r.

¹⁵⁷ См.: Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1938. Subd. 1. N 97. Nov. 1767. Fol. 434.

¹⁵⁸ MNL OL. E 47. 17. cs. N 776 ex Mar. 1775.

кроме доброго имени, влачу наижалчайшее существование. Только с Божьей помощью сумел я получить образование, три года изучал гражданское право в королевском вольном городе Пеште и еще три года набирался практического опыта на службе у различных прокуроров»¹⁵⁹. Внештатный сотрудник Венгерской казенной палаты Михай Гидаи два года постигал юриспруденцию в теории, три года практиковался в судебной палате в Пеште, один год безвозмездно работал в провинциальном комиссариате в Кашше, затем на полтора года отправился во вновь присоединенную провинцию Галиция и Лодомерия служить по почтовому ведомству, далее попал в камеральную администрацию в Кашше, а после ее реорганизации в 1774 г. был переведен внештатным акцессистом в головную организацию в Пресбурге. Имея за плечами такой солидный послужной список, Гидаи тем не менее просил о включении в штат «из милостивейшего внимания к незащищенному сиротству». Там вакансии для него не нашлось, но вскоре освободилось место писца в одной из таможенных контор¹⁶⁰.

Однако в глазах властей лишь тот сирота был достоин внимания и поощрения, за которого «ходатайствовали» его собственные таланты или заслуги покойного родителя. Корпоративная солидарность побуждала начальство малолетним сиротам выхлопывать пенсии, подросткам — стипендии, тем же, кто только вступал на профессиональную стезю, — скромную стартовую должность. Частный случай выбора между двумя сиротами — сыновьями чиновников — иллюстрирует одно из важнейших устремлений эпохи — согласовывать меритократию с филантропией. «Я буду рекомендовать [на должность практиканта при почтовом ведомстве] сына покойного Гучбахера, — писал президент Венской придворной казенной палаты граф Леопольд Коловрат, — поскольку он наделен способностями и добрыми свойствами природы, причем я абсолютно уверен, что сей Гучбахер тем более имеет преимущество перед Шикартом, что за него говорят заслуги, накопленные [покойным] отцом в почтовом ведомстве»¹⁶¹.

¹⁵⁹ Ibid. A 39. 722/1770.

¹⁶⁰ См.: Ibid. E 47. 19. cs. N 48 ex Aug. 1775; 22. cs. N 670 ex Febr. 1777.

¹⁶¹ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2144. N 231 ex Mar. 1778. Fol. 276.

«Мартирологи» в прошениях

Не было такого временного неудобства, вынужденного лишения или добровольно принесенной жертвы во имя общего блага, о которых бы подданные не поспешили поставить в известность власти и намекнуть на желательность вознаграждения. Упомянувшийся выше загребский каноник Маленич в прошении об ордене св. Стефана весьма эмоционально описывал, как ему пришлось предпринять долгое и полное опасностей путешествие по суше и по морю в город Сень — столицу Сеньской митрополии — для наблюдения за выборами нового католического епископа.

Эхо прошедшей войны. Князь Ференц II Ракоци — полноправный член венгерского национального пантеона. Это знает каждый, кто хотя бы раз вчитывался в надписи на пьедесталах статуй, украшающих площадь Героев в Будапеште¹⁶². Он также стал одним из центральных персонажей национального нарратива, созданного венгерскими историками XIX в. и доведенного до совершенства историками разных политических убеждений в веке XX. О неприкосновенности фигуры Ракоци говорит скандал, который в начале прошлого столетия разразился вокруг книги Дюлы Секфю «Ракоци в изгнании»¹⁶³. Лишь в последние десятилетия получила распространение иная точка зрения, согласно которой освободительная борьба под предводительством Ференца Ракоци была по сути гражданской войной¹⁶⁴. В ней соотечественники сражались друг с другом, и, в конце концов, один венгерский генерал заключил перемирие с другим венгерским генералом¹⁶⁵. Такие интерпретации, ни в коем случае не умаляющие масштаб

¹⁶² См.: Gerő A. Képzelt történelem. Fejezetek a magyar szimbolikus politika XIX-XX. századi történetéből. Budapest, 2004.

¹⁶³ Szekfű Gy. Száműzött Rákóczi, 1715–1735. Budapest, 1993.

¹⁶⁴ См.: Месарош К. Сатмарский мир и «надежды на русских» // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I / Под ред. К.А. Кочегарова, О.В. Хавановой, А. Шереша. СПб., 2013. С. 6–19.

¹⁶⁵ Ср.: R. Várkonyi A. Két pogány közt. A Rákóczi-szabadságharc története. Budapest., 1979; Rákóczi-szabadságharc / Szerk. A.R. Várkonyi, D. Kiss. Budapest, 2004.

личности князя, стали результатом переосмысления места и статуса Венгерского королевства в составе Габсбургского дома, отказа от категоричных интерпретаций сложных социальных конфликтов, в которых не могло быть победителей, а жертвами становились мирные жители, вовлеченные в вихрь гражданской войны.

В ходе Освободительной войны 1703–1711 гг. мирным жителям приходилось в условиях боевых действий принимать непростое решение: перейти на сторону восставших или сохранить верность законному государю. За свой выбор, где было место и прагматическому расчету, и политическим убеждениям, подданные нередко расплачивались имуществом и даже жизнью. После поражения движения, в 1711 г. между победителями и побежденными был заключен мир в городе Сатмар: ради умиротворения расколота надвое страны всем повстанцам, сложившим оружие, гарантировалась полная амнистия. Многие из тех, кто вовремя встал на сторону победителей, получили баронские и графские титулы, заняли важные посты в королевской и комитатской администрации, вошли в новую политическую элиту королевства. Другим пришлось довольствоваться скромной денежной компенсацией, пенсией, назначением на чиновничью должность, гарантировавшую небольшой доход. Истории о том, как деды и прадеды перед лицом опасности, рискуя и жертвуя жизнью, сохранили верность законному королю, со временем не только вошли в семейные предания, но и стали неотъемлемой частью обращений к властям.

Рассмотрим случаи упоминания событий 1703–1711 гг. в контексте ходатайств венгерских подданных о должностях, титулах и материальных компенсациях ущерба, понесенного от повстанцев¹⁶⁶. Особенностью рассматриваемых ходатайств является то, что они были поданы спустя десятилетия после того, как повстанцы Ракоци сложили оружие. Такие прошения встречаются в архивах центральных органов власти не так уж часто, на сегодняшний день удалось обнаружить всего несколько десятков. То обстоятельство, что все они никак не связаны друг с другом, позволяет говорить, что топос «пострадать от Ракоци» надолго пережил участников

¹⁶⁶ См.: Хаванова О.В. Карьерные стратегии в монархии Габсбургов. С. 230–250.

тех событий и стал одним из аргументов, пусть не самых популярных, в обосновании права на государевы милости. Рассмотрим, в каких случаях просители пользовались подобной аргументацией и с каким успехом.

Как уже неоднократно подчеркивалось выше, одним из ключевых понятий эпохи было слово «заслуга»¹⁶⁷. Ференц II Ракоци тоже вольно или невольно поспособствовал закреплению этого термина в политическом лексиконе. Принцип, которым руководствовались власти, иллюстрирует нота Придворной казенной палаты от 15 февраля 1743 г. по частному случаю барона Ласло Шандора. Президент этого ведомства И.Ф. Дитрихштайн писал государыне: «Верность, выказанная отцом просителя [в дни мятежа], понесенный им ущерб и сделанные крупные долги, а также воследовавшая отсюда достойная сострадания бедность просителя заслуживают высочайшего внимания, чтобы Ваше Величество из присущего Вам сострадания к неимущим повелело нашему ведомству удовлетворить его просьбу»¹⁶⁸.

К моменту вступления Марии Терезии на престол в 1740 г. многие из участников и свидетелей освободительной войны уже умерли или пребывали в старости. Между тем, для потомков то обстоятельство, что их семьи в трудную годину лишились имущества, их члены подверглись тюремному заключению и получили ущерб здоровью, представлялось несомненной заслугой, т.е. достаточным основанием для получения материальной и моральной компенсации.

Пострадавшие от мятежников, как правило, понесли материальные потери и с риском для жизни проявили достойную уважения верность правящему дому, поэтому в неписаной иерархии просителей они оказывались адресатами королевских благодеяний. Историкам предстоит подсчитать, во сколько обошлись казне выплаты компенсаций по искам и назначение пенсий по нетрудоспособности. Как говорилось в ноте Венгерской казенной палаты, датированной 4 сентября 1744 г., по поводу просительницы Анны Кери, «ее отец был камеральным служащим, советником и управляющим королевскими доходами в Венгрии, а причиной его нищеты

¹⁶⁷ О феномене «заслуг» в монархии Габсбургов см. главу «Накопленные заслуги, подсчет достоинств» в кн.: *Хаванова О.В.* Заслуги отцов и таланты сыновей. С. 217–229.

¹⁶⁸ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1754. 20. Febr. 1743. Fol. 364v, 392r.

стала неизменная верность августейшему Австрийскому дому»¹⁶⁹. Венскому двору было известно, что «во время восстания Ракоци <...> повстанцы, разъяренные его верностью [законному государю], расхитили всё его добро <...> а то, что уцелело, впоследствии забрали себе кредиторы»¹⁷⁰. Полвека спустя императрица не считала себя свободной от моральных долгов верным подданным, поэтому назначила девице Кери щедрую пенсию размером 400 фл.¹⁷¹ У таможенника Йозефа Вега, по его заявлению, повстанцы разорили дом и выкрали укрытые им в монастыре св. Антония ценности на сумму 9 тыс. фл. В 1756 г. этому чиновнику, чья верность и многолетняя безупречная служба были подтверждены ведомственным начальством, назначили компенсацию в 2 тыс. фл.¹⁷² Такие случаи были не единичными, и всякий раз, после служебной проверки подлинности изложенных в прошении фактов, власти стремились гарантировать пристойный социальному статусу просителя размер компенсации.

В то же время в условиях постоянного бюджетного дефицита властями широко практиковались нематериальные формы компенсаций. Должности и дворянские титулы служили немонетарным способом поощрения непосредственных участников событий начала XVIII в., и их потомки, подобно упомянутому выше барону Шандору, продолжали считать себя полноправными адресатами государевых милостей. Впрочем, заслуги отцов в дни войны были условием скорее необходимым, а личные заслуги, знания и профессиональная пригодность — условием достаточным. Ласло Шандор получил место внештатного советника Сепешской камеральной администрации, в том числе и за то, что был «в науках сведущ, обладал опытом в делах, наделен необходимыми качествами»¹⁷³. Сходным образом в 1759 г. Венгерская придворная канцелярия принимала решение по кандидатуре Самуэля (Шамуэля) Кюттеля, горожанина из Кёсега. «Его отец во время ракоцианских волнений сохранил верность

¹⁶⁹ Ibid. Kt. 1775. 11. Sept. 1744. Fol. 402r.

¹⁷⁰ Ibidem.

¹⁷¹ См.: Ibid. Fol. 403v.

¹⁷² Ibid. Kt. 2002. 8. Mar. 1760. Fol. 272r, 273r.

¹⁷³ Ibid. Kt. 1752. 20. Febr. 1743. Fol. 363r.

государю и лишился всего имущества»¹⁷⁴. Для властей не менее ценно было то, что прадед заявителя в одну из турецких войн попал в плен и заплатил выкуп 2300 фл., сам проситель служил городским фармацевтом, а сын его занимал должность врача в соседнем Шопроне. Принимая во внимание как личные, так и семейные заслуги, Кюттелям был дарован дворянский титул.

Как видно из приведенных выше примеров, 20, 30, 50 лет спустя трудно было представить мужество перед лицом повстанцев единственным или главным аргументом в пользу испрашиваемого вознаграждения. Авторы нередко прибегали к риторическому приему: упоминали об отдаленных во времени событиях как бы вскользь, в контексте более весомых доводов. Например, в 1729 г. сын офицера габсбургской армии Франц Клемер писал: «Не только мои прадеды несли службу императору с оружием в руках, не жалея имущества и самой жизни, но и отец мой во время недавнего восстания в Венгрии нанес врагу немалый урон и славно послужил Австрийскому дому». Представляя себя достойным наследником семейных традиций, Клемер продолжал: «Я же, окончив класс философии и основательно изучив арифметику, уже успел поработать на различных хозяйственных должностях»¹⁷⁵.

Спустя полвека мало что изменилось. В 1774 г. граф Янош Толвай, ходатайствуя об ордене св. Стефана, писал так: «Я уже не говорю о безупречной верности моих отца и деда августейшему Австрийскому дому, один в дни ракоцианских волнений погиб в заточении, другой провел в тюрьме четыре года и пять месяцев»¹⁷⁶. Зато как звено в цепи событий поведение отца или деда становилось лишним доказательством неизменной верности династии. Престарелый чиновник Норберт Яброцкий, ходатайствуя о пенсии, писал в 1777 г.: «Дед мой, происходивший из древнейшего дворянского далматинского рода, за верность свою августейшему Австрийскому дому был схвачен повстанцами Тёкёли, брошен в тюрьму и казнен. Отец мой в дни ракоцианского восстания вступил не в мятежную, но в императорско-королевскую армию».

¹⁷⁴ MNL OL. A 1. 216/1759.

¹⁷⁵ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1407. 15. Mar. 1729. Fol. 238r.

¹⁷⁶ MNL OL. P 1058. 29. cs. N 167.

Далее следовало изложение личных заслуг Яброцкого: «Я же в возрасте 60 лет нахожусь на камеральной службе Вашего Священнейшего Величества, за верность и особые, принесшие большую пользу государеву фиску и многие годы верно исполняемые службы был сначала назначен фискальным прокуратором, затем вице-директором королевских доходов, потом же — советником»¹⁷⁷.

В целом прошения о должностях, титулах и наградах, где рассказывались истории из времен Ракоци, содержали, как правило, одну или несколько популярных сюжетно-тематических линий.

Во-первых, это были истории, когда вклад подданного в общее благо выражался в жертвованиях крупных денежных сумм. Те, кто в дни освободительной борьбы сохранил достойную восхищения верность правящей династии, поступали так и ранее. В списке их «добрых дел» были предоставление помещений для постоя императорско-королевским войскам, выделение средств на их экипировку, снабжение армии фуражом. Так сделал барон Райкаи, чьи заслуги его сын попытался в 1748 г. использовать для того, чтобы получить должность камерального советника¹⁷⁸. О другом просителе, Клеменсе Гедоне, было известно, что «он, подобно отцу, который в позорные времена Ракоци нес полезные службы, трудится на руднике в Сомольноке и часто вносит необходимые выплаты из собственных средств»¹⁷⁹. Получалось, что затраты реальные приносили дивиденды в виде символического капитала.

Во-вторых, речь идет об историях, когда продолжением безупречной службы в мирное время становилось героическое поведение в дни мятежа. Упомянувшийся выше Михай Блашкович так писал о своем отце: «С опасностью для жизни он сохранил верность [законному государю], преследовал врага, нанеся противнику немалый ущерб, и избавил город Сакольца от разграбления <...> за что повстанцы уничтожили всё его добро, а сам он оказался обременен немалыми долгами»¹⁸⁰. Кстати, и после 1711 г. было нескольких случаев

¹⁷⁷ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1955. Subd. 3. N 125 ex Maj. 1777. Fol. 62r.

¹⁷⁸ См.: Ibid. HFU. Kt. 1858. 20. Nov. 1749. Fol. 471r-v.

¹⁷⁹ MNL OL. A 1. 117/1749.

¹⁸⁰ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1895. 18. Oct. 1752. Fol. 224r.

взрыва народного недовольства, быстро подавлявшегося и несопоставимого с размахом «ракоцианских волнений». Одним из них в 1753 г. было скоротечное локальное восстание под предводительством Дёрдя Буйдошо. Тем не менее, судья из Дебрецена Шамуэль Селемшей, просивший в 1759 г. о дворянском титуле, считал нужным упомянуть свою верность короне в эти тревожные дни¹⁸¹.

В-третьих, пытки и глумления, перенесенные от восставших, становились формой агиографического дискурса о мученической смерти или чудесном спасении. Как и в случае пенсий и должностей, подвижничество предков засчитывалось в заслуги соискателей. В 1753 г. Мункачский православный епископ Михаил (Михай) Ольшавский просил даровать дворянскую грамоту брату своему Яношу и племяннику Миклошу на том основании, что отец их и дед не только содержал в разгар эпидемии холеры на собственные средства целый императорско-королевский полк, но в дни ракоцианских волнений «был схвачен повстанцами, подвергся пыткам, сумел порвать сковывавшие его путы, спасся бегством и так избежал неминуемой казни»¹⁸².

По мере того как события начала XVIII в. становились далекой историей, героическое противодействие повстанцам уступало место другим, более свежим примерам верности Габсбургскому дому. Просители вплоть до 1770-х гг. не упускали случая — по собственной инициативе или по совету стряпчего — упомянуть о том, что их род пострадал от Ракоци. Власти, в свою очередь, относились к подобным фактам все более критически: в очереди за монаршими милостями стояли участники недавних войн или усердные чиновники. Так ущерб от Ракоци становился достойным упоминания эпизодом, за который власти не считали себя более обязанными расплачиваться с потомками. Тем более что все они в той или иной форме уже были вознаграждены деньгами, должностями, титулами.

В данном контексте примечателен случай с Игнацем Ничем, камеральным служащим, который в 1768 г. решил испросить себе пенсию на том основании, что его отец проявил завидный героизм в годы Освободительной войны.

¹⁸¹ См.: MNL OL. A 1. 216/1759.

¹⁸² Ibid. 156/1753.

В пространном прошении, составленном в духе агиографических сочинений, немолодой сын покойного отца описал подвиги своего родителя Иоганна Георга Нича. В начале XVIII в. тот служил майором в Кишмартоне, и, когда повстанцы подошли к городу, Нич-старший мужественно взял его оборону на себя, нанес осаждавшим немалый урон, но стал жертвой предательства, попал в плен, а дом его был разграблен. Лишь заступничество монаха-францисканца спасло майора от неминуемой казни. Залечив раны, поседевший от перенесенных испытаний, он отправился в Вену, вернулся во главе вооруженного отряда и вместе с сохранившимися верность Габсбургам горожанами освободил город. За свой подвиг Иоганн Георг Нич получил должность городского судьи, которую исполнял в течение 20 лет¹⁸³. Венгерские власти детально рассмотрели изложенные в прошении факты и сделали вывод о том, что заслуги отца во время восстания Ракоци не имели отношения к камеральной сфере, в которой служил Игнац Нич. О самом же просителе руководству было известно, что он нечист на руку и имеет репутацию скандалиста, поэтому речь идет не о снисканных заслугах, а о дурной славе. На этом основании Ничу в его просьбе было отказано¹⁸⁴.

Все рассмотренные выше разрозненные примеры позволяют сделать следующие выводы. *Во-первых*, размах Освободительной войны был столь широк, а раскол в венгерском обществе столь глубок, что верность Габсбургам перед лицом повстанцев (реальная или приукрашенная) не одно десятилетие считалась заслугой, достойной вознаграждения и прославления. *Во-вторых*, подданные чутко следили за конъюнктурой на «рынке» раздачи милостей по заслугам и, зная о том, какие подвиги пользуются «спросом», охотно включали мартирологи времен ракоцианских волнений в прошения о должностях и титулах. *В-третьих*, власти не принимали на веру все факты из прошений и рассматривали подобный довод в контексте баланса заслуг и желанной награды. В этом их стремлении к меритократии и филантропии прослеживаются первые признаки политики, направленной на формирование лояльной и

¹⁸³ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1940. Subd. 1. N 94 ex Febr. 1768. Fol. 35r-36v.

¹⁸⁴ См.: Ibid. Fol. 33r.

профессиональной бюрократии, на меры социальной защиты нуждающихся подданных.

К началу XIX в. ссылки на верность Австрийскому дому в дни ракоцианских волнений практически исчезли со страниц ходатайств и петиций. Век национализма, как нередко называют XIX столетие, принес с собой формирование национального пантеона. Процесс этот был постепенным, сравнимым с «ежедневным плебисцитом», если вспомнить как аббат Ренан определял нацию. Национальным героем становился тот, кому охотнее ставили памятники, в честь кого называли улицы, о ком с удовольствием покупали книги¹⁸⁵. Венгерской элите, решительно требовавшей себе равноправия в рамках Австрийской монархии, удалось соединить политическую лояльность династии с пламенным культом мятежного князя Ракоци. Масштабы культа уже вызвали иронию у некоторых современников. Например, у Миксата повествуется о том, как посреди города Кертвейеш стоял исполинский «дуб Ракоци»: «Под дубом якобы останавливался когда-то Ференц Ракоци. Я потому говорю “якобы”, — пояснял рассказчик, — что дело-то очень сомнительное. Мало ли “дубов Ракоци” по другим городишкам? И есть ли вообще город без такого дуба? Одно из двух: либо это странствующий дуб, который с места на место переходит, либо Ференц Ракоци только и делал, что “останавливался” под деревьями все семь-восемь лет своего правления»¹⁸⁶. В канун XX в. вряд ли кто признался бы, что пострадал от повстанцев.

Мученики из Силезии. Одним из отличительных признаков империи наряду с обширной территорией, этнически и конфессионально смешанным населением и сохранением особенностей правового статуса отдельных территорий считается подвижность границ. Владения Австрийского дома в XVIII — начале XIX в. неоднократно меняли конфигурацию: к ним присоединялись и от них отторгались целые исторические провинции, веками (или всего лишь десятилетиями) находившиеся под скипетром Габсбургов. Такие

¹⁸⁵ Подробнее об этом см.: Хаванова О.В. Венгерский Миллениум 1896 года: между «потемкинской деревней» и «градом Китежем» // Национализм в мировой истории / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2007. С. 375–407.

¹⁸⁶ Миксат К. Выборы в Венгрии. С. 243.

геополитические сдвиги имели свое человеческое измерение — необходимость проявлять заботу и оказывать защиту жителям, не пожелавшим сменить подданство. Выше уже говорилось, что после присоединения Австрийских Нидерландов к Франции на государственный бюджет легли расходы по содержанию оставшихся без работы чиновников тамошних провинциальных ведомств. Куда более ощутимую потерю Габсбурги пережили в середине XVIII в., когда богатейшая провинция Чешской короны — герцогство Силезия в 1740–1741 гг., в ходе войны за Австрийское наследство, было оккупировано прусским королем Фридрихом II.

Силезия вошла в состав владений Австрийского дома в 1526 г., получив от Фердинанда I гарантии неприкосновенности своих сословных привилегий. К концу столетия провинция едва не была потеряна, поскольку там с поразительной быстротой распространялись реформационные учения. Габсбурги не только вернули часть населения в католичество, но и превратили герцогство в своеобразный полигон, на котором опробовались модели межконфессиональных взаимодействий. С одной стороны, в 1702 г. иезуиты добились права открытия в Бреслау католического университета, а с другой — с 1708 г. в Лигнице действовала рыцарская академия, где совместно обучались католики и протестанты. Чешский историк Петр Матя считает, что связи силезского дворянства с венским двором в десятилетия, предшествовавшие прусской оккупации, заметно укрепились. Это было не столько плодом осознанных усилий Карла VI или его особой приязни к краю, сколько результатом успешной интеграции силезского католического дворянства в выстроенные при императорском дворе сети патроната¹⁸⁷.

Война и оккупация вызвали массовую эмиграцию тех, кто не пожелал принять прусское господство. Причины могли быть самыми разными: католическая вера, нежелание платить резко возросшие налоги или мириться с новой политико-административной системой. При Карле VI Силезия со своим более чем миллионным населением платила беспрецедентно высокие налоги. Американский историк Чарльз

¹⁸⁷ См.: Matá P. Der Adel Böhmens und Schlesiens in der Frühen Neuzeit in vergleichender und beziehungsgeichtlicher Perspektive // Adel im Schlesien. Bd. 1. Herrschaft — Kultur — Selbstdarstellung / Hrsg. von J. Harasimowicz, M. Weber. München, 2010. S. 258–259.

Инграо считает, что утерю провинции не компенсировали более ранние приобретения Бельгии, Баната и Ломбардии вместе взятых¹⁸⁸. Однако, когда Фридрих II отменил сословные привилегии, ограничил прерогативы сословных институтов и повысил налоги вдвое, в Габсбургские владения, образно говоря, потянулся поток беженцев. Немецкий историк Норберт Конрадс описал широко распространенную в середине столетия практику, при которой дворяне (прежде всего католики), имевшие владения по обе стороны вновь образовавшейся границы, предпочитали переселяться на австрийскую территорию, а оставшиеся в Пруссии имения обременять сверх меры долгами¹⁸⁹.

О существовании лояльного Габсбургам слоя чиновничества в Силезии еще при Карле VI говорит активное участие силезцев в административных реформах 1740–1750-х гг. Самым известным выходцем из провинции был, несомненно, граф Фридрих Вильгельм Хаугвиц (1702–1765) — сын саксонского офицера, имевшего владения в Силезии. (Он же, вместе с государственным канцлером эльзасцем И.К. Бартенштайном, может считаться одним из самых успешных конвертитов в австрийской политике первой половины XVIII в.) Подобно немецким камералистам, Хаугвиц считал, что залогом процветания государства является четко отлаженная финансовая администрация. Вдохновение он черпал в фискальной политике современного прусского государства. В 1744 г. ему доверили реформы в Австрийской Силезии, где он отнял у сословий и передал земельному комиссариату функции по финансовому и административному управлению провинцией, оставив им судебную ветвь власти. Увеличение налоговых поступлений убедили Марию Терезию в правильности избранной Хаугвицем стратегии, и в январе 1748 г., преодолев сопротивление своего главного противника — чешского канцлера графа Фридриха Харраха, силезец получил карт-бланш на проведение реформ в Чешско-Австрийских провинциях¹⁹⁰.

¹⁸⁸ См.: *Ingrao Ch.W.* The Habsburg Monarchy 1618–1815. Cambridge, 2000. P. 159.

¹⁸⁹ См.: *Conrads N.* Schlesien in der Frühmoderne. Zur politischen und geistigen Kultur eines Habsburgischen Landes. Köln; Weimar; Wien, 2009. S. 17.

¹⁹⁰ См.: *Ruzicka D.* Friedrich Graf von Haugwitz (1702–1765). Weg, Leistung und Umfeld eines österreichisch-schlesischen Staatsmannes. Frankfurt a/M., 2002.

Он не отнял у сословий права вотировать налоги, но потребовал увеличить сумму чрезвычайных сборов и переложить часть этого бремени на дворянство (ранее такое было возможно лишь в дни войны). Далее Хаугвиц отделил судебную власть от управления и финансов и выстроил вертикаль, подчиненную непосредственно венскому двору. На вершине пирамиды стояла Административно-финансовая дирекция (*Directorium in publicis et cameralibus*), к которой перешли функции упраздненных Австрийской и Чешской канцелярий и существенно ограниченной в своих полномочиях Придворной казенной палаты. Понимание управленческой эффективности как последовательной централизации и концентрации власти привело к ситуации, когда административный аппарат перестал справляться со своими обязанностями. Уже после того как реформы Хаугвица в 1761 г. потерпели частичную неудачу и круг полномочий упраздненной Директории был вновь разделен между несколькими ведомствами, один из самых блестящих политиков терезианской эпохи — граф В.А. Кауниц заметил, что решительное вмешательство Хаугвица в хаотичную систему привилегий и партикуляризма вывело монархию на верную дорогу, но средства им были выбраны неадекватные¹⁹¹.

Хаугвиц с его духом новаторства не только наложил неповторимый отпечаток на начальный период терезианских реформ, но и внес колоссальный вклад в формирование бюрократической элиты в австрийских землях. Под его покровительством дворяне-католики из Силезии в беспрецедентных масштабах назначались на должности комиссаров, президентов и советников во вновь создаваемые административные структуры¹⁹². В Штирии реформа управления проходила под руководством графа Эрнста Вильгельма Шлафгоча; в Каринтии, где нововведения были встречены враждебно, четыре президента подряд были силезцами. Во главе Венской придворной казенной палаты стоял граф Карл Фридрих Хацфельд. Граф Иоганн Йозеф

¹⁹¹ См.: *Szabo F.A.J.* Kaunitz and enlightened absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994. P. 89.

¹⁹² См.: *Wallas A.* Stände und Staat in Innerösterreich im 18. Jahrhundert. Die Auseinandersetzung um die Gerichts- und Verwaltungsorganisationen zwischen den Kärntner Landständen und der zentralistischen Reformpolitik Wiens. Klagenfurt, 1989. S. 82.

Вильчек начал карьеру в Милане и к 80-м годам XVIII в. стал ключевой фигурой в Ломбардии¹⁹³.

Разветвленная сеть силезских аристократов, связанных друг с другом узами родства, землячества и патронатных отношений, — это только видимая верхушка айсберга, в основании которого — скрытая от глаз, но довольно многочисленная эмиграция из оккупированной провинции: военные, чиновники, католические священники. На родине они подвергались преследованиям, лишались имущества, рисковали жизнью и, в конце концов, перебирались во владения Австрийского дома, чтобы получить гарантии личной безопасности и, не в последнюю очередь, компенсацию или вознаграждение за свою верность. Подобно тому как в австрийской и немецкой историографии преимущественное внимание уделяется обращению в иную веру, имевшему место в конфессиональную эпоху (т. е. в XVI и XVII вв.), также и волны вынужденной эмиграции рассматриваются исключительно в связи с религиозной политикой означенного периода. В большинстве германских университетов проводятся крупномасштабные исследования об изгнании протестантов из владений Австрийского дома¹⁹⁴, однако исход католиков с территорий, попавших под власть протестантских государей, известен гораздо менее.

Что касается ситуации после утери Силезии, то одни беженцы оседали в австрийской части провинции и там получали скромную пенсию, позволявшую сводить концы с концами¹⁹⁵, другие — активно искали способ вновь поступить на службу. Упомянутый выше почтовый служащий В. Бин так описывал злоключения своего отца — почтмейстера из Бреслау: «Чтобы со всей семьей остаться под покровительством Австрийских владений, он, презрев собственные человеческой природе выгоду и расчет, бросил все свое имущество и нажитое добро и после прекращения боевых действий и раздела герцогства отправился в императорско-королевские земли, не прихватив с собой ничего

¹⁹³ См.: *Maťa P.* Der Adel Böhmens. S. 260–261.

¹⁹⁴ В качестве одной из интересных с методологической точки зрения работ см.: *Schunka A.* Gäste die bleiben. Zuwanderer in Kursachsen und Oberlausitz im 17. und frühen 18. Jahrhundert. Hamburg, 2006.

¹⁹⁵ См.: *ÖStA.* FHKA. HFU. Kt. 1844. 14. Aug. 1749. Fol. 315r.

и превратившись в бедняка». Наверняка не без содействия влиятельных покровителей он получил фискальную должность в Праге, затем перебрался в Вену, где дослужился до главного столичного почтмейстера¹⁹⁶.

Многих судьба забрасывала и в далекую Венгрию, и в еще более далекий Банат. К таким соискателям проявляли повышенное внимание, о чем говорит случай некоего Штура, сына камерального кассира из Шелмецбани. Юноша владел несколькими языками, разбирался в бухгалтерском учете, исправно исполнял обязанности канцеляриста, не получая никакого жалованья, однако в последний момент должность, для которой он подходил наилучшим образом, «по указанию двора была передана одному из силезских чиновников, оставшихся без работы»¹⁹⁷.

Всякая заслуга требовала вознаграждения, а героическое поведение, несомненно, считалось заслугой. В августе 1745 г. лейтенант Павел Мартинкович попросил назначить его на какую-нибудь вакантную должность за то, что он с 20 подчиненными, прихватив с собой лошадей, перешел с прусской на австрийскую сторону¹⁹⁸. Императрица повелела принять его на какой-нибудь гражданский камеральный пост, однако неизвестно, было ли выполнено ее распоряжение.

Иоганн Георг Шольц, сборщик налогов из Бреслау, отказался поступить на прусскую службу, за что подвергся аресту. Ему удалось сохранить жизнь, но, бросив все имущество на родине, он перебрался в Австрию, где получал ежемесячную пенсию в 10 фл.¹⁹⁹ Когда в нижнеавстрийском Хайнбурге освободилось место таможенного инспектора, туда был назначен Шольц, который фактически «увел из-под носа» эту должность у другого силезского беженца — Антона Загнера, мелкого чиновника из земельной администрации герцогства Бреслау²⁰⁰. Пенсия Шольца перешла другому соискателю — Йозефу Кестлю, а Загнер еще два года ждал, пока в другой таможенной конторе (на этот раз в Нойфельде) появится

¹⁹⁶ См.: *Ibid.* ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2143. N 5 ex Dec. 1775. Fol. 860v.

¹⁹⁷ *Ibid.* HFU. Kt. 1844. 28. Dec. 1748. Fol. 348v–349r.

¹⁹⁸ См.: *Ibid.* Kt. 1795. 14. Sept. 1745. Fol. 139r, 141r.

¹⁹⁹ См.: *Ibid.* Kt. 1822. 30. Sept. 1747. Fol. 286–287.

²⁰⁰ См.: *Ibid.* Kt. 1821. 30. Aug. 1747. Fol. 289r.

вакансия²⁰¹. Принимая во внимание материальные затруднения, ему разрешили не вносить обязательный в таких случаях залог²⁰². Однако не всем так везло. Офицер Якоб Трумер докладывал: «Его прусское [королевское] величество приглашали меня в Бреслау к себе на службу, чего я по причине верности Вашему Величеству, нашей всемилостивейшей государыне, не захотел принять, притом ни на минуту не оставлял надежды, пока таковая не представилась, вернуться на родину»²⁰³. На этом основании он рассчитывал на должность в аппарате Казенной палаты. Однако в ведомстве рассудили, что «упомянутый новый заявитель Трумер не разбирается ни в таможенных, ни в иных сборах»²⁰⁴, и на этом основании отказали.

Некоторые из беженцев являли незаурядные примеры личного мужества. Их истории можно без тени иронии назвать «мартирологом». Иоганн Нойман писал о своем отце, почтмейстере из Ноймаркта: «[Он] спас от вражеских рук кассу, принадлежащую императорско-королевской казне, за что был брошен в жесточайший застенок, где — до последнего вздоха верный своей монархине подданный — должен был, словно злодей, нестерпимо страдать под тяжестью цепей»²⁰⁵. Особенно тяжело приходилось католическим священникам. После оккупации они «поменялись ролями» с прежде гонимым протестантским духовенством. Известен указ, отданный Фридрихом II в дни войны за Баварское наследство: «Кто силезец и сочувствует австриякам, получит сполна: будь он священником или аббатом, его повесят перед воротами монастыря»²⁰⁶. В первые годы прусской оккупации подозрительность по отношению к людям в сутане в Силезии была чрезвычайно высокой.

²⁰¹ См.: Ibid. Kt. 1854. 14. Aug. 1749. Fol. 314r.

²⁰² Ibid. Fol. 313. Другому беженцу, Максимилиану Хольцхаузену, назначенному в соляную контору в Эсеке, разрешили внести залог не наличными деньгами, но банковскими облигациями. См.: Ibid. Kt. 1834. 6. Jun. 1748. Fol. 290.

²⁰³ Ibid. Kt. 1820. 24. Jul. 1747. Fol. 590r.

²⁰⁴ Ibid. Fol. 613r.

²⁰⁵ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 9. Fasz. r. Nr. 380. Subd. 2. N 40 ex Maj. 1778. Fol. 211r.

²⁰⁶ Цит. по: *Conrads N. Op. cit.* S. 393.

Иоганн Антон Свобода в 1728 г. вступил в Общество Иисуса в возрасте 17 лет, изучал теологию и философию, преподавал в Ольмюце и Праге, получил степень доктора философии и должность королевского профессора в Бреслау. Фридрих II, оккупировав Силезию, специальным указом запретил иезуитам под страхом конфискации имущества покидать пределы провинции. Однако, в нарушение запрета, Свобода отправился за линию фронта, в один из императорских полков — исповедовать солдат-югославян, не владевших немецким языком. Он не преминул рассказать австрийским офицерам, что удалось подметить по пути, что помогло габсбургским войскам успешно отразить атаку пруссаков. По возвращении из опасной поездки священник был схвачен по навету дезертира, донесшего прусскому командованию, что из разговоров с офицерами знает о католическом священнике-шпионе, передававшем противнику шифрованные донесения. Свобода провел девять недель под арестом, подвергался пыткам, принуждался к общественным работам, наконец, перед освобождением, получил 25 ударов палками. Выйдя на свободу, он — в подавленном состоянии — отправился в Чехию, где уведомил руководство о желании покинуть орден²⁰⁷.

Венская придворная казенная палата в меморандуме императрице рассудила: «С одной стороны, этот священник, спасший жизнь немалому числу храбрых солдат Вашего Величества, оказал большую услугу и, поскольку пребывает ныне в нищете, достоин особой государевой милости; с другой же стороны, с его теологическим образованием, жизненным опытом, практическими навыками миссионерской деятельности, помноженными на энтузиазм, столь необходимый при обращении в истинную веру, он принесет неоценимую пользу в многонациональном Банате, поскольку он может проповедовать слово Божье не только на турецком, но и на чешском языке, следовательно, ему на основе чешского легко дастся сербский, а с помощью латыни — румынский язык»²⁰⁸. Свобода не долго раздумывал, когда ему предложили один из приходов в Темешваре. Власти назначили клирику скромную ежемесячную пенсию в 16 фл. на период между выходом из ордена и фактическим прибытием к новому месту служения. Судя по архивным данным, до 1758 г.

²⁰⁷ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1797. 24. Febr. 1746. Fol. 491–493.

²⁰⁸ Ibid. Fol. 499v.

он окормлял приход в Уйпече, затем перевелся в Оравицабаню, где в 1762 г. вышел на пенсию²⁰⁹.

Кстати, выходцы из Силезии оставили след и в российской истории. Многие годы во главе российского почтового ведомства стоял выходец из Австрийской Силезии. Фридрих Георг (Федор Георгиевич) Аш (1690–1771/1773) — уроженец Силезии — в 24 года поступил на русскую службу, был замечен Петром I, который приставил его к армейской почте, а через два года сделал почт-директором Санкт-Петербургского почтамта. При Аше у ведомства появилось презентабельное здание, у работников — импозантная форма, а сам почт-директор, хранивший дубликаты печатей всех аккредитованных в столице миссий, был незаменим при перлюстрации корреспонденции послов со своими дворами. Его сын Иоганн (Иван Федорович) выбрал дипломатическую карьеру и служил секретарем русской миссии в Вене. Не желая окончательно порывать с исторической родиной, престарелый почт-директор в 1759 г. обратился к имперскому послу Миклошу Эстерхази с просьбой о даровании ему и его потомкам дворянского титула²¹⁰. Просьба была милостиво удовлетворена — Аш стал «Аш фон Ашенре»²¹¹.

Беженцы из оккупированной провинции поступали на службу в России. Одним из них был Карл Фридрих Модерах (1721–?). Он получил место в Санкт-Петербургской Академии наук, где выполнял переводы для Коллегии иностранных дел и в качестве профессора истории преподавал в Академической гимназии. В 1768 г. на Модераха — можно сказать, без его вины — обрушился гнев не терпевшего «немцев» М.В. Ломоносова, воспользовавшегося в качестве предлога жалобами студентов на строгого наставника²¹². Тогда силезца

²⁰⁹ Выражаю благодарность французскому историку Бенжамену Ландэ за информацию о нахождении Й.А. Свободы в Банате. См.: ÖStA. FHKA. Banater Akten. Kt. 143 (Raizische und Katholische Pfarren, Kalugierkloster und deren Bau, 1757/67). Fol. 51–71, 128; 1762. Fol. 101, 103.

²¹⁰ См.: М. Эстерхази — Р. Колоредо, Санкт-Петербург, 9.II.1759 // ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 37. 1759.

²¹¹ Standeserhebungen und Gnadenakte für das Deutsche Reich und die Österreichischen Erblande bis 1806 sowie kaiserlich-österreichische bis 1823 mit einigen Nachträgen zum «Alt-Österreichischen Adels-Lexikon 1823–1918». Schloss Senftenegg, 1967. Bd. 1. A–E. S. 33.

²¹² См.: Пекарский П.П. История Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873. С. 739.

посетила мысль о возвращении на родину, в чем он попросил помочь имперского посла князя Йозефа Лобковица. Тот написал государственному канцлеру Кауницу: «С одной стороны, после 28 лет в здешнем климате он хотел бы перебраться в более мягкий, с другой стороны, увезти на родину своего сына, который служит здесь поручиком в инженерных войсках, и передать ему там все, что скопил здесь. Помимо жалованья в 700 руб. у него здесь служебная квартира, бесплатные дрова и т.п. <...> Что касается его способностей, он обладает обширными познаниями о положении дел в здешней империи, особенно преуспел в овладении здешним наречием»²¹³. В Вене, однако, не проявили большого интереса к знаниям и опыту профессора, но поинтересовались: какого он вероисповедания? Узнав, что он протестант, императрица выразилась в том духе, что «не видит, как использовать здесь протестанта Модераха»²¹⁴. Очевидно, что знания о России и русских не представляли большого интереса в период охлаждения, наступившего между двумя дворами после Семилетней войны. Семейство Модерах осталось в России. Сын просителя Карл Федорович (1747–1819) — тот самый военный инженер — в 1796 г. был назначен губернатором Перми.

Привилегированное положение, в котором беженцы из Силезии оказывались, попадая во владения Австрийского дома, становилось по понятным причинам искушением для всякого рода авантюристов. В 1749 г. в Венгерскую казенную канцелярию поступило прошение от некоего Йозефа Венцеля Кирмрайта: «Ваше Императорское и Королевское Величество соизволили из высочайшего врожденного сострадания милостиво назначить меня, бедного силезца [курсив мой. — О.Х.], в таможенную контору в Бартфе». Ссылаясь на то, что он «оставил в Силезии дом и движимое имущество всего на сумму до 9000 фл.» [курсив мой. — О.Х.], беженец просил освободить его от внесения обязательного залога, «как это уже было сделано для целого ряда бедных силезцев»²¹⁵. Если до назначения на должность Кирмрайт получал ежемесячное пособие в размере 20 фл., теперь ему

²¹³ Й. Лобковиц — В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 3.VI.1768 // ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 49.

²¹⁴ В.А. Кауниц — Й. Лобковицу, Вена, 26.XI.1768 // Ibid. Kt. 169.

²¹⁵ Ibid. FHKA. HFU. Kt. 1856. 16. Okt. 1749. Fol. 91r.

было положено жалование в 210 фл. в год и даровано освобождение от залога.

Вероятно, он зарекомендовал себя хорошим работником, потому что вскоре был переведен на должность весовщика во вновь открытую соляную контору в Эгере. Однако не прошло и года, как Административно-финансовая дирекция уведомила Венгерскую казенную палату: «[Кирмрайт] не только сообщил о себе, что он никакой не силезец, а *уроженец Майнца* [курсив мой. — О.Х.], следовательно, прикинувшись силезским беженцем, незаконно получал положенную им пенсию, но и признался в другом тяжелом преступлении — после переезда в Венгрию ссудил свою пенсию сразу двум заемщикам»²¹⁶. Трудно сказать, был ли такой случай мошенничества единичным или массовым. Так или иначе, лжебеженца с позором уволили со службы²¹⁷.

О том, что случилось потом, можно узнать из прошения, составленного сыном Кирмрайта, Йозефом, без малого четверть века спустя. Вскоре после раскрытия обмана и лишения должности и зарплаты мошенник умер. Вдове в таких обстоятельствах не полагалось никакой пенсии, и ей пришлось устроиться прислугой, чтобы хоть как-то прокормить себя и сына. Женщина пожертвовала всем, чтобы юноша получил приличное образование, и в 1769 г. его приняли внештатным акцессистом в бухгалтерию Венгерской казенной палаты. Три с лишним года престарелая мать содержала своего работающего, но не получающего жалования сына, пока в январе 1773 г. Кирмрайту-младшему не положили 200 фл. годового жалования (чуть меньше той суммы, которую обманом получал его отец). Молодой человек, похоже, унаследовал отцовскую напористость. Узнав в апреле 1773 г. о предстоящих в ведомстве кадровых перестановках, он — под предлогом необходимости заботиться о больной матери — попросил назначить его счетоводом с окладом 500 фл. или выделить престарелой родительнице скромную пенсию²¹⁸.

Руководство в меморандуме императрице ни словом не обмолвилось о том, что отец просителя бессовестно

²¹⁶ Ibid. Kt. 1862. 28. Mar. 1750. Fol. 326.

²¹⁷ См.: Ibid. 235r.

²¹⁸ См.: Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1947. Subd. 1. Nr. 73 ex Maj. 1773. Fol. 140–142.

воспользовался доверчивостью тех, кому представился беженцем. Выходило, что на детей распространялись заслуги предков, но не их преступления. И все-таки просьба молодого человека была сочтена неуместной. Президент ведомства граф Эрдеди писал: «Хотя в течение четырех лет проситель выказывает похвальное служебное рвение, тем не менее, с учетом того, что он зачислен в штат с окладом 200 фл. лишь 4 января сего года <...> другие акцессисты и по возрасту, и по выслуге, и по деловым качествам имеют не меньше оснований, чтобы с полным правом быть назначенными на эту должность в обход просителя»²¹⁹. Повышение в должности произошло, как и следовало, позднее — спустя три года.

К 70-м годам XVIII в. немногочисленные остававшиеся в живых беженцы, кто так и не устроился на службу, продолжали жить на скудное казенное вспомоществование. Например, Иоганн Карл Хофман — солдат, в свое время дезертировавший из Прусской Силезии в Австрию, — после тяжелой болезни стал инвалидом и не был в состоянии содержать семью. Императрица сжалилась над несчастным и повелела выплатить его семье одновременно 100 фл.²²⁰ Дети беженцев, как и те, чьи предки «пострадали от Ракоци», упоминали о достойной уважения верности своих отцов и дедов правящей династии в ряду других семейных преданий, сами же получали должности и иные милости «по совокупности», как цитировавшийся выше сын почтмейстера из Ноймаркта. Зачисляя его в почтовое ведомство на должность практиканта без жалования, Придворная казенная палата принимала во внимание «заслуги отца и деда по почтовому ведомству, затем *собственные умения и примерное поведение* [курсив мой. — О.Х.] просителя»²²¹.

Уже после Семилетней войны стало окончательно ясно, что Силезия более никогда не вернется под скипетром Габсбургов. Провинция была в кратчайшие сроки интегрирована в прусское государство. Сословные институты уступили место центральной администрации. Дворянство сохранило права на землю и связанные с ними привилегии, получило преимущества при службе в армии или суде. Фридрих II,

²¹⁹ Ibid. Fol. 139.

²²⁰ См.: Ibid. ÖK. Fasz. 10. Fasz. r. Nr. 709. «H». N 64 ex Febr. 1774.

²²¹ См.: Ibid. Fasz. 9. Fasz. r. Nr. 380. Subd. 2. N 40 ex Maj. 1778. Fol. 217r.

основывавший поначалу свою власть на военной силе, заслужил, благодаря поездкам по провинции и показному вниманию к просьбам и жалобам простых силезцев, любовь населения провинции. В 70-е годы XVIII в. самым знаменитым гостем «с той стороны границы» стал педагог Иоганн Игнац Фельбигер (1724–1778), в 1765 г. успешно реформировавший начальные школы в Прусской Силезии и в 1773 г. с дозволения короля отправившийся в Вену, чтобы применить свою «Саганскую методу» во владениях Австрийского дома²²².

²²² См.: Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей. С. 287–288.

Глава III. Слагаемые карьеры

Бригитте Мацоль в книге «Австрийское управленческое государство и административные элиты в королевстве Ломбардия-Венеция, 1815–1859 гг.» показала, что причины, по которым тот или иной человек не получал некую конкретную должность, как минимум, столь же важны, как и то, почему должность доставалась кому-то другому¹. Возможно ли проникнуть в логику, которой руководствовалось начальство разных уровней, продвигая чиновников по службе или же отказывая в назначении?

Знания, учеба, образование

...a genitoribus autem suis praeter honestam educationem nihil acceperit².

В современном обществе под образованием понимается официальное посещение профильного учебного заведения, прослушивание курса дисциплин, сдача квалификационных экзаменов и получение диплома или иного сертификата, признаваемого работодателем в качестве достоверного свидетельства профессионального соответствия. Для того чтобы такая модель вступила в силу и стала господствующей, были необходимы мощный импульс со стороны государства и мобилизация им административных ресурсов. Должна была появиться диверсифицированная и охватывающая всю территорию страны образовательная система с преемственностью ступеней, а гимназические

¹ См.: Mazohl-Wallnig B. *Österreichischer Verwaltungsstaat und administrative Eliten in Königreich Lombardo-Venetien, 1815–1859*. Mainz, 1993.

² ...От родителей своих помимо достойного образования не получил ничего (лат.). — MNL OL. A 1. 87/1756. Из ноты Венгерской королевской канцелярии по поводу уменьшения суммы обязательного сбора за издание дворянского диплома для Матяша Плованича.

аттестаты и университетские дипломы — получить обязательную силу. Соискателям в этом случае надлежало не просто обладать знаниями и умениями, но и представлять документальное подтверждение тому.

В XVIII в. под образованием чаще всего понимали разнообразные формы подготовки к будущей профессии. Наиболее полное описание типичного старта чиновничьей карьеры дано в императорско-королевском декрете «О совершеннолетия» от 12 апреля 1753 г. В нем, в частности, говорилось, что «молодые люди, которые до достижения совершеннолетия завершили теоретическое образование и выражают желание поступить на императорско-королевскую службу, отныне и пока им не исполнится 24 года, со всем старанием, согласно склонностям и способностям, совершенствуются в практическом применении наук <...> в ведомствах и окружных управах, или при советниках и секретарях, или же вникают в практические дела при искусных адвокатах, чтобы к моменту совершеннолетия стать способными и полезными для службы государю и отечеству; и те из них, кто по результатам своих занятий предоставят свидетельство своей пригодности и искусности, после сдачи особого экзамена в соответствующем ведомстве принимаются на службу, для начала без жалованья, иначе же, если подтверждений прилежания и старательности не предоставлено, о принятии на службу не может быть и речи»³.

Иначе говоря, образовательная модель могла заключаться в регулярном или от случая к случаю посещении учебного заведения, занятиях с частными педагогами, практике при опытном специалисте. Одни выбирали ближайший к отчужденному коллегии, другие отправлялись в далекие путешествия. Вот что сообщал о себе в 1734 г. австриец Иоганн Ронде: «Я побывал в разных странах — в Италии и во Франции, неустанно изучал философию и юриспруденцию, отчасти здесь, отчасти в Париже, и получил навыки составления бумаг на немецком, латинском и французском языках»⁴. Венгр Шандор Дёрдь Шандорфи в 1747 г. сообщал: «Следуя примеру предков, я с юных лет изучал свободные науки, и не только римское

³ Sammlung aller k. k. Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1740 bis 1780., die unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. theils noch ganz bestehen, theils zum Theile abgeändert sind. Wien, 1786. Bd. 1. S. 117–118.

⁴ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 5. Fasz. r. Nr. 78. Subd. 5. N 100 ex Apr. 1763.

цивильное право в Вене, публичное имперское, естественное и феодальное — в нидерландском Лейдене, а до этого еще и три года слушал философию в Ольмюце»⁵.

Поскольку ни один университет не давал специфических знаний и навыков, необходимых чиновнику, руководство ведомств при заполнении вакансий в первую очередь интересовалось тем, насколько соискатель грамотен и компетентен, а не тем, какой именно университет он посещал. Вот как в 1758 г. о своем ученичестве писал протоколист Ференц Хатош: «По окончании курса философии я поступил ординарным нотариусом сначала к дёрскому капитулу, потом в одноименный комитат, чтобы набраться опыта в законодательстве королевства и практически подготовиться к государственной службе, на которую поступил в 1742 г., в Венгерский королевский наместнический совет»⁶. Четверть века спустя сын коммерции советника Франц Антон Обермайер из Нижней Австрии сообщал: «Я получил начальное образование, потом выучил итальянский, французский и английский языки, затем счетоводство и другие для статского сословия необходимые науки, наконец, прочие науки постиг в канцелярии моего отца, чтобы применить их на публичной службе»⁷.

Важнейшей ступенью подготовки к карьере чиновника справедливо считалось ученичество при опытных юристах или адвокатах. Оно не только позволяло на деле постигнуть секреты ремесла, но и заручиться поддержкой патрона, воспользоваться его связями, положиться на его рекомендацию. Мнение профессионала ценилось выше, чем университетский диплом. Особенно широко такая практика была распространена в Венгрии, где правовая система формировалась изолированно, не во взаимодействии, а параллельно с юридической мыслью европейских стран. В начале XVI в. юрист Иштван Вербёци выполнил частную кодификацию обычного венгерского права, известную как «Трипартитум» («Троекнижие»). Из-за гибели средневекового Венгерского королевства в неравной борьбе с Османской Портой этот

⁵ Ibid. HFU. Kt. 1819. 2. Jun. 1747. Fol. 155r.

⁶ MHL OL. C 42. Fasc. 19. 170. sz.

⁷ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2143. N 221 ex Oct. 1774. Fol. 534r.

кодекс формально так и не получил юридической силы, но на деле стал альфой и омегой венгерской юриспруденции. (Даже рецепция римского права произойдет в королевстве лишь в XIX в.)⁸ Как следствие, карьера королевского служащего, судейского, комитатского чиновника, личного секретаря при сановнике была немыслима без знания «фундаментальных оснований» — совокупности основополагающих законов, регулирующих взаимоотношения Венгрии с владениями Австрийского дома, разграничивающих сферы компетенции королевской власти и сословий, определяющих поземельные отношения и пр.

Стажировка при юристе называлась в Венгрии латинским словом «патвария» («*patvaria*»), а сам стажер — «патваристом»⁹. В художественной литературе самым знаменитым «патваристом» считается Ф. Казинци, который иронично описал свои «университеты»: «У нашего прокатора [наставника. — О.Х.] патваристов было больше, чем дел, поэтому мы распоряжались нашим временем как хотели». Вряд ли следует принимать эти слова всерьез, поскольку Казинци с юных лет мечтал о стезе сочинителя и, вероятно, тяготился карьерой чиновника, которой поначалу добывал хлеб насущный. Хотя наверняка число таких изнывающих от безделья и скуки молодых людей было велико. Более важным представляется замечание Казинци, что «в те времена патваристы еще не превратились, как нынче, в баричей»¹⁰. Иными словами, спрос на «обучение без отрыва от производства» с годами лишь возрастал, а престиж повышался.

Патвария нередко упоминается в прошениях как одна из стадий взросления в профессии. Франц Ксавьер Гахи, рассчитывавший на место в Венгерской казенной палате и получивший его, писал: «Я окончил гимназию, обучался на философском факультете, год слушал гражданское право и лекции профессора Зонненфельса в Вене, в августе же <...> я стал патваристом и усердно совершенствуюсь в письмоводительстве на

⁸ См.: *Mezey B.* Tripartitum // Magyar művelődéstörténeti lexikon: középkor és kora újkor / Főszerk. P. Kőszeghy. Budapest, 2011. XII. köt. 141–143. old.

⁹ См.: *Boda E.* A hazai jog oktatása a patvarián. Budapest, 1939.

¹⁰ *Kazinczy F.* Költemények. Pályam emlékezete / Bev. L. Dezsi. Budapest, [1928]. 153., 163. old.

латинском, венгерском и немецком языках»¹¹. Другой молодой человек, Винсент Боденлос, безуспешно пытавшийся счастья в Сепешской камеральной администрации, заявлял: «Получив, как полагается молодому дворянину, необходимые знания, пройдя в течение трех лет патварию в Королевском суде в Пеште, при г-не советнике протонотарии Наместнического совета Михае Шаги, я в достаточной мере овладел немецким, венгерским и славянским языками и усовершенствовался в письмоводительстве»¹².

Особой формой подготовки к государевой службе для некоторых молодых аристократов становились путешествия по стране с познавательными целями — своеобразный *grand tour*. Если классическое «большое путешествие» совершалось за границу, имело целью социализацию в придворном окружении, то теперь акцент делался на приобретении практических знаний как об особенностях управления отдельными землями, так и о природных ресурсах, которыми богата та или иная провинция. Профессор естественной истории Венского университета Йозеф Август Шультес (1773–1831) в 1799 г. в речи, обращенной к воспитанникам Терезианской академии, восклицал: «Хорватия, Славония, Военная Граница, Трансильвания, Буковина, Венгрия — практически половина Австрийской монархии знакома ученым не более, чем Южная Америка». Укоризной звучали его слова: «Помещик или чиновник, оказавшись на природе, будет изнывать от скуки, а отправься он на прогулку с естественно-научными целями, любой крестьянин расскажет ему больше интересного, чем тот узнает за время кругосветного путешествия»¹³.

Из прошения о зачислении в штат Королевского наместнического совета, поданного выпускником венского Терезианума бароном Яношем Непомуком Меднянски (1747–1833), следует: «В 1771 г. я испросил дозволения на продолжительное путешествие по комитатам обширного Венгерского королевства и Славонии, а также через все

¹¹ MNL OL. E 47. N 146 ex Apr. 1773.

¹² MNL OL. E 254. 371. cs. N 6 ex Maj. 1773.

¹³ *Schultes J.A.* Über Reisen im Vaterlande zur Aufnahme der vaterländischen Naturgeschichte. An die Adelige Jugend in der k. k. Theresianischen Ritterakademie bey dem Ende des II. Jahr-Cursus nach ihrer Wiedererrichtung. Wien, 1799. S. 21, 43.

Трансильванское княжество, Банат и вновь присоединенные области Польши, которое обошлось мне весьма недешево, с одной только целью и намерением — стать с помощью этих новых, полученных в дороге точных знаний об отдаленных уголках страны способнее и пригоднее для службы Вашему Императорско-Королевскому Величеству»¹⁴. Если юный барон и вел дневник, заглянуть в который было бы крайне интересно, — сохранился ли он, неизвестно. Карьера Меднянски, кстати, сложилась весьма удачно: в 1772 г. он был зачислен в штат Наместнического совета сразу на должность советника. На рубеже XVIII–XIX вв. Меднянски — один из вернейших слуг династии — будет писать доносы на вольнодумствующих коллег, считая их рассуждения о справедливом общественном устройстве опасными.

Похожее путешествие, но за казенный счет предпринял молодой барон Филипп Зееберг — сын полковника австрийской армии и внук советника Трансильванской канцелярии. В ходатайстве о должности в Венгерском королевском наместническом совете он сообщал о себе: «Проситель с раннего детства получал образование, жадно впитывал разные науки в Терезианском коллегиуме в Ваце и дворянском конвикте в Трнаве, прилагая все усилия, чтобы стать пригодным для службы Его Священнейшему Величеству, к тому же он частным образом с успехом постиг основы горного дела, а по окончании учебы приступил к практике, снискав удовлетворение начальства, и по его распоряжению в 1776 г. объехал все имеющиеся в Венгрии горнодобывающие предприятия, и в 1781 г. для накопления опыта был переведен в Трансильванию, где и служит, не имея нареканий, по настоящее время»¹⁵.

Вторая половина XVIII столетия считается временем, когда власти стали предъявлять всё более жесткие требования к формальному подтверждению профессиональных знаний и компетентности. Г. Клингенштайн обратила внимание на специфику австрийской реформы образования — несравнимо более высокую, чем в тех же германских университетах, долю регламентирующего вмешательства государства, диктовавшего учебные планы, вторгавшегося

¹⁴ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 2. Kt. 67. Subd. 2: Ratsgremium. N 8 ex Febr. 1775. Fol. 193v–194r.

¹⁵ MNL OL. C 84. 67 d. 1784. F. 12.

в организационные вопросы или произвольно перераспределявшего финансы¹⁶. Отправной точкой традиционно считается коренная реформа медицинского и затем юридического факультетов Венского университета, начатая в 1751 г. В результате университететы во владениях Австрийского дома потеряли свою средневековую автономию и стали подконтрольными государству учебными заведениями, готовившими специалистов по востребованным специальностям¹⁷. Распространяясь как круги по воде, реформаторские инициативы уже охватывали гимназический и начальный уровни образования, достигая отдаленных уголков монархии.

Стремление государства превратить подготовку компетентных и лояльных чиновников в некую форму катехизации прекрасно иллюстрирует повсеместное насаждение курса политических, камеральных и финансовых наук. В 1763 г. по поручению императрицы скромный бухгалтер с большими амбициями Йозеф Зонненфельс составил учебник политико-камеральных наук¹⁸. Изложенное в понятной, доходчивой форме учение об экономике, торговле и роли общественных институтов, ясное требование подкреплять верность династии высоким уровнем профессионализма должны были усвоить те, кто намеревался связать свою судьбу с государевой службой. Венский двор обещал, что при приеме на службу аттестат и похвальная рекомендация профессора Зонненфельса будут давать преимущество перед другими соискателями при зачислении на службу.

¹⁶ См.: *Klingenstein G.* Despotismus und Wissenschaft. Zur Kritik norddeutscher Aufklärer an der österreichischen Universität 1750–1790 // *Formen der europäischen Aufklärung. Untersuchungen zur Situation von Christentum, Bildung und Wissenschaft im 18. Jahrhundert* / Hrsg. von F. Engel-Janosi, G. Klingenstein, H. Lutz. Wien, 1976. S. 141. См. также: *Heindl W.* Beamte, Staatsdienst und Universitätsreform: Zur Ausbildung der höheren Bürokratie in Österreich, 1780–1848 // *Das achtzehnte Jahrhundert und Österreich: Jahrbuch der österreichischen Gesellschaft zur Erforschung des 18. Jahrhunderts.* 1987. N 4. S. 35–53.

¹⁷ См.: *Stimmer G.* Eliten in Österreich, 1848–1970. Wien; Köln; Graz, 1997. S. 63 (*Studien zu Politik und Verwaltung* / Hrsg. von Ch. Brünner, W. Mantl, M. Welan. Bd. 57/1).

¹⁸ См.: *Sonnenfels J., von.* Sätze aus der Polizei, Handlungs- und Finanz-Wissenschaft. Zum Leitfaden der akademischen Vorlesungen. Wien, 1765. См. также: *Sonnenfels J., von.* Grundsätze der Polizei / Hrsg. von W. Ogris. München, 2003.

Помимо этого, были учреждены специальные стипендиальные места для будущих чиновников из Венгрии, Хорватии и Трансильвании¹⁹. Постепенно все социально активные слои оказались вовлечены в изучение курса. На одном полюсе находились священники, ибо «также и подданные, посвятившие себя пастырскому служению <...> должны усвоить некоторые полезные знания по политико-камеральным наукам путем посещения публичных лекций или самостоятельных занятий»²⁰. На другом полюсе находились сыновья первых вельмож монархии, обучавшиеся в венском Терезиануме. Интересно, что его иностранные воспитанники, которые проводили там всего один или два года и не владели немецким достаточно хорошо, получали право сдавать экзамен на французском или итальянском языке.

Это требование к соискателям должностей в государственном аппарате будет неоднократно повторено в императорско-королевских декретах от 31 октября 1763 г.²¹, 11 июня и 5 июля 1766 г.²², 26 марта, 15 июля и 19 августа 1769 г.²³, 9 июля 1772 г.²⁴ Зонненфельсова модель с ее требованием демонстрации профессиональных навыков способствовала внедрению в общественное сознание новых моделей. В документах, касавшихся новой образовательной и кадровой политики, все чаще встречались слова «посещения лекций», «экзамен», «аттестат». Уже в рескрипте от 9 июля 1773 г. формулировалось требование, чтобы «без посещение лекций для окружных чиновников никто не допускался к службе»²⁵. Далее уточнялось, что никто (не считая действующих чиновников) не может получить должность, «если, по крайней мере, два года усердно не посещал эти лекции, не может предъявить необходимый аттестат и не доказал свою

¹⁹ См.: *Karstens S. Lehrer – Schriftsteller – Staatsreformer. Die Karriere des Joseph von Sonnenfels (1733–1817).* Wien; Köln; Weimar, 2011.

²⁰ *Sammlung aller k. k. Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1740 bis 1780., die unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. theils noch ganz bestehen, theils zum Theile abgeändert sind.* Wien, 1786. Bd. 5. 1766–1769. S. 443.

²¹ См.: *Ibid.* Bd. 4. S. 254.

²² См.: *Ibid.* Bd. 5. S. 59, 71.

²³ См.: *Ibid.* S. 415, 441, 443.

²⁴ См.: *Ibid.* Bd. 6. S. 504.

²⁵ *Ibid.* S. 605.

профессиональную пригодность на специальном экзамене»²⁶. Наконец, «тот, кто покажет лучший результат, может претендовать на первую же вакансию в ведомстве»²⁷.

Как заметил австрийский историк К. Воцелка: «Привилегированное положение, созданное государством для своих чиновников, покупало ему их лояльность, которую верные государству ученые <...> соответствующим образом внедряли в учебные планы»²⁸. Несмотря на свою вторичность и очевидные недостатки, курс стал главным пособием, по которому готовили поколения чиновников в Австрийской империи вплоть до революции 1848 г. Многократно повторенные требования – при назначении на должности отдавать предпочтение прослушавшим курс Зонненфельса – сделали свое дело. Знаменитые лекции, которые, казалось, открывали заветные двери начальственных кабинетов, прослушали тысячи чиновников (многие – без отрыва от производства). К началу 80-х гг. XVIII в. курс перестал служить пропуском в чиновничьи элиты, но стал неотъемлемой частью профессиональной подготовки наряду с владением языками и элементарными бухгалтерскими навыками²⁹.

Реформирование образовательной инфраструктуры и формализация требований к соискателям чиновничьих должностей шли рука об руку. Задолго до того, как венский двор повел борьбу за постановку народного просвещения под контроль государства, просители присовокупляли к ходатайствам похвальные аттестаты от своих университетских профессоров. Так в 1745 г. поступил молодой венгерский дворянин Антал Марцел – осиротевший сын заслуженного отца, оставшийся с вдовой матерью и малолетними сестрами на руках. Рекомендация профессора Венского университета Йозефа Гундля склонила чашу весов на сторону

²⁶ *Ibid.* S. 606.

²⁷ *Ibidem.*

²⁸ *Vocelka K. Glanz und Untergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat, 1699–1815.* Wien, 2001. S. 317 (Österreichische Geschichte / Hrsg. von H. Wolfram).

²⁹ См.: *Хаванова О.В. Йозеф Зонненфельс и «генеалогия» его студентов: к вопросу о формировании бюрократии в монархии Габсбургов XVIII века // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005) / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2010. С. 79–98.*

юноши, который «все семь лет учебы выказывал прилежание и рвение и в особенности вел добродетельный, достойный всяческих похвал образ жизни»³⁰. В 1760 г. от выпускника того же университета Йозефа Ленденфельда, желавшего получить должность в земельной администрации Штирии, сама императрица потребовала сдать сложный экзамен по разным отраслям права профессору юридического факультета Иоганну Францу Бургиньону (1722–1784)³¹. В 1772 г. по инициативе вице-президента Венгерской казенной палаты П. Фештетича императрица запретила принимать на любые должности соискателей без предварительного квалификационного экзамена³².

Напротив, неспособность подкрепить сведения об образовании и компетенциях соответствующими аттестатами или рекомендациями вела к плачевным последствиям. В 1767 г. некий Сигизмунд Каппус фон Пихельштайн обратился к императрице с просьбой принять его на службу в Венскую придворную казенную палату секретарем: «После того как я изучил юридические науки в местном [Венском] университете и приобрел познания в нескольких языках, я пять лет со всей мыслимой усидчивостью и немалыми собственными затратами упражнялся во всех науках, необходимых для занятия горным делом, и в ходе этих упражнений приобрел основательные познания о добыче железа во Внутренней Австрии, а также о таможенной, правовой, провинциальной и административно-финансовой системе, что сделало меня готовым к службе Вашему Величеству».

Однако руководство Казенной палаты осталось равнодушно к такой саморекламе. В ноте на имя императрицы было сказано: «Что касается образования и профессиональной пригодности данного соискателя, они самому ведомству неизвестны, и обо всем, что он себе приписывает, нет никаких документов или свидетельств»³³. Отказав в очередной

³⁰ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1794. 22. Dec. 1745. Fol. 324r, 325r.

³¹ См.: Ibid. ÖK. Fasz. 10. Fasz. r. Nr. 710. «L». N 593 ex Apr. 1784. Fol. 89r.

³² Указание на это распоряжение содержится в частном вотуме Венской придворной казенной палаты по поводу найма лейб-гвардейца Антала Пакши. См.: Ibid. UK. Fasz. 19. Kt. 1383. N 3 ex Sept. 1773. Fol. 136r.

³³ Ibid. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 1. N 7 ex Dec. 1767.

раз отставному офицеру, претендовавшему на должность в Венгерской казенной палате, руководство головного венского ведомства напомнило, что претенденты на такие должности должны разбираться как в финансах, так и в законах королевства³⁴.

Историки, как правило, восстанавливают, как новые квалификационные требования проникали в практики найма по императорско-королевским декретам, которые еще в конце XVIII в. были собраны и опубликованы. Например, в декрете от 5 июля 1766 г., озаглавленном «На какие знания обращать преимущественное внимание при оценке служебного соответствия», говорилось: «При всех последующих назначениях на императорско-королевские политические, камеральные, финансовые и коммерческие должности обращать внимание на субъектов, в обход всех остальных соискателей, кто в состоянии доказать свои глубокие познания в естественном праве, праве народов и общем государственном праве, которые служат основой для науки о полиции, а также политико-камеральных наук, для камеральных и торговых расчетов». И далее: «Пусть преподаватели соответствующих дисциплин по окончании преподавания курса наук выписывают тем, кто показал лучшие результаты, особый сертификат и сопровождают его характеристикой нравственного облика и прилежания; и да будут эти сертификаты и характеристики осознанным, непредвзятым, основанным на строгом экзамене свидетельством, выдаваемым по заслугам, в противном же случае неминуемо последуют немилость и строгая ответственность»³⁵.

Шесть лет спустя, в новом декрете от 10 июля 1772 г., требования к компетентности были повторены. Причем акцент был сделан на одновременном приобретении практических навыков. «На будущее никто из аристократов или дворян не может быть предложен на должность в административном аппарате, если он прежде несколько лет не упражнялся в делах в каком-либо окружном присутствии или же при советнике либо секретаре придворного или провинциального органа управления и не принесет от них аттестата, в котором будут охарактеризованы его прилежание

³⁴ См.: Ibid. UK. Fasz. 27. Kt. 1904. Subd. 1. N 48 ex Febr. 1769. Fol. 135r.

³⁵ Sammlung aller k. k. Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1740 bis 1780. Bd. 5. S. 71.

и накопленные умения, а также не сдаст экзамен, где подтвердит свое служебное соответствие»³⁶.

Г. Штиммер пришел к выводу, что практика подготовки и найма чиновников разных уровней в монархии Габсбургов отличалась известной двойственностью, сохранявшейся до последних дней существования двуединой монархии. Для низшего и среднего звеньев предполагалось посещение университетов, где давались необходимые, но общие знания по праву, экономике, науке о государстве (на языке той эпохи — статистике), и последующая «внутриведомственная социализация», включавшая строгий экзамен перед ведомственным начальством. Для узкой прослойки чиновничьей верхушки, в том числе ориентированной на государственную службу аристократии, создавались специализированные, привилегированные учебные заведения, где со студенческой скамьи молодых людей готовили к карьере чиновника или дипломата. Обучение там само по себе служило гарантией профессиональной пригодности³⁷.

Самой известной школой, специализировавшейся на подготовке чиновников для государственного аппарата, был — как говорилось выше — знаменитый венский Терезианум³⁸. Основанный в 1746 г. иезуитами как Терезианский дворянский коллегиум Общества Иисуса, он вызывал живейший интерес со стороны венского двора, постоянно (на правах спонсора) вмешивавшегося в учебные планы и управление этой школой, которая виделась светским властям как питомник будущих государственных мужей.

И.Г.Г. Юсти, составивший для воспитанников дворянских академий учебное пособие по деловому стилю, предложил в нем шаблоны писем и прошений. При поступлении на службу автобиографию следовало начинать, например, с таких слов: «С нижайшим почтением сообщаю Вашему Императорско-Королевскому Величеству, что я недавно окончил Терезианский коллегиум, где усердно

³⁶ Ibid. Bd. 6. 1770–1773. S. 504.

³⁷ См.: *Stimmer G. Eliten in Österreich*. S. 66.

³⁸ На русс. яз. см.: *Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784*. СПб., 2006. С. 77–89, 177–190, 295–308.

изучал юриспруденцию и иные полезные науки. Ныне я ничего не желаю столь страстно и ревностно, как применить знания на практике и тем самым лучше подготовиться к государевой службе»³⁹. Однако можно пересчитать по пальцам прошения выпускников, в которых упоминался бы факт обучения в этом приближенном ко двору учебном заведении. И даже в них акцент делался скорее на милость императрицы, а не на исключительность полученного образования.

Один из выпускников — барон Йозеф Шплени при поступлении на службу в Венгерскую казенную палату восклицал: «С нежнейшей признательностью вспоминаю я о милости вашего величества, соизволившего в течение 11 лет [с 1753 по 1764 г. — О.Х.] заботиться о моем обучении и воспитании, потратив на меня немалые средства, и дать мне вместе с другими дворянскими юношами образование в своем коллегиуме»⁴⁰. Сын покойного директора архива Венгерской казенной палаты Йозеф Рибич обращался к ее руководству: «После кончины моего отца <...> Вы милостиво позаботились о моем воспитании и тем самым вселили в меня надежду, что и впредь Вам не будет безразлична моя судьба, посему, едва покинув королевский Терезианский коллегиум, я засвидетельствовал Вам мое нижайшее почтение»⁴¹.

Еще реже об обучении в Терезианском коллегиуме как об обстоятельстве, повлиявшем на положительное решение по делу соискателя, упоминается в нотах руководителей ведомств. Примечательное исключение — государственная канцелярия («министерство иностранных дел» Австрийской монархии) во главе с В.А. Кауницем, где обучение в Терезиануме всякий раз подчеркивалось. Например, когда в 1774 г. зашла речь о зачислении в штат молодого, образованного и смышленного человека, выбор пал на Лобгезанга Лерхенхайма (1751–?), который «окончил в Терезиануме курс наук, заслужив немалые похвалы и всеобщее одобрение»⁴².

³⁹ *Justi J.H.G., von. Anweisung zu einer guten Deutschen Schreibart*. Wien, 1774. S. 211.

⁴⁰ ÖStA. FHK. UK. Fasz. 1. Kt. 2. Konv. 2. N 3 ex Apr. 1765. Fol. 208r.

⁴¹ MNL OL. E 47. 18. cs. N 264 ex Jul. 1775.

⁴² В.А. Кауниц — Марии Терезии, Вена, 3.I.1774 // ÖStA. HHStA. StK. Vorträge. Kt. 114. Jan. 1774. Fol. 4r.

Итак, образование целенаправленно превращалось в инструмент регулирования отбора и последующего найма на статскую службу. Для того чтобы облегчить властям рассмотрение заявлений и выявление лучших кандидатов, от просителей все настойчивее требовали точно указывать, какие учебные заведения они посещали, и прикладывать документы, подтверждающие данный факт. Об этом подробно говорилось в учебнике делового стиля Й. Зонненфельса и многочисленных письмовниках, перепечатававших некоторые разделы пособия близко к тексту. Однако новые нормы и практики внедрялись медленно, бывшая неспешная повествовательность долгое время превалировала над недавно введенной пунктуальностью. Мелкий чиновник из Венгерского наместнического совета Дёрдь Свентецки в 1784 г. писал: «Во-первых, я окончил не только курс философии, но и права, о чем (хотя превозносить себя самого неприлично) могу представить похвальные аттестаты»⁴³. Где и когда он получил образование — остается неясно.

Желающим избрать статскую карьеру М. Обентраут в середине XIX в. советовал: «Молодой начинающий чиновник должен в первую очередь иметь необходимую подготовку к государственной службе посредством получения определенного набора знаний, которые определены в специальном законе с учетом потребностей различных ветвей административного аппарата, и быть в состоянии предоставить тому доказательство»⁴⁴. Письмовники той эпохи также требовали подкреплять любую информацию в ходатайствах копиями аттестатов, свидетельств, дипломов. Георг Гаал в «Общем немецком образцовом письмовнике» приводил прошение некоего практиканта при юристе, приложившего к заявлению о приеме на службу 10 документов. В их число входили: свидетельство о рождении, шесть справок об окончании шести классов гимназии, образец своего почерка — в подтверждение окончания курса каллиграфии, университетский диплом об окончании курса государственного права и характеристика от юриста, у которого молодой человек практиковался⁴⁵.

⁴³ MNL OL. C 84. 67 d. 1784. F. 6.

⁴⁴ *Obentraut M., Ritter von. Grundsätzlicher Leitfaden für angehende junge Beamte in practischen Umrissen.* Prag, 1857. S. 2.

⁴⁵ *Gaal G. von. Allgemeiner deutscher Muster-Briefsteller.* Güns, 1835. S. 756–757.

Хорошее, дополненное практическими навыками, помноженное на обширные социальные связи и немалое личное честолюбие образование лежало в основе многих успешных карьер. В 1770 г. в Венгерскую королевскую канцелярию обратился некий Янош Мазур. На изысканном латинском языке он поведал о себе, что изучал философию, затем юриспруденцию в Трнавском университете. Чтобы подкрепить познания в теории практическими навыками, стажировался в Задунайском окружном суде, затем переехал в Вену, где подвизался у агентов Венгерской казенной палаты и Венгерской королевской канцелярии. Здесь же Мазур прослушал новейший курс Й. Зонненфельса по политико-камеральным наукам и с честью сдал строжайший экзамен. Не забыл он упомянуть и о том, что вот уже 15 лет, как лишился отца, а три месяца назад умерла и его мать, посему все надежды молодой человек возлагал только на свои силы, знания, энергию. В целом прошение — вполне в духе времени — сочетало в себе меритократические доводы (подробное описание полученного образования, прилагаемый аттестат от придворного агента Адама Шартори) с филантропическими аргументами (ссылка на сиротство и бедность). Долгожданное официальное зачисление в штат последовало три года спустя, и, судя по послужному списку, соискатель не разочаровал начальство. Проработав с 1773 по 1779 г. в скромной должности акцессиста, Мазур был повышен до канцеляриста, в 1784 г. — до адъюнкта в канцелярской экспедиции, в 1786 г. стал экспедитором Септемвирального суда, в 1791 г. — контролером над Казенной палатой⁴⁶.

Упомянутый выше Франц Гахи принадлежал к тому же поколению, что и Мазур, и карьеры молодых людей оказались во многом схожи. Он окончил гимназию, посещал философский факультет, прослушал лекции по гражданскому праву и курс Зонненфельса в Вене, владел латинским, немецким и венгерским языками, немного говорил по-итальянски. В качестве образцов своего почерка Гахи приложил две цитаты на венгерском и немецком. Первая была взята из сочинения «Дворянин» венгерского поэта и ученого Ференца Фалуди (1704–1779), где автор рассуждал о преимуществах не слишком высоких и не слишком скромных должностей. Второй образец оказался цитатой

⁴⁶ См.: MNL OL. A 79. Mazur Johannes.

из неназванного сочинения Ж.-Ж. Руссо⁴⁷. На самом деле соискатель вольно, по памяти пересказал строки из трактата «Рассуждения о политической экономии», о котором, возможно, узнал на лекциях профессора Зонненфельса. Там речь шла о том, что недостаточно «просто заботиться о гражданах, необходимо думать об их зарботке и удовлетворении общественных потребностей»⁴⁸. В 1773 г. Гахи получил должность акцессиста в канцелярии Венгерской казенной палаты, в 1779 г. был переведен в писцы, в 1786 г. перешел на работу в Венгерский королевский наместнический совет, где 14 лет служил конципистом, в 1800 г. стал вице-протоколистом, а в 1803 г. — секретарем⁴⁹.

В 1779 г. президент Венгерской казенной палаты в ноте по поводу качеств, которые нужны главе камеральной администрации, выразился так: «Он должен — не столько в теории, сколько на практике — обладать основательным опытом в политических, экономических, правовых, финансовых делах и одновременно проявлять порядочность в решении служебных вопросов»⁵⁰. Налицо, казалось бы, предпочтение практическим знаниям, но на самом деле накопить подобный опыт без специализированного образования становилось все труднее. Даже в неизменном предпочтении, отдаваемом «сыновьям своих отцов», акценты постепенно смещались. В 1784 г. канцлер Ф. Эстерхази, поддерживая кандидатуру молодого Бонавентуры Сентивани на скромную должность конциписта, аргументировал свою позицию так: «Я с тем большей уверенностью предлагаю на это место сына прекрасного служащего по нашему ведомству советника Сентивани, что в его пользу говорят не только особые заслуги его отца, но и то, что юноша, получив образование и усвоив разные науки, свободно овладел письменным немецким и подает лучшие надежды»⁵¹.

⁴⁷ О книгах, запрещенных цензурой, см.: *Ring É. La censure et les pamphlets politiques de la fin du XVIIIème siècle en Hongrie // Libri prohibiti. La censure dans l'espace habsbourgeois 1650-1850 / Ed. M.-E. Ducreux, M. Svatoš. Leipzig, 2005. P. 89-97 (L'Europe en réseaux — Vernetztes Europa. V. 1).*

⁴⁸ *Rousseau J.-J. Sozialpolitische und politische Schriften. Zürich, 1989. S. 262.*

⁴⁹ См.: MNL OL. A 79. Gahy Franciscus.

⁵⁰ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1906. Subd. 1. N 65 ex Jun. 1779. Fol. 207v-208r.

⁵¹ MNL OL. A 39. 13054/1784.

Уникальные сведения содержатся во введенных при Иосифе II опросных листах — так называемых кондуитах, где чиновники сообщали о себе, какими знаниями и навыками обладают, где учились и служили. Историки прекрасно знают о существовании этого источника, но редко детально его анализируют, ссылаясь на то, что — являясь по сути эгодокументами — они содержат субъективную, порой приукрашенную информацию. Между тем, как неоднократно отмечалось выше, предоставление заведомо недостоверной информации было скорее исключением. Любая ложь рано или поздно вышла бы наружу, и это повлекло бы за собой последствия, по ущербу для карьеры несравнимые с объективной оценкой собственных способностей.

В ряду многих подобных «кондуитов стоит том, известный как «Восемь вопросов», — ответы, данные в 1788 г. 223 сотрудниками бухгалтерии Венгерской казенной палаты⁵². Лишь 14 человек (6,2%) могли похвастаться только тем, что окончили начальную школу, и все это люди не старше 36 лет, в большинстве своем находившиеся в начале карьеры. Еще пять человек в дополнение к начальной школе прослушали курс политико-камеральных наук. Подавляющее большинство — 141 человек, или 63,5%, окончили класс философии, т.е. посещали коллегийум или университет. Еще 50 (около одной пятой) сотрудников в разной форме изучали право или отдельные его отрасли (кто — каноническое, кто — венгерское). На средней школе (так называемый класс *humaniora*) закончилось образование всего у 29 человек, причем 24 из них были не старше 26 лет.

Далее, у всех возрастных групп явно прослеживается стремление подкрепить общее образование специальными навыками: 40 сотрудников посещали курс политико-камеральных наук, читавшийся лично Зонненфельсом в Вене или его учениками в других городах монархии. Особой популярностью пользовались курсы счетоводства и бухгалтерского учета, организованные пиаристами в Вене: прослушавших их было 30 человек, треть из них — молодые

⁵² См.: MNL OL. E 701. 3. köt. Enthalt die von Einer Hochlöblichen Kaiserlichen Königlichen Hofrechenkammer herabgegebene acht Fragpunkte und wie sie durch ein jedes Glied der Ofner Landes-Zentral-Buchhalterey mit Inbegriff der in die Bezirke detaschirten sind beantwortet worden. Zusammengetragen den 15tens Decembri 1788.

люди не старше 26 лет. Десять человек — всё молодые люди не старше 30 лет — также изучали основы делового стиля. Более молодые сотрудники в полной мере пользовались образовательными возможностями, открывшимися после реформ 1770-х гг.: шестеро, в возрасте от 23 до 35 лет, посещали Реальную академию в Вене; 12, в возрасте от 19 до 40 лет, — одну из вновь созданных в монархии нормальных школ; еще шестеро — в возрасте от 20 до 28 лет — заявили о подготовительных курсах.

Целый ряд сотрудников обладали уникальным, выходящим за рамки представлений о конторском работнике опытом. В отчетах встречаются Горная академия в венгерском городе Шелмецбаня, теологические и медицинские факультеты различных университетов, а 28-летний Якоб Эклер из Пресбурга, прежде чем стать чиновником, изучал рисование в Вене. Наконец, даже то обстоятельство, что юные практиканты приходили в Казенную палату сразу после гимназической ступени *humaniora*, минуя университет, объясняется не понижением требований, но тем обстоятельством, что в конце 70-х гг. XVIII в. многие предметы, ранее преподававшиеся только в университетах, были включены в учебные планы средней школы.

Власти отдавали себе отчет в том, что коллективный портрет чиновничьего аппарата постепенно меняется, на нем все явственнее проступают черты молодого человека, получившего отменную теоретическую подготовку в лучших учебных заведениях монархии, но не обладающего практическими навыками и опытом. В ноте Венгерской королевской канцелярии от 27 июля 1784 г. говорилось: «Мы являемся первой институцией по венгерским делам и руководим и контролируем все ведомства в королевстве. Нам кажется, что сам характер государственной службы предполагает: предпочтение при найме должно отдаваться людям, о чьих личных свойствах уже сложилось некоторое представление и кто располагает опытом службы. Посему те, кто приходит со школьной скамьи и еще не имеет опыта, должны вначале поработать в комитатских и иных провинциальных администрациях и только потом приходиться к нам»⁵³. В ноябре того же года венгерский канцлер Ф. Эстерхази по случаю заполнения одного

⁵³ MNL OL. A 39. 8481/1784.

из вакантных мест в своем ведомстве восклицал: «Я согласен с Вашим Величеством в том, что необходимо время от времени молодых людей — *из хороших семей, подающих добрые надежды* [курсив мой. — О.Х.] — привлекать сюда из провинции, чтобы дать им здесь основательную подготовку к государственной службе»⁵⁴.

К концу 80-х гг. XVIII в. в рядах чиновников низшего и среднего звена бок о бок трудились два поколения с очень разным багажом знаний и юридическим оформлением своего образовательного и профессионального уровня. Об этом красноречиво свидетельствует императорский декрет от 11 июня (опубликован 14 июня) 1787 г., по которому «не допускались к публичным должностям те, кто не получил законченного образования, и отстранялись те, кто был назначен на должность, не имея необходимой подготовки»⁵⁵. Чиновникам предлагалось сдать квалификационные экзамены по тем предметам, которые они в свое время не изучали, и даже безвозмездно прослушать курсы соответствующих наук в университетах, чтобы затем — вместе со студентами или в индивидуальном порядке — пройти обязательную процедуру сертификации. «Эти экзамены, — говорилось в декрете, — должны проходить перед официальным педагогом в присутствии начальника и с соблюдением строгости, необходимой, чтобы проверить знания, каковым прежде не было [документального] подтверждения»⁵⁶.

В результате, с одной стороны, молодые люди, подобно Штефану Розенману, особо подчеркивали: «В соответствии с высочайшим распоряжением (где говорится, что юноши, которые желают служить при дворе или в земельных органах власти, обязаны пройти полный курс наук), [нижеподписавшийся] с таким усердием изучал юридические и политические науки в надежде, что это станет ему подспорьем, что все 12 лет по всем предметам чаще всего оказывался первым отличником, о чем свидетельствуют

⁵⁴ Ibid. 13054/1784.

⁵⁵ Handbuch aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. für die k. k. Erbländer ergangenen Verordnungen und Gesetze. Wien, 1789. Bd. 13. S. 531-533.

⁵⁶ Ibid. S. 533.

прилагаемые аттестаты под литерами A, B, C, D, E, что в 1785 г. послужило для ее величества основанием для назначения стипендии»⁵⁷.

С другой стороны, в ведомствах служили десятки чиновников средних лет, для которых ни сеть за парту, ни сдать квалификационный экзамен не представлялось возможным. Особенно много таких было в отдаленных частях монархии: в Галиции, Трансильвании, не в последнюю очередь Венгрии. В отношении тамошних чиновников было принято решение, что в случаях, когда за годы своей долгой службы они уже накопили необходимые опыт и знания, дипломами и аттестатами им могут по-прежнему служить отменные характеристики начальства. Так в 1788 г. была решена судьба канцеляриста Александра (Шандора) Лазаревича, безусловно прослужившего 17 лет и повышенного до конциписта⁵⁸. Судя по тому, что он прослужил в этой должности еще 15 лет, причем за эти годы жалование его удвоилось⁵⁹, начальство не пожалело о своем решении. Такие «двойные» стандарты в отношении старшего и юного поколения оставались в силе, похоже, до тех пор, пока «ветераны» не вышли на пенсию, уступив место молодым.

Таким образом, во второй половине XVIII в. произошла смена парадигмы, которая заключалась не в том, что в среде административных элит, которые прежде были плохо образованны или в молодые годы не проявляли никакого интереса к учебе, появилась жажда знаний. В гораздо большей степени речь шла о том, что регулирующее вмешательство государства, которое через ряд декретов, рескриптов и резолюций сигнализировало о своих ожиданиях, привело к важным переменам. Произошло смещение акцентов: от описания накопленного опыта, который чиновник приобретал на службе после окончания университета, к сертификации знаний и компетенций, с которыми соискатель должности поступал на государственную службу.

⁵⁷ MNL OL. A 39. 3402/1787.

⁵⁸ См.: Ibid. 10811/1788.

⁵⁹ См.: Ibid. A 79. Lazarevics Alexander.

Верстовые столбы и подводные камни продвижения по службе

...Dass ich etwas mehreres, als bei meiner bisherigen Stelle, zu versehen, und einen anderen Dienst zu vertreten capable wäre...⁶⁰

Если представить себе удачный старт среднестатистической чиновничьей карьеры, он, вполне возможно, выглядел бы как у венгерского дворянина Йожефа Фаркаша. В 1746 г. он, мелкий служащий в соляной конторе, писал о себе: «Дворянин по крови, я совершенствовался в изучении тех свободных искусств, которыми хотел прославить благородное имя своих предков и сделаться пригодным для несения полезных служб государю и отечеству. Напитанный изящными предметами, литературой и философией, я черпал знания об отечественных законах сначала в Трнавском университете, затем у комитатского нотариуса и помимо родного венгерского без труда усвоил латинский, немецкий, славянский, иллирский (или рацский) языки. Я накопил навыки в арифметике, чтобы со всем смирением быть в состоянии исполнять милостиво вверенную мне должность заместителя главы конторы по сбору тридцатинного налога в Жолне, как и справляться с любыми иными поручениями»⁶¹. Молодой человек просил назначить его в контору в Шиклоше, и в пользу назначения говорила также отменная рекомендация, данная ему действительным тайным советником графом Ф. Эстерхази (будущим венгерским канцлером). Просьба была удовлетворена. Таким образом, в данной биографии сработали факторы, о которых говорилось выше, такие как образование, знание языков, практический опыт, дворянский титул, поручительство влиятельного аристократа.

Мало кому, как Фаркашу, удавалось начать службу с оплачиваемой должности. Молодые аристократы годами

⁶⁰ «...Что я могу больше, чем на своей нынешней должности, и в состоянии нести другую службу...» (нем.). Й. Клейноци — Марии Терезии, Вена, VIII(?).1766. ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1. Kt. 2. Konv. 2. N 36 ex Aug. 1766. Fol. 331r.

⁶¹ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1797. 22. Febr. 1746. Fol. 383r.

служили безвозмездно, потому что их семьи могли себе финансово это позволить. У мелких дворян и разночинцев не было выбора: желание попасть в штат было столь велико, что они (и нередко их родители) осознанно шли на лишения, отказывались от мечты о женитьбе, лишь бы доказать свою профессиональную пригодность. Властям такое рвение было выгодно, и возможность нанимать молодых дворян и аристократов, например, в Венгерский королевский наместнический совет с принесением клятвы, но без права голоса и (главное) жалованья «для накопления опыта» была даже юридически закреплена в § 2 статьи закона ХСVII/1723⁶². Венгерским властям это виделось так: «Отечеству и государевой службе пойдет на пользу, если дети знати и магнатов королевства, получившие необходимое наставление в науках, обладающие способностями и желающие развить свои таланты, нанимались бы при случае для накопления опыта в общественных и политических делах страны»⁶³. В результате даже сыновья первых лиц начинали с неоплачиваемых должностей, как граф Антал Эрдёди, которого вместе с будущим дипломатом графом Миклошем Эстерхази зачислили в штат советниками без жалованья набираться опыта, выполняя обязанности престарелого советника барона Йожефа Шигра. Тот из особой милости императора получал сразу два жалованья, но был так дряхл, что не появлялся в присутствии, и его обязанности распределялись между дееспособными коллегами⁶⁴.

Руководство ведомств охотно пользовалось безвыходным положением младшего персонала. Практикант при Венской придворной казенной палате Карл Мец не раз слезно просил положить ему жалованье («Как трудно и невыносимо быть служащим, который четвертый год подряд не получает ни содержания, ни иного вспомоществования!»), но референты сухо напоминали императрице: «Хотя сего Меца отличают дельность и усердие и служит он без всякого вознаграждения уже четвертый год, отказать ему следует по той причине, что отец взял на себя обязательство заботиться о сыне, пока

⁶² См.: www.1000ev.hu/index.php?a=3&param=4624

⁶³ MNL OL. A 1. 46/1738.

⁶⁴ См.: Ibidem.

тому не положат жалованья»⁶⁵. «Недоверие» ведомственного руководства к несовершенному с точки зрения нужд администрирования университетскому образованию и не в последнюю очередь бюджетный дефицит будут основными причинами, по которым неоплачиваемая практика с годами не только не исчезнет, но и с 1787 г. будет закреплена в Австрии в качестве обязательной.

Случай бывшего кадета Военной академии в Винер-Нойштадте Франца Паудиша позволяет составить некоторое представление о размахе явления. Во время учебы юноша получил увечье, несовместимое с дальнейшим прохождением военной службы. Из сострадания императрица повелела зачислить его в практиканты при конторе по сбору тридцатинного налога в Пресбурге. Паудиш, как и остальные практиканты, служил, не получая никакого вознаграждения, средства к существованию ему давала престарелая вдовья мать. Однако, когда он попросил назначить ему жалованье, консолидированное мнение казенных палат в Пресбурге и Вене было следующим: «Ни один из практикантов при Пресбургской таможне не получает жалованья, но служит там, исключительно чтобы набраться опыта в ведении дел в таможенном ведомстве и дожидаться следующего назначения, поэтому нет никакой возможности положить означенному просителю жалованье, потому что остальные тут же потребуют того же для себя». В результате дело ограничилось единовременной филантропической выплатой 50 фл.⁶⁶

Ничто так не облегчало начала чиновничьей карьеры, как близость ко двору или царедворцам. Выше уже неоднократно упоминались личные секретари аристократов как резерв для пополнения штатов административно-финансовых ведомств. Как принимались решения об их найме, можно составить представление из ноты президента Венской придворной казенной палаты, которому было предложено принять на службу Игнаца Заумила — в прошлом учителя при покойном эрцгерцоге Карле. Граф Коловрат писал: «Я приказал ему составить документы на французском и немецком языках и обнаружил, что он, во-первых, довольно

⁶⁵ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2144. N 257 ex Febr. 1776. Fol. 23r.

⁶⁶ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 18. Kt. 1189. Subd. 3. N 46 ex Jan. 1770. Fol. 9r-v.

смышлен, а во-вторых, совершенно неопытен. Впрочем, есть все основания полагать, что со временем он будет вполне удовлетворительно справляться с обязанностями»⁶⁷. Прошло четыре года, и о Заумиле уже говорили: «Ему нельзя отказать в достойных похвалы способностях и прилежном старании при исполнении своих нынешних функций»⁶⁸.

Мало кому доводилось, как И. Заумилу или А. Слабигу, преподавать науки августейшим особам. Однако попадание личных секретарей в штаты центральных ведомств было довольно распространенным явлением. Не зря «деревенский богач» Фуке из романа Стендаля «Красное и черное», узнав, что Жюльен Сорель отправляется в Париж служить у маркиза де Ла-Моля, заметил: «Кончится это для тебя не иначе, как какой-нибудь казенной должностью». У этого явления помимо очевидных черт корпоративного nepотизма было и меритократическое объяснение. Аристократы нередко совмещали несколько должностей и функций: стояли во главе округов и провинций в Чешско-Австрийских провинциях или комитатов в Венгрии, руководили судебными органами разных уровней, занимали должности в финансово-административных ведомствах, шефствовали над полками, наконец, управляли собственными поместьями. Возможность непосредственно наблюдать за поведением и стилем работы первых лиц государства, необходимость вникать в разные по характеру дела, невозможность спрятаться за спины товарищей и переложить на кого-то другого неудовлетворительные результаты своей работы — все это требовало живости ума, исполнительности и приправлялось изрядной долей честолюбия.

О том, какие требования предъявлялись к таким секретарям, опять-таки сказано в романе Стендаля. «Ежедневно к полудню вы будете являться в библиотеку маркиза, который предполагает поручить вам вести переписку по его тяжбам и другим делам», — наставлял бывшего семинариста аббат Пиар. «Маркиз пишет на полях каждого письма, которое приходит на его имя, кратко, в двух словах, что надлежит ответить <...> по истечении трех месяцев вы приобретете

⁶⁷ Ibid. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 3. Subd. 1. N 35 ex Febr. 1766.

⁶⁸ Ibid. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2142. N 142 ex Mar. 1770. Fol. 95r; Fasz. r. Nr. 6. Subd. 2. N 265 ex Jan. 1778; Fasz. r. Nr. 2144. N 236 ex Jan. 1778. Fol. 268v.

умение составлять ответы так, что, если вы принесете на подпись маркизу двенадцать писем, он сможет подписать восемь или девять. Вечером в восемь часов вы все складываете, приводите в порядок его письменный стол, и в девять вы свободны»⁶⁹.

Попадая на «казенную должность», такой секретарь по привычке смело брался за поручения и ловко с ними справлялся. Вот что сказано в дворянской грамоте, выданной в 1789 г. братьям Невери, по поводу старшего из них — Йожефа: «Это муж весомых достоинств, который славится своими познаниями в юриспруденции и опытом в судебных тяжбах; поначалу он служил личным секретарем при вице-президенте Венгерской казенной палаты графе Карое Палфи и раскрыл свои исключительные качества, так что в скором времени был принят на государеву службу в Венгерско-Трансильванскую королевскую канцелярию, сначала конципистом, где в такой мере оправдал возложенные на него надежды, что затем получил назначение секретарем и затем советником. В должности этой он настолько оправдал ожидания, что не только справлялся с должностными обязанностями, но и привлекался к работе придворной комиссии по делам образования, при этом неоднократно исполнял там круг обязанностей ординарного референта, проявляя всякий раз свои незаурядные личные качества, чем заслужил восхищение и уважение не только означенной комиссии, но и всей упомянутой выше Венгерско-Трансильванской канцелярии»⁷⁰.

В связи с назначением Невери венгерский канцлер Ф. Эстерхази рассуждал так: «Секретари должны обладать такими качествами, которые позволяют им брать на себя часть обязанностей референтов; объем работ неуклонно растет, и требуются люди, которые имеют юридический опыт и практические знания в разных областях, а часть персонала, хотя они очень смысленные и справляются с обязанностями, не имеет требуемых качеств»⁷¹. Так должность досталась не следующему в очереди — экспедитору Йожефу Павичу,

⁶⁹ Стендаль. Красное и черное / Пер. с фр. С. Боброва и М. Богословской. Текст доступен по адресу: <http://lib.ru/INOOLD//STENDAL/redblack.txt>

⁷⁰ MNL OL. A 57. 54. köt. 196. old.

⁷¹ Ibidem.

но чужаку Невери⁷². В очередной раз руководство ведомства искало баланс между меритократией и филантропией: между принципом «по мере способностей» и порядком «по возрасту и выслуге».

Мало кто из просителей в XVIII в. придерживался здравого совета, часто даваемого авторами пособий по деловому стилю: «Не следует просить слишком многого, следует довольствоваться тем, на что можно рассчитывать, исходя из характера просьбы, личных качеств и заслуг»⁷³. Общим у самых разных соискателей чиновничьих должностей было желать лучшего, просить большего, преувеличивать скромное, выпячивать очевидное. В качестве комического примера подобной преувеличенной щепетильности можно привести строки из прошения о назначении пенсии секретаря Венгерской казенной палаты Ласло Фюлеки. Он подсчитал, что за последние восемь с половиной лет службы, когда ему по должности стали доверять самостоятельное составление исходящих документов, он сочинил 4284 концепта, в том числе 777 — непосредственно для представления Ее Императорскому Величеству⁷⁴.

Как ответственные лица ориентировались в море этих завышенных ожиданий?

Прежде всего, в ряды чиновничества старались не допускать случайных людей и лиц с запятнанной репутацией. За время, протекавшее между подачей челобитной и составлением ноты государю, нередко проводилось основательное расследование, выяснялись подробности, которые проситель хотел скрыть. В 1772 г. на имя императрицы поступило прошение Йозефа Капты о принятии его на какую-нибудь должность в Венгерскую казенную палату. О себе он сообщал, что служил заготовителем зерна, а секреты профессии сборщика тридцатинного налога постиг при своем отце Андраше Капте, служившем в конторе Надьеваварде. Полный надежд, что отцовские заслуги подкрепят его скромные претензии, молодой человек ждал решения по своему делу. Тем временем чиновники собрали

⁷² См.: ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 5. Fasz. r. Nr. 89. N 149 ex Aug. 1783. Fol. 1093v.

⁷³ *Justi J.H.G., von. Anweisung zu einer guten Deutschen Schreibart.* Wien, 1774. S. 206.

⁷⁴ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1870. 24. Nov. 1750. Fol. 419r.

информацию о том, о чем проситель предпочел умолчать, а именно: граф Эрдёди, у которого тот служил заготовителем зерна, за имевшие место неблагоприятные поступки и «эксцессы» уволил и прогнал нечистого на руку Капту. Марии Терезии было рекомендовано в просьбе отказать⁷⁵.

Для соискателей, зачисленных в штат, мерилом служебного соответствия чиновника становились его «способности» («*Fähigkeit*»). Вспоминается знаменитая резолюция Петра I: «Знатность по годности считать»⁷⁶. Руководству с самого начала полагалось распознать и оценить: что собой представляет новичок и на что способен в дальнейшем. В немецком словаре братьев Гримм это слово толковалось как «индивидуальный талант, врожденный и требующий дальнейшего образования [курсив мой. — О.Х.] характерный дар»⁷⁷. Полувеком ранее молодой Андраш Влашич писал в обращении к императрице едва ли не теми же словами: «Всему миру известна милость вашего величества к тем, кто стремится поставить полученные от Господа таланты и немалыми стараниями развитые способности, на службу государю»⁷⁸. Распространенным выражением в делопроизводственной документации было «размер способностей» («*Maß seiner Fähigkeit*»). Исходя из их оценки, следовало назначать соискателей на ту или иную должность.

С другой стороны, все назначения должных были производиться пошагово. Как писал в 1773 г. советник Венгерской казенной палаты Йозеф Бачак на исходе третьего десятилетия своей службы в ведомстве: «С самого первого дня работы акцессистом и до назначения меня на нынешнюю должность советника я получал повышения *постепенно* [курсив мой. — О.Х.], по милости и доброте вашего величества»⁷⁹. Сами чиновники называли такую практику «по возрасту и выслуге» («*beneficium senii et ordinis*»), когда преимущественным

⁷⁵ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1. Kt 8. Konv. 3. N 33 ex Apr. 1772. Fol. 250r–254v.

⁷⁶ Цит. по: Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Служба, промысел, работа // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живова. М., 2009. С. 111.

⁷⁷ *Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch.* Leipzig, 1853. Bd. III. Sp. 525. См.: woerterbuchnetz.de/DWB/

⁷⁸ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 3. Subd. 1. N 102 ex Jun. 1767.

⁷⁹ Ibid. UK. Fasz. 1. Kt. 9. Konv. 2. N 7 ex Dec. 1773. Fol. 420r.

правом пользовался тот, кто старше и/или кто дольше служит в данной должности. Когда деловые качества кандидата не противоречили этому принципу, проблем не возникало, как в случае с контролером конторы по сбору тридцатинного налога Андрашем Наместовски, о котором в вотуме Придворной казенной палаты говорилось: не только имеет право на должность директора конторы «по старшинству» («*beneficium ordinis*»), но в пользу этого решения говорят его деловые качества (*Fähigkeit*) и безупречная служба в течение 24 лет»⁸⁰. Однако чаще этот принцип со всей неизбежностью регулярно входил в противоречие с требованием назначать на должности и продвигать «по мере способностей». В результате всякий раз использовался тот или иной аргумент, чтобы обосновать выбор конкретного, как казалось руководству, оптимального кандидата.

При заполнении вакантных должностей по принципу «возраста и выслуги» приходилось учитывать целый ряд факторов, чтобы назначение выглядело в глазах персонала «законным и справедливым» («*in der Justiz und Billigkeit gegründet*»). В 1757 г. скончался приемщик соляной конторы в Мохаче — Георг Хельблинг. На его место претендовали четыре заявителя, в том числе на первое и второе место в представлении Венгерской казенной палаты были поставлены сын покойного — контролер из соляной конторы в Эгере, и контролер из мохачской конторы, работавший под непосредственным началом Хельблинга, — Дёрдь Вокурка. Во внимание был принят целый ряд обстоятельств. «По возрасту и выслуге» на место со всеми основаниями претендовал именно Вокурка, уже 23 года прилежно занимавшийся добычей соли. Но нельзя было оставить без внимания и прошение Хельблинга-младшего. Он имел более скромный послужной список, но уже успел потрудиться под руководством советника А. Дешана (сама по себе отменная рекомендация). Молодой человек характеризовался как в высшей степени способный и владеющий несколькими языками чиновник. Наконец, филантропические моменты не должны были упускаться из виду: ведь для оставшегося с девятью братьями и сестрами на руках Хельблинга не представлялось возможным перевезти их из Мохача к месту службы в Эгер. Компромиссное решение гласило: на должность приемщика назначался

⁸⁰ Ibid. HFU. Kt. 2029. 12. Aug. 1761. 225v.

Вокурка, на освободившуюся после его повышения должность из Эгера в Мохач переводился Хельблинг-младший, прибавка к жалованью в 100 фл., которую выплачивали покойному Георгу Хельблингу, делилась пополам между сыном и преемником⁸¹. Когда два года спустя Вокурка скончался, принцип «по возрасту и выслуге» был применен к молодому человеку, которому Венская придворная казенная палата единодушно присудила должность, некогда занимавшуюся его отцом⁸².

О том, что власти сами порой тяготились принципом «по возрасту и выслуге», говорит вотум Венской придворной казенной палаты от 1 декабря 1762 г. по случаю целого ряда назначений в бухгалтерии Венгерской казенной палаты. *Во-первых*, ни в Вене, ни в Пресбурге не хотели проводить конкурс на замещение вакантных должностей по всем правилам, с выдвижением трех кандидатов на каждую позицию, о чем свидетельствует следующее замечание: «По случаю четырех вакансий счетоводов придется рассматривать заявления от 12 соискателей, и тогда придется допустить к конкурсу тех малопригодных субъектов, которые лишь недавно поступили на службу в ведомство и не имеют необходимых практических навыков». *Во-вторых*, императрице напомнили о декрете от 28 мая 1759 г., в котором она повелевала: «При назначении на должности в Венгерской казенной палате не учитывать ни возраста, ни выслуги лет, но предлагать только профессионально пригодных субъектов». В результате назначения получили те, кто «были сочтены самыми пригодными», в то время как кандидатуры «первых в очереди» были отклонены на том основании, что они «не справятся с обязанностями счетоводов»⁸³.

Даже соблюдая требование продвигать в первую очередь тех, кто дольше ждет очередного назначения, власти не упускали из виду ни одного субъекта, чьи знания и опыт могли пригодиться на государственной службе. Выше уже приводился пример адвоката Сёлёши, которого Мария Терезия повелела привлекать к расследованию запутанных случаев по возвращению фиску незаконно перешедшей в частное

⁸¹ См.: Ibid. Kt. 1958. 30. Mar. 1758. Fol. 592r–593v.

⁸² См.: Ibid. Kt. 2003. 10. Apr. 1760. Fol. 169r.

⁸³ Ibid. Kt. 2054. 28. Dec. 1762. Fol. 457v–458r.

владение казенной недвижимости. Сходное в чем-то решение было принято по делу адвоката Шандора Кевички. Он так ярко живописал свой многолетний опыт работы судьей в Пресбурге, бургомистром в Базине и фискалом во владении Иллешкё, что Казенная палата поставила его («хотя он и не принадлежит к категории камеральных служащих») на почетное второе место в ряду соискателей должности секретаря и посоветовала привлечь его к выполнению разовых поручений и замещению временно нетрудоспособных штатных сотрудников⁸⁴.

Требование соразмерять должность со способностями позволяло каждому найти ровно тот круг служебных обязанностей, добросовестное исполнение которых наилучшим образом раскрывало бы личность сотрудника. Когда про конциписта Придворного военного совета по имени Датенридер выяснилось, что он испытывает сложности с изложением мыслей на бумаге, императрица повелела: «Этот проситель не годится в конциписты, однако может быть хорошим исполнителем. Пусть — с согласия прочих финансовых органов и Банковской депутации — его задействуют в таком качестве, где требуется больше верности и усердия, чем способности составлять документы, иначе он не дослужится до пенсии»⁸⁵.

Напротив, принцип старшинства и выслуги при кажущейся справедливости, с одной стороны, помещал сотрудников ведомства «в тепличные условия», когда им не было нужды опасаться сильных конкурентов извне, а с другой — заставлял тех, кто переходил с места на место, едва ли не всякий раз начинать восхождение по служебной лестнице заново. Например, в 1773 г. Мария Терезия сама была несказанно удивлена, когда ей передали ходатайство о прибавке к жалованью от конциписта Венской придворной казенной палаты Кристофа Кесслера. Поступив в 1764 г. на службу в это ведомство, он через некоторое время был переведен в Комиссию по производству пороха и селитры, затем в 1769 г. вновь вернулся в Казенную палату, где ему положили чуть больше половины его прежнего жалованья. Несмотря на то что руководство характеризовало Кесслера как «человека, обладающего не только исключительной

⁸⁴ См.: Ibid. UK. Fasz. 1. Kt. 9. Konv. 2. N 66 ex Apr. 1774. Fol. 349r-v; MNL OL. E 47. 15. cs. Nr. 366 ex Mar. 1774.

⁸⁵ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 5. Fasz. r. Nr. 78. Subd. 4. N 4 ex Dec. 1762.

трудоспособностью, но и особыми умениями, широкими познаниями и пригодного к несению гражданской службы», переходы из одного департамента в другой и обратно были признаны достаточным основанием, чтобы заставить этого достойного человека второй раз начинать карьеру с нижней ступеньки. После выяснения всех обстоятельств и признания действий руководства законными не осталось ничего, кроме как назначить Кесслеру прибавку в 200 фл. к его скромному жалованью⁸⁶.

Подводными камнями в чиновничьей карьере могли стать неразборчивость в средствах в самом начале пути и легкомысленная халатность, проявленная, казалось бы, многоопытным и искушенным служащим. Об этом со всей очевидностью говорит почти детективная история, происшедшая летом 1785 г. в Венгерско-Трансильванской канцелярии.

В 1784 г. в качестве одной из мер, призванных унифицировать и в конечном итоге повысить эффективность управления владениями Австрийского дома, император Иосиф II — не упраздняя комитатской системы в Венгрии — поделил королевство на десять округов, во главе которых встали комиссары⁸⁷. Эти высококвалифицированные управленцы принадлежали к числу доверенных лиц государя и не были связаны узами лояльности и патроната с венгерскими сословиями. Именно им предстояло в условиях сопротивления на грани саботажа обеспечить бесперебойное исполнение декретов императора. Для того чтобы вновь назначенные лучше представляли себе, какой политики от них ожидают, были написаны десятки инструкций, в том числе «Некоторые специальные наблюдения», которые якобы император лично надиктовал своим секретарям⁸⁸. Как было заведено в подобных случаях, инструкцию полагалось размножить в достаточном количестве копий, чтобы обеспечить ими всех, кто имел отношение к реализации распоряжений императора. Каково же было удивление властей, когда летом 1785 г. на столичном рынке печатной продукции появилась брошюра

⁸⁶ См.: Ibid. Fasz. r. Nr. 5. Subd. 1. N 126 ex Apr. 1773; Fasz. r. Nr. 2143. N 241 ex Apr. 1773. Fol. 132–133.

⁸⁷ См.: Hajdu L. A közzjő szolgálatában. A jozefinizmus igazgatási é jogi reformjairól. Budapest, 1983. 208–234. old.

⁸⁸ См.: Ballagi G. Politikai irodalom Magyarországon 1825-ig. Budapest, 1888. 235. old.

«Меры по улучшению для Венгерского королевства, которые Его Императорско-Королевское Величество собственноручно изложили в декрете от 30 марта 1785 г. десяти королевским венгерским комиссарам»⁸⁹. Начались полицейское и параллельно ведомственное расследования.

Не составило труда выяснить, что изготовление копий было в свое время поручено опытному советнику Ласло Бистрицеи. Он служил в канцелярии ровно 40 лет: придя в ведомство в 1745 г. на должность акцессиста без жалованья, он через два года стал помощником регистратора с содержанием 200 фл. в год. В 1763 г. Бистрицеи — уже вице-регистратор, чья заработная плата составила 1000 фл., в 1771 г. — регистратор и получал 1800 фл., а в 1777 г. ему как герольду ордена св. Стефана положили надбавку в 500 фл.⁹⁰ Начальство хвалило его за порядочность, старательность, исполнительность, тщательность при поддержании в порядке вверенного ему ведомственного архива⁹¹. Впоследствии его непосредственный начальник канцлер Ф. Эстерхази напишет о нем: «Эти знания я не раз использовал в интересах государевой службы, поскольку он [Бистрицеи. — О.Х.] мне неоднократно по собственной инициативе, из служебного рвения приносил архивные акты, которые я всякий раз использовал в своей работе наилучшим образом»⁹². Венгерская правовая система основывалась на практике апелляции к прецедентам, поэтому доскональное знание архива, из недр которого всякий раз доставались незаменимые документы, высоко ценилось руководством.

При каких же условиях произошла утечка информации? Чиновники среднего звена, подобные Бистрицеи, были столь перегружены разного рода обязанностями и разовыми поручениями, что им полагались внештатные помощники — переписчики с поденной оплатой. Они не приносили обязательной для сотрудников ведомства клятвы, в которой

⁸⁹ *Verbesserungsanstalten für das Königreich Hungarn, welche S. Kais. Königl. Majestät in einem an die X. königliche Hungarische Kommissäre eigenhändig erlassenen Befehlsschreiben den 30. März 1785. In Deutschland, 1785.*

⁹⁰ См.: MNL OL. A 79. Bisztriczey Ladislaus.

⁹¹ См.: Ibid. A 39. 4357/1772.

⁹² Ibid. 9213/1785.

торжественно обещали не разглашать служебную информацию и свято хранить вверяемые им государственные тайны, поэтому им поручались только документы, в которых содержались сведения, предназначенные для публикации. Одним из таких переписчиков, числившихся за Бистрицеи, был молодой Йозеф Гросингер. Если вспомнить все, что выше говорилось о бедных и честолюбивых молодых людях, прокладывавших себе путь к сильным мира сего в надежде на социальное возвышение, нарисовать его психологический портрет не составит труда.

Гросингер получил хорошее (возможно, религиозное) образование, блестяще знал немецкий язык и латынь, обладал цепким умом и изысканными манерами. Он настойчиво искал сближения с чиновниками центральных ведомств, сначала служил домашним воспитателем при сыне советника Венгерской канцелярии графа Ференца Дёри, затем поступил помощником к секретарю канцелярии Фердинанду Скультети. Наконец, Гросингер получил скромную должность в императорской придворной библиотеке, где с ним и познакомился Бистрицеи. Молодой человек обратил на себя внимание прилежанием, усердием и ловкостью, с которой входил в доверие к начальству и публичным фигурам, пользовавшимся фондами книгохранилища. Вскоре советник узнал, что он женат, имеет на попечении малолетних детей и, поскольку родители его уже умерли, ни от кого не ждет ни помощи, ни поддержки. Бистрицеи захотелось сделать для Гросингера хоть что-то хорошее, и он нанял того в качестве копииста⁹³.

Молодой человек, однако, оказался ловким проходимцем. Пользуясь доверием своего благодетеля, он неоднократно — как только ему в руки попадала ценная в его понимании информация — делал для себя лишнюю копию. Так же произошло и в случае «Некоторых специальных наблюдений»: заручившись экземпляром инструкции, Гросингер поспешил к книготорговцу Хартлю и продал ее за 50 фл. При этом он умело убедил Хартля, что император не имеет ничего против появления документа в виде брошюры, но цензура этого не допустит, поэтому издавать книгу нужно за пределами Австрийских владений (выбор пал на Регенсбург).

⁹³ См.: Ibidem.

Обо всем этом Хартль рассказал в полиции, когда его арестовали по обвинению в распространении контрабандной печатной продукции. Цепочка потянулась к Гросингеру, а от него — к Бистрицеи. Советник был буквально раздавлен известием о том, что тот, кого он благодетельствовал, предал его самым недостойным образом. На допросах Гросингер юлил, менял показания, оговаривал своего благодетеля, но власти он уже интересовал мало, ведь в основе совершенного деяния лежало нарушение клятвы, данной в свое время Бистрицеи при зачислении в штат. Старика арестовали, предъявили ему тяжкое обвинение и приговорили к тюремному заключению⁹⁴. Никакое заступничество канцлера Эстерхази и чистосердечное раскаяние «преступника» не возымели действия. Канцелярист Йозеф Брусик, посчитавший, что в случившемся есть и его вина, прямо в здании Венгерской канцелярии предпринял неудачную попытку покончить с собой⁹⁵. В том же году он предпочел уволиться и — поскольку оставался чист перед законом — вскоре поступил на службу в трансильванский Губерниум.

Не в силах вынести позора, Бистрицеи умер в 1788 г. в заточении, однако сын его в 1791 г. был зачислен в штат Венгерской королевской канцелярии, где и прослужил до 1800 г., когда перешел на работу секретарем в Венгерский королевский наместнический совет (в этой должности он числился до 1815 г.⁹⁶). Начальство характеризовало его как в высшей степени ответственного и неутомимого в своем прилежании сотрудника⁹⁷. Таким образом, как и в случае с лжебеженцем из Силезии Кирмрайтом, отцовские преступления не бросали тени на профессиональные качества сыновей.

⁹⁴ Краткое упоминание об этом инциденте см. в: *Szántay A. Regionalpolitik im alten Europa. Die Verwaltungsreformen Josephs II. in Ungarn, in der Lombardei und in den österreichischen Niederlanden, 1785-1790.* Budapest, 2005. S. 127.

⁹⁵ См.: *Wangermann E. Eine erlaubte Kritik an Joseph II. Die Unwahrscheinlichkeiten von Joseph Grossing // Miscellanea fontium historiae europaeae. Emlékkönyv H. Balázs Éva tőtrénészprofesszor 80. születésnapjára / Szerk. J. Kalmár.* Budapest, 1997. S. 258-269.

⁹⁶ См.: MNL OL. A 79. Bisztriczey Ladislaus; *Ember Gy. A M. Kir. Helytartótanács.* 206. old.

⁹⁷ См.: MNL OL. A 39. 3734/1794.

Дело о подарках

Die Materie von Bestechungen und Geschenckenehmen practisch behandelt verdiente schon einen Doctor-Hut auf den politischen Catheder⁹⁸.

Коррупция — одно из тех явлений, определение которого, как и отношение общества к нему, менялось на протяжении столетий, и даже в XXI в. оно сохраняет национальную специфику⁹⁹. Так, в раннее Новое время продажа должностей (*la vénalité des offices*) занимала, по выражению немецкого историка Франца Квартала, промежуточное положение где-то между законностью и беззаконием¹⁰⁰: во Франции плата за должность была частью «контракта», а деньги пополняли королевскую казну, в других странах это оставалось не более чем взяткой ответственного лицу,

⁹⁸ *Moser F.C., von. Der Herr und der Diener: geschildert mit patriotischer Freiheit.* Frankfurt, 1759. S. 287. Текст доступен по адресу: http://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ180949903 В переводе, сделанном в XVIII в., цитата звучит следующим образом: «Надлежало бы того сделать доктором в политических делах, кто мог бы решить практическим образом дело о взятках» — [Мозер Ф.К.] Государь и министр. Книга, сочиненная г-ном Мозером, с немецкого языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1766. С. 251-252.

⁹⁹ Даже в современном мире смысловое наполнение термина «коррупция» настолько разнится от страны к стране, что Организация Объединенных Наций в процессе разработки Конвенции против коррупции (принята 31 октября 2003 г.) отказалась от поиска универсального определения и ограничилась описанием отдельных случаев: подкуп должностных лиц, неправомерное присвоение имущества, злоупотребление влиянием и т.п. См.: Подготовительные материалы. Переговоры о разработке Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Нью-Йорк, 2010. С. 75. Текст доступен по адресу: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/Travaux/Travaux_Preparatoires_-_UNCAC_R.pdf С содержанием Конвенции можно ознакомиться здесь: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml

¹⁰⁰ См.: *Quarthal F. Korruption in Gesellschaft und Staat des Ancien Régime // Sozialwissenschaftliche Informationen.* 1987. Jg. 16. H. 1. S. 43. Текст доступен по адресу: <http://elib.uni-stuttgart.de/bitstream/11682/5339/1/qua49.pdf>

призванной склонить чашу весов в пользу того, кто больше заплатит¹⁰¹. Следует также различать, с одной стороны, мздоимство при назначении на должность (нем. *Ämterkäuflichkeit*), а с другой — различные формы nepotизма, семейственности, отношений патрон — клиент. Первое однозначно осуждалось¹⁰², второе оставалось фактически легальной практикой найма. Рекомендательное письмо или слово, замолвленное в дружеском разговоре, нередко открывало талантливым простолюдинам и мелким дворянам путь к успешной карьере, а гарантией их деловых качеств — в отсутствие национальной школьной системы и единых критериев сертификации знаний в виде дипломов об образовании — служило ручательство вельможи за профессиональную пригодность своего протеже.

Взяточничество всех мастей среди чиновников раннего Нового времени было далеко не редкостью. Труд их довольно плохо оплачивался. Немецкий юрист Фридрих Карл Мозер, автор политического трактата «Государь и министр», в этой связи писал: «Государь, который дает мало жалованья своим министрам, а между тем любит, чтобы они вели себя хорошо, не думая о том, откуда они имеют свое содержание, делает очень худо, потому что они либо наживают долги, или берут подарки»¹⁰³. Не случайно во многих ведомствах Австрийской империи (кстати, как и в армии) действовали запреты на женитьбу низших чинов, поскольку на их скудное жалованье все равно нельзя было содержать семью¹⁰⁴. Маленькие зарплаты побуждали чиновников искать иные, часто незаконные источники доходов. В ряду мер противодействия коррупции можно назвать введение в придворных канцеляриях должности агента. Эти располагавшие официальным статусом ходатая юристы стали получать в качестве

¹⁰¹ См.: *Ämterkäuflichkeit: Aspekte sozialer Mobilität im europäischen Vergleich (17. und 18. Jahrhundert)*. Internationales Kolloquium in Berlin / Hrsg. von K. Malettke, unter Mitwirkung von A.M. Birke, I. Mieck. Berlin, 1980 (Einzeleröffentlichungen der Historischen Kommission zu Berlin. Bd. 26).

¹⁰² Критику практики продажи должностей см.: *Moser F.C., von. Über den Diensthandel deutscher Fürsten*. Frankfurt a/M., 1786.

¹⁰³ Мозер Ф.К. Государь и министр. С. 254–255.

¹⁰⁴ См.: *Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848*. Wien; Köln; Graz, 1991. S. 246.

оплаты посреднических услуг то, что прежде шло в карман недобросовестных чиновников¹⁰⁵.

Важные изменения в трактовке и мерах противодействия должностным преступлениям произошли в эпоху просвещенного абсолютизма, когда в ходе долгого, нелинейного процесса просвещенному абсолютизму, по крайней мере в Пруссии и Австрийской монархии, удалось изменить менталитет чиновничьих элит. Королевские, княжеские служащие, прежде приносившие личную клятву верности своему правителю, постепенно становятся слугами государства, связанными условностями профессионального этоса, где не было места удовлетворению личного интереса.

Далее речь пойдет о судьбе венгерского чиновника Андраша Влашича, карьера которого складывалась удачно до того момента, пока его не обвинили во взяточничестве и не уволили с королевской службы. Поскольку специальных исследований по истории коррупции в Венгерском королевстве раннего Нового времени нет, приходится заранее оговориться, что мздоимство или превышение служебных полномочий не было редкостью в ту эпоху, но количественные данные о размахе этого явления отсутствуют. Случай Влашича интересен и ценен тем, что сохранились подробные материалы должностного расследования: в них нашлось место и оправдательным заявлениям чиновника, и мотивированному вердикту руководства. Таким образом, дошедшие до наших дней источники позволяют в деталях восстановить дискурс начала 80-х гг. XVIII в. о злоупотреблениях служебным положением.

Запретительные распоряжения, касавшиеся извлечения личной выгоды из административной должности, издавались во владениях Австрийского дома едва ли не с конца XVI в. Австрийские историки Нильс Грюне и Том Тёлле справедливо отмечают, что такие акты давали обществу сигнал, к какой модели общественных отношений придется приспособляться в ближайшем или отдаленном будущем. Прописанные в этих документах нормы на деле обрели обязательную силу гораздо позднее, но, оставаясь на бумаге, они тем не менее постепенно меняли общество потому, что

¹⁰⁵ См.: *Fazekas I. A Magyar Udvari Kancellária és hivatalnokai a 16.–18. században: hivatalnoki karrierlehetőségek a kora újkori Magyarországon // Sz. 2014. 147. évf. 5. sz. 1134. old.*

к ним можно было апеллировать. Авторы приходят к выводу, что императорские рескрипты, даже если не вели к полному искоренению коррупции, побуждали некоторых чиновников выбирать не столь вызывающие формы личного обогащения¹⁰⁶.

В годы правления Марии Терезии было немало сделано для того, чтобы под угрозой применения репрессивных мер удержать чиновников от поступков, все отчетливее получавших квалификацию должностного правонарушения, более того — уголовного преступления. Достаточно бегло ознакомиться с рескриптами и распоряжениями венского двора для Чешско-Австрийских наследственных провинций (многие из которых по умолчанию применялись и в Венгрии), изданными во второй половине XVIII в., чтобы понять: размах незаконного обогащения был велик, но велика была и решимость властей положить этому конец путем карательных мер.

Например, в 1753 г. был издан указ о наказаниях, предусмотренных для кассиров, присваивающих общественные деньги. Избежать кары можно было только в случае, если кассир попадался первый раз и нанесенный им ущерб не превышал 10 фл. По мере увеличения ущерба возрастал и срок наказания: год тюремного заключения — при краже от 10 до 30 фл., два — при воровстве от 30 до 60, четыре — от 60 до 100, восемь лет — за хищение от 100 до 150 фл., не говоря уже о пожизненном запрете на занятие финансовых должностей¹⁰⁷. Рескриптом 1761 г. эта мера была в очередной раз подтверждена¹⁰⁸.

В 1756 г. штатным сотрудникам, приносившим должностную присягу, в очередной раз запретили брать на себя роль агентов или, как сейчас бы сказали, лоббировать интересы частных лиц¹⁰⁹. В 1766 г. — наверняка под впечатлением от размаха подтасовок, фальсификаций и правонарушений

¹⁰⁶ См.: *Grüne N., Tölle T.* Corruption in the Ancien Régime: System-theoretical consideration in normative plurality // *Journal of Modern European History*. 2013. Vol. 11. N 1. P. 49.

¹⁰⁷ См.: *Sammlung aller k. k. Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1740 bis 1780*. Wien, 1786. Bd. 2. S. 119–120.

¹⁰⁸ См.: *Ibid.* Bd. 4. S. 66.

¹⁰⁹ См.: *Ibid.* S. 333.

в чиновничьей среде — особым указом устанавливалось немедленное взятие подозреваемых под стражу¹¹⁰.

В 1770 г., дабы еще больше напугать нечистых на руку чиновников, императрица, во всех иных случаях встававшая на сторону вдов и сирот, запретила выплачивать пенсии вдовам должностных преступников. Таким образом, страх и совесть должны были удерживать отцов семейств от неблаговидных поступков, чреватых последствиями для их детей¹¹¹. Рескриптом от 8 марта 1772 г. государыня в очередной раз подтвердила: «Чиновники, советники или младший персонал, уволенные за преступления и проступки, не имеют права на восстановление в должности и в крайнем случае могут рассчитывать только на разовые комиссии и поручения [не дающие доступа к информации для служебного пользования]»¹¹².

Взятки должностным лицам, особенно в форме «подарков», преподносимых к Новому году, ко дню рождения или к другому празднику, сильно беспокоили венский двор, и Мария Терезия не раз повторяла строгие запреты своим служащим принимать какие-либо подношения от магистратов, сельских общин или групп лиц. Рескриптом от 3 января 1752 г. она повелела штрафовать получателей на сумму «подарка», которую следовало внести в фонд бедных (*Armenkassa*). Политическая публицистика эпохи была на стороне просвещенного абсолютизма. Ф.К. Мозер¹¹³ писал: «По моему мнению, прямо честный человек не может принимать подарков ни от равных себе, ни от низших себя людей за дела, касающиеся до его должности, под каким бы видом и именем ни было»¹¹⁴. И далее восклицал: «Государь не может верно положиться и на самого искуснейшего министра, когда он не имеет ни совести, ни рук, чистых от подарков»¹¹⁵. Однако настойчивые запреты принимать подарки,

¹¹⁰ См.: *Ibid.* Bd. 5. S. 409.

¹¹¹ См.: *Ibid.* Bd. 6. S. 183.

¹¹² *Ibid.* S. 440.

¹¹³ Подробнее см.: *Stirken A.* Derr Herr und der Diener. Friedrich Carl Moser und das Beamtenwesen seiner Zeit. Bonn, 1984 (*Bonner Historische Forschungen*. Bd. 51).

¹¹⁴ *Мозер Ф.К.* Государь и министр. С. 252.

¹¹⁵ Там же. С. 257.

регулярно выходившие из-под пера императрицы (см., например, рескрипты от 11 июля 1774 г. и 12 января 1775 г.), свидетельствовали, что побороть укоренившуюся практику было нелегко¹¹⁶.

Как случилось, что Андраш Влашич пал жертвой стремления к незаконному обогащению? Отчасти ответ коренится в относительной легкости его карьерного взлета. Вертикальная и горизонтальная мобильность чиновничьих элит во владениях Австрийского дома в XVIII в. была достаточно высока. Ради более высокой должности люди переезжали из одной коронной земли в другую, меняли род занятий, если на новом месте им сулили быстрый карьерный рост и дворянский титул в награду за десятилетия безупречной службы, чем обеспечивали себе и детям более выгодные условия получения образования и найма¹¹⁷. Не исключено, что именно в успешности, кажущейся легкости некоторых карьер таились серьезные опасности. У вертикальной мобильности были как положительные, так и отрицательные стороны. Некоторые простолюдины, попадая в несвойственную им среду, не знали, как себя вести¹¹⁸. Глубокие познания, смекалка, честолюбие открывали двери во дворцы и высокие начальственные кабинеты. У «маленького человека», оказывавшего услуги своим покровителям, складывалось впечатление собственного всемогущества.

О ранних годах Андраша Влашича известно очень мало. Он, несомненно, был дворянином¹¹⁹. О себе в одном из прошений сообщал, что по окончании философского факультета университета приступил к изучению венгерского

¹¹⁶ См.: Sammlung aller k. k. Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1740 bis 1780. Wien, 1786. Bd. 5. S. 409; Bd. 7. S. 157.

¹¹⁷ О некоторых закономерностях в чиновничьих карьерах более раннего периода см.: *Gecsenyi L., Guszarova T. A Szepesi Kamara vezető képviselői 1646–1672 // Sz. 2003. 137. évf. 3. sz. 672. old.*

¹¹⁸ См. выводы Э. Ла Вопы об особенностях социализации семинаристов из бедных семей: *La Vopa A. Grace, talent and merit: Poor students, clerical careers and professional ideology in eighteenth-century Germany. Cambridge, 1988.*

¹¹⁹ В труде по истории дворянских родов Венгрии И. Надя упоминаются только бароны Влашичи. См.: *Nagy I. Magyarország családai czimerekkel és nemzékrendi táblákkal. Pest, 1865. 12. köt. 260–261. old.* В то же время князь Баттjани в рекомендательном письме называет А. Влашича дворянином.

государственного права, для чего работал адвокатом в южновенгерских комитатах Бараня и Шюмег. Затем, «чтобы оказаться ближе ко двору и лучше подготовиться к большому миру», молодой человек в 1758 г. ухватился за возможность стать личным секретарем князя Кароя Баттjани — хорватского бана (королевского наместника), фёйшпана нескольких венгерских комитатов, действительного тайного советника, воспитателя наследника престола эрцгерцога Иосифа и его младшего брата эрцгерцога Леопольда (будущего Леопольда II). Проворный адвокат, владевший латинским, немецким и венгерским языками, говоривший и писавший по-хорватски, по-французски, по-итальянски, стал вести личную и деловую переписку князя, выполнять поручения юридического и хозяйственно-экономического характера. Должно быть, молодой человек зарекомендовал себя с лучшей стороны, поскольку на Государственном собрании в 1763–1764 гг. ему доверили представлять двух дворянских депутатов¹²⁰.

По протекции князя Баттjани и при посредничестве эрцгерцогини Марии Кристины Влашича в 1767 г. приняли конципистом в венгерский департамент Венской придворной казенной палаты¹²¹. Как было заведено в ту эпоху, вновь пришедшие не сразу зачислялись в штат, а трудились без должности и часто без зарплаты, чтобы делом доказать свою профессиональную пригодность. Молодой человек принял за «потогонную работу» («*schweißvolle Arbeit*») с усердием, не оставлявшим сомнений: он полон решимости заслужить уважение начальства. На восьмом году службы в прошении на имя императрицы Влашич писал не без гордости: «Я вел всю, объемистую и разнородную по тематике, латинскую экспедицию <...> для чего ранее требовалось до пяти референтов, не говоря уже о многочисленных и разнообразных протоколах на немецком языке (как по делам городов, так и по другим вопросам), которые затем попадали в Ваши августейшие руки; и все это без участия тех, кому я был придан в помощь»¹²².

¹²⁰ См.: ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 1. Subd. 1. N 102 ex Jun. 1767.

¹²¹ См., например, штатное расписание ведомства за 1768 г.: Ibid. N 48 ex Nov. 1768.

¹²² Ibid. Fasz. r. N 5. Subd. 1. N 407 ex Dec. 1773.

В конце 1775 г. Влашич перешел на работу в Трансильванскую придворную канцелярию, также располагавшуюся в Вене. Там в должности секретаря он проработал до начала 1779 г., сначала снимал квартиру на Фрайунге, затем на Анна-гассе¹²³. В 1779 г. последовал его перевод в Пресбург, где располагалась подчиненная венскому главному ведомству Венгерская казенная палата¹²⁴. К тому времени Влашич был женат, имел четверых детей и небольшой домик в Базине. Нет оснований не доверять позднейшим признаниям чиновника, что императрица высоко ценила его профессиональные качества и поручала сложные дела, которые он выполнял в кратчайшие сроки, не брезгуя порой подкупом и взятками и принимая, в свою очередь, подарки и подношения. Не исключено, что благоволение аристократов и августейших особ вскружили чиновнику голову.

В 1777 г. Мария Терезия повелела «освободить» южно-венгерский город Печ, то есть изъять его из юрисдикции местного епископа и, наделив привилегиями, передать короне. Формально в стране действовал закон 1688 г., запрещавший увеличение числа вольных королевских городов, дабы не лишать магнатов и церковь известной статьи доходов и не менять соотношение сил на Государственном собрании в пользу четвертого сословия (бюргерства). Однако двор в условиях, когда венгерское дворянство не желало отказываться от налогового иммунитета, нарушил закон, чтобы повысить наполняемость казны. В 1749 г. статус вольного королевского города получил Зомбор, в 1765 г. — Пожега, в 1777 г. — Капошвар. Речь о Пече велась давно, однако Святой Престол не давал своего согласия. Воспользовавшись моментом, когда после смерти епископа Дёрдя Климо (1710–1777)¹²⁵ его преемник еще не

¹²³ См.: Schematismus der Kaiserlich-Königlich, wie auch erzherzoglichen Instantzien, Ämtern, Banco, Kammer, Buchhaltereyen, Kanzleyen, Konsistorien, Gerichtern, Rathskollegien Niederösterreichschen Landständen Ordnung. Wien, 1775. S. 188; Wien, 1777. S. 177; Wien, 1778. S. 190; Wien, 1779. S. 201.

¹²⁴ См.: *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVIII. században* // *LtK.* 1970. 41. évf. 2. sz. 259.–336. old.

¹²⁵ См.: *Gőzsy Z. Szempontok Klimó György püspöki és főispáni kinevezéshez, illetve tevékenységéhez* // *Klimó György püspök és kora. Egyház, művelődés, kultúra a 18. században* / Szerk. É. Pohánka, M. Szilágyi. Pécs, 2011. 142–154. old. О венгерском епископате XVIII в. на русском языке

был назначен, императрица-королева инициировала необходимые процедуры. Сделать предстояло немало: разграничить собственность епископа и короны, оценить стоимость недвижимости, пересчитать размеры налогов и пр. Это требовало многих месяцев подготовительной работы, финансовых и юридических согласований, оформления документации¹²⁶. В комиссию, отправившуюся в Печ, был включен деятельный, вездесущий Андраш Влашич. Зная, что он родом из тех краев, императрица привлекла чиновника к подготовительным работам еще во время его службы в Трансильванской канцелярии. Не исключено, что именно с этим заданием был связан перевод в Венгерскую придворную палату.

Процедура была успешно завершена в последний год жизни императрицы: 21 января 1780 г. Венгерская королевская канцелярия издала грамоту, 19 апреля ее торжественно огласили в «освобожденном» городе. Менее чем через год, в марте 1781 г., от имени города в Венгерскую казенную палату поступила пространная, подкрепленная документальными свидетельствами жалоба на отдельных чиновников — от советника Венгерской казенной палаты графа Йозефа Чаки (1743–1799) до счетовода Игнаца Клауса. В числе тех, против кого были выдвинуты особо тяжкие обвинения, оказался и Андраш Влашич. В жалобе говорилось, что присланные в Печ королевские чиновники беззастенчиво принимали подарки деньгами, ценными вещами, дровами, продовольствием, извозом и другими услугами. К жалобе прилагались счета и калькуляции. Почему вдруг власти города решили поквитаться с гостями из столицы — неизвестно (ответ, возможно, рано или поздно удастся найти в городском архиве), однако последствия жалобы перечеркнули не одну чиновничью карьеру¹²⁷.

см.: *Гёжи З. Место епископата в Венгрии в XVIII в.: взаимоотношения государства и церкви* // *Взаимодействия и конфликты на профессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918* / Отв. ред. О.В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 197–211.

¹²⁶ См.: *Babics A. Pécs város szabad királyi rangra emelésének története 1703–1780.* Pécs, 1937; *Csizmadia A. Pécs városjoga a város felszabadulásakor* // *Tanulmányok Pécs város történetéből* / Szerk. L. Sándor. Pécs, 1982. 30–42. old.

¹²⁷ Материалы служебного расследования хранятся в фонде Венгерской королевской канцелярии в Государственном архиве Венгерского национального архива в Будапеште. В документе отсутствует пагинация, и

1 апреля 1781 г. была создана межведомственная комиссия под председательством вице-президента Венгерской казенной палаты графа Пала Фештетича и венгерского королевского канцлера Ференца Эстерхази. Параллельно показание обвиняемых рассматривала и готовила свое заключение придворная следственная комиссия в Вене. Руководством к действию для них служила резолюция императора Иосифа II: «Все упомянутые обвиняемые должны быть немедленно и по всей форме допрошены <...>. Те, кто не сможет безоговорочно оправдаться и привести убедительные доказательства в свою пользу, если они состоят на моей службе, должны быть немедленно уволены»¹²⁸.

Графу Чаки вменялось получение в подарок золотых часов, переданных ему от имени магистрата через пресбургского еврея Шпицера. Объяснений от самого обвиняемого получить не удалось: он уехал в родовое имение навестить отца. Сопоставление заявлений печских депутатов, утверждавших, что передали графу золотые часы, с показаниями Шпицера, отрицавшего факт передачи ценного подарка, убедили венгерские власти, что спешить с выводами относительно виновности Чаки не надо. Хотя император настаивал на дальнейшем прояснении обстоятельств, следствию, похоже не был дан ход, а Йозеф Чаки продолжил состоять на королевской службе до 1792 г. (в 1783 г. перейдя из Венгерской казенной палаты в Наместнический совет)¹²⁹. Шпицера же, как явного посредника при передаче взяток, было велено выслать из владений Австрийского дома¹³⁰.

Советника Венгерского королевского наместнического совета графа Яноша Балого обвинили в получении взятки в размере 233 фл. 50 крейцеров. Сумма была невелика, деловая репутация до сих пор — безупречна, однако император рассудил, что единожды преступивший должностную присягу чиновник не имеет права находиться на государевой службе. В том же году советник Балог был уволен.

только приложения (главным образом свидетельства, представленные магистратом) пронумерованы. См.: MNL OL. A 39. 2923/1781.

¹²⁸ Ibidem.

¹²⁹ Здесь и далее сведения о чиновниках Венгерского королевского наместнического совета даются по: *Ember Gy.* A M. kir. Helytartótanács ügyintézésének története, 1724–1848. Budapest, 1940.

¹³⁰ См.: MNL OL. A 39. 3326/1781.

Следующим в списке стоял советник того же ведомства престарелый Янош Антал Шаушка, чей послужной список насчитывал полвека. Дворянин в третьем поколении (дворянская грамота датирована 1719 годом) родом из южно-венгерского комитата Бараня¹³¹, он был сыном советника Яноша Ференца Шаушки¹³². Как и отец, Антал начал службу в Венгерской казенной палате (1731–1738), затем занял должность королевского комиссара (1738–1765). По казенной надобности ему не раз приходилось выезжать в охваченные эпидемиями районы, в дни войн с османами он не покладая рук трудился, чтобы обеспечить продовольствием и фуражом австрийскую армию. За годы службы он накопил административный и фискальный опыт в делах южновенгерских городов и Печской епархии. В ходе длившихся не один месяц подготовительных работ Шаушка непрерывно находился в Пече, и вот теперь городские чиновники обвинили его в том, что он не заплатил городу за дрова и продовольствие. Комиссия детально разобралась в обстоятельствах дела, заслушала личного секретаря советника, его повара и повариху и пришла к мнению, что сделано это было без корыстного умысла. Из-за бюрократических формальностей жалование командированному на юг Венгрии чиновнику поступало с задержками, именно в эти периоды он вынужденно пользовался услугами принимающей стороны. После того как повар заявил, что стоимость поставленных Шаушке продуктов превышена, комиссия решила снять с известного своей щепетильностью чиновника все обвинения, а от магистрата, напротив, потребовать спецификацию понесенных убытков. Император принял объяснения Шаушки, повелел прекратить разбирательство по его делу, но потребовал, чтобы того больше не включали ни в какие комиссии¹³³. Скандал столь пагубно сказался на здоровье советника, что менее чем через год Янош Антал Шаушка скончался.

Не столь чистым на руку оказался другой поседевший на королевской службе чиновник — австрийский барон Йозеф Пфефферсховен, о котором речь шла выше. Он обвинялся в

¹³¹ См.: *Nagy I.* Magyarország családai. Pest, 1863. 10. köt. 81. old.

¹³² Янош Ференц Шаушка служил в Венгерской казенной палате с 1702 по 1730 г., в Наместническом совете — с 1730 по 1754 г.

¹³³ См.: MNL OL. A 39. 3326/1781.

том, что получил от депутата Печского магистрата Пауля Лайера суммы в размере 2 тыс. фл. и 24 фл. 30 крейцеров. Признавая факт получения денег, советник, однако, подчёркивал, что взял деньги не у должностного, а у частного лица. Якобы тот попросил его выгодно вложить свободный капитал и в качестве гонорара за услугу выплатил процент с дохода. Иосиф II счел данные объяснения неудовлетворительными, повелел отправить чиновника на пенсию и в качестве наказания назначить содержание на один класс ниже, чем полагалось бы за выслугу лет по новому, только что (26 марта 1781 г.) введенному в действие закону о пенсиях¹³⁴.

Самые тяжелые обвинения — присвоение 9 тыс. фл. (что должно было равняться жалованью за четыре года) — были предъявлены Андрашу Влашичу. Вместо того чтобы признать вину, хотя бы частично, он пустился в пространные письменные объяснения, постаравшись впечатлить членов комиссии своими способностями, достижениями и не в последнюю очередь тем особым доверием, которым пользовался у покойной императрицы. Он поведал, что Мария Терезия ценила его деловую хватку и недюжинные таланты и еще в период его службы в Трансильванской придворной канцелярии давала сложные поручения, связанные с давно вынашиваемой ею идеей превратить Печ в вольный королевский город. Одно такое письмо государыни, написанное рукой ее кабинет-секретаря, Влашич для пущей убедительности присовокупил к показаниям. Она якобы не имела ничего против подарков и иных форм благодарности, более того, считала это справедливой наградой за усердие. Поэтому чиновник рассуждал так: если раньше не возбранялось принимать подарки, нет преступления в том, чтобы и теперь принять то, что «вполне справедливо и соответствует давно заведенному порядку»¹³⁵.

Обвинения в неуплате счетов за жилье, переезд жены и детей из Пресбурга в Печ, столование за счет отцов города и т.п. Влашич отметал с особым возмущением. Жену и детей с личного разрешения императрицы он за свой счет перевез по той причине, что ему заблаговременно было

¹³⁴ Текст закона см.: Das allgemeine österreichische Civil-, Pensions- und Provisions-System / Zusammengefasst von V. Schwabe. Wien, 1844. S. XIX-XXII.

¹³⁵ MNL OL. A 39. 2923/1781.

известно: работы займут не один месяц, поэтому ему следовало по-отцовски заранее организовать посещение школы детьми. Платить за свой стол из средств городской казны он строго-настрого запретил и теперь вместе с женой был готов поклясться, что питался за свой счет, если только депутаты не поставляли тайно продукты на его кухню¹³⁶.

Здесь мнения межведомственной и придворной следственной комиссий существенно разошлись. Венгерские власти были готовы простить виновного, признав, что своими не всегда законными действиями он не нанес ущерба королевскому фиску и действительно позволил сэкономить немало казенных денег. Принятие окончательного решения они оставили за императором.

Однако мнение двора было непреклонно: Влашич виновен, потому что извлек личную выгоду из служения общему благу: «То, что в прошлом, при переводе городов в статус вольного и королевского, давались и принимались подарки, бросает тень на тех, кто давал, и не оправдывает тех, кто получал. То, что сам человек не считает сие преступлением, можно понять: в те времена это было распространенной практикой, а подарки компенсировали скудное жалованье. Поскольку ничего из сказанного [Влашичем] не может считаться обоснованным оправданием, он заслуживает увольнения, а его действия не могут именоваться не чем иным, кроме как должностным преступлением. То, что, получая подарки, он не нанес вреда государевой службе, может служить смягчающим обстоятельством, и пусть увольнение и позор послужат ему наказанием»¹³⁷.

По поводу секретаря Клауса было замечено, что он как человек, еще не принесший должностной присяги, не был обязан отказываться от денег или подарков, однако сам факт, сколь легко он поддался искушению, показался достаточным основанием для того, чтобы навсегда закрыть перед ним двери государственной службы.

Иосиф II полностью разделял это мнение. Особенно его возмутило то, что Влашич вместо извинений превозносил свои преступные по сути деяния, «как будто без его

¹³⁶ См.: Ibidem.

¹³⁷ Ibidem.

участия и закулисного вмешательства высочайшая воля покойной государыни не была бы выполнена». Императорско-королевская резолюция завершалась словами: «Ко всему прочему, пусть этот пример докажет, сколь противна мне любая корысть, и за это я буду карать самым жестоким образом»¹³⁸. Таким образом, должностей лишились советники граф Я. Балог, барон Й. Пфефферсховен, А. Влашич и секретарь И. Клаус. Одновременно было рекомендовано уволить из городской администрации всех, кто был причастен к даче взяток.

Осенью 1781 г. в слезном письме на имя Иосифа II разжалованный чиновник молил о прощении и возвращении в штат. Вновь и вновь убеждал он государя, что принял подарки и денежные подношения потому, что считал это «приемлемым и дозволенным»¹³⁹. В августе 1782 г. магистрат Печа обратился к императору с просьбой простить Влашича и других обвиняемых¹⁴⁰. Но всё было тщетно. Любые его прошения, если не о восстановлении в должности, то хотя бы о найме в качестве канцелярского агента, беспристрастно сдавались в архив¹⁴¹.

В 1783 г. Иосиф II обратился к чиновничеству Австрийской монархии с «Пасторским посланием» («*Hirtenbrief*»), в котором изложил свои требования к императорско-королевским служащим. Нижеследующие строки были, несомненно, написаны под впечатлением от расследований по делам, подобным тому, в котором оказался замешан Влашич: «Личная выгода всех мастей — погибель любых начинаний и самый непростительный грех государственного служащего. Под личной выгодой следует понимать не только деньги, но любые отягчающие обстоятельства, которые ведут к нарушению, умолчанию, проволочкам, препонам тому, что составляет подлинное благо, а именно — исполнению долга. <...> Каждый, кто в этом виноват, становится опасным и вредным для государственной службы»¹⁴². Впрочем, судя

¹³⁸ Ibid. 3326/1781.

¹³⁹ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1. Kt. 19. Konv. 2. N 28 ex Nov. 1781.

¹⁴⁰ См.: MNL OL. A 39. 5316/1782.

¹⁴¹ См.: Ibid. 759/1782.

¹⁴² Handbuch aller <...> Verordnungen und Gesetze. Wien, 1786. Bd. 5. S. 186–187

по регулярным публикациям запретов на прием подарков, нравы не менялись в одночасье. Например, в декрете от 25 июня 1784 г., адресованном всем апелляционным судам, говорилось: «Советники должны в точности соблюдать высочайшие распоряжения о подарках, и, чтобы тем вернее устранить все подозрения, как советникам, так и их женам запрещается вступать в отношения с лицами, которые сами или через посредников ведут дела в их судах, и принимать какие-либо подарки»¹⁴³.

После увольнения Влашич жил то в Пресбурге, то в Вене, зарабатывал на жизнь посредническими услугами, помогая аристократам и высокопоставленным чиновникам выгодно вложить деньги в капитал или недвижимость. Он не оставлял надежды вернуться на императорско-королевскую службу. В письме к влиятельному президенту Венгерской казенной палаты графу Ференцу Балашша (1736–1807) рассказывал об одной вакансии: «Со стороны Придворного военного совета не было высказано ни малейшей озабоченности по поводу моего декрета об увольнении. Однако один государственный советник, у которого я имел честь обедать и подробнее изложить личные обстоятельства, отсоветовал мне это и сказал: на жизнь пока хватает, барон Бонфанти¹⁴⁴ безвозмездно делится со мной половиной взятых на откуп городских налогов, и лучше мне пока довольствоваться этим и немного подождать. Я готов ждать и не теряю надежды, что до сих пор выказываемое благоволение вашего превосходительства даст мне новую жизнь, ибо я жив одним только этим чаянием»¹⁴⁵.

Когда в апреле 1790 г. в Венгерскую королевскую канцелярию поступило очередное прошение Влашича о зачислении в штат, император Леопольд II запросил информацию об обстоятельствах дела десятилетней давности. Пересмотрев

¹⁴³ Joseph des Zweiten Römischen Kaisers Gesetze und Verfassungen im Justitz-Fache. Für Böhmen, Mähren. Schlesien, Österreich ob und unter der Enns, Steyermark, Kärnthen, Krain, Görz, Gradisca, Trienst, Tyrol und die Vorlande. In den ersten vier Jahren seiner Regierung. Wien, 1817. S. 386.

¹⁴⁴ Речь, по-видимому, идет о бароне Карле Бонфанти — управляющем Пресбургского почтамта.

¹⁴⁵ А. Влашич — Ф. Балашша, 2.IV.1785, Пресбург // MNL OL. P 1765. 72. d. N 9615.

следственные материалы с высоты прошедших лет, канцлер граф Карой Палфи признал, что проситель, принимавший подарки от Печского магистрата, был, несомненно, виновен, однако, учитывая, что разжалованный чиновник и так жестоко наказан, рекомендовал считать инцидент исчерпанным и назначить Влашичу за 14 лет службы (1767–1781) пенсию в размере трети последнего жалования (вместе с доплатой на квартиру оно составляло 2,5 тыс. фл.)¹⁴⁶. Император одобрил предложение канцелярии.

Как любой родитель, Влашич пекся об образовании своих сыновей — Андраша и Йожефа. Граф Балашша как королевский директор Пресбургского школьного округа поспособствовал, чтобы мальчики получили стипендии для обучения в городской гимназии¹⁴⁷. В письме к патрону отец не мог найти достаточных слов благодарности, выражал надежду, что в будущем дети вернут отцу уроненную им честь и в памяти потомков останутся лишь его заслуги.¹⁴⁸ В архиве Венгерской канцелярии хранится запись за 1790 г. о зачислении в практиканты Андраша Влашича-младшего¹⁴⁹, однако его имя так и не было занесено в штатное расписание. Зато другой сын — Йожеф пришел в ведомство в 1798 г. на должность конциписта и к 1807 г. дослужился до секретаря¹⁵⁰.

Крах надежд и многих иллюзий Андраша Влашича был во многом случайным, связанным с драматическим стечением обстоятельств. Разбирательство пришлось на первый год правления Иосифа II, для которого главным критерием служения общему благу было отсутствие корыстного интереса. Влашич оказался в ситуации, когда общество еще считало получение «подарков» допустимым, в то время как венский двор повел борьбу с корыстолюбцами на государственной службе и воспользовался скандалом в Пече, чтобы

¹⁴⁶ См.: MNL OL. A 39. 4450/1790.

¹⁴⁷ Имена Йожефа и Андраша Влашичей указаны в списке королевских стипендиатов за 1786 г. См.: Merkur von Ungarn, oder Litterarzeitung für das Königreich Ungarn und dessen Kronländer. Pest, 1786. N. IV. S. 405.

¹⁴⁸ См.: А. Влашич — Ф. Балашша, 11.XII.1785, Пресбург // MNL OL. P 1765. 72. d. N 9612.

¹⁴⁹ См.: Ibid. A 39. 7888/1790.

¹⁵⁰ См.: Ibid. A 79. Wlassics Josephus.

преподнести урок и подать сигнал всем нечистым на руку чиновникам. Красноречие Влашича сыграло с ним злую шутку: вместо того чтобы признать себя виновным, он употребил все свое остроумие для доказательства: он лишь следовал общепринятой модели поведения.

В карьере Влашича можно обнаружить ряд более общих закономерностей. *Во-первых*, это сочетание трех главных слагаемых успеха в начале восхождения по служебной лестнице: блестящее образование, влиятельные покровители и недюжинные амбиции. Комбинация таких факторов открывала многие двери, помогала устранять едва ли не любые препятствия. *Во-вторых*, полное представление о материальном положении и уровне благосостояния чиновника можно составить только при сравнении официально подаваемых им прошений с частной перепиской. Многие служащие, особенно из центральных ведомств, компенсировали скудость жалования посредническими услугами. Так они расширяли круг полезных знакомств и добывали средства для удовлетворения повышенных запросов¹⁵¹. *В-третьих*, пример его сыновей — один в ряду десятков подобных. Корпоративная этика чиновничьих элит Австрийской монархии предполагала, что на детей распространяются только родовые и отцовские заслуги, бесчестье же — никогда.

Скандал с Влашичем вскоре забылся, но в архивах центральных ведомств остались на вечное хранение документы, служившие напоминанием о том, как мздоимство могло положить конец успешной карьере.

Бернат Кончек: один из многих

Реконструкция биографий чиновников обычно наталкивается на то обстоятельство, что сведения об их жизни и службе крайне отрывочны, приводимые в эго-документах факты хотя сами по себе правдивы, но зачастую отражают лишь часть многообразной, порой довольно бурной

¹⁵¹ См.: Khavanova O. «Más hírrel most nem udvarolhatok...» Kliensi levelek témái és toposzai a 18. századi Magyarországon // Aetas. Történettudományi folyóirat. Szeged, 2015. 30. évf. 2. sz. 5–16. old.

деятельности и вне контекста могут искажать реальную картину. Достаточно вспомнить «гражданина Республики Клиентов» Михая Ваша, чья кропотливая работа за скромное жалование в присутствии и ловкое услужение высокородным покровителям в обмен на материальные и нематериальные блага взаимно дополняют друг друга. Особой удачей для исследователя становятся случаи, когда в его распоряжение попадают различные по характеру документы, содержащие много мелких подробностей, из которых постепенно складывается объемный, глубоко индивидуальный и в то же время типический образ мелкого бюрократа с его повседневными заботами, амбициями, надеждами, достижениями.

О жизни Берната Кончека до наших дней дошли источники разного происхождения: это, *во-первых*, делопроизводственные документы — ноты, пропозиции, прошения на латинском и немецком языке, — которые писал он сам или составляли о нем коллеги; *во-вторых*, личная переписка на латинском и немецком языках, сохранившаяся в семейных архивных фондах; *в-третьих*, пространное завещание, копии которого хранятся как в Вене, в архиве обер-гофмейстера, так и в Будапеште, в «Королевских книгах». Из многих отрывочных сведений, которые дополняют друг друга, складывается целостный портрет чиновника дворянского происхождения, становящийся понятны его надежды, ожидания, секреты успеха. Если придерживаться той точки зрения, что прошения представляют собой смешанный жанр, сочетающий черты частного письма и официального документа, то именно из-под пера Берната Кончека в 1756 г. вышло самое длинное прошение из тех, что цитируются в этой книге. Оно состоит более чем из 2000 слов и содержит ценных сведений личного характера больше, чем вся его личная переписка с графом Баттяни вместе взятая.

В первую очередь, в прошении говорится, что Кончеки были старинным дворянским родом. В самом деле, в трудах по генеалогии его прародителем называют полулегендарного Балажа Кончека, первое упоминание о котором якобы относится к 1389 г.¹⁵² Сам Бернат в прошении императрице писал: «Я происхожу из старого дворянского рода, который уже в 1325 г. (о чем мне известно из достоверных древних письменных источников) состоял в родстве с Бетленами и

¹⁵² Nagy I. Magyarorazág családai. Pest, 1860. 6. köt. 331–332. old.

Драгами¹⁵³, но течение времени не щадит даже самые древние и благородные семейства, обращая их в пыль и стирая из человеческой памяти»¹⁵⁴. В альбоме Иоганна Зибмахера воспроизведен герб Кончеков: внизу щита изображена корона, в центре поля — рука с кривой саблей, над ней — опущенный рогами вниз полумесяц, под ней — шестиконечная звезда¹⁵⁵. Время создания герба неизвестно, символика неясна. В XVIII столетии Дворецкая ветвь семейства (к которой принадлежал и Бернат) проживала в комитатах Туроц и Боршод и играла заметную роль в местных администрациях. Это была та прослойка мелкого и среднего дворянства, которая ради сохранения своих позиций в обществе чутко улавливала идущие из Вены сигналы. Образование, прежде всего знание юриспруденции, — это то, что ее представители стремились дать своим детям, чтобы те со временем, как минимум, заняли их места в дворянских собраниях. Проживавший в комитате Туроц двоюродный брат и полный тезка Берната Кончека имел многочисленное потомство. В начале 1750-х гг. его сын Антал служил исправником в комитате Боршод, другой сын изучал право в Эгере, третьего же заботливый отец пытался отправить на учебу в Вену, желательно за казенный счет¹⁵⁶.

Бернат Кончек родился в начале XVIII в. в Привидье. Его имя вписано в матрикулы иезуитской гимназии Пресбурга за 1719 г.¹⁵⁷ Сведений о посещении университета пока обнаружить не удалось. В одной челобитной он впоследствии напишет: «От родителей, которые сами выросли в

¹⁵³ Возможно, речь идет о венгерском дворянском роде Драгфи.

¹⁵⁴ MNL OL. A 1. 27/1756.

¹⁵⁵ См.: Siebmacher J. Großes und allgemeines Wappenbuch in einer neuen, vollständig geordneten und reich vermehrten Auflage mit heraldischen und historisch genealogischen Erläuterungen. Bd. 4. Der Adel von Ungarn sammt den Nebenländern der St. Stephans-Krone / Bearbeitet von Géza von Csergheö, unter Mit-Redaction des Iván von Nagy. Nürnberg, 1893.

¹⁵⁶ См.: MNL OL. A 35. 83/1754; A 1. 98/1754.

¹⁵⁷ За сведения о месте рождения и обучения Берната Кончека выражаю благодарность Жолту Кёкенешу — участнику проекта фонда Országos Tudományos Kutatási Alapprogramok (ОТКА, «Национальные научно-исследовательские фундаментальные программы») «Базы данных в социально-исторических исследованиях раннего Нового и Нового времени» (ОТКА К 116116).

бедности, я не получил ничего, только дворянское воспитание и наставление в необходимых науках»¹⁵⁸. Его слог, писал ли он на латыни, немецком или венгерском языках, был чист и изящен, в речи встречаются риторические обороты и отсылки к античным авторам. В 1725 г. Бернат поступил на службу к графу Лайошу Баттяни, и эта должность перевернула всю его жизнь, определила ее течение на десятилетия. Двенадцать лет он в качестве личного секретаря оттачивал мастерство составления писем и деловых бумаг и стал так нужен своему патрону, что тот в 1737 г. принял его на должность экспедитора и конциписта в Венгерскую королевскую канцелярию¹⁵⁹. Несмотря на то что Лайош Баттяни в 1746 г. оставил канцлерский пост, а в 1751 г. стал надором, его верный клиент по-прежнему регулярно информировал патрона обо всем, что происходило в канцелярии.

Рукой Берната Кончека — сначала экспедитора, затем секретаря Венгерской королевской канцелярии — переписаны, составлены, отредактированы тысячи документов. Сам он писал: «Бесчисленные концепты экспедиции, множество всеподданнейших представлений на имя государя, корреспонденция с Венгерской казенной палатой, ноты, предлагавшиеся высочайшему вниманию и ожидавшие решения Вашего Величества или переадресованные Вами одному из советников канцелярии, — все они написаны моей рукой, если только, что случалось довольно редко, я не был в отлучках и не хворал»¹⁶⁰. Его заветным желанием была должность советника, о чем он неоднократно намекал надору Баттяни, просил об этом канцлера Липота Надашди, обращался с ходатайствами к императрице. В конце 1748 г., узнав о кончине советника Ференца Палашти, он настойчиво просил своего патрона о месте внештатного советника: «Возможно, Ее Величество прочит на это место иностранца или вообще желает оставить вакантным, о том знать нельзя, но, поскольку исход дела будет зависеть от мнения Вашего сиятельства <...> я смею надеяться, что своим ответом Вы не замедлите меня обрадовать»¹⁶¹. Кончек не удовлетворился монаршей резо-

¹⁵⁸ MNL OL. A 1. 27/1756.

¹⁵⁹ См.: Ibid. A 79. Koncsek Bernardus.

¹⁶⁰ Ibid. A 1. 27/1756.

¹⁶¹ Б. Кончек — Л. Баттяни, 30.X.1748, Вена // Ibid. P 1314. N 827653.

люцией от 1756 г., что война требует строжайшей экономии и возможности увеличивать расходы нет.

После целого ряда безуспешных попыток Кончеку наконец удалось в марте 1758 г. добиться своего от только что назначенного канцлера графа Миклоша Палфи. Тот спросил у Берната: может ли его высокографское превосходительство надор Баттяни замолвить за него, Кончека, словечко? Чиновник немедленно взялся за перо и написал патрону: «На это я ничего не ответил, но прочно верю во врожденное милосердие Вашей светлости, тем более что поговаривают о том, будто Ее величество дозволило Вам назначить по своему соизволению столько советников, сколько сочтете нужным»¹⁶². Долгожданное назначение советником последовало через год, в феврале 1759 г.

Сам Кончек был уверен, что заслуживает благодарность патрона. «Дни и ночи, которые я провел за конторкой в ущерб здоровью, служат лучшим свидетельством того, что этот государственный муж даст мне отменнейшую рекомендацию»¹⁶³, — писал чиновник в 1756 г. императрице. Попав на службу в Венгерскую придворную канцелярию, он в первые годы выполнял не только круг обязанностей экспедитора, но продолжал вести деловую и личную корреспонденцию начальника и патрона. В прошении 1756 г. чиновник воссоздал живую и образную картину тех событий, к которым чувствовал себя причастным, ведь в его руки попадала исходящая и входящая корреспонденция, он переписывал и отправлял далее по инстанциям ноты, пропозиции, декреты, рескрипты. Его приход в ведомство совпал с австро-турецкой войной 1737–1739 гг., боями за Белград, волнениями сербов на юге Венгрии, эпидемией холеры, колоссальными усилиями лично канцлера обеспечить заготовки фуража для армии, сбор и последующую транспортировку налогов и чрезвычайных сборов в Вену. Особенно Кончеку запомнилось, как в период разлива Дуная, когда течение реки несло и сталкивало льдины, он транспортировал столь ожидаемую в имперской столице денежную сумму, собранную в королевстве на чрезвычайные нужды военного времени. Подобно другим чиновникам, Кончек никогда не забывал

¹⁶² Б. Кончек — Л. Баттяни, 16.III.1758, Вена // Ibid. N 82731.

¹⁶³ Ibidem.

подчеркнуть свое усердие и служебное рвение: если верить его словам, то старшие коллеги нередко перекадывали на него львиную долю собственной работы¹⁶⁴.

Поступив на службу в Венгерскую придворную канцелярию, Кончек (вероятно, потому, что продолжал исполнять обязанности личного секретаря) поселился в венском доме графа Баттяни. По сложившейся практике чиновникам столичных ведомств полагались служебные квартиры, которые распределялись в соответствии с должностями и выслугой лет¹⁶⁵. В случае кончины одного из таких квартирантов в ход вступала сложная цепочка переселений: на освободившуюся площадь переезжал тот, кто стоял следующим по рангу и претендовал на улучшение жилищных условий. В его квартиру въезжал тот, кто стоял за ним, и т.д. Первую служебную квартиру на улице Фляйшмаркт Кончек получил не позднее 1746 г.¹⁶⁶ По всей вероятности, переселение совпало с женитьбой чиновника. В 1750 г. он переехал на улицу Тухлаубен, пролежавшую близ самого Хофбурга¹⁶⁷. Личная переписка дополняет скудные строчки придворных календарей. После кончины советника Аделфи императрица наложила резолюцию (Кончек цитирует ее в письме к Баттяни): «Пусть квартира г-на Аделфи отойдет к г-ну Зумерау, а жильё Зумерау передадут господину советнику Надю, его же квартира пусть достанется секретарю Кончеку»¹⁶⁸. Между тем И. Надь отказался переезжать, потому что счел свою квартиру лучшей, чем ту, которую ему предложили в ходе многоступенчатого обмена. Так жилая площадь Зумерау перешла к Кончеку, который восторженно писал канцлеру Баттяни: «Та, что досталась мне, по-моему, лучше, чем у кого бы то ни было, и очень для меня удобна, потому что расположена ближе к

¹⁶⁴ См.: Ibidem.

¹⁶⁵ Подробнее см.: *Kubiska-Scharl I., Pölzl M. Die Karrieren des Wiener Hofpersonals 1711–1765. Eine Darstellung anhand der Hofkalender und Hofparteiprotokolle. Innsbruck; Wien; Bozen, 2013 (Forschungen und Beiträge zur Wiener Stadtgeschichte. Bd. 58).*

¹⁶⁶ См.: *Kayserlich- und Königlicher, wie auch Ertz-Hertzoglicher, dann dero Haupt- und Residentz-Stadt Wien Staats- und Standes-Kalender. Wien, 1746. S. 154.*

¹⁶⁷ См.: *Kayserlich- und Königlicher <...> Staats- und Standes-Kalender. Wien, 1750. S. 154.*

¹⁶⁸ Б. Кончек — Л. Баттяни, 14.I.1750, Вена // MNL OL. P 1314. N 82707.

канцелярии и в хорошем месте, недалеко от Шёнбрунна»¹⁶⁹. Возможно, речь идет о небольшом домике, поскольку в письме упоминается погреб, чердак, стойла для двух лошадей и место для повозки. Из завещания, составленного в 1763 г., следует, что квартира Кончека была обставлена дорогой мебелью, украшена канделябрами и вазами¹⁷⁰.

В прошении 1756 г. чиновник писал, что его семья состоит из десяти человек. Можно предположить, кого он имел в виду. Это, по-видимому, были сам Кончек, четыре его сестры, вторая жена, теща, сын от первого брака и две приемные дочери. Предположительно впервые Кончек женился на рубеже 30–40-х гг. XVIII в. Во всяком случае, в 1741 г. у него родился сын Лайош¹⁷¹. Имя мальчик получил в честь своего крестного отца графа Баттяни. Сведений о его матери — первой жене Кончека — найти не удалось. Есть основания полагать, она была не из бедной семьи, потому что годы спустя в завещании чиновник отдаст распоряжение: «Завещаю моей дорогой супруге украшения, которые остались от первой жены»¹⁷². О второй жене известно чуть больше. Для нее, как и для Кончека, это был второй брак, в первом она была замужем за придворным бухгалтером Игнацем Фонигом фон Хоххаусом. Если верить самому Кончеку, она происходила из бедной семьи («дочь познавшей нужду матери»), осталась вдовой с двумя дочерьми, которых Кончек воспитывал вместе со своим единственным сыном¹⁷³.

Вращавшийся в венских придворных кругах секретарь не жалел ни усилий, ни средств, чтобы дать мальчику прекрасное образование, подготовить к продолжению чиновничьей династии, ибо и сам, подобно своим родителям, «не мог оставить ему никакого наследства, кроме какого-никакого воспитания»¹⁷⁴. У мальчика были учителя по латинскому

¹⁶⁹ Б. Кончек — Л. Баттяни, 21.I.1750, Вена // MNL OL. P 1314. N 82711.

¹⁷⁰ См.: *ÖStA. HHStA. OMAA. Testamente. Kt. 638. 1763/11. Koncsek Bernhard. 9. Jul. 1763.*

¹⁷¹ В прошении, датированном 1756 годом, говорилось, что сыну исполнилось 15 лет. См.: MNL OL. A 1. 27/1756.

¹⁷² Копии завещания Б. Кончека см.: *ÖStA. HHStA. OMAA. Testamente. Kt. 638. 1763/11. MNL OL. A 57. 46. köt. 370. old.*

¹⁷³ См.: MNL OL. A 1. 27/1756.

¹⁷⁴ Ibidem.

и другим иностранным языкам. Чиновник внимательно следил за открывавшимися образовательными возможностями. Особенно его манил Терезианский коллегиум, тем более что курирование его было вверено родному ведомству Кончека¹⁷⁵. О том, кто в 1751 г. получил вновь учрежденные стипендии, он знал доподлинно. Однако отцовское ходатайство о зачислении сына оставило императрицу безучастной¹⁷⁶. В отчаянном письме к патрону Кончек просил: «На вчерашнем совещании было решено <...> кого предложить Ее Величеству на места из средств фонда <...> посему с неизменным глубочайшим почтением и отцовской заботой молю ваше сиятельство, соблаговолите вспомнить о смиренном прошении за моего сына»¹⁷⁷. Переписка отца с другим влиятельным вельможей — бароном Ференцем Балашша¹⁷⁸ — свидетельствует, что при его содействии Лайоша удалось пристроить в другую, тоже весьма престижную школу — Савойскую рыцарскую академию. Там юноша изучал право под руководством профессора Венского университета Пауля Йозефа Ригера. Об особом расположении руководства к нему говорит оказанная ему честь держать речь на публичном экзамене. В ней он восславил императрицу и заверил ее в давней верности своего семейства династии и своей готовности служить Австрийскому дому¹⁷⁹. Судя по тому, что имя сына не упомянуто в завещании, он умер до 1763 г., не успев оправдать надежды, возлагавшиеся на него заботливым отцом¹⁸⁰.

¹⁷⁵ См.: Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784 гг. СПб., 2006. С. 89–102.

¹⁷⁶ См.: MNL OL. A 34. 207/1755.

¹⁷⁷ Б. Кончек — Л. Баттяни, sine d. et l // MNL OL. P 1314. N 82689. Контекст позволяет условно датировать 1751 годом.

¹⁷⁸ См.: Б. Кончек — Ф. Балашша, 7.V.1761, Вена // MNL OL. P 1765. 60. cs. 22. t. Nr. 5033.

¹⁷⁹ Речь напечатана в качестве приложения к сочинению: *Cironus I. Paratitla in tres priores libros decretales Gregorii IX. nunc primum in Germania edita, cum praefatione de Corporis Iuris Canonici receptione. Vindobonae, 1761.*

¹⁸⁰ Душеприказчик Кончека — советник Пал Марковицки — в одном из писем называет наследником, умершим до 1763 г., Михая [?] Кончека. Возможно, это был другой, также безвременно умерший, сын Берната или его брат. См.: MNL OL. A 34. N 82 ex Jun. 1764.

Материальное положение Кончека не отличалось от благосостояния других чиновников центральных ведомств. Их зарплата не хватало для покрытия больших расходов и удовлетворения запросов, сопровождавших жизнь в столице, вблизи пышного двора. Приходилось изобретать пути обогащения, уметь быть полезным своим влиятельным патронам. Будучи экспедитором, Кончек получал 1500 фл. в год. Однако судя по «Королевским книгам», уже 10 июня 1738 г. императрица пожаловала своему скромному служащему городскую усадьбу в Сакольце, имение Колон и поместье Ковачи в комитате Нитра и имение Бабот в комитате Дёр¹⁸¹. Так Кочек стал владельцем трех с половиной сотен гектаров¹⁸². Близость к аристократам тоже приносила свои дивиденды. В 1747 г. Кончека, только что повышенного в должности до секретаря, императрица официально назначила полномочным представителем графини Марии Розалии Гонзага (урожденной Баттяни) по всем ее финансовым и имущественным делам и тяжбам¹⁸³. Получив должность секретаря, Кончек зарабатывал уже 1800 фл. в год. Из них, как следует из прошения, поданного в 1756 г. императрице, 500 фл. уходило на лошадей и экипаж. Остальные деньги шли на ведение хозяйства и содержание челяди (повара, поварихи, слуги, служанки и кучера). Долгожданное назначение советником принесло годовой доход в 3000 фл.

Хотя в письмах нет на это прямых указаний, но можно не сомневаться, что, подобно другим венским чиновникам, Кончек «капитализировал» свои влиятельные знакомства и брал на себя посреднические услуги в различных предприятиях. О том, что у него были сбережения, говорится в одном из писем к графу Баттяни: «Если представится такая возможность, соблаговолите по врожденному своему великодушию не забыть обо мне в своей милости и поспособствовать, чтобы под крылами славного и достойного дома Баттяни, по крайней мере, для сына моего, Вашего крестника Лайоша, нашлось местечко и, наконец, возможность

¹⁸¹ См.: Ibid. A 57. 38. köt. 65. old.

¹⁸² Расчеты сделаны на основании данных, приведенных в: *Fónagy Z. A nemesi birtokviszonyok az úrbérberendezés korában. Adattár. 1–2. köt. Budapest, 2013.* Приношу благодарность Дёрдю Куруцу за рекомендации по методике вычислений.

¹⁸³ См.: MNL OL. A 57. 40. köt. 808. old.

разжиться именьишком за 10, 12 или 15 тыс. фл. Тем самым ряды верных слуг Вашей светлости приумножатся, я же с сыном моим, пока жив, сохраню высочайшую верность и преданность»¹⁸⁴. В завещании упомянуты не только денежные суммы, которые следовало поделить между родственниками, но в особом приложении перечислены должники Кончека. Эти, впрочем, скромные суммы чиновник завещал потратить на благотворительные цели¹⁸⁵.

Вот лишь один пример, говорящий о предприимчивости и изворотливости чиновника. Доверие, которое канцлер Баттяни оказывал своему секретарю, было источником милостей, символическим капиталом, который Кончек умело приумножал, «инвестировал» в новые связи и обращал в материальные блага. Одновременно это доверие было источником больших и малых соблазнов, перед которыми порой трудно было устоять. В один прекрасный день граф Баттяни узнал, что его секретарь запечатывал личные письма его, канцлера, печатью.

Подобные злоупотребления в чиновничьей среде не были редкостью. В конце 1740-х гг. власти стали замечать, что объем деловой корреспонденции в центральных и окружных ведомствах непомерно возрос, что замедляло ее обработку и доставку. Причина была проста: чиновники не стеснялись скреплять служебной печатью личные письма и даже оказывать такие услуги (можно лишь догадываться — безвозмездно или за плату) посторонним людям. Рескриптом от 11 апреля 1749 г. впредь было строжайше запрещено самовольно ставить ведомственную печать на приватные письма. Те, кто будет пойман с поличным, на первый раз могли отделаться штрафом в 1 дукат (его вычитали из жалованья), злостным нарушителям дисциплины грозило увольнение¹⁸⁶.

Обратной стороной строгого запрета был масштаб злоупотреблений, с которыми пытались бороться запретительно-карательными методами. Не только королевские служащие, но и домашние секретари первых лиц государства

¹⁸⁴ Б. Кончек — Л. Баттяни, 10.I.1750, Вена // MNL OL. P 1314. N 82708.

¹⁸⁵ ÖStA. HHStA. OMaA. Testamente. Kt. 638. 1763/11

¹⁸⁶ Sammlung aller k. k. Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1740 bis 1780. Bd. 1. 1740–1752. S. 108.

поддавались искушению решать свои личные дела за счет начальника, будь то вельможа или государство. Не стал исключением и Кончек.

В конце концов, уловка секретаря была раскрыта. В покаянном письме он, не жалея слов, оправдывался в том, что без злого умысла скрепил личное письмо графской печатью, которую должен был использовать только при отправке корреспонденции самого графа Баттяни. На письме нет даты, и только по косвенным свидетельствам в тексте письма можно предположить, что оно написано около 1736 г. Проштрафившийся применил все красноречие, которому его обучили: «Мое сердце чуть не разорвалось от скорби и горечи, что у Вашей светлости, моего господина, который всегда был милостив ко мне, недостойному, я вызвал (о горе! если бы я только знал) столь страшный гнев, оскорбил доброту Вашей светлости и, не желая того, рассердил»¹⁸⁷. Далее на нескольких страницах он клятвенно заверял в отсутствии злого умысла, гневно клеймил злопыхателя, который посмел донести на него графу, расписывал свои заслуги и достоинства, взывал к благосклонности. Ошибки молодости были извинены, но не забыты: письмо навсегда осталось лежать в графском архиве.

Личность Кончека привлекает к себе внимание не только потому, что после него остался разнообразный и интересный архивный материал, но и потому, что в его карьере со всей очевидностью проявились три слагаемых успешной карьеры: образование, честолюбие и включенность в институты сословного общества. Образованность и эрудиция, с одной стороны, сделали Кончека незаменимым для его начальников и патронов, а с другой — легли в основу эпистолярного красноречия, что позволяло оказывать необходимое эмоциональное воздействие на адресата. Честолюбие побуждало к тому, чтобы после каждого нового успеха ставить себе еще более высокие цели и находить средства для их достижения. На этом пути он не боялся рисковать и был готов перейти границы дозволенного (как в случае с графской печатью). Интеграция в систему отношений патроната и клиентелы обеспечила продвижение по карьерной лестнице, открыла пути к обогащению, гарантировала благосостояние для чиновника и его семьи.

¹⁸⁷ Б. Кончек — Л. Баттяни, sine d. et. l. [1736?] // MNL OL. P 1314. N 82734.

Завещание Кончек составил 9 июля 1763 г., скорее всего на смертном одре. Свое состояние он оценил в 38 тыс. фл. и назначил единственным наследником фидеикомисса (майората) размером 20 тыс. фл. племянника — Антала Кончека. К нему же переходила богатая библиотека дяди. (Историкам было бы интересно взглянуть на ее каталог.) Трех сестрам (четвертая к тому времени отошла в мир иной) он завещал свою долю в отцовском наследстве и фруктовый сад в родном Привидье. Вдове он вернул ее 6 тыс. фл. приданого, проценты с 5 тыс. фл. капитала и всю мебель и ценные вещи из венской квартиры. После смерти женщины 5 тыс. фл. переходили к законному наследнику. Не забыл чиновник и про челядь: каждый получил скромную сумму от 8 до 20 фл. Через две недели после составления завещания, 26 июля 1763 г., Бернат Кончек почил в бозе.

Истина в последней инстанции

Zwar haben Euer Majestät dem Königlichen Hungarischen Consilio Locumtenentiali die Activitaet gnädigst verliehen, die Chargen der subalternen nach Willkühr zu vergeben, doch weil diese Chargen neu resolvirt würden, so wäre mein unwürdigste Meynung, daß selbe zu benennen bloß von Euer Majestät allergnädigst dependirete¹⁸⁸.

В 1756 г. тот самый Бернат Кончек начал свое странное, местами витиеватое прошение к императрице такими словами: «Побуждаемые своими всемирно известными милостью и справедливостью, Ваше Императорское Величество в духе изречения древнеримского

¹⁸⁸ Ваше Королевское Величество милостиво дозволили Венгерскому королевскому наместническому совету самому определять размеры жалованья младшего персонала, но, поскольку сейчас эти суммы пересматриваются, я небезосновательно надеюсь, что их назначение будет зависеть от Вашего Королевского Величества (нем.). — Прощение Яноша Бодо // MNL OL. A 39. 1262/1770.

императора Тита Веспасиана те дни считают потерянными, когда нет возможности оказать благосклонность и радение заслуженным и высоконравственным подданным». Автор, выказавший тем самым знакомство с сочинением Светония «Жизнь двенадцати цезарей», имел в виду знаменитое изречение императора Тита (79–81 гг.): «*Amici, diem perdidit*»¹⁸⁹. Здесь чиновник не погрешил против правды: ежедневное рутинное занятие государственными делами отличало правителей Австрийского дома со времен Максимилиана I (1486–1519 гг.) и в полной мере характеризовало стиль управления Марии Терезии, ее сыновей Иосифа и Леопольда и внука Франца II (I).

Судьба любой любого прошения окончательно решалась в момент наложения императорско-королевской резолюции, и в этом смысле воля государя была важным слагаемым успешной карьеры. По частному случаю назначения вдовьей пенсии Мария Терезия сделала в 1763 г. важное замечание: «Впредь при составлении вотума с изложением всех обстоятельств и наблюдений по делу всякий раз предлагать мне вариант решения, ибо придворным ведомствам вменяется в обязанность по установленному порядку советовать мне, чтобы я в силу неограниченной власти приняла решение по своему усмотрению [курсив мой. — О.Х.]»¹⁹⁰. В этой фразе — квинтэссенция практики, которая будет отработана до мельчайших деталей в правление императрицы и с необходимыми изменениями сохранится в годы последующих царствований. В отличие от своего отца Карла VI, недолюбливавшего канцелярскую рутину, Мария Терезия, с одной стороны, выстроила систему придворных и ведомственных комиссий, на мнение и совет которых могла положиться, а с другой — дотошно вникала в обстоятельства дела, вырабатывая свою личную, логичную и мотивированную, позицию¹⁹¹.

¹⁸⁹ «А когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес слова памятные и достоверные: “Друзья, я потерял день”». Цит. по: Светоний Гай Транквил. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. М., 1983. Текст доступен по адресу: <http://www.psylib.org.ua/books/svetoni/txt11.htm>

¹⁹⁰ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1931. Subd. 1. N 9 ex Oct. 1763. Fol. 350.

¹⁹¹ См.: Karstens S. Lehrer — Schriftsteller — Staatsreformer. Die Karriere des Joseph von Sonnenfels (1733–1817). Wien; Köln; Weimar, 2011. S. 468.

В этом ей помогала способность трезво оценить человеческие и профессиональные качества окружающих¹⁹².

Доказательством того, что Мария Терезия лично вникала в суть каждого документа, могут служить ее весьма многочисленные автографы. Часто проект решения был заранее вписан на полях переписчиком, но под текстом резолюции стояла собственноручная подпись императрицы. Однако нередки случаи, когда она сама бралась за перо, чтобы переадресовать прошение кому-то из канцлеров или президентов либо дать развернутое, даже аргументированное решение. Иосиф II явно тонул в море петиций, которые сам же собирал. Дела, доходившие до рассмотрения по инстанциям, как правило, содержат не только заранее заготовленные резолюции, но и само имя императора проставлено в качестве письменной копии устного решения. В редких случаях заранее заготовленная резолюция сопровождалась его автографом.

М. Обентраут в наставлении будущим чиновникам разъяснял, зачем им необходимо такое качество, как мудрость. Общее благо, о котором пекутся правительства и которому служит бюрократия, часто требует жертв от частных лиц и отдельных групп населения, и только мудрость может подсказать чиновнику, как погасить недовольство «несговорчивых граждан» и пробудить в них готовность принять неугодные им, но столь необходимые государству меры¹⁹³. Можно сказать, что императив примирения интересов государства и личности уже лежал в основе практики управления просвещенного абсолютизма. Австрийская монархия, как справедливо заметил идеализировавший ее А. Вандрушка, была «государством человечности и права», где «интересы индивида не попирались под предлогом умозрительно более высоких государственных интересов»¹⁹⁴. Иными словами, подданных не столько убеждали в неизбежности принесения жертвы, сколько искали пути заинтересовать в добровольном служении обществу.

Заведенный при Марии Терезии порядок прохождения прошений по инстанциям был таков. Ответственные за ту

¹⁹² См.: Wandruszka A. Maria Theresia und der österreichische Staatsgedanke // MIÖG. Wien, 1968. Bd. 76. S. 179.

¹⁹³ См.: Obentraut M., Ritter von. Grundsätzlicher Leitfad. S. 133–134.

¹⁹⁴ Wandruszka A. Maria Theresia. S. 181.

или иную сферу секретари-референты вникали в суть дела, рассматривали аргументы за и против просьбы ходатая и писали вотум. Поскольку подавляющее большинство прошений в той или иной мере касалось финансовых вопросов (поступление на службу, повышение в должности, пенсии, пособия и иные выплаты), львиная доля работы ложилась на плечи персонала Казенной палаты. В подготовленных для государя вотумах могло говориться: обстоятельства дела однозначно указывают на необходимость удовлетворения просьбы. Однако могло и аргументированно высказываться прямо противоположное мнение. Наконец, были случаи, когда дело не имело однозначного решения, — тогда все зависело от «усмотрения» государя. Вспоминаются слова, сказанные в романе «Марш Радецкого» Францем Иосифом (1848–1916 гг.) майору фон Тротта, пришедшему жаловаться на ошибку в описании его подвига, допущенную в школьных учебниках: «Моим министрам следует знать, что они делают. Я должен на них полагаться»¹⁹⁵.

Система, предполагавшая, во-первых, адекватное вознаграждение за заслуги и, во-вторых, филантропическое сострадание к тем, кто волей обстоятельств оказался в затруднительном положении, оставляла ведомствам и государю пространство для маневра, возможность принять во внимание особые обстоятельства и дать искомое даже при отсутствии достаточных оснований. В то же время в проектах решений и монарших резолюциях просматривается стремление к адекватной оценке деловых качеств, способностей и знаний, желание выработать такие универсальные алгоритмы, в которых было бы заложено максимально возможное многообразие частных случаев.

Вот пример рассмотрения ходатайства Вильгельма Пихлера — личного секретаря австрийского графа Альтана, — возжелавшего получить пост банковского контролера или место на Монетном дворе. Референт счел необходимым изложить императрице ход своих рассуждений, в которых применил многие более общие принципы кадровой политики: «Проситель вообще-то никогда не состоял на государственной службе, и его личность и склонности здесь совершенно неизвестны. При назначениях на более высокие посты в

¹⁹⁵ Пом Й. Марш Радецкого. Текст доступен по адресу: http://www.lib.ru/INPROZ/ROT_J/marsh_radeckogo.txt

банковском деле предпочтение отдается тем, кто многие годы накапливал заслуги и достаточные знания, а на менее значимые должности, в соответствии с высочайшим распоряжением, отбираются лица, состоявшие на воинской службе. Поскольку проситель хотел бы служить при Монетном дворе, лишь от воли Вашего Величества зависит, отдавать ли департаменту монетного и горного дела указание проэкзаменовать сего Пихлера и пристроить на должность — в зависимости от обнаруженных склонностей». Императрица продиктовала: «Ничего не предпринимать»¹⁹⁶.

При всей правоте Д. Билза, что во владениях Австрийского дома прошения к монарху касались исключительно материального положения, социального статуса индивида и практически никогда не затрагивали вопросов совершенствования методов хозяйствования или улучшения системы общественных отношений, примечательные исключения все-таки встречались. Рассмотрение в Венгерской королевской канцелярии трех «рационализаторских» предложений дворянина Габора Сабо из комитата Гёмёр говорит и о раздумьях подданных над общим благом, и, можно сказать, о бережном отношении венского двора к подобным (по сути бесполезным) инициативам снизу. Сей дворянин предложил, *во-первых*, поставить все корчмы в Венгрии под фискальный контроль Казенной палаты; *во-вторых*, провести в королевстве перепись всех слуг и прочей челяди, с тем чтобы ввести для них единообразное жалованье; *в-третьих*, начать экспортировать венгерские вина, прежде всего из Токая, в Наследственные провинции по Тисе и Дунаю. Он не только изложил свои идеи на бумаге, но и на последние деньги лично приехал в Вену, чтобы донести до властей суть проектов.

Канцелярия последовательно объяснила, почему эти предложения не имеют практической ценности. Первое и второе противоречили законам королевства, где дворянин обладал полной хозяйственно-экономической свободой в своих владениях, и попытки Казенной палаты вторгнуться в эту сферу были бы расценены как «антиконституционная» мера. Что касается третьего проекта, то венгерский канцлер справедливо отметил, что никто еще не просчитал

¹⁹⁶ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2142. N 106 ex Apr. 1771. Fol. 374v-375.

возможные финансовые издержки от такой торговли, особенно если учесть, что на некоторых участках русел обечи рек судоходство было затруднено. Что касается просьбы «рационализатора» выписать ему скромную сумму, чтобы вернуться домой, императрица повелела выплатить ему «из сострадания 50 или 100 фл.»¹⁹⁷.

Многие из применявшихся в годы правления Марии Терезии механизмы принятия решений уходили в ведомственные практики предшествующих столетий. Например, это относится к необходимости предлагать государю на выбор три наиболее подходящие кандидатуры на высвобождающуюся должность. В условиях конкурса было проще остановить выбор на самом годном соискателе. Как верно отмечалось в одном из вотумов: «Следовало бы объявить должность вакантной или, по крайней мере, предварительно заявить о необходимости замещения должности, так что с появлением многих соискателей сама собой представится возможность предложить Вашему Величеству самого достойного кандидата»¹⁹⁸.

Регулярное личное общение монарха с просителями в специально отведенные для этого дни было неотъемлемой практикой правления со времен Средневековья. И подданные этой возможностью охотно пользовались. В отличие от письменного прошения здесь можно было придать весомости своим словам голосом и интонацией, выражением лица, жестиком, жестами. Мария Терезия выслушивала подданных в рамках регламентированных церемониалом аудиенций. Вот как описывает приезд императрицы в Пресбург майор Федьвереш в письме к графу Каройи: «Государыня наша в прошлый понедельник, сиречь 24-го текущего месяца, по прибытии сюда на другой же день проследовала далее в Вену. Во время пребывания здесь ничего достойного упоминания не произошло. Она выслушала просителей с присущей ей благосклонностью и щедро наградила оркестр турецких музыкантов»¹⁹⁹. Иосиф II настолько не доверял своим чиновникам, так страстно

¹⁹⁷ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1949. Subd. 1. N 138 ex Oct. 1775. Fol. 315r, 319r, 323.

¹⁹⁸ Ibid. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2142. N 142 ex Mar. 1770. Fol. 94v-95r.

¹⁹⁹ Федьвереш — А. Каройи, 28.IV.1775, Пресбург // MNL OL. P 398. N 17508.

желал доподлинно знать, чем живут и в чем нуждаются жители обширной империи, что выслушивал желающих поведать ему о себе не только во время путешествий, но даже на ходу, совершая пешие прогулки по Хофбургу. Это стремление к «популярности» (т.е. желание нравиться простому народу) не разделяли ни его младший брат (будущий Леопольд II), ни аристократическое окружение. После смерти Иосифа II придворные ведомства вернутся к прежней практике рассмотрения прошений.

Просителям казалось, что при непосредственном общении с монархом появлялись возможности эмоционально повлиять, склонить его на свою сторону. Обедневший дворянин, отец шестерых сыновей Дёрдь Радвански хотел обеспечить им скромный, но стабильный доход. За годы адвокатской практики он вернул казне немало незаконно перешедшей к частным лицам собственности и теперь надеялся, что часть капитала с суммы, на которую пополнилась казна, могла бы быть передана в качестве содержания потомкам. После встречи с государыней Радвански писал: «Ваше императорско-королевское величество во время недавней, данной в Пресбурге аудиенции милостиво заверили меня, что я могу рассчитывать на высочайшую милость, отчего проникся я таким благоговением, что некоторое время боролся с самим собой, как мне воспользоваться августейшим согласием, чтобы — не отягощая казну — и соблюсти интересы фиска, и быть удовлетворенным в просьбе»²⁰⁰.

Такие ожидания оправдывались, если речь шла об актах филантропии. Выпускник венской Инженерной школы (в будущем — академии) венгерский дворянин Янош Бодо всего после нескольких лет службы в армии получил тяжелое ранение, ставшее причиной выхода в отставку. Он сохранил воспоминания не только о личной встрече с августейшей четой, Марией Терезией и Францем Лотарингским, но и о произнесенных в его адрес трогательных словах. Спустя годы он напоминал государыне о том случае: «Сразу по моем возвращении с поля брани, осмотрев мои раны, вы пообещали стать для меня милостивой матерью и позаботиться о том, чтобы у меня был кусок хлеба [выделено в источнике. — О.Х.], чем вселили в меня тогда большую

²⁰⁰ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1892. 30. Jul. 1752. Fol. 494r.

надежду, что не оставите меня в материнском сострадании»²⁰¹. Знаний, полученных им в Вене, было достаточно, чтобы претендовать на скромную должность акцессиста в Венгерском королевском наместническом совете.

Однако там, где затрагивались вопросы соблюдения декларируемых самой же властью принципов кадровой политики, высказанное устно сочувствие Марии Терезии не обретало потом форму обязательных для исполнения резолюций. Венгерские лейб-гвардейцы, как никто из «простых смертных», имели возможность обращать на себя внимание императрицы. Один из них, Антал Пакши, обдумывая, чему посвятить себя по выходе в отставку, лично попросил государыню придать его в качестве помощника к какому-нибудь пожилому контролеру в одну из соляных контор. Ободренный личной встречей, офицер писал: «Ваше Величество во время милостиво данной мне 15-го числа сего месяца аудиенции <...> высказались в том духе, что я должен подать о том верноподданническое прошение Венгерской казенной палате». Руководство ведомства, однако, напомнило императрице, что подобная практика была сочтена вредной и прекращена. Лейб-гвардейцу отказали²⁰².

Мария Терезия и ее потомки при рассмотрении кадровых вопросов нередко высказывались по поводу менее удачливых, но толковых кандидатов в том духе, что их непременно нужно иметь в виду «при первой возможности». Иногда это была форма вежливого отказа, но чаще — наоборот: ведомства сами напоминали государю о поданной надежде. Нередко просители узнавали о таких резолюциях и затем ссылались на них как на довод в свою пользу. В 1784 г. при освобождении места конциписта в Венгерской королевской канцелярии адъюнкт Йозеф Доша начал прошение словами: «На мою нижайшую петицию Вашему Величеству от 24 октября 1783 г. о милостивом повышении меня в должности, ибо вот уже почти 10 лет, с 1775 г., я служу без малейших нареканий, вы дословно наложили резолюцию “Графу Эстерхази, он должен при первой же вакансии получить преимущество”»²⁰³. Это пожелание в ноябре того же года

²⁰¹ MNL OL. A 39. 1262/1770.

²⁰² См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 18. Kt. 1383. N 3 ex Sept. 1773. Fol. 139r.

²⁰³ MNL OL. A 39. 13054/1784; A 79. Dosa Josephus.

было в точности исполнено. Практикант Йозеф Нандори в 1790 г. пришел в Венгерскую казенную палату практикантом. Четыре года спустя ведомство извещало императора Франца II, сколь позитивное влияние оказало на молодого человека пожелание монарха принять просителя при первой возможности в штат: «Он удвоил свое прилежание, чтобы в ущерб своему благосостоянию стать еще достойнее высочайшей милости». На этот раз заветное назначение не заставило себя ждать, и Нандори получил чин конциписта с окладом 400 фл. Не прошло и десять лет, как его повысили до секретаря, и жалованье уже составило 900 фл.²⁰⁴

Мария Терезия в момент наложения резолюций, как правило, демонстрировала хорошую осведомленность. Некоторые архивные дела в том виде, в каком они дошли до наших дней, порой не позволяют установить, из каких (устных) источников государыня черпала необходимую ей для вынесения решения информацию. Президент Венгерской казенной палаты Антал Грашшалкович, уже известный читателю как патрон, умело продвигавший своих клиентов, упорно добивался зачисления в штат ведомства своего личного секретаря Игнаца Невери (возможно, родственника упомянутых выше братьев Невери). В 1761 г. молодой человек надумал жениться и переселиться в комитат Бач, и в этой связи Грашшалкович, не скупясь на похвалы, просил дать тому номинальный (не связанный с денежными выплатами) титул секретаря Казенной палаты с условием, что тот будет выполнять разовые поручения — его самого и тамошнего администратора Й. Редля. Императрица, уставшая, по-видимому, от регулярных просьб подобного рода, продиктовала свой вердикт: «Пусть Грашшалковичу послужит утешением то, что кандидатуру его секретаря примут во внимание в следующий раз, и, поелику этот человек переселяется в Бачский комитат и обладает познаниями [в области] культуры, даже питает к ней склонность, считаю нужным предложить Грашшалковичу использовать там Невери для распространения культуры»²⁰⁵. Имя «этого человека», к сожалению, не фигурирует в лексиконах и энциклопедиях, поэтому неизвестно, удалось ли ему поставить свою склонность к «культуре» на службу общему благу.

²⁰⁴ См.: Ibid. A 39. 3734/1794; A 79. Nandory Josephus.

²⁰⁵ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2037. 7. Jan. 1762. Fol. 93v.

Вообще, при вынесении решений императрица не сочетала здравый смысл с доброй иронией и умением вникать в мельчайшие детали рассматриваемого дела. Как точно заметил Хельмут Энгельбрехт, «она несомненно чувствовала, где пролегли границы возможного»²⁰⁶. Систематическое изучение ее резолюций необходимо еще и потому, что они корректируют картину, создающуюся у историка после изучения документов нормативного характера. Подходя индивидуально к каждому случаю, она делала множественные отступления от собственных распоряжений общего характера. Чаще всего эти частные, касавшиеся только конкретного просителя и вынесенные с учетом индивидуальных обстоятельств решения были не в ужесточение, но в послабление общих для всех норм. Например, вице-регистратор Венгерской казенной палаты Антал Коссович, регулярно писавший начальству пространные ходатайства о повышении жалованья и продвижении в чине, не вызывал сочувствия у руководства, считавшего, что «двадцать пять лет своей примерной службы он не более чем выполнял свои обязанности». Снисходя к настойчивым просьбам Коссовича и не обращая внимания на собственное распоряжение от 2 января 1770 г. — выплачивать разовые вознаграждения лишь в исключительных случаях, Мария Терезия начертала: «30 дукатов»²⁰⁷.

Если императрица не во всем соглашалась со своими советниками, то и советники не всегда «шли на поводу» у своей государыни. Обсуждения решений по некоторым случаям растягивались на месяцы и годы. В конфликте меритократического и филантропического подходов побеждал, в конце концов, необременительный для фиска прагматизм. Например, осенью 1767 г. отставной прапорщик Йозеф Мёрк подал императрице ходатайства, где поведал, что он, солдатский сын, семь лет обучался в Терезианской военной академии в Винер-нойштадте, затем пять лет служил в полку барона Клаудиуса Синсера, был назначен адъютантом при генерал-майоре бароне Штайне, но получил ранения, не

²⁰⁶ Engelbrecht H. Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. Wien, 1984. S. 70.

²⁰⁷ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1952. Konv. 2. N 17 ex Jun. 1776. Fol. 345, 348, 350r.

совместимые с карьерой военного. Юноша надеялся, что имеющегося у него багажа знаний должно хватить, чтобы быть принятым в финансовое или коммерческое ведомство, — к этим сферам он обнаруживал в себе наибольшую склонность. Мария Терезия, как это бывало в подобных случаях, начертала на прошении имя президента Венской придворной казенной палаты, которому и предстояло решить судьбу отставника.

Ведомство деликатно ответило императрице, что все вакансии заняты, создавать дополнительное рабочее место ради Мёрка нет смысла уже только потому, что тем самым (обычный аргумент в таких случаях) будут обойдены внештатные сотрудники, годами ожидающие высвобождения оплачиваемой ставки. Однако императрица была непреклонна: «К службе в армии он [более] не годен, так что подыскать ему работу по способностям и платить 200 фл. из моей камеральной кассы»²⁰⁸. Молодого человека подвергли экзамену и определили в практиканты к советнику Марбургу, однако этого ему показалось мало, и менее года спустя он вновь обратился к императрице с просьбой назначить его на штатную должность конциписта. Президент Казенной палаты Хацфельд и на этот раз проявил твердость, объяснив государыне, что выполнить ее просьбу не представляется возможным. Но и Мария Терезия не сдавалась: «Просителя, уже получающего пенсию в двести флоринов, принять в Казенную палату внештатным конципистом»²⁰⁹. Этого отставному прапорщику опять показалось мало, и он вновь стал просить о зачислении в штат. Несмотря на неизменное нежелание ведомства потакать капризам молодого человека, императрица наложила резолюцию: «150 фл. по казенному ведомству»²¹⁰.

Сердоболие императрицы, филантропический характер многих ее начинаний и распоряжений были прекрасно известны подданным. Не у одного просителя возникало искушение живописать свои несчастья и злоключения в надежде на деятельное, измерявшееся звонкой монетой сострадание. На пути этих записных просителей, будь то

²⁰⁸ Ibid. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 1. N 66 ex 1767.

²⁰⁹ Ibid. Nr. 204 ex Maj. 1768.

²¹⁰ Ibid. Nr. 88 ex Dec. 1768.

недовольные должностью, размером должностного оклада или нищенским существованием, вставляли референты придворных ведомств, через которых проходили такие челобитные. Когда акцессист банковской придворной кассы Иоганн Баптист Каузек подал ходатайство о денежном вспомоществовании, необходимом ему, чтобы при жалованье в 350 фл. содержать жену и четверых детей, референт первым делом запросил подробную информацию о его прилежании и достижениях по службе. Выяснилось, что «старание, с которым проситель выполняет данные ему задания, не того свойства, чтобы можно было вести речь об оказании ему особых знаков милости»²¹¹. Аналогичным образом была решена судьба привратника Банковской депутации Карла Йозефа Лаймингера. Вымаливая себе скромное вспомоществование, он ссылаясь на многолетнюю службу отца (судьи в Санкт-Пёльтене), свое владение языками и науками, которые он в прошлом преподавал в дворянской академии в Гумпендорфе, собственные сочинения, изданные за свой счет, наконец, нищету, в которую он впал, не будучи в силах выплатить сделанные от безысходности долги. Однако секретарь Придворной казенной палаты подсчитал, что проситель служит привратником уже пятый год, получает приличное жалованье в 400 фл. Лаймингеру уже не раз отказывали в его просьбах, так что и на этот раз не представлялось ничего лучшего, как отказать окончательно²¹².

Успешность чиновничьей карьеры можно оценить только в совокупности, окидывая мысленным взором весь жизненный путь. Итог порой был неутешительным. Тот самый Иоганн Ронде, который в 30-е годы XVIII в. отправился учиться в Париж, 30 лет спустя «познал такую горькую бедность, что уже стоял на пороге нищеты». Причиной тому, что этот опытный счетовод был вынужден выпрашивать себе если не скромную должность, то минимальную пенсию, стал его неуживчивый характер. Императрица без тени сожаления наложила резолюцию на его прошения: «В случае если он человек дельный, то из сострадания положить ему не более 800 фл., он ничего не сделал, чтобы заслужить к себе доброе отношение, ибо вел себя с начальником вызывающе». Однако

²¹¹ Ibid. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2143. N 241 ex Apr. 1773. Fol. 103v, 104r.

²¹² См.: Ibid. N 162 ex Febr. 1773. Fol. 65–66r.

камеральное начальство не спешило возвращать Ронде в штат: память о допущенных им «ошибках» была свежа, да и очередь из тех достойных чиновников, кто давно дожидался повышения по службе, была, как всегда, длинна. В результате 21 марта 1763 г. последовала новая резолюция Марии Терезии: «Этого Ронде не нанимать на постоянной основе, но, поскольку он, как говорят, хорошо разбирается в ведении счетов, привлекать его к выполнению работ и платить по 25 фл. за задание»²¹³.

Успешность не всегда измерялась вертикальной мобильностью, головокружительным взлетом на вершину карьерной лестницы. Порой не менее ценным было четкое исполнение служебных обязанностей, доброе имя, которое можно было «завещать» вдове и «оставить в наследство» собственным детям. Йозеф Элленбоген не поднялся выше должности советника бухгалтерии Венгерской казенной палаты. В то же время он — в силу своей образованности и компетентности — брался за самые разные поручения начальства, от руководства шерстопрядильной фабрикой до проведения гидротехнических работ. После его смерти президент ведомства написал: «Вплоть до самой смерти, воследовавшей 25 сентября 1772 г. <...> как во вверенном ему бухгалтерском учете, так и при исполнении иных обязанностей и поручений, он выказывал такую точность, что при ревизии счетов был обнаружен полнейший порядок без малейшего изъяна»²¹⁴. Вдове Эстер, оставшейся одной с четырьмя детьми на руках, безупречная служба мужа принесла повышение вдовьей пенсии с положенных 391 фл. 40 крайцеров до одобренных особым распоряжением 500 фл.²¹⁵

²¹³ Ibid. ÖK. Fasz. 5. Fasz. r. Nr. 78. Subd. 5. N 100 ex Apr. 1763.

²¹⁴ Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1952. Subd. 2. N 52 ex Febr. 1776. Fol. 71v.

²¹⁵ См.: Ibid. Fol. 66v.

Глава IV. Женщины и чиновничья среда

В исследовании о женах чиновников XIX в. Б. Мацоль назвала этих женщин «исторически отсутствующей величиной»¹. Немногочисленные дошедшие до наших дней дневники и личные письма по-прежнему остаются основными источниками о внутреннем мире, интеллектуальных горизонтах, духовных запросах женщин раннего Нового времени. Впрочем, от горожанок и крестьянок порой не осталось никаких упоминаний, кроме их жалоб и прошений к властям. В поле зрения ученых эти тексты попадают, как правило, с целью анализа степени социальной активности и ответственности женщин, как это сделала Ренате Бликле в исследовании о простой крестьянке, просившей у баварского курфюрста помиловать ее признанного дезертиром мужа².

Немецкий историк Хайде Вундер красноречиво озаглавила книгу о женщинах раннего Нового времени «Он — солнце, она — луна»³. Это справедливо не только для их социального профиля, но и для тех текстов, которые позволяют

¹ Mazohl-Wallnig B. Die Beamtenfrauen als historisch absente Größe im 19. Jahrhundert // Frauenbilder — Frauenrollen — Frauenforschung / Hrsg. von Ch. Gürtler. Wien; Salzburg, 1987. S. 78–91.

² См.: Blicke R. Die Supplikantin und der Landesherr: die ungleichen Bilder der Christina Vend und des Kurfürsten Maximilian I von rechten Sitz um Leben // Ungleiche Paare: zur Kulturgeschichte menschlicher Beziehungen / Hrsg. von E. Labouvie. München, 1997. S. 52–99. (Beck'sche Reihe. 1197). Тот же сюжет в изложении на английском языке см.: Blicke R. Peasant protest and the language of women's petitions: Christina Vend's supplications of 1629 // Gender in early modern German history / Ed. by U. Rublack. Cambridge, 2002. S. 177–199 (Past and Present Publications). См. также исследование К. Хэммерле о письмах и жалобах австрийских женщин на рубеже XIX–XX вв.: Hämmerle Ch. Bitten — Klagen — Fordern: erste Überlegungen zu Bittbriefen österreichischer Unterschichtfrauen (1865–1918) // Bios. Zeitschrift für Biografieforschung und Oral History. 2003. N 16. S. 87–110; в английском переводе: Hämmerle Ch. Requests, Complains, Demands. Preliminary Thoughts on the Petitioning Letters of Lower-Class Austrian Women, 1865–1918 // Gender and Politics in the Age of Letter-Writing, 1750–2000 / Ed. by C. Bland, M. Cross. Sheffield, 2004. P. 115–133.

³ Wunder H. «Er ist die Sonn, sie ist der Mond». Frauen in der Frühen Neuzeit. München, 1992.

восстановить коллективный портрет женщин эпохи: они светят отраженным светом, появляясь в основном в документах, составленных от имени мужчин или мужчинами по просьбе неграмотных или не искушенных в подаче обращений к властям женщин. Однако в повседневной жизни те брались за перо (обычно в переносном смысле слова) гораздо чаще. Они не только, овдовев, испрашивали себе пенсии и иные формы материальной помощи, но и принимали участие в судьбе собственных (часто взрослых) детей и даже супругов. Рассмотрим, в каких случаях жены и вдовы чиновников вступали в переписку с властями, о чем просили. Позволяют ли их прошения больше узнать об их жизни, социальной роли, образе мыслей? Поскольку подавляющее большинство просительниц были вдовами⁴, начнем с рассмотрения их статуса и материального положения в зеркале ходатайств.

ВДОВЫ И ВДОВСТВО

...Certum autem esset, quod officiales ad praestanda fidelia et utilia servitia nihil adeo excitet, quam si ex eorundem servitiorum consideratione, viduarum suarum post mortem etiam reflexionem haberi advertant⁵.

В 1910 г. в Вене была впервые поставлена комическая опера «Кавалер розы» («*Rosenkavalier*»), сочиненная представителем новой венской школы Рихардом Штраусом (1864–1949). Либретто написал один из талантливейших австрийских писателей рубежа веков — Гуго фон Гофмансталь (1874–1929). Это была ироничная реминисценция на оперы В.-А. Моцарта, поэтому действие

⁴ См.: *Kruse B.-J. Witwen: Kulturgeschichte eines Standen in Spätmittelälter und Früher Neuzeit. Kassel, 2007.*

⁵ ...Несомненно: ничто не побудит чиновников к несению верной и полезной службы так, как сознание, что оценка их заслуг после смерти повлияет на размеры пенсий вдовам и детям (*лат.*). — Меморандум Венской придворной казенной палаты // *ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1870. 9. Nov. 1750. Fol. 179v.*

разворачивалось не просто в галантном XVIII веке, но в правление Марии Терезии. В одной из сцен к главной героине — маршальше Марии Терезии графине фон Верденберг — является благородная вдова с тремя сиротками, чей муж и отец пал смертью храбрых на войне, и, по словам сих девиц, они хотят повторить его подвиг. «Три бедные дворянские сиротки молят о защите кротко», — восклицали они. И, преклонив колени, продолжали: «Отец наш, герой, смерть принял на бранном поле, подвиг его повторить — нет для нас лучше доли». Впрочем, не будучи ни выслушанными, ни услышанными, всем четверым приходится удалиться восвояси, не переставая подобострастно кланяться и славить щедрость маршальши⁶.

Авторы оперы вряд ли представляли себе, сколько прототипов было в XVIII в. у бедных дворянских сироток. Вот реальная история из жизни графини Йозефы Франгепан — «лишившейся отца сироты, которой уже многие годы не на что жить». Ссылаясь на свою крайнюю нужду, она в 1774 г. обратилась к Венской придворной казенной палате с просьбой о разовом денежном вспомоществовании в 100 фл. Четырьмя годами ранее, когда государыня пребывала в Граце, графиня уже подавала аналогичное прошение, в котором признавалась, что материнской пенсии в 200 фл. им не хватает. Тогда Йозефе было выплачено 100 золотых. На этот раз женщина ссылалась на заслуги своего покойного деда — графа Йоганна Фердинанда Морель-Зоненберга, камерального советника и директора банка Внутренней Австрии. Власти припомнили, что мать ее получает вдовью пенсию, а законодательство не предусматривало одновременную выплату двух пенсий — вдове и сиротам, однако, снисходя к бедственному положению аристократки, снова выделили ей 100 фл.⁷

Гротеск и абсурд, смешавшиеся в фантазии драматурга и композитора, несомненно, парадировали образ богобоязненной, кроткой и милостивой к подданным государыни, как он сохранился в коллективной памяти и тиражировался в массовой культуре и народном просвещении. Впрочем, образ этот возник не на пустом месте. В эпоху правления Марии Терезии — верной супруги, матери 16 детей, а с 1765 г. и до

⁶ См.: *Hofmannstahl H., von. Rosenkavalier. Berlin, 1911. S. 30.*

⁷ См.: *Ibid. ÖK. Fasz. 10. Fasz. r. Nr. 663. «F. V. U». N 366 ex Apr. 1774. Fol. 157v, 163r-v.*

самой кончины безутешной вдовы, не снимавшей траура, — забота об инвалидах, престарелых, вдовах и сиротах, как уже говорилось выше, стала приобретать черты государственной политики. Сам образ монарха в глазах подданных претерпевал изменения. Функции социальной защиты, будучи делегированными восседавшей на престоле женщине, принимали характер заботы матери о своих чадах-подданных⁸. Встречавшаяся и ранее фигура речи «*landesväterliche Liebe*» («отеческо-монаршая любовь») применительно к женщине — «*landesmütterliche Liebe*» («материнско-монаршая любовь») — засияла новыми гранями и стала излюбленным клише: сначала в прошениях подданных и официальных документах ее правления, а после ее кончины — в траурных речах⁹.

Даже в сугубо формальном обращении, с которого начинались ходатайства, где в строгой последовательности перечислялись титулы монарха, просители допускали многозначительные отступления: «*по природе своей* [курсив мой. — О.Х.] всемилостивейшая», «всемилоостивейшая императрица, королева, эрцгосударыня, мать и госпожа!»¹⁰. Кончина Франца Лотарингского символически породнила императрицу со всеми вдовами (и вдовцами) обширной монархии. В обращении, наряду с официальными титулами императрицы, королевы, эрцгерцогини, некоторые стали писать: «*вдова*», «*вдовствующая императрица*» [курсив мой. — О.Х.]¹¹.

Вот лишь некоторые примеры красноречия просителей. Кристина Хубер, оставшаяся вдовой с младенцем на руках, просила: «Скатившись в такую злосчастную жизнь и

⁸ См.: Mauser W. Maria Theresia. Mütterlichkeit: Mythos und politisches Mandat. (Hofmannsthal, Sonnenfels, Wurz) // Mutter und Mütterlichkeit: Wandel und Wirksamkeit einer Phantasie in der deutschen Literatur / Hrsg. von I. Roebing, W. Mauser. Würzburg, 1996. S. 77–97; Telesko W. Geschichtsraum Österreich. Die Habsburger und ihre Geschichte in der bildenden Kunst. Wien; Köln; Weimar, 2006. S. 86–102.

⁹ См.: Kökényesi Zs. A női Szolón, avagy Mária Terézia uralkodói képe a halotti beszédekben // KorajkorASZ. Korajkor-történettel foglalkozó doktoranduszok tanulmányai / Szerk. Zs. Kádár, Zs. Kökényesi, A.D. Mitropulos. Budapest, 2014. 126. old.

¹⁰ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1872. 21. Jan. 1751. Fol. 164r; Kt. 2005. 14. Maj. 1760. Fol. 244r.

¹¹ Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1952. N 72 ex Mar. 1776. Fol. 99r; N 16 ex Jun. 1776. Fol. 240r.

нищенское существование, я смиренно обращаюсь к материнской милости Вашего Величества, снисходительной к несчастным вдовам и сиротам, как к единственному утешению в бедности и бедствиях»¹². Антон Стипшиц восклицал: «Всемирно известная милость, сердоболие и сила Вашего Величества, с которыми Вы соблаговоляете обласкать каждого отдельного пребывающего в нищете человека, побуждают меня вместе с моими тремя детьми, у которых смерть отняла мать, припасть к трону, где восседает любящая своих подданных добрейшая государыня, чтобы со всем смирением поведать о своем горе»¹³. Сын лжебеженца Кирмрайта называл Марию Терезию «достолавная всемилостивейшая правительница — мать всех действительно нуждающихся благородных вдов и сирот»¹⁴. Вдовствующая графиня Катарина Патачич молила: «Да обратится Ваш милостивый материнско-монарший взор на мою достойную сострадания судьбу!»¹⁵

Использование риторических приемов, однако, никогда не заслоняло для властей суть дела. Когда в 1769 г. бедная вдова Мария Регина Колович попросила Придворную казенную палату продлить ей выплату скромной милостыни, вотум гласил: «В нашем ведомстве нет никаких сведений о просительнице, посему полагаем необходимым обратиться к земельным властям Краины за разъяснениями: кто был ее муж, насколько обоснованы претензии на вспомоществование по бедности, и тогда мы подготовим взвешенные рекомендации для наложения высочайшей резолюции»¹⁶. Точно так же у властей возникли сомнения в бедственном положении Регины Шмидт, когда та обратилась с соответствующим ходатайством семь лет спустя после кончины мужа — чиновника венской Счетной палаты, и при этом она не смогла предоставить свидетельств о своей бедности. Ей отказали за отсутствием оснований¹⁷.

Об успешной карьере графа Йозефа Тёрёка — мужа Катарини Тёрёк (в девичестве Пфедферсховен) — подробно

¹² Ibid. HFU. Kt. 2049. 925. 9. Sept. 1762. Fol. 190r-v.

¹³ Ibid. UK. Fasz. 18. Kt. 1250. Subd. 3. N 3 ex Maj. 1770. Fol. 109r.

¹⁴ Ibid. Fasz. 29. Kt. 1947. Subd. 1. N 73 ex Maj. 1773. Fol. 140v.

¹⁵ Ibid. Fasz. 29. Kt. 1951. N 16 ex Jun. 1776.

¹⁶ Ibid. ÖK. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2142. N 95 ex Dec. 1769. Fol. 51r.

¹⁷ См.: Ibid. N 153 ex Mar. 1770. Fol. 103.

говорилось выше. После его кончины вдова обратилась к императрице с прочувствованными словами: «Достаточно овдоветь, чтобы лишиться всякого утешения, всякой поддержки! Мое состояние не нуждается в пояснениях, оно говорит само за себя, оно вопиет, стоит только бросить беглый взгляд, и требует для меня поддержки и защиты; и где же еще должна я искать их, как не у Вашего Императорско-Королевского Апостолического Величества, защитницы всех вдов и сирот?»¹⁸ Однако (напомним) вдове Тёрёк не удалось доказать, что она настолько бедна, что нуждается в пенсии.

Пенсия вдовам, как и сиротам, повторимся, всякий раз была актом исключительной милости. В первом нормативном акте 1749 г., регулировавшем вдовьи пенсии, в частности, фиксировалось, что вдовы — в случае удовлетворения их прошений — до повторного замужества должны были получить денежное содержание, равное трети жалованья покойного супруга. Впрочем, чиновники ниже советника (начиная с секретарей) исключались из списка тех, чьи жены и дети могли претендовать на пенсию. В случае если мужья хорошо служили и были бедны, их вдовы получали жалованье за тот месяц, в котором скончался супруг, плюс сумму годового жалованья. Такая выплата называлась «*Gnade und Abfertigung*» — «милостивое и выходное пособие» (хотя речь и шла, по сути, о «выходе», точнее, «уходе» в мир иной). Получить пенсию вдовы могли только после повторного обращения и предоставления убедительных доказательств своей бедности. В ответ на многочисленные протесты в 1762 г. Мария Терезия утвердила пенсию в 100 фл. вдовам канцеляристов, 200 фл. — вдовам конципистов и 400 фл. — вдовам секретарей (по образцу пенсий для вдов прапорщиков, лейтенантов и майоров). Остальным приходилось довольствоваться разовыми выплатами из придворных благотворительных касс¹⁹.

По мере того как росло число получателей пенсий, их суммы для верхушки чиновничьего аппарата (советники, например, получали в среднем 4–5 тыс. фл.) приходилось корректировать, ибо первой заботой властей становилось

¹⁸ Ibid. UK. Fasz. 29. Kt. 1955. N 56 ex Febr. 1777. Fol. 43r.

¹⁹ См.: Wunder B. Die Institutionalisierung der Invaliden-, Alter- und Hinterbliebenenversorgung der Staatsbediensteten in Österreich (1748–1790) // MIOG. 1984. Bd. XCII. N 3/4. S. 379–387.

гарантирование прожиточного минимума тем, кто был не в состоянии себя обеспечить. В 1762 г. пенсии для вдов высокооплачиваемых чиновников были установлены существенно ниже одной трети жалованья супруга и равнялись 600 фл. В 1765 г. вдовам чиновников Придворной и Государственной канцелярий, а также созданного в 1761 г. Государственного совета утвердили пенсию в 800 фл.²⁰ С другой стороны, чиновники Казенной палаты (как Венгерской, так и Придворной) имели свои, ведомственные нормативы, несколько превышавшие ставки для иных служб. Установить для всех случаев единые правила не было ни организационных, ни финансовых возможностей. Законы в первую очередь закрепляли общие принципы.

Единые правила служили ориентиром, но всякий раз решение принималось по данному конкретному случаю с учетом личных обстоятельств. Одним отказывали за отсутствием формальных оснований, другим предлагали назначить пенсию (в полном, урезанном или увеличенном виде), относительно третьих, где законодательство допускало как положительный, так и отрицательный ответ, последнее слово было за монархом, который прислушивался к советам ответственного референта или выносил собственное решение. Например, руководствл Придворной казенной палаты считало, что вдове служащего соляной конторы Марии Анне Тернеи полагалось разовое пособие, но императрица постановила: «Вместо пособия — пенсия 200 фл.»²¹.

С одной стороны, решение по каждому конкретному случаю должно было вписываться в ряд более ранних подобных случаев. По поводу Розины Дёри — вдовы Игнаца Браздовича (таможенника из Сенца) — в меморандуме коллег говорилось: «Например, вдове Иоганна Штама — недавно усопшего таможенника из Хомонны — определили пенсию в 90 фл., а вдове Йозефа Шартори — покойного таможенника из Сакольцы — 50 фл. <...> посему просительнице, по крайней мере как и вдове Шартори, следовало бы назначить пенсию в 50 фл.»²². С другой стороны, решение государя могло в любом пункте идти вразрез с любыми законами и подзаконными

²⁰ См.: Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991. S. 32.

²¹ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1912. 21. Dec. 1753. Fol. 316v.

²² Ibid. Kt. 1870. 7. Nov. 1750. Fol. 90v.

актами. На прошении вдовы бухгалтера Венгерского королевского наместнического совета Йожефа Герденича государыня начертала: «[Президенту Придворной казенной палаты] Кёнигсегу назначить [вдове] скромную пенсию». После этого усилия ответственного референта были направлены на то, как обосновать справедливость подобного решения. «Хотя означенная вдова имеет собственные средства для воспитания детей и ее ныне здравствующий отец завещает ей приличное наследство, к тому же резолюция от 1750 г. по поводу милостивого и выходного пособия или пенсии касалась исключительно вдов камеральных служащих <...> Венгерская казенная палата все-таки сочла возможным (по той причине, что Ее Величество имели милостивое намерение назначить сей просительнице пенсию) рекомендовать положить ей 150 фл. в год»²³.

При назначении вдовьих пенсий решающую роль играло мнение сослуживцев, их деятельное участие (грамотное составление ходатайства, мобилизация доступных патронатных связей) и заступничество (письма поддержки, характеристик на покойного). Венский агент Прускаи спрашивал у графа Ф. Надашди: «Вдова моего предшественника Яноша Бабоша через меня просит Ваше сиятельство, чтобы при Вашем содействии сословия выплатили бы ей остаток жалованья покойного супруга. Если благоуолите приказать, я удовлетворю ее просьбу»²⁴. Если же у «профессионального сообщества» были основания сомневаться в моральном облике женщины, как в случае «ведшей распутный образ жизни» вдовы Андреаса Пиллера, они информировали об этом начальство и брали попечительство над предоставленными самим себе сиротами (тем девочкам было три и пять лет от роду)²⁵.

На протяжении всей второй половины XVIII в. властей интересовали два вопроса. *Во-первых*, действительно ли женщина не имеет ни собственности, ни доходов, ни способных содержать ее родственников и бедна настолько, что без пенсии «не сведет концы с концами»²⁶. *Во-вторых*, в самом ли

²³ Ibid. Kt. 1964. 12. Sept. 1757. Fol. 34v–35r.

²⁴ А. Прускаи — Ф. Надашди, Вена. З.И.1767 // MNL OL. P 507. 39. cs. N 604.

²⁵ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2044. 26. Maj. 1762. Fol. 630r.

²⁶ Немецкий историк Геза Ингендаль пишет, что в раннее Новое время для властей (городских, земельных, верховных) никогда не суще-

деле покойный супруг ее был настолько исполнителен и компетентен, что — для стимулирования к похвальному рвению коллег — заслужил пенсию для своей вдовы.

Что касается имущественного положения вдовы, решение о назначении пенсии, как говорилось выше, принималось после получения исчерпывающей информации о финансовом положении женщины. Мало было, подобно Терезии Тагани (в девичестве Херхер), написать: «Если я скажу, что очень похожа на нищенку, то не погрешу против истины <...> и при нынешней дороговизне, даже сведя хозяйственные расходы до минимума, не могу сэкономить ни крейцера». Необходимо было, как означенная вдова, представить заверенные свидетельства о своем бедственном положении (долгах по кредитам, сделанных покойным супругом). В представлении на таких соискательниц обычно писали: «Все, о чем поведала вдова, является истинной правдой»²⁷. В 70-е гг. XVIII в. просительниц обязали подавать заверенные свидетельства о своем финансовом положении, наличии и характере сбережений, собственности, недвижимости. На основании этой информации составлялись таблицы, где в столбцах расписывались источники дохода и их величина.

Что же касается стимулирования служебного рвения, то пенсия вдовы находилась в прямой зависимости от заслуг и от реноме покойного супруга. Напомним, одни чиновники, прослужив, как правило, 40 и более лет, получали так называемую юбилейную, или выход на заслуженный отдых с почетным сохранением в штате, другим же полагалась «всего лишь» пенсия. В 1762 г., принимая решение по делу конкретной просительницы, Мария Терезия подчеркнула: «Применять и в дальнейшем то правило, что вдовы и несовершеннолетние сироты пенсионеров после смерти мужа или отца перестают получать какие-либо пособия, в то же время между ними и теми советниками, чиновниками и служащими, которые по

ствовало бедности как таковой, всякий раз при вынесении решения о денежном вспомоществовании взвешивались такие аргументы, как болезнь, нужда, дряхлость и пр. См.: *Ingen Dahl G. Elend und Wollust. Witwenschaft in kulturellen Bildern der Frühen Neuzeit // Witwenstand in der Frühen Neuzeit: fürstliche und adlige Witwen zwischen Fremd- und Selbstbestimmungen / Hg. von M. Schattkowsky. Leipzig, 2003. S. 278.*

²⁷ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1960. Subd. 2. Nr. 121 ex Jul. 1779. Fol. 316r-v, 327v.

старости или нездоровью за свою примерную службу удостоились юбилеи, проводить различие, выплачивая их вдовам и детям-сиротам сумму, определенную в соответствующих распоряжениях»²⁸. Представляется, что такая дифференциация была направлена на увеличение продолжительности службы чиновника. Выходя на «обычную» пенсию, тот осознавал, что после его смерти жене и детям будет положено скромное, но гарантированное денежное вспомоществование. Напротив, служа до тех пор, пока руководство не сочтет его достойным юбилеи, он мог быть уверен, что к членам его семьи будут применены особые нормы.

Фердинанд Веннет, служивший в соляной конторе в Сегаде, слыл многоопытным и знающим чиновником. После его смерти коллеги так отзывались о покойном: «Верная и полезная служба его, в особенности в сфере регулирования транспортировки соли, принесла такой почет и уважение, что, если уж и не был лучшим среди всех своих коллег, наверняка мало кто мог сравниться с ним в рвении, старании и исполнительности». Сорок четыре года безупречной службы увенчались юбилеем и сохранением жалованья в 800 фл. в полном объеме. По словам начальства, «рачительное ведение хозяйства позволило ему сколотить неплохое состояние». Детей у Веннетов не было, поэтому вдове не пришлось бы бедствовать. Однако руководство рассудило так: «Милостивое и выходное пособие назначается не только тогда, когда нужно помочь нуждающейся вдове, но и для того, чтобы подать окружающим достойный подражания пример»²⁹.

В 1784 г. Йозеф Зонненфельс в учебнике делового стиля приводил в качестве идеально-типического образца ходатайство некой абстрактной вдовы канцелярского служащего: «Во-первых, правомерное основание дают ей 47 лет службы покойного; во-вторых, у нее на попечении осталось пятеро малолетних детей, четыре девочки и один девятилетний мальчик; в-третьих, в силу преклонного возраста, многочисленных болезней и жесточайшей нужды она не в состоянии заработать себе на хлеб; в-четвертых, наконец, прилагаемое свидетельство подтверждает, что поведение ее и ее семьи всегда было безупречным, с другой же стороны,

²⁸ Ibid. HFU. Kt. 2051. 2. Oct. 1762. Fol. 225r.

²⁹ Ibid. HFU. Kt. 2054. 28. Dec. 1762. Fol. 348r-v.

муж не оставил ей никакого состояния, по каковой причине она влечит жалкое существование»³⁰.

К помощи учебника Зонненфельса (а до его появления — более ранних аналогов) прибегали прежде всего стряпчие и ходатаи по делам частных лиц. Им было важно составить прошение так, чтобы представить дело доверителя в наиболее выгодном свете. Прошения вдов написаны четким, «канцелярским» почерком и нередко содержат указание на имя составителя (агента). Женщина в лучшем случае ставила в конце свою подпись, которая графически отличалась от основного текста. Прошения на латинском языке от имени заявительницы подписывал, как правило, сам составитель, поскольку женщинам латынь не преподавали.

Вдова трансильванского сборщика налогов Кристина Коста писала: «Мой супруг Георг Коста <...> после многолетней верно исполняемой службы 15 мая сего года не столько от старости, сколько от измождения сил отошел в мир иной и оставил меня с сыном и пятью дочерьми (сам же помимо жалованья в 120 фл. не имел никаких средств к существованию) в таких стесненных обстоятельствах, что остается уповать лишь на чудесную милость Вашего Величества»³¹. Напомним, что на обратной стороне ходатайства женщина поставила помету: «По бедности составила сама». Верить такой информации, однако, нет никаких оснований. На прошениях также нет никаких помет, говорящих о том, что оно было удовлетворено.

Главной заботой властей всех уровней оставалось приведение суммы пенсионных выплат к сумме, зарезервированной на эти цели в государственной казне. «Как важно, — писал в меморандуме президент Придворной казенной палаты Кёнигсег, — чтобы к фиску, перегруженному сверх меры пенсионными выплатами, относились бережно». Например, венгерские власти подняли вопрос о назначении пенсии вдове таможенника Йозефа Тайссля спустя десять лет после его смерти и выплаты семье «милостивого и выходного пособия». На склоне лет женщина растила троих сирот, состояние же ушло на приданое двум старшим дочерям. Чиновники в Пресбурге и Вене полагали, что она достойна пожизненной пенсии в

³⁰ *Sonnenfels J.* Über den Geschäftsstyl. Wien, 1820. S. 71–72.

³¹ ÖStA. FHKA. Camerale Siebenbürgen. Fond 64. Fasz. 135. N 43 ex Apr. 1769. Fol. 625r.

размере трети жалованья покойного супруга (150 фл.). Однако бережливая Мария Терезия сочла, что в данном случае можно ограничиться 100 фл. на два года³². В другой раз, утверждая сироткам Пиллер, чья мать вступила на путь разврата, пенсию по 50 фл. каждой, императрица добавила: «Пусть Казенная палата подумает над тем, чтобы устроить обоим детей в венгерский или венский приют, чтобы по возможности снова сэкономить на этой пенсии»³³.

В целом, как и в случае с чиновничьими пенсиями, минимум, обеспечивавшийся из средств казны, не только в XVIII, но и в XIX в., оставался более чем скромным. В романе К. Миксата «Выборы в Венгрии» бесприданница Клара Бодрогсеги признается: «Моя мама на пенсию живет, за мужа. А она очень маленькая»³⁴.

Женщины просят

Бюрократическая среда, подобно иным профессиональным группам, тяготела к известной эндогамии: дочери чиновников, как и их вдовы, были желанной партией для коллег. Такой брак служил целям более тесной интеграции в чиновничье сообщество. Вспомним, что две дочери конвертита Мецнера вышли замуж за сотрудников отца в Казенной палате. Карой Маукш — дворянин из комитата Земплен — выучился на юриста, дослужился до комитатского асессора и пожелал поступить на камеральную должность. В числе аргументов в свою пользу он приводил то обстоятельство, что взял в жены дочь недавно скончавшегося таможенника из Стропко — Габора Эрэша — и помогал его вдове, оставшейся с семерыми малолетними детьми. Прошение молодого человека было удовлетворено³⁵.

«Межсословные» браки, когда чиновник-дворянин брал в жены мещанку или дворянку выходила замуж за

³² См.: Ibid. HFU. Kt. 1970. 5. Jan. 1758. Fol. 152r–154r.

³³ Ibid. Kt. 2044. 26. Maj. 1762. Fol. 630v.

³⁴ Миксат К. Выборы в Венгрии / Пер. с венг. О.К. Россиянова. М., 1965. С. 68.

³⁵ См.: Ibid. HFU. Kt. 1825. 19. Nov. 1747. Fol. 236v, 239r.

мещанина, скорее подтверждали общее правило, согласно которому представители старинных дворянских семейств, вынужденные из-за бедности поступать на королевскую службу, роднились между собой. Референт по венгерским делам в Венской придворной казенной палате советник Иштван Надь³⁶ двух дочерей выдал за чиновников: Еву за Петера Вега³⁷, Марию Магдолну — за Йозефа Околичани. По линии жены Надь породнился со служилым семейством Филски (получили дворянскую грамоту в 1743 г.). Один из них, Йозеф Филски, впоследствии ставил себе в заслугу, что шесть лет усердно стажировался у многоопытного

³⁶ Иштван Надь носил приставку к фамилии «Фельшэ-Бюки», указывавшую на родовое имение его предков. К сожалению, в генеалогическом справочнике его тезки Ивана Надя сведения об этом семействе весьма отрывочные, а о самом Иштване Наде вообще отсутствуют. См.: Nagy I. Magyarország családai címerekkel és nemzékrendi táblákkal. Pest, 1861. 8. köt. 36.–38. old.) Источником, позволяющим реконструировать состав его семьи, может служить завещание чиновника, сохраненное в Австрийском государственном архиве. См.: ÖStA. HHStA. OMA. Testamente. Kt. 638. 1766/7. Stephan Nagy. Кстати, именно это семейство дало Венгрии пламенного патриота родной словесности и культуры Пала Надя (1777–1857), депутата Государственного собрания ряда созывов первой половины XIX в. Он не поступил на королевскую службу, выбрав карьеру комитатского политика. Свой звездный час пережил в 1825 г., когда произнес речь (текст ее сохранился только в воспоминаниях очевидцев), в которой поставил родной язык выше конституции. Основополагающие законы, раз отмененные, можно снова ввести в действие, утверждал П. Надь, а такой важный элемент национального бытия и сознания, как язык, если он утерян, восстановить не удастся. Слова Надя оказали сильное эмоциональное воздействие на слушателей. Нет сомнений, что граф Иштван Сечени (1791–1860) и ранее вынашивал планы основания в королевстве Академии наук, однако свое знаменитое заявление о готовности пожертвовать на это начинание сумму, равную годовому доходу с имений (60 тыс. фл.), он сделал именно после речи Надя.

³⁷ Можно предположить, речь идет о Петере Вега (1725–1802) — будущем королевском персоналии и государственном судье. В завещании он упоминается как «советник и референдарий». В биографических и генеалогических справочниках указывается, что его супругой была графиня Эржебет Надашди, однако не исключено, что Ева Надь рано умерла и сведения о первом браке Вега не получили широкой известности. См.: Nagy I. Magyarország családai. Pest, 1865. 12. köt. 121–123. old.; Fallenbüchl Z. Mária Terézia magyar dikaszterialis tanácsosai 1740–1780 // Országos Széchényi Könyvtár Évkönyve. Budapest, 1984–1985. 318. old.

«свойственника»³⁸. Этнические немцы, напротив, искали спутников и спутниц жизни в своей языковой и культурной среде: А. Котман был женат на Йозефе Пахнер фон Эггердорф, А. Дешан — напомним — на баронессе Франциске Кох. Однако и здесь не было правила: обедневшие, тем более «номинальные» (не имевшие ничего, кроме титула) дворяне охотно брали в жены дочерей состоятельных немецких бюргеров. Служившие в Вене чиновники Венгерской королевской канцелярии женились на немках — как мещанках, так и дворянках (простолюдин Ф. Домбаи женился на Кларе Зайвиц фон Мугенталь).

Хлеб насущный чиновнику низшего звена доставался с трудом. Жалованье «на местах» было скудным, столичная жизнь требовала от более высокооплачиваемых служащих центральных ведомств дополнительных расходов. Это настолько ни для кого не было секретом, что специальными указами им запрещали жениться, пока не достигнут ступени на служебной лестнице, когда финансово смогут завести семью³⁹. Главный герой повести Ф. Казинци «Полное собрание писем Бачмедеи» (действие происходит в 1789 г.) в послании другу рассказывает, как объяснялся с родственниками своей избранницы: «Дело не во мне, дело в том, что у меня нет должности, а без должности я не хотел свататься, думал, что не будет поздно предстать перед родителями Манци [невесты. — О.Х.], когда окажусь при должности»⁴⁰. Часто браки заключались в зрелом возрасте, поздние дети не были редкостью. София Трэггер, вдова Штефана Вимпиллера, в 65 лет осталась вдовой с двумя несовершеннолетними детьми⁴¹.

В патримониальной модели общества случаи, когда женщины обращались к властям «при живом муже», можно считать исключением. Как правило, супруг — глава семьи — брал на себя заботу о материальном благосостоянии и

³⁸ См.: MNL OL. E 47. N 430 ex Sept. 1773.

³⁹ В XIX в. подобные запреты ушли в прошлое, но, по сведениям, приводимым В. Хайндль, в Вене жило больше неженатых чиновников, чем ремесленников и кустарей, что объясняется более высокими требованиями к уровню жизни государственных служащих. См.: *Heindl W. Gehorsame Rebellen*. S. 246.

⁴⁰ *Kazinczy F. Bácsmegeyey öszveszedett levelei. Költött történet*. Текст доступен по адресу: <http://www.mek.oszk.hu/00700/00725/00725.pdf>

⁴¹ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1872. 21. Jan. 1751. Fol. 164r.

приличествующем образе жизни. Исключением были случаи, когда общественное положение жены было выше мужниного и она — дочь своего отца, представительница семьи, в которой родилась, просила за мужа и (или) детей в надежде, что ее просьба будет иметь большой вес.

Интересен случай с прошением графини Марии Анны Халлер (урожденной Грашшалкович) о назначении полной пенсии и награждении большим крестом ордена св. Стефана супруга Габора Халлера. Род мужа принадлежал к новой аристократии, возвысившейся в Трансильвании и Венгерском королевстве на рубеже XVII-XVIII вв. Семейство же самой просительницы можно назвать аристократией «новейшей». Покойный отец Мари Анны — тот самый граф Антал Грашшалкович, любимец императрицы и всесильный президент Венгерской казенной палаты. Честолюбивая графиня Халлер не удовлетворилась тем, что ее мужа — советника Трансильванского губерниума (исполнительного органа в княжестве) — отправили на пенсию с сохранением лишь половины жалованья. Прося императрицу проявить обещанную заботу о сиротах покойного президента, Мария Анна ходатайствовала о награждении мужа («моего графа») орденом в признание прошлых заслуг и неизменного монаршего благоволения⁴².

Женщины лично обращались к властям, когда не могли рассчитывать на помощь и заступничество собственных мужей. Второй дочери И. Надя — Марии Магдолне не слишком повезло в браке. Ее избранником стал Йозеф Околичани, с 1756 по 1774 г. служивший в Сепешской казенной палате и после ее преобразования в камеральную администрацию вышедший в отставку. Он не отличался большими способностями и не пользовался авторитетом. Его начальник Й. Тёрёк так писал в меморандуме: «О г-не Околичани можно предположить, что он не понимает немецкого языка и еще меньше в состоянии на нем писать. Его аналитические способности весьма скромные, натура — взбалмошная, к тому же он склонен к интригам»⁴³. Вдобавок этот человек не устоял перед искушением наделать долгов и, когда его отправили в отставку, оказался в полной зависимости от своих кредиторов. Между тем они с Марией Магдолной воспитывали дочь-инвалида,

⁴² См.: MNL OL. P 1058. 29. cs. N 142.

⁴³ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1905. Subd. 1. N 49 ex Jul. 1774. Fol. 459v.

у которой была парализована правая рука. Женщину охватило отчаяние, ибо она понимала, что супруг с его репутацией вряд ли вновь поступит на королевскую службу, ей же во вдовстве не будет положено никакой пенсии. Заклиная власти именем своего покойного отца и брата, геройски погибшего в Семилетнюю войну, она вымолила у государыни пенсию на ребенка в размере 200 фл., дарованную ей за «не нуждавшиеся в особом представлении выдающиеся способности и немалые заслуги» отца⁴⁴.

Когда муж попадал в беду или немилость, жена вставала на его защиту и «призывала на помощь» заслуги обеих семей — своей и своего мужа. В фондах Австрийского государственного архива сохранилось датированное 1746 годом обращение на высочайшее имя княгини Анны Кантакузин (Кантакузен) — урожденной боярышни Шереметевой, племянницы русского полководца Бориса Петровича Шереметева (1652–1719). Суть просьбы женщины — помиловать супруга, однако в чем тот был виноват, из контекста остается неясным. Она лишь признается: «И как такое могло случиться, что муж мой по человеческой ли слабости, по наущению ли врага рода человеческого сошел с этого благородного пути, я, не способная своим скудным умом понять, как он совершил вменяемое ему преступление, никоим образом объяснить не могу»⁴⁵. В прошении не называется даже имени ее супруга. Судя по генеалогическому древу этого молдавско-валашского княжеского семейства, претендовавшего на родство с византийскими императорами, мужа звали Константин (1703–1768) и он имел чин русского генерала⁴⁶.

Просительница (скорее всего, стряпчий, который составил для нее это ходатайство) всячески подчеркивала, что род Кантакузин обладал весомыми заслугами перед Австрийским домом. «[Прадед мужа], служивший во время жестокой осады Вены генерал-фельдцейхмейстером, по христианскому долгу и из всеподданнейшей верности христианскому императору не стрелял по городу. Об этом сложено немало историй, и сие подтверждают дожившие до наших

⁴⁴ Ibid. Fasz. 29. Kt. 1951. N 31 ex Apr. 1776. Fol. 134r, 137r.

⁴⁵ ÖStA. HHStA. GK. Kt. 252. Konv. b. Fol. 17r.

⁴⁶ См.: *Cantacuzène J.-M.* Mille ans dans les Balkans: Chronique des Cantacuzène dans la tourmente des siècles. Paris, 1992.

дней свидетели тех событий, а также ясно говорит воздвигнутый им Молдавский крест»⁴⁷. Представляется, что здесь идет речь о двух разных людях. Известно, что двоюродный дед Константина — валашский господарь Щербан Кантакузин (1634?–1688) во время осады Вены в 1683 г. действительно находился в составе войск султана и лишь после поражения османов и побед Священной лиги вступил в переговоры с Габсбургами. Однако упомянутый крест — внушительных размеров каменный монумент с надписями на кириллице — в 1677 г. возвел в Яссах молдавский господарь Антоние Русет (сын Беллы Кантакузин и, следовательно, двоюродный прапрадед Константина). Между тем попытки политического сближения с Габсбургами обошлись семейству весьма дорого. Отец Константина — валашский господарь Штефан Кантакузин (1675–1716) пал жертвой междоусобной борьбы в княжестве. В 1716 г. за сотрудничество с Габсбургами его вместе с отцом и дядей казнил ставленник султана Николай Маврокордат.

Для выяснения обстоятельств того, чем муж Анны Шереметевой навлек на себя гнев императрицы, потребуются дополнительное исследование. Здесь же отметим изобретательность составителей подобных ходатайств: не было, казалось бы, такого факта, который они не могли обратить в пользу просителя.

Наконец, речь может идти о судебных и административных жалобах, где интересы женщины вступали в противоречие с позицией или поведением супруга. Вот пример того, сколь грамотно, с полной уверенностью в своей правоте и конечном торжестве справедливости венгерская дворянка Юлиана Биро, жена католика Пала Ондрейковича, отстаивала перед лицом властей свое право, оговоренное в брачном контракте, воспитывать детей в кальвинистской вере: «Несомненно, что природа, когда сделала меня матерью моих детей, возложила на меня, таким образом, обязательства и заботу об их пропитании и образовании, причем так, как я считаю нужным, и тем более они [должны быть] воспитаны в тех науках и в той религии, в истинности которых я совершенно уверена». В канун принятия декрета о веротерпимости она требовала «разрешить, в соответствии с законами королевства, свободно пользоваться правом, как данным

⁴⁷ ÖStA. HHStA. GK. Kt. 252. Konv. b. Fol. 16v.

от природы, так и полученным в силу брачного контракта, воспитывать детей в своей вере»⁴⁸.

Матери активно устраивали судьбы своих сыновей. О том, что в таких хлопотах не было ничего необычного, можно судить по переписке государственного канцлера Кауница — последовательного сторонника назначения на должности исключительно достойных кандидатов. В феврале 1761 г. он писал: «Супруга фельдмаршала графа Валлиса обратилась ко мне в связи с тем, что Ваше Величество милостиво пообещали назначить ее сына графа Йозефа Валлиса, ныне обучающегося в Терезианском коллегиуме, в Рим, каноником при Святом Престоле, на место, которое освободится после выборов Ольмюцкого епископа»⁴⁹.

Овдовев, женщины нередко оказывались во главе семьи и брали на себя ответственность, прежде лежавшую на мужчине. Помимо прошений о назначении пенсии вдовы также активно устраивали судьбы своих детей: записывали в учебные заведения, ходатайствовали о стипендиях, просили принять на службу. Даже если дети были совершеннолетними и самостоятельно зарабатывали себе на хлеб, матери не упускали случая похлопотать за них перед государем или ведомственным начальством. В таких прошениях апелляция к заслугам покойного супруга, похвалы талантам и способностям сына и ссылки на собственную бедность и неустраиваемость переплетались, усиливая друг друга. О возрастающей активности женщин-просительниц свидетельствуют письмовники второй половины XVIII–XIX в.

В учебнике делового стиля Й.Г.Г. Юсти содержится всего один пример письма от имени женщины — прошение вдовы Марии В. к влиятельному начальнику об освобождении ее сына, осужденного на принудительные строительные работы. «[Муж] оставил меня с семерыми малолетними

⁴⁸ MNL OL. С 43. Hlavács János. 265. cs. 1780. N 19. Документ хранится в фондах Венгерского королевского наместнического совета, в материалах советника Яноша Хлавача, который в 1780-е гг. курировал рассмотрение обращений поданных по (меж)конфессиональным вопросам (решение правовых споров в конфессионально смешанных браках, выделение денежных вспомоществований нуждающимся конвертистам и пр.).

⁴⁹ В.А. Кауниц — Марии Терезии, Вена, 13.II.1761 // ÖStA. HHStA. StK. Vorträge. Kt. 88. Jan. — Mar. 1761. Fol. 47r.

сиротами-безотцовщиной и не завещал мне ничегошеньки, чтобы я могла сводить концы с концами. Однако Господь, защитник вдов и отец сиротам, не оставлял меня и, пусть по чуть-чуть, помогал мне». Далее, по словам женщины, юноша, служивший в королевском полку, совершил проступок по юношескому недомыслию, без злого умысла, поэтому просила освободить его, чтобы «он в будущем целиком пребывал при мне и со всем усердием доставлял облегчение в моей нищей жизни»⁵⁰.

В письмовниках XIX в. вдовым матерям рекомендовали подавать прошения по всей форме о зачислении детей — мальчиков и девочек — в учебные заведения. В популярном, выдержавшем не одно издание пособие Георга Гаала вдова чиновника просила государя помочь дать образование своим троим детям по причине бедности и с учетом примерной пятнадцатилетней военной и статской службы покойного супруга. В том же письмовнике вдова офицера просила монарха принять дочь в воспитательное заведение для офицерских дочерей. У женщины не было права на пенсию, поскольку при заключении брака она письменно от нее отказалась и, не имея ни имущества, ни накоплений, воспитывала детей на то, что удавалось заработать, и на вспомоществования от родственников. Зачисление в институт девочки, показавшей хорошие результаты в школе, освободило бы мать от части материальных забот⁵¹.

На самом деле большинство женщин ссылались на бедность, видя в зачислении сына в штат облегчение материального бремени. Катарина Дахауэр, вдова камерального чиновника из Трансильвании, писала: «Мой второй сын Георг Дахауэр в обмен на отказ от доли сиротского пособия был из монаршей милости принят в коллегиум в Сенце (который впоследствии перевели в Тату), откуда вышел по окончании обучения, приобретя познания в нужных науках. Впрочем, он тут же оказался без каких-либо доходов, и я при всей своей бедности тем менее могу его содержать, что имею дома трех малолетних дочек, которых еще предстоит воспитать и дать христианское наставление»⁵².

⁵⁰ *Justi J.H.G.* Anweisung zu einer guten Deutschen Schreibart. Wien, 1774. S. 224.

⁵¹ См.: *Gaal G., von.* Allgemeiner deutscher Muster-Briefsteller für die verschiedenen gesellschaftlichen Verhältnisse. Güns, 1835. S. 752, 755–766.

⁵² ÖStA. FHK. Vermischte ungarische Gegenstände. Kt. 98. Fritz, 1778.

Некоторые, однако, в духе времени расписывали прекрасную учебу юноши и овладение им необходимыми для чиновника науками. Показательно прошение Анны Марии Зафран, в котором она подробно рассказала не только о семейных заслугах, но и об учебе сына, а также приложила копии полученных им дипломов и свидетельств. «По примеру своих дедов и отца мой вышеозначенный сын Иоганн, доставив мне сердечную радость, с ранней юности прилагал все усилия, чтобы быть полезным на государевой или общественной службе, и имел счастье, благодаря неутомимому прилежанию, после окончания начальной школы, овладения французским и итальянским языками, счетоводством и рисованием, изучить философию, затем юриспруденцию и, наконец, преподаваемые в Грацском университете политико-камеральные и финансовые науки, будучи всякий раз первым учеником в классе»⁵³.

Ранее говорилось о том, как отцам удавалось выхлопотать сыновьям скромную должность в обмен на отказ от собственной заслуженной пенсии и обязательство отпрыска пожизненно содержать родителя. Нечто подобное удавалось порой и матерям. В 1750 г. Юлиана Шрамб — вдова таможенника из Хомонны — обратилась к руководству Казенной палаты с просьбой зачислить сына в штат на том основании, что ее покойный супруг в свое время передал казне принадлежавшую ему деревушку Какашфалва. Власти постановили, что сын, недавно окончивший учебу, может претендовать на скромную должность помощника, но с тем условием, что половина из положенных ему 150 фл. в год будет идти на содержание его матери⁵⁴.

В том, что настойчивость матерей творила порой чудеса, лишний раз убеждает и описанный выше пример приемных сыновей графа Имре Баттяни — Йозефа и Себастьяна Ганцев. Их мать и вдова графа подала от своего имени прошение, сходное по содержанию с прошением сыновей, объяснив это так: «Природный долг, который обязывает меня как мать делать все возможное для счастья и возвышения моих сыновей, вдохновил, в надежде на положительное решение, сложить к стопам Вашего Величества заветное

⁵³ ÖStA. FHKA. ÖK. Fasz. 1. Fasz. r. Nr. 6. Subd. 1. N 229 ex Aug. 1776.

⁵⁴ См.: Ibid. HFU. Kt. 1860. 26. Jan. 1750. Fol. 311v–312r.

[мое] прошение»⁵⁵. Напомним, что для императрицы решающим оказалось достойное поведение женщины в браке и во вдовстве.

Картина, изображающая женщин-просительниц, не будет полной, если не упомянуть их письма к влиятельным вельможам, патронам. В день смерти супруга, графа Петера Сермажа (1723–1771), 26 апреля 1771 г. Мария Анна Сермаж (урожденная Драшковиц, 1723–1782) писала хорватскому бану графу Ф. Надашди: «Всевышнему было угодно ввергнуть меня во вдовство и лишить меня дражайшего супруга: сегодня, после восьми дней недомогания, в час пополудни, в Стеньевце он упокоился во Христе. И поскольку я лишилась мужа, ставшего мне отцом, а мои малолетние дети — родителя, мне не остается ничего, кроме того, что завещал мне муж на смертном одре: видеть в Вашем сиятельстве не родственника, но отца и покровителя». Два дня спустя безутешная вдова уже просила бана передать должность судьи, которую исполнял ее покойный супруг, сыну Петеру (1746–1804), каковую тот и получил⁵⁶.

Вдова генерала Игнаца Алмаши — Клара обратилась с письмом на немецком языке к шефу полка, где служил ее покойный муж, — графу Анталу Каройи. Письмо составлено стряпчим, возможно Й. Керестури, который, судя по письму, как раз передал женщине 6 дукатов от графа. В письме она просила: «Соблаговолите, Ваше сиятельство, по врожденной доброте и человеколюбию позабиться о моем сыне [Антале], чтобы сей бедный сирота для изучения необходимых наук смог поступить в какое-нибудь хорошее учебное заведение и со временем стать полезным государству»⁵⁷. Мальчик был зачислен в Терезианский коллегиум в Ваце, где обучался бок о бок с сыном Каройи — Йозефом и стал одним из первых в классе⁵⁸.

Другой пример в этом ряду — собственноручное письмо вдовы и матери, трансильванской дворянки Клары Черей к тому

⁵⁵ MNL OL. A 39. 3905/1776.

⁵⁶ См.: М.А. Сермаж — Ф. Надашди, Загреб, 26.IV.1771; Загреб, 28.IV.1771 // MNL OL. P 507. 41. cs. N 656.

⁵⁷ К. Алмаши — А. Каройи, Пресбург, 7.IX.1781 // Ibid. P 398. 2. d. N 545.

⁵⁸ См.: *Khavanova O. Born or brought up to be a Hungarian aristocrat? Count Antal Károlyi educates his son József // Adel im «langen» 18. Jahrhundert / Hrsg. von P. Hye, G. Haug-Moritz. Wien, 2009. S. 73–88.*

же Анталу Каройи, в чьем полку служил ее сын⁵⁹. Венгерский язык в тот период еще не был поднят на ту художественную высоту, которая принесла славу венгерской литературе в XIX в. Однако даже в своей далекой от грамматико-лексического совершенства форме он практиковался в дворянско-аристократической среде. Покойный муж Клары Черей был советником Трансильванской придворной канцелярии в Вене, дети получили прекрасное образование за казенный счет и служили в администрации и армии. Просьбе о покровительстве одному из них посвящено цитируемое письмо. Можно сказать, что в способности излагать мысли на бумаге Клара не уступала провинциальным дворянам-мужчинам. О том, что письмо написано ею собственноручно, говорит и досадная многократно повторенная описка: она называет графа (если попробовать передать суть ошибок на русском языке) не «исятельство», а «исятельство». «Милостивое письмо вашего исятельства ждала я с пакорным почтением, благодарю пакорно великую доброту, милость, каковую мне соблаговолили явить, окружив заботой моего недостойного сына, пакорно молю ваше исятельство, не премените и впредь о нем заботиться, шлю, как велено, 60 флоринов на униформу да залог в 12 золотых на год вперед, пакорно молю ваше исятельство приказать, чтобы сыну моему тех денег не давать и командиру его крепко-накрепко то приказать» [везде курсив мой. — О.Х.]⁶⁰.

Американский историк Дж.Б. Коллинз справедливо заметил, что в раннее Новое время женщины обладали властью скорее на практике, чем в теории, поэтому их роль в обществе не всегда можно выяснить посредством изучения нормативных актов, которые описывают поведение, соответствующее общепринятым нормам⁶¹. Официальные ходатайства и частные письма матерей к влиятельным вельможам — пусть и составленные от имени женщин стряпчими — свидетельствуют о социальной активности женщин, их чувстве ответственности за поддержание материального благосостояния семьи и обеспечение интергенерационной мобильности потомства.

⁵⁹ Об узах патроната, связывавших Черей с графом А. Каройи, см.: Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784 гг. СПб., 2006. С. 357–359.

⁶⁰ К. Черей — А. Каройи, Красна, 20.V.1783 // MNL OL. P 398. 24. d. N 11059.

⁶¹ См.: Collins J.B. The economic role of women in seventeenth-century France // French Historical Studies. 1989. Vol. 16. N 2. P. 439.

Глава V. Бюрократия и образование современных наций

Полиглоты за конторкой

Wo das Gesetz nichts vorschreibt, ist es jedem freyern Unger frey, zu sprechen, wie er glaubt am besten gehört zu werden¹.

Эпизодический персонаж романа «Слуньские водопады» Мюнстерер — отставной унтер-офицер, а ныне почтмейстер в маленькой нижнеавстрийской горной деревушке — рассуждает перед своими гостями из Вены о том, что «империя велика, она охватывает еще и экзотические края, вроде недавно аннексированной Боснии или областей, прилегающих к бывшей Военной границе в Хорватии, не говоря уже о прекрасной Далмации. И все это достижимо даже в рамках его профессии, вопрос лишь в знании языка, благодаря которому чиновник может претендовать на ту или иную должность. Поэтому последние десять лет, а особенно зим в этом тихом уголке он посвятил изучению языков и немало продвинулся в хорватском, венгерском, французском и даже турецком»².

Между тем уже во второй половине XVIII в. венский двор предпринимал меры, направленные на более тесную амальгамацию владений Австрийского дома, что не могло не затронуть господства латинского языка в Венгрии и заставляло задуматься о его замене немецким. Р. Эванс пишет: «После фактического коллапса Австрийской империи в начале Войны за австрийское наследство (1740–1748) вопрос стоял

¹ Если закон не предписывает иного, каждый свободный венгр имеет право говорить [на том языке, на котором], по его мнению, он будет наилучшим образом услышан (нем.). — Schwartner M. Statistik des Königreichs Ungern: ein Versuch. Ofen, 1809. Teil 1. S. ix.

² Додерер Х., фон. Слуньские водопады // Избранное: Сборник / Пер. с нем. Н. Ман. М., 1981. С. 223.

так: смогут ли Габсбурги пробудить в подданных достаточно сильное чувство государственного патриотизма и выжить в борьбе со своими европейскими соперниками — странами с высокой степенью централизации, обеспеченной сильными административными аппаратами»³. Так или иначе, возникал вопрос языкового единообразия, и для управленческих корпораций всех уровней это означало нечто большее, чем просто способность устной коммуникации на немецком языке и пассивного его понимания.

Далее в главе рассматриваются три вопроса: как немецкий язык был «навязан» чиновничьим корпорациям Венгерского королевства, как чиновники в административных центрах и на далеких окраинах оценивали свои познания в немецком языке в 70-е гг. XVIII в. и как коллективный портрет одного из финансовых ведомств выглядел спустя 10–15 лет. В данной главе на конкретно-историческом материале исследуется проблема, которую в общих словах в 1993 г. сформулировал Питер Бёрк. Он отмечал, что контроль правительств за сферой языка характерен для модерного государства, но языковая политика была сформулирована задолго до Великой Французской революции, и потому не безынтересно «посмотреть, как у правительств возник интерес к языку своих подданных»⁴.

Ди- и полигlossия (дву- и многоязычие) были характерными, отличительными чертами Габсбургской монархии⁵, о которой говорили: «Единство языка омрачает величие империи» («*Unitas linguae obscurat dignitatem imperii*»)⁶. Члены правящей династии традиционно овладевали несколькими языками, притом по мере смещения ее центра к востоку континента не только наследники престола, но и младшие эрцгерцоги учили языки своих подданных, прежде всего чешский и венгерский.

³ Evans R.J.W. Language and state building: The case of the Habsburg Monarchy // АНУ. 2004. Vol. 35. P. 3.

⁴ Burke P. The art of conversation. Cambridge, 1993. P. 32.

⁵ Для сравнения: именно в изучаемую эпоху в Российской империи по инициативе Екатерины II, желавшей доподлинно знать, сколькими народами и языками она повелевает, была начата работа над двухтомным словарем: Сравнительные словари всех языков и наречий. *Linguarum totius orbis vocabularia*. St.-Petersburg, 1786–1789. Т. 1–2.

⁶ См.: Evans R.J.W. Language and state building. P. 3.

Культурные горизонты венгерского чиновничества XVIII в. характеризуют два обстоятельства: господство латинского языка в публичной сфере, будь то законодательство, управление или правосудие, и многоязычный характер страны⁷. Языком образования в Венгрии традиционно была латынь⁸, поскольку на ней был написан этим языком свод фундаментальных законов королевства, также известных как венгерская конституция. Считалось, что, если законы перевести на любой другой язык, в том числе немецкий или венгерский, они потеряют свою обязательную силу. Венский двор мирился с ситуацией и вел переписку не только с венгерскими сословиями, но и с учреждениями исполнительной ветви власти, представлявшими короля в стране, на латыни. Достаточно хорошие знания этого древнего, но в Венгрии живого языка, столь необходимого для любой публичной карьеры, давали школы, коллегииумы и единственный университет⁹ в Надьсомбате¹⁰.

В то же время, как писал пионер венгерской статистики Мартин Швартнер (1759–1823) в своей «Статистике Венгерского королевства»: «На свете нет другой такой страны, где бы было больше народностей и, следовательно, больше языков, чем в Венгрии»¹¹. Тот, кто вырос в разноязыкой среде, часто обладал способностью понимать два или три языка или диалекта. Прав Бёрк, когда напоминает, что «круг тех, кто говорил на нескольких языках, не замыкался на верхушке общества»¹². Чиновники из Чешско-Австрийских наследственных провинций обычно сообщали о себе, что знают французский, итальянский, английский, но гораздо

⁷ См.: Heinz K. Sprachverhalten in Ungarn in der Frühen Neuzeit // Frühneuzeit-Info. 1999. Jg. 10. Heft 1+2. S. 84–94.

⁸ Fináczy E. A magyarországi közoktatás története Mária Terézia korában. Budapest, 1899–1902. 1–2. köt.; Kornis Gy. A magyar művelődés eszményei, 1777–1848. Budapest, 1927. 1. köt.

⁹ См.: Latin at the crossroads of identity. The evolution of linguistic nationalism in the Kingdom of Hungary / Ed. by G. Almási, L. Šubarić. Leiden; Boston, 2015.

¹⁰ См.: Szentpétery I. A bölcsészettudományi kar története, 1635–1935. Budapest, 1935; Eckhart F. A jog- és államtudományi kar története, 1667–1935. Budapest, 1936.

¹¹ Schwartner M. Statistik des Königreichs Ungernteil. Bd. 1. S. 118–119.

¹² Burke P. The art of conversation. P. 17.

реже — чешский. Йозеф Айсперт, эмигрант из оккупированной Пруссией Силезии в 1760 г. получил должность акцессиста в Венгерской казенной палате. Помимо непререкаемых латинского и немецкого, он владел французским и итальянскими языками¹³. (Уже получив должность, он, в духе времени, просил о повышении по службе ссылаясь, между прочим, не только на учебу в университете Бреслау, владение языками и прилежание, но и на сирость и бедность¹⁴.) Напротив, чиновники в Венгрии сообщали о знании языков многих народов королевства. Пример Яноша Тагани (? – 1778), экспедитора из Венгерской казенной палаты, говорившего на латинском, венгерском, немецком и славянском (скорее всего, словацком) языках, можно считать наиболее типичной лингвистической комбинацией в среде королевских служащих¹⁵.

Знание многих языков приветствовалось, но никогда не было достаточным условием получения должности. Выше уже говорилось о нечистом на руку Йожефе Капте, который в 1772 г. просил принять его в Венгерскую казенную палату. О себе он сообщал, что владеет латинским, немецким, «славонским», хорватским и сербским в совершенстве, венгерским же – посредственно. Сомнения в его порядочности и дурные отзывы прежних нанимателей сыграли свою роль, и проситель остался ни с чем¹⁶.

В знаменитом венгерском учебном плане, известном под своим латинским названием «*Ratio educationis*» (1777)¹⁷, констатировалось: «Каждый, кто знаком с политическим устройством Венгрии, несомненно знает, что в этом королевстве, как и в присоединенных к нему частях, наряду с малыми народностями проживают семь крупных народов, которые отличаются друг от друга по языку»¹⁸. Этими народами были

¹³ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2014. 24. Oct. 1760. Fol. 667r. *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVIII. században* // LTK. 1970. 41. évf. 2. sz. 312. old.

¹⁴ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2051. 2. Oct. 1762. Fol. 190r.

¹⁵ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2002. 3. Mar. 1760. Fol. 564r.

¹⁶ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1. Kt. 8. Konv. 3. N 33 ex Apr. 1772. Fol. 250r–254v.

¹⁷ Подробнее об историческом значении учебного плана см.: *Csóka J. L. A Ratio educationis korszaka* // *Magyar művelődéstörténet / Szerk. S. Domanovszky s. a. et l. 4. ko*

¹⁸ Az 1777-iki Ratio Educationis / Fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta A. Firml. Budapest, 1913. 36–37. old.

венгры, немцы, словаки, хорваты, русины, иллиры (сербы) и валахи (румыны). Их языки следовало преподавать в школе как самим носителям, так и их соседям. В документе латынь именовалась «крайне необходимым» языком, а немецкий — «особо полезным». Предполагалось направлять высококвалифицированных учителей немецкого языка сначала в большие, потом в малые города, а затем и в каждую деревню, поскольку «никто не станет спорить, что знание немецкого языка может весьма пригодиться венгерской молодежи и вскоре станет непререкаемым условием в их карьере»¹⁹.

Будет преувеличением утверждать, что полиглотсия была универсальной чертой административных элит Венгерского королевства. Если в центральных ведомствах, расположенных в столичной Вене или соседнем с ней Пресбурге требование к достаточному уровню владения немецким языком соблюдать и контролировать было относительно несложно, то в отдаленной Сепешской казенной палате и подчиненных ей камеральных администрациях (продолживших свое существование после расформирования головной конторы) положение со знанием немецкого языка было порой плачевно. Там вплоть до конца 1760-х гг. многие чиновники среднего звена имели познания только в обязательной латыни и сохраняли должности во многом благодаря своему многолетнему опыту. З. Фалленбюхль писал, что там можно было спокойно продвигаться по карьерной лестнице, не афишируя слабое владение немецким языком²⁰. В самом деле, когда в 1757 г. в ходе инспекционной проверки обнаружилось, что рекомендованные к повышению до счетоводов акцессисты Йозеф Вимпиллер и Адам Хорн не тверды в немецком, гости из Вены рассудили, что условием назначения на новую должность должно, помимо совершенствования в немецком языке, стать накопление опыта в горном деле и чеканке монеты. В случае если через год ситуация не изменится, их рекомендовалось перевести обратно в акцессисты²¹.

И все-таки служащие, чьи лингвистические способности ежедневно проходили проверку в ходе написания писем,

¹⁹ Az 1777-iki Ratio Educationis. 86. old.

²⁰ См.: *Fallenbüchl Z. A Szepesi Kamara tisztviselői XVII–XVIII. században* // LTK. 1968. 38. évf. 2 sz. 211. old.

²¹ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1962. 7. Jul. 1757. Fol. 853r.

составления протоколов заседаний или сочинения записок — как и писатели, ученые, священники, — считали дело возрождения родного языка своей обязанностью. В числе авторов первых учебников и словарей или переводчиков полезных книг было немало чиновников, которые думали, что вносят свою лепту в процветание родной страны²².

Использование немецкого языка как инструмента, сплачивающего этнические сообщества Габсбургской монархии и ее управленческих элит, обычно ассоциируется со знаменитым декретом о языке Иосифа II, который в 1784 г. повелел заменить латынь на немецкий в органах государственного управления во всех своих владениях²³. Между тем еще Мария Терезия последовательно расширяла сферу применения немецкого языка в административной сфере. В годы ее правления немецкий язык становился все более желаемой компетенцией в списке знаний и умений королевских чиновников.

Молодые люди, стремившиеся поступить в центральные органы управления, непременно указывали, что владеют немецким языком. Например, Франц Игнац Тайссл, который после 15 лет армейской службы решил побороться за должность налогового инспектора, которую занимал его отец, отрекомендовался так: «Я сын Отечества, который говорит на славянском, сербском, румынском, немецком и венгерском языках, имеющих хождение в королевстве, не упоминая уже об итальянском»²⁴. Не исключено, что служба в армии, общение с рядовыми и офицерами из разных земель расширили лингвистические познания отставного офицера. Другой соискатель должности в финансовом ведомстве, Матяш Какони (о его семье речь шла в главе I), в 1762 г. о себе сообщал: «Я знаю разные языки, такие как латинский, венгерский, немецкий и славянский, искусен

²² См.: *Khavanova O. Men of letters between profession and vocation in the eighteenth-century Habsburg Monarchy // Social change in the Habsburg Monarchy: The era of enlightenment. Les transformations de la société dans la monarchie des Habsbourg: l'époque des Lumières / Ed. by H. Heppner, P. Urbanitsch, R. Zedinger. Bohum, 2011. S. 251–266.*

²³ См.: *Soós I. II. József nyelvrendelete és a «hivatalos» Magyarország // Tanulmányok a magyar nyelv ügyének 18. századi történetéből / Szerk. F. Bíró. Budapest, 2005. 261–301. old.*

²⁴ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1854. 21. Aug. 1748. Fol. 449r.

в письменном немецком и арифметике, а также знаю свою страну, которую изъездил вдоль и поперек»²⁵.

Начиная с 60-х гг. XVIII в. императрица-королева делала маленькие, но решительные шаги в направлении вытеснения в Венгрии латыни немецким языком. Она не испытывала никакой неприязни к венграм и руководствовала, как годы спустя ее сын, желанием рационализировать коммуникационные процессы между отдельными частями монархии. В 1766 г., выбирая из двух кандидатов на должность бухгалтерского клерка, она написала на полях ноты: «Поскольку оба просителя обладают сходными профессиональными качествами, предпочтение следует отдать тому, кто лучше владеет немецким языком <...> а также отныне все, кто желает получить место в моей казенной палате, должны подтвердить свою способность говорить и писать по-немецки, что должно стать непременным условием при последующих назначениях, и тем, кто удовлетворяет этому требованию, должно отдавать предпочтение перед остальными»²⁶.

Как мудрый и прагматичный правитель, Мария Терезия избегала решительных шагов, предпочитая постепенность; венгерские же власти пользовались ситуацией, пытаясь сохранять статус-кво как можно дольше. Венская придворная казенная палата постоянно запрашивала от подведомственной ей Венгерской казенной палаты подробную информацию о языках, которыми владели соискатели должностей, но это требование обычно оставлялось без внимания. Однажды в марте 1773 г. Мария Терезия написала: «Королевской службе пошло бы во благо, если бы финансовые вопросы велись на немецком языке. <...> Это не касается рескриптов Венгерской казенной палаты в адрес своих филиалов в провинции, и, если им нужно, они могут по-прежнему вести переписку на латыни, но меморандумы и пропозиции, адресованные лично мне, должны отныне писаться по-немецки»²⁷.

Если в Венгерской королевской канцелярии — небольшом совещательном органе при монархе — практически все

²⁵ Ibid. Kt. 2044. 6. Maj. 1762. Fol. 81r.

²⁶ Ibid. UK. Hofresolutionsprotokolle Ungarn und Siebenbürgen. Bd. 107. Fol. 167v.

²⁷ Ibid. Bd. 110. Fol. 261v.

служащие свободно владели немецким, то в Венгерской казенной палате, представлявшей собой сложную систему двух головных офисов в Пресбурге и Кашше и окружных административных, ведавших не только деньгами в королевстве, но и вольными королевскими городами, сетью таможенных пунктов, соляных контор и почтамтов, было немало таких чиновников, кому по роду деятельности немецкий язык никогда не требовался. Поэтому венгерские власти, поразмыслив, постарались убедить императрицу, что юридическая казуистика и особенности терминологии таковы, что не все сферы, находящиеся в ведении Казенной палаты, можно в одночасье перевести на немецкий язык. В июле 1773 г. императрица утвердила немецкий язык для «неспецифически венгерских вопросов», таких как управление королевскими поместьями, налоги, соледобыча, кредитные операции, в то же время налоги, дарование королевских привилегий и земельных владений, судебные иски, переписка с Венгерской канцелярией и Венгерским королевским наместническим советом по-прежнему велись на латыни²⁸. В целом же Мария Терезия оставалась непреклонна: «Я больше ничего не стану подписывать на латыни: декрет может состоять из одной-двух строк, а приложения, если понадобятся, могут быть и на латинском языке»²⁹.

Потребовался месяц, чтобы заключить с императрицей компромисс. Ей напомнили, что ее декреты должны иметь законную силу в суде, где слушания, как и ранее, проходили на латыни. Декрет, составленный на немецком языке, мог не иметь там законной силы, не говоря о том, что приложения часто терялись или в спешке подшивались не к тому делу, поэтому вердикт мог быть вынесен на основании ложной информации. Эти и другие аргументы произвели некоторый эффект, и государыня в конце концов написала на полях меморандума Венской придворной казенной палаты: «Согласна, для начала пусть так»³⁰.

Ввести, по сути, иностранный язык в качестве делопроизводственного для сотрудников, которые не изучали его в школе, было непростой задачей. В сентябре 1773 г.

²⁸ См.: Ibid. Fasz. 1. Kt. 9. Subd. 1. N 4 ex Sept. 1773. Fol. 150r-166v.

²⁹ Ibid. Hofresolutionsprotokolle Ungarn und Siebenbürgen. Bd. 107. Fol. 296v.

³⁰ Ibid. Fasz. 1. Kt. 9. Subd. 1. N 4 ex Sept. 1773. Fol. 138r-140v.

императрица попросила чиновников из филиалов Венгерской казенной палаты оценить свои знания немецкого языка и сообщить об этом в форме письма, направленного в головной офис. Вскоре было получено около 70 ответов. Результат повергал в уныние. Если суммировать, то 45 респондентов оценили свои знания как недостаточные. Раздраженная государыня написала на полях меморандума: «Слышать об этом не хочу, пусть все исполняют мой декрет»³¹.

Этот своеобразный социологический опрос был беспрецедентным экспериментом, который позволяет современным исследователям лучше понять, как и для каких целей использовался тот или иной язык. Чиновник Михай Хазука из отдаленного Унгвара признавался: «Я смиренно и стыдливо признаюсь, что не говорю по-немецки и в будущем смогу писать письма и составлять отчеты только на известном мне латинском языке»³².

Из 15 вольных королевских городов только шесть: Надьсомбат, Сентдёрдь, Бестерцебаня, Шопрон, Кеккё и Дёр выразили готовность полностью перейти на немецкий язык. Девять городов: Тренчен, Варажд, Эстергом и др. прислали однозначно негативные ответы. Из Варажда уточнили: «Сотрудники магистрата знают латинский и хорватский или же только хорватский, а немцы, живущие в городе, предпочитают общаться на хорватском языке». Из Эстергома, где, помимо прочего, находилась резиденция архиепископа (примаса), напомнили, что они ведут переписку на латинском и венгерском и, если властям нужна документация на немецком, руководство ведомства могло бы покрыть расходы на наем для этих целей внештатного секретаря³³. Восемнадцать таможенных контор (в том числе Буда, Сегед, Загреб) ответили, что их сотрудники должны справиться с таким заданием, но на всякий случай попросили прислать им образцы типовых писем на немецком языке. В Северо-Восточной Венгрии, знаменитой своим немецкоязычным населением, все шесть камеральных администраторов и префектов отказались переходить на немецкий.

³¹ Ibid. Fasz. 27. Kt. 1905. Subd. 1. N 139 ex Oct. 1773. Fol. 182v.

³² MNL OL. E 47. 14. cs. N 162 ex Dec. 1773. N 33.

³³ См.: Ibid. N 21.

Фискальный прокуратор из Сегеда был в числе тех, кто выразил готовность вести документооборот на немецком: «Я должен заявить, что помимо латинского я отнюдь не невежда в иных языках; немецком, венгерском словацком, иллирском, необходимых [для общения] с проживающими здесь народами. <...> Нахожусь в вашем распоряжении для написания отчетов на немецком, даже если мой немецкий слаб по той причине, что я в нем совсем не практиковался, и может случиться, что немецкий язык и правописание, которые я усвоил в молодые годы (и больше ими не пользовался), будут сочтены неудовлетворительными»³⁴.

Глава камеральной администрации из Арада Пал Крушпер, отвечая на поставленный вопрос о своих языковых компетенциях, трезво и доходчиво описал ситуацию, в которой оказались многие из его ровесников: «Я родился в 20-х годах нынешнего столетия и посещал школу в той части королевства, где в моем отрочестве не было возможности изучить начала немецкого языка. Когда я вырос, то приложил все старание, чтобы изучить сей язык, но не преуспел в этом больше, чем немного на нем говорить и разбирать рукописные и печатные тексты. Но я не могу писать на этом языке и тем более редактировать официальные бумаги»³⁵.

Главной проблемой этого поколения можно назвать то, что они были блестящими специалистами в своих областях, и не их вина в том, что они не знали немецкого. Ответы на вопросник показательны в том смысле, что дают примеры оценки людьми своих лингвистических способностей и достижений. Вот цитата из отчета сборщика налогов из Липотвара Ференца Фабиани: «В своей конторе я редко встречаю кого-то, кто не был бы крестьянином; как правило, это словаки, а если попадают немцы, то обычно это солдаты или дворяне. Должен сказать, что я не немец по происхождению и мой немецкий не настолько хорош, чтобы я составлял официальные отчеты, в то же время моих познаний в языках обычно достаточно, чтобы все меня поняли и притом остались довольны моей работой»³⁶.

³⁴ Ibid. N 16.

³⁵ Ibid. N 22.

³⁶ Ibid. N 5.

Интересно, что практически такую же сцену, как в письме Фабиани, можно обнаружить в путевых заметках о Венгрии, написанных почти полвека спустя Ричардом Брайтом. В городе Бата на юге страны ему пришлось заговорить на латыни: «Почтмейстер был пожилым человеком <...> и не говорил по-немецки, но он предложил мне выбрать из языков, которые знал, — латинского, венгерского, славонского и валашского, из которых я, конечно же, быстро сделал выбор [в пользу латыни]»³⁷.

Венгерская казенная палата в одном из вотумов, датированных 1773 годом, писала: «В ближайшем будущем молодежь по всей стране начнет изучать немецкий, в то время как сейчас люди, занятые на королевской службе, окончили школы много лет назад и не могут в большинстве своем говорить на этом языке»³⁸. 70-е годы XVIII в. стали водоразделом в квалификации тех, кто желал поступить на королевскую службу. Качественный скачок стал возможен благодаря появлению институтов, где подданные изучали немецкий и специальные дисциплины на немецком языке. Прежде всего следует назвать первый во владениях Австрийского дома политико-экономический коллегийум, созданный во владениях венгерского канцлера графа Ференца Эстерхази — городке Сенц на средства, выделенные частично императрицей-королевой, частично (позднее трехлетний) курс обучения бухгалтерскому учету, инженерным наукам, геодезии, картографии и пр. на немецком языке. Хотя эта школа так и не смогла преодолеть разрыв между высокими требованиями преподавателей-подвижников и низким уровнем подготовки посредственных в большинстве своем студентов, все-таки Сенцкий коллегийум воспитал для административных элит королевства когорту высококлассных специалистов. Таким примером может служить Антал Зайгар: мальчик-сирота был зачислен в Сенц, затем получил работу в ведомственном архиве Венгерской казенной палаты. О себе он писал

³⁷ Bright R. Travels from Vienna through Lower Hungary with some remarks on the state of Vienna during the Congress in the year 1814. Edinburgh, 1818. P. 138.

³⁸ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1. Kt. 9. Subd. 1. N 4 ex Sept. 1773. Fol. 154r.

³⁹ См.: Hegyi F. A Szenci Collegium Oeconomicum, 1763-1776-1780 // Irodalmi Szemle. Pozsony, 1983. 26. évf. 531-554. old.

так: «Обучаясь в Сенцском фонде, я обратил все свои усилия на изучение немецкого, его правописания и стиля и развитие своих способностей говорить на этом языке»⁴⁰. В архиве он прослужил регистратором до 1818 г., когда и вышел на пенсию⁴¹.

Другим источником немецкоговорящих чиновничьих кадров был университетский курс «полицейских, камеральных и финансовых наук» Й. Зонненфельса (о чем подробно говорилось выше). Позднее профессор будет утверждать, что все преподаватели этого курса в монархии — его ученики, и это окажется истинной правдой. Распространение данной дисциплины можно представить в форме концентрических кругов, расходящихся из Вены и охватывавших старые и новые учебные центры: Грац, Клагенфурт, Прага, Надьсомбат, Варажд (позднее Загреб) и др., где преподавали ученики Зонненфельса. Как и в Сенце, не все слушатели могли впитать науку, доносимую до них на малознакомом языке, но те, кому это удавалось, после сурового экзамена официально пользовались преимуществом при зачислении на королевскую службу⁴².

Третьим ресурсом говорящих по-немецки чиновников была венгерская дворянская лейб-гвардия. Отставные гвардейцы, перешедшие в ряды чиновников, не раз появлялись на страницах этой книги. Венгерский историк З. Фалленбюхль подсчитал, что за годы правления Марии Терезии 44 отставника получили статскую должность⁴³, однако представляется, что были учтены далеко не все. Как писал в 1773 г. один из них, Игнац Ленваи (1739–?), принятый после шести лет в гвардии на службу в Венгерскую казенную палату: «Я обладаю весьма необходимыми в наши дни познаниями в немецком языке и потому считаю себя достойным должности регистратора»⁴⁴.

⁴⁰ MNL OL. E 47. 15. cs. N 278 ex Jun. 1774.

⁴¹ См.: *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői II. Józseftől a polgári forradalomig: 1780–1848* // LtK. 1972. 43. évf. 2. sz. 375. old.

⁴² См.: *Khavanova O. Joseph von Sonnenfels's courses and the making of the Habsburg bureaucracy* // АНУ. 2017. Vol. 47. P. 54–73.

⁴³ См.: *Fallenbüchl Z. Mária Terézia magyar hivatalnokai*. Budapest, 1989. 41. old.

⁴⁴ MNL OL. E 47. 14. cs. N 492 ex Sept. 1773.

Чем моложе был кандидат, тем с большей уверенностью можно было утверждать, что он владеет немецким языком. Но, поскольку назначения на должности случались редко, а вакансии открывались только в связи с выходом на пенсию или кончиной кого-либо из чиновников, высокообразованной и полной честолюбивых планов молодежи приходилось ждать, прежде чем до них доходила очередь в длинной цепочке, где перед ними были люди с солидной выслугой лет и без необходимого знания немецкого языка. Как писал президент Венгерской казенной палаты граф Я.Н. Эрдеди в 1773 г.: «Переход на немецкий язык может быть достигнут только ценой замены большей части персонала»⁴⁵. Такие диспропорции не могли не волновать венский двор.

Между тем в полиэтничном Венгерском королевстве требовались и приветствовались знания не только немецкого языка. Как те, кто подавал прошения о зачислении в должность, так и те, кто принимал решения по кандидатурам, считали полигlossию преимуществом, поскольку это был важный инструмент коммуникации с местным населением. Честолюбивые соискатели чиновничьих должностей никогда не забывали упомянуть, на каких языках они говорят. Молодой венгерский дворянин Адам Чато (позднее его зачислят в штат Венгерской королевской канцелярии) в прошении подчеркивал, что не только «знаком с делопроизводством на немецком языке, будь то политические или финансовые вопросы», но и владеет русинским языком и «понимает образ мыслей и природу этого народа»⁴⁶.

Особый интерес представляет ситуация в Сепешском крае. В регионе проживали словаки, немцы (вторая самая большая этническая группа⁴⁷), русины и венгры. Можно было бы предположить, что у Сепешской казенной палаты не было недостатка в сотрудниках из числа этнических немцев. Однако, как будет показано ниже, все было совсем не так. По окончании Освободительной войны 1703–1711 гг., которая бушевала по преимуществу на территориях,

⁴⁵ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 1. Kt. 9. Subd. 1. N 4 ex Sept. 1773. Fol. 165r.

⁴⁶ Ibid. Fasz. 27. Kt. 1907. Subd. 1. N 93 ex Apr. 1779. Fol. 59v, 61r.

⁴⁷ См.: *Deutsche Sprache und Kultur in der Zips* / Hrsg. von W. Kriegsleder, A. Seidler, J. Tancer. Bremen, 2007.

находившихся в ведении Сепешской казенной палаты (одним из эпизодов была осада Кашши), персонал в самом деле стал в большинстве своем немецкоязычным, но уже к 70-м годам XVIII в. им на смену пришли выходцы из мелкодворянских венгерских семейств. Объяснение языковых диспропорций крылось в том обстоятельстве, что образованное бюргерство (даже если горожане вольных королевских городов получали коллективное дворянство) и дворянские элиты, а также образованные разночинцы на королевской службе не пересекались⁴⁸, и в администрации в Кашше работали по преимуществу те, кто блестяще владел латынью и совершенно не знал немецкого языка⁴⁹.

Один из респондентов на вопросник о языковых компетенциях — Антал Скавниски, служивший в Немшо, но родившийся на востоке Венгрии, доходчиво объяснил, почему ему трудно выполнить новые требования: «Я получил образование в комитатах Земплен и Шарош, где не было возможности слышать немецкую речь, а еще меньше — выучить этот язык. Теперь мне пятьдесят лет, из которых пятнадцать я — верно и преданно — веду делопроизводство на латыни, и память моя, как мне кажется, уже не способна усвоить этот [немецкий] язык»⁵⁰.

Через месяц после непреклонного требования императрицы всем камеральным служащим перейти на немецкий язык глава Сепешской казенной палаты граф Йозеф Тёрёк дал исчерпывающий анализ лингвистической ситуации в центральном аппарате ведомства: «Среди советников, за одним или двумя исключениями, нет никого, кто знал бы немецкий и мог писать вотумы, среди секретарей <...> ситуация ничем не лучше, протоколист так болен и физически слаб, что его вряд ли можно загрузить этими обязанностями, в бухгалтерии никто не умеет вести документацию на этом языке, то же самое можно сказать о регистраторе и экспедиторе, тогда как среди кацелистов, акцессистов и диурнистов»⁵¹

⁴⁸ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1905. Subd. 1. N 139 ex Oct. 1773. Fol. 179r.

⁴⁹ См.: *Fallenbüchl Z. A Szepesi Kamara tisztviselői*. 211. old.

⁵⁰ MNL OL. E 47. 14. cs. N 492 ex Sept. 1773. N 41.

⁵¹ *Диурнист* (от лат. *diurnum* — поденный) — мелкий чиновник, получавший фиксированную поденную плату.

(за исключением недавно принятого в штат канцелиста Кломпе, трех диурнистов и регистратора Филски) нет никого, кто мог бы исполнять свои обязанности на немецком»⁵².

Еще месяц спустя, 17 октября 1773 г., Венская придворная казенная палата посвятила императрицу в печальное состояние дел⁵³. Однако пути назад не было: императрица не хотела слышать ни о каких трудностях. Через год Сепешская казенная палата была упразднена, на ее место пришла Сепешская камеральная администрация с центром в Кашше. В течение переходного периода главы департаментов прилагали все усилия, чтобы защитить сотрудников от последствий новых требований. В 1774 г. граф Тёрёк характеризовал одного из своих пожилых советников — барона Палочаи: «Он не говорит по-немецки и никогда не изучал наук, которые требуется знать в наши дни, так что он вряд ли сможет и далее занимать свою должность, и я не могу не сожалеть об этом, ибо у него острый ум и ему не откажешь в здравом смысле»⁵⁴.

Перейти из одного ведомства в другое становилось все более сложным. Комитатские служащие, которым никогда не требовалось никакого немецкого, оказывались в заранее невыигрышном положении. Граф Тёрёк, рекомендуя вице-ишпана комитата Шарош Жигмонда Печи для перевода в камеральную администрацию в Кашшу, писал: «Единственную проблему составляет немецкий язык, на котором он говорит и каковой понимает, но у него нет опыта составления бумаг. Впрочем, на этот случай ему можно придать штат помощников, поскольку он в состоянии правильно понять суть написанного»⁵⁵. И все-таки чаще и чаще старшее поколение отступало, давая дорогу молодым. Когда Дёрдь Бешшенеи, вице-ишпан комитата Берег (и полный тезка венгерского писателя), попросил назначить его главой камеральной администрации в Марамароше, вице-президент Венгерской казенной палаты граф Пал Фештетич был вынужден признать: «Он, насколько мне знакомы его деловые качества, весьма заслуженный человек, но совершенно

⁵² См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1905. Subd. 1. N 139 ex Oct. 1773. Fol. 187r-v.

⁵³ См.: Ibid. N 139 ex Oct. 1773. Fol. 181v.

⁵⁴ Ibid. N 49 ex Jul. 1774. Fol. 459v.

⁵⁵ Ibid. N 101 ex Nov. 1774. Fol. 715v.

не владеет немецким, да и пишет на этом языке довольно посредственно»⁵⁶. На вакантную должность был назначен другой соискатель.

И все-таки, даже если в отдаленных провинциях Венгерского королевства в начале XIX в. тот или иной престарелый почтмейстер или таможенник не знал немецкого языка, в головных офисах центральных ведомств к концу правления Иосифа II наблюдались впечатляющие перемены в практиках найма. Молодое поколение высокообразованных чиновников, пришедших на королевскую службу по зову сердца, потому что они разделяли и хотели претворить в жизнь программу преобразований в духе просвещенного абсолютизма, в исторической литературе принято называть «йозефинистами». В широком смысле этот термин употребим также к чиновничеству первой половины XIX в., исповедовавшему либеральные убеждения⁵⁷.

Одним из нововведений Иосифа II, напомним, стали кондуиты, куда сотрудники центральных и местных ведомств заносили сведения о себе: место и год рождения, образование, профессиональная деятельность, знание иностранных языков и т.д.⁵⁸ Начальникам полагалось регулярно оценивать работу и деловые качества подчиненных, что служило основой поощрений или, напротив, штрафных санкций. Хотя ученые проявляют осторожность в работе с этим, местами субъективным типом источника, он все-таки может и должен использоваться в просопографических исследованиях бюрократических корпораций эпохи просвещенного абсолютизма⁵⁹.

Достаточно вновь обратиться к персональным данным 223 чиновников из кондуита «Восемь вопросов»⁶⁰, чтобы

⁵⁶ Ibid. Kt. 1906. Subd. 1. N 6 ex Sept. 1778. Fol. 28r.

⁵⁷ См.: Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991; Eadem. Josephinische Mandarine. Bürokratie und Beamte in Österreich. Bd. 2: 1848–1914. Wien, 2013.

⁵⁸ См. образец таблицы в приложении к императорскому рескрипту от 13 января 1783 г., где в столбце 9 следовало указать: «Получил ли он [чиновник] какое-либо образование и на каких языках говорит»: Handbuch aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. für die k. k. Erbländer ergangenen Verordnungen und Gesetze. Wien, 1785. Bd. 1. S. 120.

⁵⁹ Hajdu L. II. József igazgatási reformjai Magyarországon. Budapest, 1982.

⁶⁰ См.: MNL OL. E 701. 3. köt. Enthalt die von Einer Hochlöblichen Kaiserlichen Königlichen Hofrechenkammer herabgegebene acht Fragpunkte

составить представление о языковых компетенциях⁶¹. Об одном сотруднике сведения отсутствуют, один чиновник не говорил ни на каком другом языке, кроме немецкого, всего 27 человек (12%) могли читать и писать только на немецком и латыни. 39 человек помимо немецкого и латыни сообщали о знании венгерского. 33 человека владели четырьмя базовыми языками королевства: латинским, немецким, венгерским и одним из славянских языков. На другом полюсе находились настоящие полиглоты: шестеро знали семь языков, семеро — шесть языков, один чиновник говорил на восьми языках и диалектах. Между этими полюсами — большинство, владевшее четырьмя языками: в дополнение к латыни, немецкому и венгерскому также итальянским, французским, чешским, хорватским, румынским, сербским или даже древнегреческим и древнееврейским. Венгерский язык был знаком не только этническим мадьярам или подданным венгерского короля (многие немцы из Пресбурга сообщали, что владеют венгерским и словацким), но и иностранцам из Австрии, Силезии, Священной Римской империи. Например, Пауль Рауш из Австрии говорил и писал на немецком и латинском и немного понимал по-венгерски. Иоганн Шибинг из Ольмюца говорил по-немецки, на латыни и по-чешски, понимал по-французски, словацки, русински и венгерски.

Степень совершенства в языках не была одинаковой: многие говорили по-немецки, но не могли писать, другие понимали венгерский, но в разной мере. Например, Иозеф Поспишил из Пешта писал и говорил по-немецки и на латыни, а по-венгерски — в случае крайней необходимости; Иоганн Зальманн из австрийского Альенбурга говорил и писал на латыни, а в безвыходных ситуациях готов был мобилизовать знания французского и итальянского. Леопольд Байерманн из Вены говорил по-немецки и на латыни, зато понимал также польский и сербский. Иоганн Зуппини из венгерской Даруфалвы, напротив, не знал венгерского, но

und wie sie durch ein jedes Glied der Ofner Landes-Zentral-Buchhaltere mit Inbegriff der in die Bezirke detaschirten sind beantwortet worden. Zusammengetragen den 15tens Decembri 1788.

⁶¹ Со сходными источниками по Трансильвании работал Э. Четри. См.: Csetri E. Az erdélyi központi hatóságok tisztviselőinek nyelvtudásáról a 18. század végén // Nemzeti és társadalmi átalakulás a 19. században Magyarországon / Szerk. I. Orosz. Budapest, 1994. 19–29. old.

говорил и писал на немецком и латыни, а также понимал итальянский и хорватский.

Можно проследить одну тенденцию: чем старше был чиновник, тем более красочным оказывался его жизненный опыт и более разнообразными — языковые компетенции. К сожалению, источник умалчивает, где Йожеф Йошвай (1750–?) изучал философию, экспериментальную механику, ботанику, химию, физиологию, анатомию, географию, естественную историю и экономику. В результате он писал и читал на латинском, немецком, венгерском и словацком, понимал румынский, итальянский, французский и английский языки. Среди тех, кто был старше 35 лет, можно встретить отставных офицеров, бывших иезуитов, авантюристов и беженцев. В молодости они изучали военное дело, теологию, юриспруденцию и инженерное дело. Они объехали много стран, говорили или, как минимум, понимали и могли изъясняться на разных языках. Знания, необходимые для службы в Казенной палате, они добыли позднее, будучи во многом автодидактами.

П. Бёрк писал о роли языка «в выражении или конструировании многообразия социальных отношений»⁶². Рассмотренный выше процесс можно считать примером, как постепенное введение в Венгрии немецкого языка — сопровождавшееся выстраиванием новой школьной системы, транслировавшей необходимые языковые компетенции, — в конечном итоге изменило облик административных элит Венгерского королевства. Что касается целей и задач языковой политики австрийского просвещенного абсолютизма, она не означала, что венский двор пытался заменить не говорящих по-немецки венгерских чиновников на лояльных немецкоязычных служащих. Скорее венский двор пытался — введением требования неперемного владения немецким языком — обогатить чиновничьи корпорации королевства людьми, обладавшими более широкими интеллектуальными горизонтами, лучшим образованием и разнообразными знаниями и навыками.

⁶² *Burke P.* Language and communities in early modern Europe. Cambridge, 2004. P. 3.

Сочетания идентичностей

...Mich als einen durch so vielfaltige Dienstjahre naturalisierten filium patriae, von der Geburt aber österreichischen Wiener und Wienerischen Untertan...⁶³

Владения Австрийского дома не случайно называют «лоскутным одеялом»: там вперемешку с немцами проживали чехи, с венграми — словаки, с итальянцами — словенцы. Земли венгерской короны отличались особым разнообразием, что не укрывалось от взгляда обывателей, чиновников, ученых. В 1536 г. венгерский гуманист, Эстергомский архиепископ Миклош Олах (1493–1568) в сочинении «Венгрия» писал: «В наши дни вся Венгрия включает в себя различные народы: венгров, немцев, чехов, славян, хорватов, саксов, секеев⁶⁴, валахов, рацев [сербов. — О.Х.], кунов, ясов, русин и, наконец, турок»⁶⁵. Два с половиной века спустя Мартин Швартнер — сам, как следует из имени, этнический немец — в сочинении «Статистика Венгерского королевства» отмечал: «Как среди дворян, так и венгерских крестьян много тех, чьи предки были немцами или славянами, но в их внуках не осталось ничего славянского или венгерского»⁶⁶. Потребовалось время, чтобы и общество, и государство осознали преимущества и опасности этнического многообразия королевства и ситуативность лояльностей и идентичностей подданных.

Французский историк Виктор Тапье в биографии Марии Терезии писал: «В те времена не было и речи о национальностях в том смысле, в каком это понятие будет употребляться в XIX в. На первом месте стояло государство». Например, в

⁶³ ...Меня, как за столько лет уже натурализовавшегося сына [венгерского] отечества, по рождению же австрийского венца и венского подданного (нем.). — Из прошения Франца Оттермайера, контролера соляной конторы в Сегеде. Цит. по: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1867. 15. Aug. 1750. Fol. 227r.

⁶⁴ *Секеи, или секлеры*, — субэтническая группа мадьярского этноса, проживавшая в Трансильвании и обладавшая привилегиями коллективного субъекта.

⁶⁵ *Olah M.* Hungaria. Текст доступен по адресу: mek.oszk.hu/06000/06072/html/gmolah0003.html

⁶⁶ *Schwartner M.* Statistik Königreichs Ungern. Ofen, 1809. Teil 1. S. 120.

бумагах и переписке императрицы ученый не обнаружил слова «славянство». Возможно, пишет он, государыня считала чехов, по причине вхождения их королевства в Священную Римскую империю, немцами, которые говорят на одном из славянских языков. Рассуждая о чешской нации, она подразумевала Богемию (Чехию) и всех ее жителей⁶⁷.

Р. Эванс в статье «Иосиф II и национальность в Габсбургских землях» напоминал: национальность была единственным критерием, который император не включил в свои статистические исследования⁶⁸. В самом деле, в 1777 г., когда он еще был соправителем своей матери, в Наследственных провинциях была проведена перепись, с целью получить конкретные данные о численности жителей, в первую очередь налогоплательщиков и призывников, его структуре и динамике роста населения⁶⁹. Став единоличным правителем, Иосиф в 1784–1787 гг. применил накопленный опыт и методики в Венгерском королевстве. Усилиями тысяч переписчиков впервые были собраны уникальные (пусть часто неполные и неточные) данные о возрастном и половом составе подданных, их имущественном положении и профессиональных навыках⁷⁰. Однако графа «национальность» или «язык» в опросных листах отсутствовала. Первая перепись населения, учитывавшая языковую принадлежность, была проведена только в начале XIX в. Ее данные свидетельствуют: всего в королевстве проживало 7 млн 566 тыс. человек, из них мадьяр — 42%, хорватов и сербов — 18,5, словаков — 14, валахов (румын) — 10, немцев — 9, русинов — 3,8%⁷¹.

В то же время ошибочно думать, что Иосиф II и его ближайшее окружение не учитывали такой фактор, как этничность.

⁶⁷ См.: *Tapié V. L.* Maria Theresia. Die Kaiserin und ihr Reich. Gratz; Wien; Köln, 1996. S. 274.

⁶⁸ См.: *Evans R.J.W.* Joseph II and nationalities // *Idem.* Austria, Hungary and the Habsburgs. Central Europe c. 1683–1867. Oxford, 2006. P. 134.

⁶⁹ См.: *Tantner A.* Die Quellen der Konkskription // *Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert) Ein exemplarisches Handbuch / Hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, T. Winkelbauer.* Wien; München, 2004. S. 196–204. (MIÖG. Ergänzungband 44).

⁷⁰ См.: *Faragó T.* Az első magyarországi népszámlálás fennmaradt forrásanyaga (egy forráskiadási munka tanulságai) // *Demográfia.* 2010. 4. sz. 315–355. old.

⁷¹ См.: *Benda K.* Emberbarát vagy hazafi? Tanulmányok a felvilágosodás korának magyarországi történetéből. Budapest, 1978. 13–28. old.

Упомянутая выше инструкция десяти королевским окружным комиссарам, которую тайно скопировал и опубликовал Й. Гросингер, может служить примером того, сколь ясно власти представляли себе этническую пестроту королевства, какие видели в этом опасности и как собирались использовать в интересах «общего блага». Эти представления не идентичны набору свойств, приписываемых тому или иному народу в имевших широкое хождение в Европе раннего Нового времени «Таблицах народов» («*Völkertafel*»)⁷², и суммировали опыт общения властей с национальностями как некими коллективными объектами политики властей. Хотя издатель вынес в заголовок слово «собственноручно», у историков нет полного единодушия, надиктовал ли Иосиф текст секретарям или доверил составление своим многоопытным советникам (обычно называется имя Шандора Пастори (1749–1798)). Так или иначе, он был хорошо знаком со своими венгерскими владениями, потому что неоднократно совершал ознакомительные путешествия, в ходе которых собирал информацию, в том числе об этнически пестрых регионах, таких как Банат, Славония или Трансильвания⁷³.

К «лучшему роду» подданных относились те, кто владел современными методами ведения сельского хозяйства и ремеслами, направлял своих детей в школы, поставлял в армию смысленных рекрутов. Это были в первую очередь немцы, веками проживавшие в королевстве или приглашенные после изгнания османов, и венгры. Несколько противоречивых строк император посвятил хорватам: «По характеру они особенно склонны к лени и очень любят деньги, последнее же обстоятельство поощряет в них трудолюбие»⁷⁴. Про сербов он писал: «Рацы — ловкие, но склонные к обману; попав в солдаты, они служат с честью, но в последнее время всё больше интересуются торговлей. Было бы желательно увеличить их численность, и я думаю, что, если предложить им достойные условия, многие из них с готовностью переберутся сюда из турецких владений»⁷⁵.

⁷² См.: *Europäischer Völkerspiegel / Hrsg. von F.K. Stanzel.* Heidelberg, 1999.

⁷³ См.: *Kulcsár K. II. József császár utazásai Magyarországon, Erdélyben, Szlávoniában és a Temesi Bánságban, 1768–1773.* Budapest, 2004.

⁷⁴ *Verbesserungsanstalten für das Königreich Ungarn, welche S. Kais. Königl. Majestät in einem an die X. königliche Ungarische Kommissäre eigenhändig erlassenen Befehlsschreiben den 30. März 1785.* In Deutschland, 1785. S. 25.

⁷⁵ *Ibid.* S. 14.

О румынах, к которым Иосиф испытывал жалость и симпатию, он выразился так: «С валашской нацией обращаются как с рабами, отчего происходит их низкая культура, непостоянство, склонность к воровству. Пока не насадить в их среде через школы подлинное просвещение, не научить их любить землю, на которой они живут, не привить вкус к постройке хороших домов и обустройству хозяйства, выращиванию разных сортов фруктов, эти люди так и будут слоняться без дела»⁷⁶. Мнение о словаках северных комитатов государь выразил следующими словами: «По характеру своему они довольно ленивы и порой склонны к потасовкам, в целом же — довольно спокойные подданные и, хотя в армию их берут редко, попав в солдаты, отменно служат»⁷⁷. Если кто и был интегрирован в подконтрольные государству структуры еще меньше, чем румыны, то это были «ленивые» и «непросвещенные» русины Прикарпатья, исповедующие терпимое властями православие и потому находящиеся во власти своих попов, не направляющие своих сыновей в армию и не искушенные в полезной государству торговле»⁷⁸.

Император и его советники также отдавали себе отчет в том, сколь конфессионально неоднородны некоторые из областей королевства. По поводу Надъварадского округа в инструкции говорилось: «В этом округе, который во всех отношениях является одним из самых непростых, поскольку здесь живут католики, кальвинисты, униаты и православные, следует соблюдать принципы, диктуемые веротерпимостью»⁷⁹. Власти особо заботились о конфессии, наименее им подвластные, фактически конкурирующие с государством за умы паствы, и прежде всего православие. О сербах и румынах отмечалось: «Духовенство имеет на них огромное влияние»⁸⁰. О Прикарпатье говорилось без экивоков: «Духовенство, особенно православное, весьма мало просвещено, а школы, как и всё там, в плачевном состоянии»⁸¹.

Конечно же, власти были в курсе межэтнических противоречий и напряженности. Симпатизировавший валахам

⁷⁶ Ibid. S. 13.

⁷⁷ Ibid. S. 46.

⁷⁸ См.: Ibid. S. 57.

⁷⁹ Ibid. S. 50.

⁸⁰ Ibid. S. 14.

⁸¹ Ibid. S. 64.

Иосиф II сокрушался: «Следует признать, чтобы расчистить место для новых переселенцев, их сгоняют с лучших земель, переселяют целые деревни и всячески притесняют»⁸². По поводу антипатии, ощущавшейся между венграми и сербами в Банате, он высказывался еще более откровенно: «Нет никакой возможности отрицать, что в отношениях между венграми и рацами, между православными и венграми царят закоренелые предубеждения. И чем менее мы задумываемся о подлинных причинах, тем очевиднее они проявляются при каждой возможности, и этому мы недавно, во время волнений в Трансильвании, наблюдали печальное подтверждение»⁸³.

Эпоха проявляла мало интереса к национальностям. Латинское слово «*natio*» нередко обозначало «род», «семью», как в прошении Валентина Кислинга, писавшего: «В нашем роду [*natio*] нет никого, кто в настоящее время нес бы службу в Казенной палате»⁸⁴. Зато в лексиконе современников присутствовало слово «националист». Р. Эванс в цитированном выше исследовании утверждает: «Даже австрийское правительство вполне очевидно признавало “нации” в значении “народы”. И Мария Терезия, и Иосиф использовали эту терминологию. Особенно это касалось православного населения юга Венгрии, где в Банате имелись, как говорилось в официальных документах, свои “националисты” (*Nationalisten*), и дискуссия вращалась — в контексте вопросов о сербской православной церкви в венгерских комитатах — вокруг конституционных аспектов природы гражданства». Ниже в примечании историк уточняет: «[Слово] “националисты” в официальной терминологии описывало прежде всего сербов и румын Баната»⁸⁵. Это, несомненно, так, но круг значений, в которых употреблялось слово, несколько шире. Вот примеры, которые удалось обнаружить.

В 1743 г., когда контролер из конторы по сбору тридцатинного налога в Дёре записался в ополчение (шла война за Австрийское наследство) и образовалась вакансия, одним из претендентов на место оказался Фердинанд Вольфганг

⁸² Ibid. S. 13.

⁸³ Ibid. S. 15.

⁸⁴ ÖStA. FHKA, HFU. Kt. 1769. 21. Apr. 1744. Fol. 471r.

⁸⁵ Evans R.J.W. Joseph II and nationalities. P. 139.

Допплер. В ноте Венгерской казенной палаты о нем говорилось дословно следующее: «Сослался на то, что [имеет] образование и навыки в арифметике и *националист* [курсив мой. — О.Х.]»⁸⁶. Составители нот, как правило, использовали фразы и отдельные выражения из самих же прошений. Обладатель немецкой фамилии, Допплер, по всей видимости, хотел сказать, что является подданным венгерского короля, а возможно, и уроженцем Венгерского королевства. Этого оказалось недостаточно, и его поставили на третье место в списке более опытных и заслуженных соискателей. Имя Допплера вновь всплывает в бумагах Казенной палаты в 1762 г., когда в Сегеде умер приемщик соляной конторы, но на этот раз соискатель не попал даже в первую тройку⁸⁷.

Далее, слово «националист» встречается в 1764 г. в прошении графа Габора Эстерхази о награждении орденом св. Стефана и является там не этнонимом, а скорее политонимом — обозначает члена сословной нации — «*natio Hungarica*»: «После того как Ваше Императорско-Королевское Апостолическое Величество милостиво повелели создать новый рыцарский орден св. Стефана и награждать им заслуженных венгерских *националистов* [курсив мой. — О.Х.], я могу привести в качестве заслуг различные и немалые службы моей семьи, предоставленные августейшему Австрийскому дому»⁸⁸.

Наконец, в упомянутой выше инструкции десяти королевским окружным комиссарам, также слово «националисты» не относится к православному населению Баната. В наставлениях комиссару Пештского округа, в частности, говорилось: «Приходится надеяться, что в этих комитатах, где проживает лучший род населения, а именно подлинно венгерских *националистов* [курсив мой. — О.Х.] и многочисленных немцев, будет легко поддерживать спокойствие и порядок»⁸⁹. Иными словами, круг значений и контексты, в которых слово употреблялось, еще предстоит уточнить.

М. Швартнер в своем сочинении слово «националисты» не употреблял, но зато описал проживавшие на

⁸⁶ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1754. 19. Febr. 1743. Fol. 344v.

⁸⁷ См.: Ibid. Kt. 2042. 13. Apr. 1762. Fol. 95r.

⁸⁸ MNL OL. P 1058. 29. cs. N 13.

⁸⁹ Verbesserungsanstalten für das Königreich Hungarn. S. 7.

территории королевства народы — мадьяр, славян, немцев, валахов, евреев, итальянцев, цыган. Влияние ученого на административные элиты королевства на рубеже XVIII–XIX вв. трудно переоценить. Подобно Й. Зонненфельсу, он не только давал частные уроки сыновьям венгерских аристократов, готовившихся к поступлению на государственную службу, в том числе будущему дипломату и единственному консервативному министру в революционном правительстве 1848 г. князю Палу Эстерхази (1786–1866), но и регулярно читал лекции студентам Пештского университета. Об этом особо говорилось в его дворянской грамоте 1800 г.: «Посвятил себя воспитанию отечественного юношества и в этом предприятии проявил столько рвения и так наставлял отечественное юношество, что за пять лет подготовил сотни молодых людей для государственной и частной службы»⁹⁰.

Корпус чиновников центральных ведомств во второй половине XVIII в. был плоть от плоти этой многонациональной страны. Даже если в их рядах подавляющее большинство составляли этнические мадьяры, мадьяризированные славяне и натурализовавшиеся немцы, знание ими языков, обычаев, поведенческих характеристик, особенностей менталитета жителей центральных и отдаленных областей королевства было особенно ценным. Молодые люди, только начинавшие административную карьеру, со знанием дела расхваливали эти свои специфические знания и опыт, справедливо отмечая, что им, как никому, будет легче находить общий язык с местным населением. Вспомним секретаря Венгерской казенной палаты А. Чато, который гордился знакомством с характером и менталитетом русин⁹¹.

Авторы трудов по социальной и культурной антропологии не устают повторять о многоуровневых, сложноподчиненных категориях, в которых осознавал себя индивид раннего Нового времени. Британский ученый, автор трудов по истории национализма Эрик Хобсбаум (1917–2012) однажды заметил: «Объект коллективной самоидентификации люди выбирали совсем не так, как выбирают они ботинки,

⁹⁰ MNL OL. A 57. 60. köt. 536. old.

⁹¹ ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 27. Kt. 1907. Subd. 1. N 93 ex Apr. 1779. Fol. 59v.

зная, что больше одной пары за один раз надеть невозможно. Они имели и сейчас имеют различные привязанности, симпатии и объекты лояльности одновременно, в том числе и в национальной сфере. <...> В течение долгого периода эти привязанности и симпатии могут не предьявлять к данному человеку абсолютно несовместимых требований, а потому он может без особого труда воспринимать себя как, например, сына ирландца, мужа немки, члена шахтерского сообщества, рабочего, болельщика футбольного клуба «Барисли», либерала, методиста, английского патриота, республиканца и сторонника Британской империи»⁹².

В самом деле, бюрократии раннего Нового времени дают немало примеров того, как чиновники могли обладать несколькими, не противоречащими друг другу «национальными» идентичностями, будучи членами дворянских сообществ разных коронных земель по праву рождения либо кооптации или обладая причудливой комбинацией религиозных, сословных, языковых и иных идентичностей. Причем для этого не было необходимости становиться мигрантом или беженцем. Р. Эванс в статье «Границы и национальные идентичности в центрально-европейской истории» приводит хорошо известный историкам раннего Нового времени пример, как граф Игнац Доминик Хоринский (глава земельного правительства Силезии) построил в своем замке близ Тропнау гостиную, нависавшую над местной речушкой. Там стол стоял так, что десятеро из сидевших за ним гостей находились на территории Моравии, десятеро — в австрийской Силезии и десятеро на территории Силезии, оккупированной в ходе войны за Австрийское наследство Пруссией⁹³. Можно сказать, что головы у многих современников были устроены, как такая гостиная.

Если посмотреть на первый эшелон — руководителей центральных ведомств, они были австрийскими,

⁹² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г.: программа, миф, реальность / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 196. Автору как бы вторит его соотечественница Линда Колли, напоминая, что идентичности — это не шляпы: их на голове (в голове) индивида одновременно может уместиться несколько. См.: Colley L. Britons: Forging a nation, 1707–1837. Yale Univ. Press, 1992.

⁹³ См.: Evans R.J.W. Frontiers and national identities in Central-European history // *Idem*. Austria, Hungary and the Habsburgs. P. 118.

штирийскими, богемскими (чешскими), моравскими, венгерскими и прочими аристократами, членами сословных корпораций своих земель, но при этом, несомненно, составляли наднациональное придворное общество, где земельная идентичность отступала на второй план. Американский историк У. Годси цитирует в пересказе графа Михая Каройи (1875–1955) разговор, состоявшийся в начале XX в. на водах в Карлсбаде. «Французский политик спросил графа Леопольда Берхтольда, кем он себя считает по национальности: немцем, венгром или чехом. Берхтольд ответил, что он венец. Не удовлетворенный таким ответом, собеседник не унимался: в случае если события примут форму открытого конфликта между национальностями, на чьей стороне он будет тогда? Берхтольд доверительно сообщил: на стороне императора»⁹⁴. Дворяне и простолюдины (разночинцы) без различия родного языка были подданными своего короля, членами сословных конгрегаций родных провинций, округов или комитатов, а в некоторых случаях также обладали региональной идентичностью как жители Верхней Венгрии или Баната. У немецкого патрициата венгерских городов было сильное чувство корпоративной принадлежности к бюргерской общине, и они не порывали с ней связи даже после получения венгерского дворянского титула.

Как неоднократно говорилось ранее, «национальная» идентичность в XVIII столетии была по сути подданством или сродни тому, что в наши дни понимают под гражданством. Им можно было обладать по праву рождения безотносительно к родному языку или его даровали в знак признания активного участия в жизни страны. На языке той эпохи жители (подданные, граждане) назывались «сын отечества» (на латыни — «*patriae filius*», по-немецки — «*Landeskind*», по-венгерски — «*hazafi*») или «дворянский сын отечества» (на латыни — «*nobilis patriae filius*», по-немецки — «*adeliges Landeskind*», по-венгерски — «*nemes hazafi*»). Формой лояльности родной стране в ту эпоху был, как следует из самих самоназваний, патриотизм, под отечеством же понималось в первую очередь государство. Впрочем, из некоторых контекстов не всегда ясно, о каком отечестве ведет речь проситель.

⁹⁴ Godsey W.D., Jr. Quarterings and kinship: The social composition of the Habsburg aristocracy in the Dualist Era // *The Journal of Modern History*. 1999. Vol. 71. N 1. P. 89.

В 1768 г. молодой человек по имени Готтлиб Гаснер претендовал на место регистратора в бухгалтерии Казенной палаты. (Прощение хранится в документах, имеющих отношение к Венгерской казенной палате, но текст можно истолковать и в пользу головного — венского придворного ведомства.) Он называет себя *Landeskind*, но неясно, идет ли речь о Венгрии (что маловероятно), об Австрийских провинциях или (не исключено) о владениях Австрийского дома в целом.

В XIX в., когда многие историки, впоследствии заслужившие имя национальных, поставят свое перо на службу идеологическим потребностям рождавшихся на их глазах современных наций, идентичность домодерной эпохи стала рассматриваться как что-то менее развитое, совершенное, чему еще только предстояло стать полноценным национальным сознанием. Патриотизм раннего Нового времени с его этатистскими обертонами стал считаться чем-то несовершенным, чему только предстояло превратиться в полноценную верность своей нации. Как писал венгерский литературовед Бела Пукански (1895–1950): «Самый простой, наивный вид государственного патриотизма считает, что отечество есть высшая форма реальной общности»⁹⁵. Такие взгляды можно было встретить и в конце XX в. А.С. Мыльников (1929–2003) также рассуждал о патриотизме как о наиболее простом, понятном широком массам средстве национальной консолидации и видел в «просветительском» патриотизме конца XVIII в. ступень, предшествовавшую последней стадии и высшей ступени патриотической идеологии — «национальному патриотизму»⁹⁶.

Тот факт, что в Центральной Европе XIX в. попытки претворения в жизнь модели государственного патриотизма (не замешенного на этнической компоненте) фактически потерпели поражение перед лицом воинственных национально-языковых, ассимиляторских по сути движений, не означает ни полного его исчезновения, ни отсутствия у него перспектив развития⁹⁷. Здесь важно подчеркнуть инклюзивный характер

⁹⁵ Pukanszky B. «Patrióta» és «hazafi»: fejezet a magyarországi német irodalomtörténetéből. Budapest, 1933. 5. old.

⁹⁶ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 80.

⁹⁷ См.: Хаванова О.В. Нация — отечество — патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000. С. 19.

гражданской по сути консолидации на основе сложившегося в XVIII в. патриотизма, предполагавшего чувство сопричастности к общей истории, гордость за личный вклад в процветание страны, в защиту ее территориальной целостности, в приумножение культурных достижений. Таковы были критерии оценки «полезности» подданного, ожидавшего благодарности или признания от своей страны; с такими же мерками подходили к подданным из иных государственно-территориальных субъектов, претендовавших на членство в сообществе сыновей отечества.

У немцев Венгерского королевства наблюдалось отчетливое желание быть частью того общественного устройства, в котором тон задавало дворянство. Б. Пукански писал, что австрийские немцы с недоумением и легким пренебрежением взирали на стремление немецкоязычных сынов венгерского отечества ассимилироваться в венгерско-дворянской среде. Такой патриотизм, ориентированный не на владения Австрийского дома в целом, но на Венгрию, получил название «парциального» (т.е. частичного)⁹⁸. В качестве примеров его торжества в чиновничьей среде можно привести (несомненно добровольную) мадьяризацию фамилий⁹⁹. Одни подбирали похоже звучащую (хотя, возможно, ничего не значащую) венгерскую фамилию. Так Турнляйтер превращался в Тороньяи. Другие переводили свою фамилию на венгерский язык, как Лампель, который теперь стал Барань¹⁰⁰. Эта практика получит широкое распространение в XIX в., и не только среди ассимилировавшегося еврейства. Один из основоположников венгерского литературоведения — Ференц Толди (1805–1875) родился в семье почтового служащего Франца Шеделя и, будучи отдан в венгерскую школу, в юности выбрал в качестве псевдонима имя сказочного венгерского богатыря.

Раньше уже говорилось, что индигенат для аристократов-чужеземцев был не более чем формой законного уклонения от налогов с венгерских владений. Напротив, для рожденных в Венгрии (или связавших с этой страной свою

⁹⁸ См.: Pukanszky B. «Patriota». 13. old.

⁹⁹ Об этом, приводя примеры из мемуаров XVIII в., пишет Х. Марцали. См.: Marczali H. Hungary in the eighteenth century. Cambridge, 1910. P. 234.

¹⁰⁰ См.: MNL OL. A 79. Turnleiter, Josephus; Lamper, Josephus.

судьбу) немцев венгерский дворянский титул открывал путь в ряды дворянских сыновей отечества. Это давало наряду с этнической немецкой идентичностью сознание своей новой социальной роли — дворянина. Выше уже шла речь об отце и сыне Хельблингах. Этнический немец Георг Хельблинг около 35 лет прослужил в сфере соледобычи в Венгерском королевстве, дослужился до приемщика соляной конторы в Мохаче, когда в 1750 г. подал прошение о дворянском титуле¹⁰¹, и менее чем через год оно было удовлетворено. У отца десятирех детей, по всей вероятности, не было достаточных средств оплатить изготовление эскиза родового герба, поэтому текст дворянской грамоты в «Королевских книгах» не снабжен рисунком. Однако из описания следует, что в память о профессии, принесшей семье социальное возвышение, на щите были изображены соляные глыбы¹⁰². После смерти чиновника в 1757 г. сын его Йозеф, просивший передать ему должность покойного отца, уже гордо подписывался как «венгерский дворянин» («*nobilis Hungarus*»)¹⁰³.

В атмосфере жесткой конкуренции за должности, когда «[дворянские] сыновья отечества» делили между собой ограниченное число доступных рабочих мест, чужаки и новички могли рассчитывать на успешную карьеру только как клиенты могущественных покровителей или путем демонстрации благородного стремления стать частью своей новой родины. Степень, в которой это всегда оставалось субъективным балансированием между доводами «за» и «против», видна в случае назначения Франца Рэдя на должность сборщика налогов: «У него вряд ли есть дворянский титул, но, с одной стороны, он женат на венгерской дворянке и владеет поместьем в Венгрии, с другой стороны, он достойно и полезно прослужил десять лет налоговым ревизором в Пресбурге». Этого оказалось достаточно, чтобы получить искомую должность¹⁰⁴.

Однако, несомненно, действовавшая модель патриотизма была и эксклюзивной, т.е. исключавшей тех, кто не соответствовал критериям органического, а не механистического членства в сообществе «подданных венгерского короля».

¹⁰¹ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1862. 9. Mar. 1750. Fol. 173r.

¹⁰² См.: MNL OL. A 57. 42. köt. 214–216. old.

¹⁰³ См.: ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1959. 18. Apr. 1757. Fol. 153r.

¹⁰⁴ См.: Ibid. Kt. 1784. 8. Mar. 1745. Fol. 116r-v.

Этим объясняется настойчивое требование к венскому двору не допускать иноземцев к управлению страной. Данное требование было закреплено законодательно. Параграф 1 статьи IX/1741 Свода венгерских законов гласил: «[Его Королевское Величество] также милостиво постановил, что дела и вопросы страны, в ее пределах и за границей, будут рассматривать и решать с помощью венгров»¹⁰⁵. То же требование звучало в статье XV/1741: «Его Священное Королевское Величество согласилось с нижайшей просьбой сословий королевства и относящихся к нему частей и милостиво распорядились, чтобы, как то и предписывают законы страны, на любые церковные и светские синекуры, посты и должности назначать снискавших заслуги перед королем и отечеством венгров»¹⁰⁶. Всех соискателей чиновничьих должностей, заслуги которых были ведомству неизвестны и за кого не ходатайствовал кто-то из влиятельных аристократов, рассматривали буквально под лупой на предмет права именоваться сыном отечества. Когда, например, некий Петер Йозеф Винклер подал прошение о зачислении в штат Венгерской королевской канцелярии, в сопроводительной записке говорилось: «Петер Йозеф Винклер — венгр (по его словам) из Эстергома». Перед лицом конкурентов с более солидным послужным списком и авторитетными покровителями у соискателя не было шансов, и бумагу отправили в архив¹⁰⁷.

В полиэтничной чиновничьей среде находилось место и для национально окрашенного чувства неприязни, однако современному ученому порой непросто интерпретировать дошедшие до нас свидетельства и высказывания. Так, во время допросов по поводу утечки информации из стен Венгерско-Трансильванской королевской канцелярии переписчик Гросингер заявил о советнике Бистрицеи (если цитировать материалы расследования), что тот не раз ему якобы повторял: «Ни один советник не желает о нем ничего знать, потому что у него нет подлинно венгерского сердца [*kein Hunarisch ächtes Herz*]¹⁰⁸. У подобного заявления (независимо от того, были сказаны эти слова или, как позднее утверждал

¹⁰⁵ Цит. по: www.1000ev.hu/index.php?a=3&param=4721

¹⁰⁶ Цит. по: www.1000ev.hu/index.php?a=3&param=4725

¹⁰⁷ См.: MNL OL. A 39. 3020/1772.

¹⁰⁸ Ibid. 9213/1785.

Бистрицеи, нет) может быть несколько интерпретаций. Что скрывается за противопоставлением образованного венского бюргера и венгерского дворянина? Что превращает сердце в подлинно венгерское? Конечно, такое утверждение несет на себе в первую очередь печать этнической неприязни. Однако оно может интерпретироваться и более широко: не имея подлинно венгерского сердца, трудно разделить гордость за славное прошлое страны, нести ответственность за ее день сегодняшний.

Для австрийцев было характерным смотреть на венгров сверху вниз, считать их политическую культуру отсталой, уровень общей культуры — низким. Для Марии Терезии, при всей ее неизменной симпатии к венграм, было ясно, что путь к просвещению ее венгерских подданных, в том числе чиновничьих элит, лежит в умелом создании точек соприкосновения, поля для взаимодействия между «немецко-австрийским» и «венгерским» сегментами администрации. Можно сказать, что чиновник с одной ярко выраженной идентичностью — будь то, скажем, венгерская дворянская или австро-немецкая имперская — был менее полезен, чем индивид, который обладал разнообразным профессиональным жизненным опытом и хорошо ориентировался в различных социальных средах. В 1761 г., когда сын покойного советника Венгерской казенной палаты А. Дешана обратился с просьбой о зачислении в штат ведомства, где до недавнего времени служил его отец, Мария Терезия в резолюции на полях вотума начертала: «Желательно, чтобы как можно больше немцев, кто изучил венгерское право и политическую систему и, следовательно, накопил необходимый опыт, принималось на службу в Казенную палату»¹⁰⁹.

Когда в 1765 г. в Вене искали кандидата на вакантный пост администратора Сепешской казенной палаты (выше уже говорилось, что эту должность получил венгерский барон Й. Вечеи), президент Венской придворной казенной палаты граф И.З. Херберштайн высказал следующее суждение: «Сия Придворная казенная палата придерживается того всеподданнейшего мнения, что Вашему Императорско-Королевскому Апостолическому Величеству следует заместить этот пост посредством германизированного венгерского [*eines germanisierenden Hungarischen*] или располагающего венгерским

¹⁰⁹ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 2031. 30. Sept. 1761. Fol. 750r.

индигенатом субъекта [*mit dem Hungarischen Indigenat versehenen Subjecto*]¹¹⁰. В ответ императрица начертала: «Было бы желательным взять туда еще какого-нибудь немца»¹¹¹.

В условиях, когда в законодательстве, делопроизводстве, образовании безраздельно господствовала латынь, параллельно которой все шире внедрялся немецкий язык, знание венгерского могло быть свидетельством этнической или конфессиональной принадлежности, но никоим образом не монополией на членство в венгерской нации. Упоминавшееся выше семейство Клохаммер было аноблированными немецкоязычными бюргерами, так и не овладевшими в совершенстве венгерским языком. Янош Клохаммер, рекомендуя своего брата-инженера графу Анталу Каройи, писал: «Помимо латыни он в совершенстве владеет немецким и славонским языками, сносно говорит по-французски и гораздо хуже — по-венгерски»¹¹². Когда тот же Каройи искал воспитателя для своего малолетнего сына, генерал ордена пиаристов предложил кандидатуру 29-летнего Йозефа Ягера, сына зажиточных горожан из Пресбурга: «Он заслуживает всех мыслимых похвал, и я предвижу только одно затруднение: он почти не говорит по-венгерски, но приложит все усилия, чтобы в скорейшем времени и тут угодить чаяниям Вашего сиятельства»¹¹³. Каройи, впрочем, предпочел другого члена ордена, блестяще владевшего венгерским, — Винце Хенеи¹¹⁴.

Выше говорилось, что не каждому немцу, который был в курсе намерения Марии Терезии пополнять штат Венгерской казенной палаты выходцами из Наследственных провинций, удавалось получить место в венгерских управленческих структурах. Однако если соискатель был лично государыне симпатичен, то решение находилось. В 1768 г. молодой Максимилиан Дамм — сын губернского секретаря из Богемии — попросил о назначении конципистом в

¹¹⁰ Ibid. UK. Fasz. 27. Kt. 1904. Subd. 1. N 22 ex Jun. 1766. Fol. 127v.

¹¹¹ Ibid. Fol. 117v.

¹¹² Я. Клохаммер Я. — А. Каройи, Вац, 3.XI.17?? // MNL OL. P 398. 88. d. N 40514.

¹¹³ Ж. Орос — А. Каройи, Привидье, 22.VI.1776. MNL OL. P 398. 120. d. N 54150.

¹¹⁴ См.: *Khavanova O.* Born or brought up a Hungarian aristocrat. Antal Károlyi educates his son Jozsef // *Adel im langen 18. Jahrhundert.* / Hrsg. von G. Haug-Moritz, H.-P. Hye, M. Raffler. Wien, 2009. P. 73–88.

Венгерскую казенную палату (он уже полгода практиковался у А. Котмана), и императрица — по всей очевидности, за заслуги отца — повелела принять его сверх штата и положила ему (явно из своих средств) 300 фл. жалованья¹¹⁵. Ставка для Дамма нашлась только через пять лет, а в 1791 г. он был повышен до экспедитора и секретаря Казенной палаты, в какой-либо должности и прослужил до 1796 г.¹¹⁶

Относительно Дамма не удалось найти сведений о том, знал ли (выучил ли) он венгерский язык. Между тем знание венгерского парадоксальным образом не требовалось от этнических немцев — сыновей венгерского отечества, но порой встречалось и выпячивалось в качестве дополнительного соревновательного преимущества выходцами из других габсбургских владений. Например, этнический немец Генрих Гэнгель, отстаивая свое первенство при назначении на должность в Венгерской казенной палате прежде Франца Шпиндлера — беженца из Силезии, просил принять во внимание свои «исключительные искушенность и знания венгерского языка» и отдать ему предпочтение «как сыну нации и Отечества»¹¹⁷. Опять-таки нельзя с уверенностью утверждать, откуда был родом отставной обер-лейтенант Карл Игнац Байшлаг, но, по всей вероятности, не из Венгрии. Между тем он владел венгерским языком и имел навыки в делопроизводстве на немецком¹¹⁸. Это и стало залогом его долгой и успешной карьеры в Венгрии: в 1766–1769 гг. — конципист в Венгерской казенной палате, в 1769–1773 гг. — секретарь, затем получил назначение в казначейство Трансильванского великого княжества.

Бывали редкие случаи, когда в ряды венгерского чиновничества попадали «аутсайдеры», не владевшие никакими языками, кроме немецкого. Так произошло с Георгом Малошегом — отставным солдатом или младшим офицером, который после Войны за Австрийское наследство поступил на

¹¹⁵ См.: ÖStA. FHKA. UK. Fasz. 29. Kt. 1940. Subd. 1. N 122 ex Aug. 1768. Fol. 299v–300v.

¹¹⁶ См.: *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVIII. században.* 319. old.; *Idem. A Magyar Kamara tisztviselői II. Józseftől a polgári forradalomig.* 348., 356. old.

¹¹⁷ ÖStA. FHKA. HFU. Kt. 1841. 27. Okt. 1748. Fol. 860v.

¹¹⁸ См.: *Ibid.* UK. Fasz. 1. Kt. 2. Konv. 2. N 15 ex Mar. 1766. Fol. 260r; N 60 ex Jun. 1766. Fol. 289r.

службу в Венгерскую казенную палату¹¹⁹. Ему на тот момент было, по-видимому, около сорока лет, и двадцать из них он уже посвятил военной карьере. Еще не старый, чтобы рассчитывать на пенсию, он был уже не в том возрасте, когда садятся за парту и учат латынь. Так начался не менее длинный отрезок его чиновничьей карьеры: новичка — несмотря на протесты венгерской стороны — определили контролером в пункт сбора тридцатинного налога в Хайнбурге (близ Пресбурга). Когда же в 1760 г. его начальник скончался, было решено назначить на его место именно Малошега. Справиться с возросшим кругом обязанностей на таком оживленном перекрестке торговых (в том числе и контрабандных) путей, как Хайнбург, было непросто, и Венгерская казенная палата недвусмысленно писала о его «служебном несоответствии» (*«Unzulänglichkeit»*) такой должности¹²⁰. Однако, когда в Вене выяснили, что он старателен и ответствен, а единственное, чего ему не хватает, — «прыти» лично инспектировать товарные склады, чтобы не допустить незаконного обогащения недобросовестных торговцев, головное ведомство расценило, что вопрос можно снять, придав в помощь пожилому Малошегу смышленного контролера. В заключение соответствующего востума говорилось, что все лучше оставить как есть вплоть до кончины Малошега¹²¹. Однако в этой должности он провел не менее десяти лет: сохранилось его прошение, датированное 1769 годом, где он, отец пятерых детей, просил принять единственного сына Антона в Политико-экономический коллегиум в Сенце¹²².

Стал ли Малошег за 20 с лишним лет на венгерской службе «хунгарусом»? По всей видимости, нет, и то, что его кандидатуру всякий раз отстаивала австрийская, а не венгерская сторона, тому подтверждение. Был ли шанс у его сына, обучавшегося в венгерском Сенце, где преподавание велось на немецком языке, интегрироваться в среду именно венгерского чиновничества? Несомненно! Однако предметный ответ потребует отдельного исследования. Очевидно одно: люди, подобные Малошегу, действовали на периферии

¹¹⁹ См.: *Ibid.* HFU. Kt. 1877. 25. Maj 1751. Fol. 139r.

¹²⁰ См.: *Ibid.* Fasz. r. Nr. 895. 1. Mär. 1760. Fol. 29r.

¹²¹ *Ibid.* Fol. 34r.

¹²² См.: *Ibid.* UK. Fasz. 41. Kt. 2481. Subd. 1. N 113 ex Oct. 1769. Fol. 393r.

чиновничьего сообщества, имели невысокие шансы для культурной интеграции и социальной мобильности.

В канун распада своей многонациональной державы Габсбурги добьются того, что у высшего чиновничества Австро-Венгрии главной объединяющей силой, наряду с профессиональным этосом, станет австрийская идентичность¹²³. Доказательством тому В. Хайндль считает факт, что 68% имперской бюрократии вышли из стен того самого Терезианума, где зарождалась пропаганда австрийской идентичности в среде будущих чиновников¹²⁴. Их государственно-национальный идеал, возможно, выразил старый окружной начальник барон Франц фон Тротта из романа «Марш Радецкого»: «Он был австриец, слуга и чиновник Габсбургов, и отчизной для него являлся императорский дворец в Вене. Доведись ему представить свои политические взгляды касательно полезного переустройства разноплеменного австрийского государства, он признал бы желательным превратить все имперские земли в большие пестрые сады и дворы императорского замка и все народы, населяющие монархию, в верных слуг Габсбургской династии»¹²⁵. Однако никто из современных ученых не возьмется утверждать, что это была единственная лояльность, не расцветенная чувствами привязанности к родной коронной земле, родному (не немецкому) языку, родной культуре¹²⁶.

¹²³ См.: Хаванова О.В. Чиновничество в монархии Габсбургов XVIII в.: сочетания и конфликты идентичностей // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 266–290.

¹²⁴ См.: Heindl W. Josephinische Mandarine. Bürokratie und Beamte in Österreich. Bd. 2: 1848–1914. Wien, 2013. S. 127.

¹²⁵ Ром Й. Марш Радецкого / Пер. с нем. Е. Ман. М., 2001. Цит. по: http://www.lib.ru/INPROZ/ROT_J/marsh_radeckogo.txt

¹²⁶ Urbanitsch P. The high civil service corps in the last period of the multi-ethnic Empire between national and imperial loyalties // Historical Social Research. 2008. Vol. 33. N 2. P. 211.

Заключение

Значит, все вы чиновники!¹

В 2011 г. немецкие ученые Саша Бекер, Катрин Бёк, Криста Хайнц и Лудгер Вёсмманн опубликовали интересное исследование, посвященное непреходящему наследию прекративших свое существование империй. Эмпирическим материалом послужили данные о степени доверия к власти и об отношении к коррупции в разных странах, собранные в 2006 г. Всемирным банком («*Life in Transition Survey*»). Авторы выбрали 17 стран, некогда полностью входивших в состав Австро-Венгрии или включавших отдельные области двуединой монархии (Польша, Сербия, Украина и др.). Затем они сравнили показатели в странах второй группы в населенных пунктах, расположенных на расстоянии не более 200 км друг от друга по обе стороны границы двуединой монархии. Выходило, что на территориях, входивших в состав владений Австрийского дома, в начале XXI в. доверие к властям на местном уровне (суду, полиции) выше, чем по другую сторону символической разделительной линии. Вывод ученых гласил: существовавшие в прошлом политические и юридические институты сформировали культурные нормы, которые действуют и поныне, а Габсбургская монархия до сих пор влияет на взаимодействие людей с государственными институтами². Можно сказать, что чиновники, описанные в этой книге, внесли свой вклад в то, что современные европейцы из государств — наследников Австро-Венгрии выдают кредит доверия властям.

Итак, чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма представляло собой социальную и профессиональную группу с высокой степенью горизонтальной и вертикальной мобильности. Ее члены относительно легко (и почти всегда логично с точки зрения карьеры) перемещались между областями, провинциями

¹ Кафка Ф. Процесс / Пер. с нем. Р. Райт-Ковалевой, Г. Снежинской. СПб., 2014. С. 55.

² См.: Becker S.O., Boeckh K., Hainz Ch., Woessmann L. The empire is dead, long live the empire! Long-run persistence of trust and corruption in the bureaucracy // IZA Discussion papers. 2011. N 5584. P. 2–3.

и странами. Они были связаны узами родства, кумовства, землячества, в их карьерном росте большую роль играли отношения патроната и клиентелы. Группа эта демонстрировала открытость тем «чужакам» из других государств, культурных сред и профессий, кто выказывал готовность к интеграции, аккультурации и усвоению корпоративной этики. Универсальным мерилем успешности применительно к прошлому и, что особенно важно, к будущему служили индивидуальные и коллективные заслуги, обменивавшиеся на государевы милости, начальственные поощрения, социальные блага (стипендии детям, пенсии вдовам). Если монархия Габсбургов была страной тотальной полиглоссии, то ее экспонентами по праву могут именоваться чиновники, владевшие двумя, тремя, а в полиэтничной Венгрии — четырьмя и более языками. При прочих равных, более впечатляющих успехов добивался тот, кто строил честолюбивые планы и активно задействовал все доступные средства и механизмы для их реализации. Возможно, у читателя сложится впечатление, что многие суждения, практики, коллизии словно взяты из дня сегодняшнего. Пожалуй, это может служить лишним подтверждением того, что традиционное общество не исчезает с наступлением модерной эпохи и демонстрирует способность прорываться к реалиям общества постиндустриального.

Чтобы увидеть, как в капле воды, разномыслие, разноплеменное, обладавшее уникальным личным опытом и жизненным путем чиновничество, достаточно вновь обратиться к цитированному выше кондунту «Восемь вопросов», где 223 сотрудника бухгалтерии Венгерской казенной палаты описали свой профессиональный опыт. Их судьбы подтверждают основные выводы, сделанные выше в главах книги. Прежде всего, большинство из них оказалось весьма молодого возраста. Лишь семеро были старше 50 лет, а еще двое — старше 60; более одной трети (39%) не достигло и 26 лет. География их происхождения весьма широка: это не только Пресбург, где находилась Казенная палата до 1784 г., и не только Пешт-Буда, куда ведомство было переведено, но Вена и Нижняя Австрия, Трансильвания, Богемия и Моравия, Тироль и долина Рейна. Для четвертой части персонала работа в ведомстве стала первой и на тот момент (напомним, речь идет о 1788 г.) единственной в жизни. Остальные успели поработать в комитатских администрациях (девять),

таможенных и соляных конторах (восемь), школах и университетах (шесть), органах исполнительной власти (пять). Каждый десятый имел опыт работы личным секретарем при аристократе — важном начальнике, или при адвокате, ходатае по частным делам. Едва ли не столько же сотрудников в прошлом работало управляющими в поместьях крупных землевладельцев, на мануфактурах и фабриках. Около 7% чиновников в прошлом служили в действующей армии. Среди них был один венгерский лейб-гвардеец. Роспуск Иосифом II в 1781–1782 гг. нищенствующих орденов, не приносящих, в его понимании, общественной пользы, отразился на кадровом составе бухгалтерии: пять чиновников в прошлом были монахами. Наконец, — и это еще одно подтверждение того, что карьера оставалась уделом усердных и честолюбивых, 30 сотрудников признались, что в разные годы служили, не получая никакого жалованья, инвестируя таким образом время и силы в накопление знаний и опыта³.

В эпоху просвещенного абсолютизма чиновничество как социальная группа и институт сохраняла черты, практики и механизмы рекрутирования, прочно связывавшие его с предшествующим периодом. Это проявлялось в доминирующей, часто решающей роли личных связей при найме и продвижении по службе, в опоре на отдельные прецеденты в противовес имперсональному применению (находившихся в стадии выработки) общих норм или в превалировании личных практических знаний и опыта над сертифицированным общим и специальным образованием. С домодерной эпохой чиновников второй половины XVIII в. связывало персонифицированное и эмоционально окрашенное отношение к государю, чьими слугами они себя с гордостью считали. В то же время в риторике и практике административных элит все более отчетливо стала звучать соответствующая духу времени идея служения общему благу⁴, которое не сводится к обычной лояльности

³ См.: MNL OL. E 701. 3. köt. Enthalt die von Einer Hochlöblichen Kaiserlichen Königlichen Hofrechenkammer herabgegebene acht Fragpunkte und wie sie durch ein jedes Glied der Ofner Landes-Zentral-Buchhalterey mit Inbegriff der in die Bezirke detaschirten sind beantwortet worden. Zusammengetragen den 15tens Decembri 1788.

⁴ См. тематическую подборку статей: A közjó a kései rendiség diszkurzusában // Történelmi Szemle. 2016. 4. sz. 499.–554. old.

монарху, но требует мобилизации, раскрытия творческого потенциала личности, поиска нестандартных решений и даже самопожертвования.

Изучение сотен (эго)документов, которые легли в основу книги, позволяет сделать вывод о желании служить «общему благу» и приносить пользу государству как о главной мотивации чиновничьих карьер. При всей риторичности подобных утверждений нельзя считать их модой, простым следованием шаблону. Власть не просто декларировала, что самоотверженное исполнение служебных обязанностей не останется незамеченным, но и поощряла исполнительность, инициативность, готовность терпеть неудобства и лишения, ставила таких образцовых чиновников в пример коллегам. Вспоминаются строки, написанные Изабель де Мадариагой (1919–2014) о российской бюрократии времен Екатерины II: «Как в судебной, так и в административной сфере идея регламентированной законом службы абстрактному государству или даже обществу была еще слишком чуждой всем слоям населения. <...> Русский гражданский чиновник служил самому себе, своим родным и друзьям»⁵.

Плоды усилий австрийского просвещенного абсолютизма по насаждению корпоративной этики в среде государственных служащих не заставили себя ждать. Только за годы правления Марии Терезии доходы казны возросли в два с половиной раза. Это стало возможным благодаря введению новых налогов, увеличению поступлений из Италии и Австрийских Нидерландов, присоединению Галиции, росту доходов от таможенных сборов, акцизов и налогов на соль⁶. Во всем этом была заслуга как крупных чиновников в центральных ведомствах, так и неизвестных мелких служащих на таможнях, солеварнях, в налоговых

⁵ Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. М., 2002. С. 106. О службе не как о желанном пути к социальному возвышению, но как о навязанной государством обязанности писали Ю.М. Лотман и И.В. Фаизова см.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1997. С. 18–45; Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 38–39.

⁶ См.: Klingenstein G. Revisions of enlightened absolutism: «The Austrian Monarchy is like no other» // The Historical Journal. 1990. Vol. 33. N 1. P. 158.

конторах, а также оптимизации расходов на управленческий аппарат. Служение общему благу имело в монархии Габсбургов прагматические основания: безусловно честный, высококвалифицированный, усердный и ответственный чиновник мог рассчитывать на скорое продвижение по службе, финансовое вспомоществование на воспитание и образование детей и быть уверен, что после его кончины вдова и сироты получат от государства скромную, но гарантированную пенсию.

Вместе с тем следует отметить, что идеальная картина, вырисовывающаяся из прошений, не в полной мере отражает сложную реальность, о чем, в частности, красноречиво свидетельствует «Пасторское послание» Иосифа II. Он написал его на третьем году правления, обобщив личный опыт и наблюдения над администрациями в центре и на местах, о которых знал не понаслышке, и адресовал своим чиновникам. Через все послание проходит мысль, что служение государству — наивысшее из светских предназначений и оно требует сосредоточенности, усидчивости, самоотверженности, отказа от преследования личного интереса. Послание завершалось словами: «Кто думает так же, как и я, и, как подлинный слуга государства, пока служит, готов посвятить себя ему [благу государства], забыв про все другие мотивы, тому сии соображения пойдут на пользу, и придерживаться их будет так же легко, как и мне; тот же, кто ищет лишь связанной со службой выгоды или почета, а службу государству считает делом десятым, пусть лучше от нее откажется и покинет должность, которой он не достоин и к каковой не годен»⁷.

За десятилетия правления Марии Терезии в монархии сформировался реформаторски мыслящий, государственно ориентированный слой чиновников, от когорты просвещенных управленцев на вершине бюрократической пирамиды до сотен их единомышленников на всех уровнях разветвленного административного аппарата. Они с воодушевлением восприняли программу преобразований ее сына — Иосифа II, и вскоре за ними закрепилось имя «йозефинисты», унаследованное австрийской либеральной

⁷ Handbuch aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. für die k. k. Erbländer ergangener Verordnungen und Gesetze. Wien, 1786. Bd. 5. S. 200–201.

бюрократией XIX в., которая была не чем иным, как продуктом реформ второй половины XVIII в.⁸

Этот вектор в том числе указывал в направлении имперсонализации административной службы. Все возрастающая роль государственного регулирующего вмешательства, увеличение и усложнение задач, стоявших перед управленческим аппаратом, формализация требований к сотрудникам и соискателям должностей вели к тому, что на место эмоционально окрашенной связи чиновника с государем приходили производственные отношения бюрократа с государством. На протяжении XIX в. под воздействием европейских революций, поставивших под вопрос сам монархический принцип власти, чиновничество как социальная группа повысило свой общественный вес, стало не просто ближе к трону, но и превратилось в одну из его прочных опор. Если в делопроизводстве второй половины XVIII в. часто встречалось слово «способности», подразумевавшее раскрытие задатков и склонностей индивида, то век спустя М. Обентраут в наставлении будущим чиновникам вел речь о «преданности правящему дому», «субординации и покорности», «скрытности», «усердии», «энтузиазме», «пунктуальности», «надежности», «основательности», «умеренности», «решительности [в достижении целей правительства. — О.Х.]», «скромности» и «выносливости»⁹.

В то же время чиновничество в силу постоянно усложнявшихся требований к соискателям должностей превратилось наряду с университетскими профессорами, юристами, военными в одно из самых образованных профессиональных сообществ монархии. Не случайно в силу образования и служебных обязанностей многие из них искусно владели пером и не без успеха пробовали себя на литературном поприще. Здесь вспоминаются и Франц Грильпарцер

⁸ См.: *Wangermann E.* Josephinism // *Encyclopedia of the Enlightenment* / Ed. in chief A. Ch. Kors. Oxford, 2003. Vol. 2. P. 305–307; *Koch K.* Frühliberalismus in Österreich bis zum Vorabend der Revolution 1848 // *Liberalismus im 19. Jahrhundert: Deutschland im europäischen Vergleich* / Hrsg. von D. Langewiesche. Göttingen, 2011. S. 64–70. (*Kritische Studien zur Geschichte*. Bd. 79); *Deak J.* Forging a multinational state. State-making in imperial Austria from the enlightenment to the First World War. Stanford, 2015. P. 20.

⁹ *Obentraut M., Ritter von.* Grundsätzlicher Leitfaden für angehende junge Beamte in practischen Umrissen. Prag, 1857. S. 103–139.

(1791–1872), занимавший важный пост директора Архива Придворной казенной палаты, и не раз цитировавшийся выше Франц Кафка, служивший в частной страховой конторе, и — в России Н.В. Гоголь, начинавший мелким служащим в III Отделении и Удельном ведомстве, и чиновник Вятского губернского правления М.Е. Салтыков-Щедрин, не говоря уже о многих других. Это основанное на хорошем образовании и компетентности культурное превосходство позволяло им играть ведущую роль в обществе даже тогда, когда конституция, парламент и другие атрибуты правового государства сделали граждан равными в обязанностях и правах, сведя на нет роль вмешательства чиновников или самого государя.

Вот лишь один пример того, как идея служения государству вдохновляла целые поколения одной венгерской семьи. В середине XVIII в. Пал Слави — юрист по образованию — начинал в комитатских администрациях, затем попал в Королевскую судебную палату, где занимал должность «директора по королевским правовым вопросам и фискала св. венгерской короны» (т.е. отвечал за наполняемость казны и защищал интересы короля), наконец, был взят секретарем в Венгерскую королевскую канцелярию. Он принадлежал ко второму поколению дворян в семье. Грамоту его отцу Палу и дяде Дёрдю императрица подписала не далее как 9 декабря 1751 г.¹⁰ Члены этого рода могут служить подтверждением многих выводов из этой книги. Разночинцы из западновенгерского комитата Дёр, братья торили путь в привилегированное сословие с помощью юридического образования, активной интеграции в сети клиентов влиятельных аристократов с использованием факта принадлежности к католической вере. Поручителями за них выступили два влиятельных царедворца — граф Йозеф Иллешхази (1700–1766, будущий государственный судья и королевский кравчий) и барон Пал Балашша (1719–1771, будущий королевский стольничий). Весомым аргументом в пользу аноблирования послужила необходимость неуклонно повышать долю католиков в комитатской администрации. От Пала и Дёрдя пошли две ветви Слави, получившие имена по родовым гнездам. Советник П. Слави принадлежал к ветви Эркенецкой, потомство его дяди — к Оканьской.

¹⁰ MNL OL. A 57. 42. köt. P. 276–279.

Внучатый племянник Пала Слави — Йозеф (1818–1900) прожил долгую, насыщенную событиями жизнь и может с полным правом считаться типичным австро-венгерским чиновником. Среднее образование он получил в престижной венской Терезианской академии, за высшим специальным отправился в Шелмецбаню, где с 1764 г. действовала единственная в Австрийской империи Горная академия. Гражданскую службу Слави начал в Венгерской казенной палате, там его (в должности советника) застала революция 1848 г., которую он не просто поддержал, но и стал ее активным участником, за что, как и десятки его сверстников и единомышленников, расплатился двумя годами тюремного заключения. Умеренный либерал из партии Ференца Деака, он принял условия Соглашения 1867 г. и занял должность государственного секретаря Министерства внутренних дел. В эпоху дуализма Слави неоднократно избирался в парламент, председательствовал в нижней и верхней палатах. В 1872–1874 гг. он занимал пост премьер-министра Венгрии, в 1882–1884 гг. возглавил общее Министерство финансов Австро-Венгрии. Через сто лет после того, как его двоюродный дед удостоился малого креста св. Стефана, внучатый племянник в 1882 г. получил из рук императора большой крест. Завершающим штрихом к портрету Й. Слави может служить членство в 1884–1900 гг. в президиуме Венгерской академии наук¹¹.

Завершая рассмотрение историй профессионально-го успеха, можно подвести следующий итог. Наполеону Бонапарту принадлежит крылатая фраза: Революция открыла талантам дорогу к успешной карьере (*la carrière ouverte aux talents*). Усердие и честолюбие стали теми личными качествами, с помощью которых разные по характеру, знаниям и навыкам, социальным связям, запросам и ожиданиям люди вступали на стезю государственного чиновника и добивались на ней скромных или значительных успехов.

¹¹ См.: Szilágyi József // Magyar életrajzi lexikon. Текст доступен по адресу: <http://mek.oszk.hu/00300/00355/html/index.html>

Список, принятых в книге сокращений

Австрийский государственный архив, Вена

ÖStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien

FHKA — Finanz- und Hofkammerarchiv

GK — Große Korrespondenz

HFU — Hoffinanz Ungarn

HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

OMaA — Obersthofmarschalamt

ÖK — Österreichisches Kamerale

StA — Staatenabteilungen

StK — Staatskanzlei

UK — Ungarisches Kamerale

Венгерский национальный архив, Будапешт

MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest

A 1 — A Magyar kancelláriai levéltár. A Magyar Királyi Kancellária regisztratúrája. Originales referadae

A 34 — A Magyar kancelláriai levéltár. A Magyar Királyi Kancellária regisztratúrája. Conceptus referadarum

A 35 — A Magyar kancelláriai levéltár. A Magyar Királyi Kancellária regisztratúrája. Conceptus expeditionum

A 39 — A Magyar kancelláriai levéltár. A Magyar Királyi Kancellária regisztratúrája. Acta generalia

A 57 — A Magyar kancelláriai levéltár. A Magyar Királyi Kancellária regisztratúrája. Libri regii

A 79 — A Magyar kancelláriai levéltár. A Magyar Királyi Kancellária regisztratúrája. Index individuorum cancellariae

C 42 — Helytartótanácsi levéltár. A Magyar Királyi Helytartótanács. Acta moscellanea

C 43 — Helytartótanácsi levéltár. A Magyar Királyi Helytartótanács. Acta secundum referentes

C 67 — Helytartótanácsi levéltár. A Magyar Királyi Helytartótanács. Departamentum litterario-politicum

C 84 — Helytartótanácsi levéltár. A Magyar Királyi Helytartótanács. Departamentum gremiale ordinarium

E 47 — Magyar kincstári levéltárak. Magyar (pozsonyi) kamarai levéltár. Magyar Kamara regisztratúrája. Cancellariae et registraturae necnon postae negotia. item honorifica et gremialia necnon extraordinaria

E 254 — Magyar kincstári levéltárak. Szepesi kamarai levéltár.

Szepesi kamara regisztratórája. Repraesentationes, informationes, instantia

- E 701 — Magyar kincstári levéltárak. Magyar (pozsonyi) kamarai levéltár. Magyar Kamara számvevősége. Gremialia
- P 197 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Esterházy család tátai ága. Familiaria
- P 398 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Károlyi család. Missiles
- P 507 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Nádasdy család nádasladányi levéltára
- P 527 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Orczy család levéltára
- P 707 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Zichy család zsélyi levéltára
- P 1058 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Testületek. Szent István Rend. Lajstromozott kérvények
- P 1314 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Batthyány család. Missiles
- P 1765 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Balassa család. Balassa Ferenc

Рукописный отдел Венгерской национальной библиотеки, Будапешт

OSZKK — Országos Széchényi Könyvtár Kézirattára, Budapest

Периодические издания

AHY — «Austrian History Yearbook»

HtK — «Hadtörténelmi Közlemények»

LtK — «Levéltári Közlemények»

MIÖG — «Mitteilungen des Institutes für Österreichische Geschichtsforschung»

Sz — «Századok»

ZHF — «Zeitschrift für Historische Forschung»

Список встречающихся в книге исторических географических названий

- Альтенбург — см. Овар
- Базин — ныне Пезинок в Словакии
- Бреслау — ныне Вроцлав в Польше
- Брюнн — немецкое название г. Брно в Чехии
- Варажд — ныне Вараждин в Хорватии
- Даруфалва — ныне Драсбург в Австрии
- Жолна — Жилина в Словакии
- Зомбор — ныне Сомбор в Сербии
- Капникбаня — ныне Кавник в Румынии
- Карлсбад — ныне Карловы Вары в Чехии
- Карой — см. Надькарой
- Кашша — ныне Кошице в Словакии
- Кеккё — ныне Модры-Камень в Словакии
- Лигниц — ныне Легница в Польше
- Липотвар — ныне Леопольдов в Словакии
- Марамарошсигет — ныне Сигету-Мармацией в Румынии
- Надьбаня — ныне Байя-Маре в Румынии
- Надьварад — ныне Орадя-Маре в Румынии
- Надькарой — ныне Карей в Румынии
- Надьлевард — ныне Вельке-Леваре в Словакии
- Надьсебен — ныне Сибиу в Румынии
- Надьсомбат — ныне Трнава в Словакии
- Нежидер — ныне Нойзидль-ам-Зее в Австрии
- Немшо — ныне Немшова в Словакии
- Ноймаркт — ныне Сьрода-Слёнска в Польше
- Овар — ныне Оловары в Словакии, немецкое название — Альтенбург
- Ольмюц — немецкое название г. Оломоуц в Чехии
- Оравицабаня — ныне Оравица в Румынии
- Пожонь — ныне Братислава в Словакии
- Пресбург (Прессбург) — немецкое название г. Пожонь (см.)
- Привидье — ныне Прьевизда в Словакии
- Ронасек — ныне Коштиуй в Румынии
- Сабадка — ныне Суботица в Сербии
- Сенц — ныне Сенец в Словакии
- Сомольнок — ныне Смольник в Словакии
- Стропко — ныне Стропков в Словакии
- Тренчен — ныне Тренчин в Словакии

Троппау — немецкое название г. Опава в Чехии
 Уйпеч — ныне Печу-Ноу в Румынии
 Фекетето — ныне Негрени в Румынии
 Хомонна — ныне Гуменне в Словакии
 Чакторня — ныне Чаковец в Хорватии
 Шелмецбаня — ныне Банска-Штьявница, немецкое название —
 Шемниц
 Шемниц — см. Шелмецбаня
 Эркenez — ныне Войвози в Румынии
 Эсек — венгерское название г. Осиек в Хорватии

Указатель имен

- А**
 Австрийский дом — см. Габсбурги, династия
 Аделфи Антал 4, 58, 68
 Аделфи Янош 58, 258
 Айсперт Йозеф 302
 Александр II, российский император 142
 Алексей Александрович, цесаревич 142
 Алмаши Игнац 71, 297
 Алмаши Клара 297
 Алпатов С.В. 162
 Альберт Саксен-Тешенский 134, 136
 Альберт II, король бельгийцев 34
 Альтан, граф 267
 Анхелли Янош 133
 Аспремонт Карл 149
 Аш [фон Ашенре] Фридрих Георг (Федор Георгиевич) 198
 Аш [фон Ашенре] Иоганн (Иван Федорович) 198
- Б**
 Баботи Йозеф 113–114
 Бабош Янош 284
 Байерманн Леопольд 315
 Байшлаг Карл Игнац 332
 Балашша, баронесса 71
 Балашша Пал 92, 341
 Балашша Ференц 251, 260
 Балог Янош 246, 250
 Банфи Денш 138, 149
 Бар Герман 88
 Барани Шамуэль 153, 154
 Баркоци Ференц 107
- Баркоци Янош 107–108
Бартал Антал 166
 Бартенштайн Иоганн 137
 Бартошка Антал Йозеф 85–86
 Бартошка Антал Йозеф, мл. 86
 Баттяни, графский род 67
 Баттяни Адам 90, 109
 Баттяни Имре 121, 296
 Баттяни Йозеф 121
 Баттяни Карой 123, 243
 Баттяни Лайош 4, 58, 67, 68, 125, 256, 258, 261–263
 Баттяни Мария Розалия — см. Гонзага Мария Розалия
 Бачак Йозеф 60, 174, 229
Бёк Катрин 335
Бекер Саша 335
 Бём Франц (Ференц) 127
Бенвенист Эмиль 129
Бёрк Питер 11, 300, 301, 316
 Бертин Иоганн Георг — см. Пертин Иоганн Георг
Бертон И.Ф. 56
 Берхтольд Леопольд 325
 Бетлен, графский род 255
 Бетховен Лювиг, ван 159
 Бешшени Дёрдь, вице-ишпан 313
 Бешшени Дёрдь, поэт 141, 146
Билз Дерек 27, 29, 268
 Бин Венцель 141, 194
- Биндер Фридрих
 Биро Юлиана 293
 Бисмарк Отто, фон 142
 Бистрицей Ласло 122, 234–236, 329–330
 Блашкович Михай 73, 187
 Блайхенбах Алоизия — см. Лайтнер Алоизия
 Бловски, фон 56
 Боденлоз Винсент 207
 Бодо Янош 264, 270
 Бонфанти, барон 251
 Борье Эгид 137
 Бот Иштван 59
 Браздович Игнац 282
Бракензик Штефан 19, 39
 Брунsvик, графский род 67
 Брунsvик Антал 71, 91
 Брусик Йозеф 236
 Будаи Клара 173
 Буйдошо Дёрдь 188
 Бургиньон Иоганн Франц 212
Буро Ален 40
- В**
 Вагенсперг Адольф 138
 Вайяи, барон 59
 Валлис Франц Венцель 294
 Валлис Йозеф 294
 Вальделивре Магиас 141
 Вальдштайн Франц Иосиф 145
Вальниг Томас 14
 Вандернат Герхард 95–96
Вандрушка Адам 11, 30, 266
 Вартенберг Йозеф 170

Ваф Йозеф 166
 Ваш Михай 17, 67–72, 254
 Ваш Михай, мл. 71
 Ваш Пал 70
 Вебер Макс 18, 19
 Вебер Матиас 180
 Вег Йозеф 185
 Вег Петер 289
 Веннет Фердинанд 286
 Вербёци Иштван 205
 Вернер Михель 53
 Вёсмман Лудгер 335
 Ветштайн, супруги 109
 Ветштайн Зигмунд 109
 Вечеи, баронский род 107
 Вечеи Йозеф 107, 330
 Вильчек Иоганн Йозеф 194
 Вимпиллер Йозеф 303
 Вимпиллер Штефан 290
 Винкельбауэр Томас 146
 Винклер Петер Йозеф 329
 Виткоци Имре 112
 Вишшак Йозеф 63
 Влашич Андраш 229, 239, 242–245, 248–253
 Влашич Андраш, мл. 252
 Влашич Йозеф 252
 Вокурка Дёрдь 230–231
 Волков Алексей 93
 Воцелка Карл 211
 Вундер Берндт 21, 167, 168, 175
 Вундер Хайде 39
 Вурм Франц Людвиг 177
 Вюрцер Анна — см. Риттер Анна

Г
 Гаал Георг 216, 295
 Габсбурги, династия 22, 61, 68, 98, 116, 131, 136, 137, 148, 175, 185, 188, 189, 190, 201, 260, 265, 292, 293, 300, 322, 334

Ганц Ева 121, 296
 Ганц Йозеф 121, 296
 Ганц Себастиан 121, 296
 Гармс-Корнидес Элизабет 131
 Гаснер Готтлиб 326
 Гахи Франц Ксавьер 206, 217–218
 Гедеон Клеменс 187
 Геллнер Эрнст 26
 Герамб Юлия 100
 Герберштейн — см. Херберштайн
 Герденич Йозеф 284
 Герзон Франц 169
 Гибер Эммерих 163
 Гидаи Маихай 181
 Гоголь Николай Васильевич 341
 Годси Уильям 14, 325
 Гомбоц 125–126
 Гонзага Мария Розалия 261
 Гостони Иштван 69
 Гофмансталь Гуго, фон 278
 Грати, фон 56
 Грашшалкович, графский род 76
 Грашшалкович Антал 47, 57, 61, 75, 81, 117, 118, 135, 272, 291
 Грашшалкович Антал, мл. 75, 76, 112
 Грашшалкович Мария Анна — см. Халлер Мария Анна
 Грильпарцер Франц 340–341
 Гримм, братья 17, 229
 Гримм Вильгельм 17

Гримм Якоб 17
 Гросингер Йозеф 235–236, 319, 322, 329
 Грюне Нильс 239
 Гундль Йозеф 211
 Густав Адольф II, король Швеции 141
 Гучбахер 181
 Гэнгель Генрих 332

Д
 Дамм Максимилиан 331–332
 Дамнянович Василий 147
 Датенридер, конципист 232
 Дахауэр Георг 295
 Дахауэр Катарина 295
 Деаки Йозеф 58
 Дежёфи, графский род 67
 Дежёфи Шамуэль 71
 Деккер Рудольф 35
 Дельпини Игнац 153
 Деметрович Анна — см. Шарлах Анна
 Дёрди Имре 114
 Дёри Рохина 283
 Дёри Франц 235
 Дернат Готард, фон (см. также Вандернат) 95
 Дешан, семейство 97–98, 101
 Дешан Антон 97, 101, 230, 290, 330
 Дешан Иоганн 97, 330
 Дешан Йозеф 97
 Дизинг Иоганн Флориан 155
 Диксон Питер 30
 Дитрихштайн Иоганн Франц 167, 184
 Додерер Хаймито, фон 7, 145
 Домбаи Йозеф Годафрид 123
 Домбаи Михай 123

Домбаи Ференц 123–124, 290
 Домбаи Янош 123
 Доминкович Петер 62
 Донегг Людвиг (Лайош) 115
 Допплер Фердинанд Вольфганг 321–322
 Дофин Сесиль 40
 Доци Йозеф 114
 Доша Йозеф 271
 Дравецки Ласло 156
 Драг — см. Драгфи
 Драгфи, дворянский род 255
 Драшкович Анна Мария — см. Сермаж Анна Мария
 Драшкович Липот 49

Е
 Егер Йозеф 53
 Екатерина II, российская императрица 300, 338
 Елизавета Петровна, российская императрица 145

З
 Зайбот Иоганн 164
 Зайгар Антал 309
 Загнер Антон 195
 Зайвиц фон Муггенталь Клара 290
 Зайдель Константин 173
 Зайдль, контролер 83
 Зайфрид Иоганн Фердинанд 81
 Зайфрид Томас 81
 Зальманн Иоганн 315
 Заумил Игнац 91, 225
 Заурау, граф 101
 Заутерсхаймб Иоганн Игнац 59
 Зафран Анна Мария 296
 Зафран Иоганн 296

Захар Йозеф 103
 Зееберг Филипп 208
 Земон Девис Натали 12
 Зибмахер Иоганн 255
 Зингхофер Йозеф 169
 Зидарич Имре 63
 Зичи Мария Терезия 95
 Зичи Миклош 49
 Зичи Ференц 49, 58
 Змешкал Миклош (Николаус) 158–159
 Зоммер Петер 162
 Зонненфельс Йозеф 24, 25, 43, 44, 46, 65, 140, 166, 206, 209–211, 216–219, 286–287, 310, 323
 Зоннтаг Энгельхард 147, 157
 Зумерау 258
 Зуппини Иоганн 316

И
 Иллешхази Йозеф 341
 Ингендаль Геза 284
 Инграо Чарльз 28, 192
 Иоганн, австрийский эрцгерцог 84
 Иосиф II, император Священной Римской империи 9, 12, 22, 23, 27–29, 36, 42, 43, 62, 68, 94, 100, 137, 141, 142, 158, 170, 219, 233, 243, 246–250, 252, 265, 266, 269, 270, 304, 314, 318–321, 337, 339
 Иштван, король Венгрии 136

Й
 Йошваи Йозеф 316

К
 Казинци Ференц 23, 206, 290
 Кайдочи Ференц 38

Какони, дворянский род 78, 117
 Какони Антал 79, 297
 Какони Игнац 78–80, 108, 163
 Какони Йозеф 80, 163, 170
 Какони Катарина 78
 Какони Матяш 78–80, 304
 Какони Пал 80
 Какони Ференц 78–80
 Кантакюзин Анна 292–293
 Кантакюзин Белла 293
 Кантакюзин Константин 292–293
 Кантакюзин Штефан 293
 Кантакюзин Щербан 293
 Каппус фон Пихельштайн Сигизмунд 212
 Капта Андраш 228, 302
 Капта Йозеф 228–229, 302
 Карабальди Джованни 176
 Карл, австрийский эрцгерцог 225
 Карл VI, император Священной Римской империи 131, 191–192, 265
 Карл Альбрехт Баварский (император Священной Римской империи — Карл VII) 106
 Карстенс Симон 24
 Каройи, графский род 50, 67
 Каройи Антал 56, 64, 104, 147, 269, 297–298, 331
 Каройи Йозеф 297
 Каройи Михай 325
 Каройи Ференц 59

Каролина Шарлотта Августа, императрица 160
 Каузек Иоганн Баптист 275
 Кауниц Венцель Антон 21, 23, 64, 137, 145, 193, 199, 215
 Кафка Франц 46, 51, 162, 341
 Кашшич Игнац 115
Кварталь Франц 237
 Кевенхюллер Иоганн Йозеф 140
 Кёви Иштван 54
 Кевички Шандор 232
Кёкенеши Жолт 14, 29
 Кёнигсег-Эрпс Карл Фердинанд 60, 287
 Керестури Йозеф 41, 122, 297
 Кери Анна 184
 Кесслер Кристоф 232–233
 Кестль Йозеф 195
 Кирмрайт Йозеф Венцель 199–200
 Кирмрайт Йозеф 200, 281
 Кислинг Валентин (Балинт) 321
 Киш Янош 55, 104
 Киш Иштван 70
 Кляницаи Габор 128
 Кляницаи Тибор 129
 Кляницаи Янош 127
 Клаус Игнац 245, 249–250
 Клемер Франц 73, 186
 Климо Дёрдь 244
Клингентайн Грете 14, 28, 145, 208
 Кломпе, советник 313
 Клохаммер, семейство 331
 Клохаммер Иоганн (Янош) 108, 331
 Клохаммер Матиас 108, 127

Клохаммер Франц 108
 Кляйн Иоганн 161
 Кляйнвехтер Фридрих 8
Коллинз Дж.Б. 298
 Колович Мария Регина 281
 Коловрат Леопольд 60, 85, 138, 181, 225
 Колоредо Рудольф 137
 Конде Анна Мария 174
 Конкей Карой 73
Конрадс Норберт 192
 Кончек, дворянский род 254
 Кончек Антал 255, 264
 Кончек Балаж 254
 Кончек Бернат 125, 253–264
 Кончек Бернат, другой 255
 Кончек Лайош 259, 261
 Кончек Михай (?) 260
 Копронаи Габор 73
 Копронаи Шандор 174
 Корбей Антал 178
 Корбен Шара 178
 Коссович Антал 273
 Коста Георг 287
 Коста Кристина 41, 287
 Костич Михай 124–125
 Котман Антон 101–102, 130, 139, 290, 332
 Коуп Джон 56
 Кох Франциска 97, 290
Кравецкий Александр Геннадьевич 118
 Кронштайн Теодор 104
 Круттен Матиас (Матяш) 120–121, 172
 Крушпер Пал 308
Кульчар Кристина 14
Куруц Дёрдь 261
 Кучерсфельд Подивин 106–107
 Кюльберг, барон 171
 Кюнцлер Йозеф 42

Кюттель Самуэль (Шамуэль) 185

Л

Ла Вопа Энтони 48, 50, 88, 131
Лазар Балаж 147
 Лазаревич Александр (Шандор) 222
 Лайер Пауль 248
 Лаймингер Карл Йозеф 275
 Лайтнер Алоизия 179
 Лайтнер Иоганн Вильгельм 179–180
 Лайтнер Каеган 180
 Ламарре, баронесса 158
 Ламплъ Георг 58
 Ламплъ Карл 58
 Ламплъ Матиас 58
 Ласгальнер Иоганн Карл 124, 125
 Ласгальнер Михель Гаспар 124, 125
 Лаферт Антон 95
 Лаферт Игнац 95
 Лаферт Фердинанд 95
 Легшади Миклош 91
 Лендваи Игнац 310
 Ленденфельд Йозеф 212
 Леопольд I, император Священной Римской империи 95
 Леопольд II, император Священной Римской империи 127, 134, 136, 171, 243, 251–252, 265, 270
 Лепель, барон 64
 Лерхенхайм Лобгезанг 215
 Либ Франц 166
 Ло Прести (Лопрести), баронский род 100–101
 Ло Прести Арпад 100

Ло Прести Людвин (Лайош) 101
 Ло Прести Николас (Миклош) 101
 Ло Прести Рох 101
 Ло Прести Франц 96, 101, 126
 Лобковиц Йозеф 199
 Ломоносов Михаил Васильевич 198
 Лооб Иоганн 123
 Лооб Йозеф Феликс 122–123
Лотман Юрий Михайлович 118, 338
 Лузин Иван 162
 Лютер Мартин 143, 156

М

Мадариага Изабель, де 338
 Мазур Янош 217
 Майлат Йозеф 87
 Майлат Йозеф, мл. 87
 Макай Ференц 124
 Макнени Корнелий 137
 Максимилиан I, император Священной Римской империи 265
 Маленич Дёрдь 141–142, 182
 Маленич Дёрдь, другой 141
 Маленич Криштоф 141
 Маленич Миклош 141
 Маленич Шандор Михай 142
 Малошер Антон 333
 Малошер Георг 332–333
 Мандли Янош 176
 Маннер Карл 84
 Марбург, советник 274
 Мария Баварская 142
 Мария Антония, австрийская эрцгерцогиня 140

Мария Каролина, австрийская эрцгерцогиня 141
 Мария Кристина, австрийская эрцгерцогиня 134, 243
 Мария Терезия, императрица-королева 12, 21, 22, 28–31, 42, 59, 69, 75, 77, 80, 85, 86, 89, 96, 102, 108, 109, 118, 121, 132, 135, 137, 139, 141, 145, 146, 150, 153, 155–157, 160, 168, 170, 173, 175, 176, 179, 184, 192, 229, 231, 232, 240, 241, 244, 248, 265, 266, 269–276, 279–285, 288, 291, 292, 297, 304–306, 310, 317, 321, 330, 331, 338, 339
 Маркелов Л. 162
 Марковицки Пал 77, 260
 Марковицки Ференц 77
 Мартини Леопольд 85
 Мартини, мл. 85
 Мартинкович Павел 195
Марцали Хенрик 116
 Марцел Антал 211
Матя Петр 14, 106, 191
 Маукш Карой 288
Мацоль Бригитте 203
 Медичи Джан Гастон 106
 Меднянски Янош Непомук 207–208
 Меланхтон Филипп 40
Мелтон Джеймс Ван Хорн 19
 Мемингер Иоганн 154
 Месмер Франц Антон 69

Мёрк Йозеф 273–274
 Мет Карл 74
 Мец Карл 224
 Мецнер Иоганн Георг (Янош Дёрдь) 149–153, 156, 288
 Мецнер Йозеф 151
 Микич Иоганн Георг 83–84
 Микич, мл. 84
 Миксат Кальман 126, 142, 190, 288
 Михалкович 55, 56, 122
 Модерах Карл Федорович 199
 Модерах Карл Фридрих 198–199
 Мозер Фридрих Карл 238, 241
 Молнар Антал 180
 Морель-Зоненберг Фердинанд 279
 Моцарт Вольфганг Амадей 23, 278
 Музиль Роберт 50, 51, 175
Мыльников Александр Сергеевич 326

Н

Надашди Липот 55, 120, 124, 256
 Надашди Ференц 55, 56, 122, 297
 Надашди Эржебет 289
 Надь Ева 289
 Надь Иван 100, 289
 Надь Иштван 119, 289, 291
 Надь Мария Магдолна 289, 291
 Надь Пал 289
 Наместовски Андраш 230
 Нандори Йозеф 272
 Наполеон Бонапарт 342
 Насвади Дёрдь 112

Насер-ад-Дин, шах 142
 Невери Йозеф 227–228
 Нефцер, семейство 94
 Нефцер Вольфганг Конрад 94
 Нефцер Иоганн Якоб 94
 Нехута Иоганн Михель 172
Никиш Райнхард 40
Николаева Татьяна Михайловна 150
 Ницки Иштван 63
 Ницки Йозеф 63
 Нич Игнац 188–189
 Нич Иоганн Георг 189
 Нойман Иоганн 196
 Нойхольд Иоганн (Янош) 178
Ньюман А.Н. 56

О
 Обентраут Максимилиан 17, 216, 266
 Обермайер Франц Антон 205
 Околичани Йозеф 289, 291
 Околичани Элек 157
 Олах Миклош 317
 Ольшавский Михаил (Михай) 188
 Ондрейкович Па 293
 Орци, баронский род 107
 Оттермайер Франц 317

П
 Павел I, российский император 162
 Павел Александрович, цесаревич 142
 Павич Йозеф 163, 172, 227
 Пакши, епископ 65
 Пакши Антал 212, 271

Пал Юдит 48
 Палашти Ференц 256
 Палочаи, барон 313
 Палфи, графский род 61
Палфи Геза 14
 Палфи Карой 134, 227, 252
 Палфи Л. 111
 Палфи Миклош 69, 134, 257
 Палфи Янош 60, 108
 Пассо Георг 168
 Пастори Шандор 319
 Патачич Адам 57
 Патачич Катарина Паудиш Франц 225
 Пахнер фон Эггердорф Йозефа 290
Пахомова Лидия Юрьевна 34
 Пейячевич, баронесса 124
 Пёк Катарина 105
 Пёк Фердинанд 105
 Пёкингер Карл Ладислав 177
Пепер Инес 147, 148
 Петеш Лайош 91–93
 Петр I, российский император 118, 198, 229
 Петричевич Янош Пал 132
 Петроци Жишмонд 153, 156
 Перген Иоганн Баптист Антон 21
 Пертин Иоганн Георг 109
 Печи Жигмонд 313
 Пиллер, сироты 288
 Пиллер Андреас 284
 Пиллер Мартин 169
 Пихлер Йозеф 137
 Планк Георг 31
Плетнева Александра Андреевна 118
 Плованич Матяш 203

Плохль Анна 84
 Плохль Якоб 84
 Поспишил Йозеф 315
 Прандау Мария Йозефа 95
 Прандау Петер 95
Прессер Якоб 35
 Прокас, стряпчий 179
 Прунер Иоганн Георг 76–77
 Прунер Антон Георг 76–77, 82
 Прускаи Антал 55, 122, 284
Пукански Бела 326, 327
 Пфефферсховен Иоганн Вильгельм 95
 Пфефферсховен Иоганн Георг 66, 95
 Пфефферсховен Йозеф 95, 247, 250
 Пфефферсховен Катарина — см. Тёрёк Катарина
 Пюхер Андреас Франц 110

Р
 Радвански Дёрдь 270
 Ради Ференц 133
 Радичевич Ласло 65
 Радль Антон 73, 111, 133
 Райкаи, барон 187
 Райнфельд Петер 180
Райнхард Вольфганг 144
 Райхенхубер Ева — см. Ганц Ева
 Ракоци Ференц II 135, 182 — 185, 187–190
 Рауш Пауль 315
 Реваи Мозеш 118
 Редль, баронский род 98, 101
 Редль Анна Мария 99
 Редль Дюла 100
 Редль Имре 100

Редль Йозеф 98–101, 272
 Редль Фердинанд 99
 Редль Франц 99–100
 Редль Юлия 99
 Ренан Эрнест 190
 Рибич Йозеф (Йозеф) 87, 215
 Рибич Рудольф 60
 Ригер Пауль Йозеф 260
 Риттер Анна 179
 Риттер Йозеф 178
 Розенман Штефан 221
Ронг Чарльз 103
 Ронде Иоганн 204, 275–276
 Ротенштайн Михель 114
 Руднянски Вольфганг 163
 Русет Антоние 293
 Руссо Жан-Жак 60, 160, 218
 Рэдль Франц 328

С
 Сабо Габор 268
Сабо Франц 23
 Сабо Якоб 165
 Саксен-Люнебург Анна 106
 Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 341
 Сарин Симон 174
 Свентецки Дёрдь 216
 Светоний Гай Транквил 265
 Свитен Герхард, ван 22
 Свитен Готфрид, ван 22, 23
 Свобода Иоганн Антон 197
 Сёдени Катарина — см. Какони Катарина
Секфю Дюла 182
 Селемшеи Шамуэль 188

Сёлёши Янош 155–156, 231
 Сентивани Бонавентура 218
 Серафил Андраш 163
 Сергей Александрович, цесаревич 142
 Сёреши, полковник
 Сермаж Мария Анна 297
 Сермаж Петер 297
 Сечени Иштван 289
Сийярто Иштван 32
 Силади Мартон 155
 Синсер Клаудиус 273
 Скавински Антал 312
 Слабиг Андраш 134
 Слави Йозеф 342
 Слави Пал 341
Смит Джей М. 130
 Спахен-ага — см. Хуттер Карл
 Стендаль 226
 Станкович Янош 111
 Становский Янош 143, 146, 150
 Стараи, графский род 107
 Стипшиц Антон 281
 Странский Бернанд 158
 Субич Ференц 58

Т
 Тагани Терезия 173, 285
 Тагани Янош 302
 Тайссль Йозеф 287
 Тайссль Франц Игнац 304
 Такач Амбруш 90
 Такач Ференц 90
Тантнер Йозеф 12, 21
Тапье Виктор 317
 Тауси Ференц (Франьо) 65
 Тёвиши Мартон 152, 153

Тёкёли Имре 135, 186
Тёлле Том 239
 Тёрёк, графский род 76
 Тёрёк Йозеф 66, 74, 95, 281, 291, 312–313
 Тёрёк Катарина 66, 95, 281–282
 Тёрёк Лайош 66, 74
 Тернеи, дворянский род 81
 Тернеи Анна 173, 283
 Тернеи Имре 173
 Тернеи Иштван 82, 173
 Тернеи Иштван, другой 173
 Тернеи Йозеф 173
 Тернеи Клара 173
 Тернеи Ласло 81
 Тернеи Миклош 82
 Тернеи Терезия 173
 Тернеи Янош 56, 81
 Тернеи Янош, другой 82
 Тернеи Янош Пал 81
Тернер Ральф 26
 Тиммер Йозеф 73, 91
 Тиссо Симон Август 160
 Тит Веспасиан 265
 Толвай Янош 186
 Толди Ференц 327
 Тольд Йозеф 176
Трёлч Эрнст 144
 Трикль Иоганн Казимир 41
 Трумер Якоб 196
 Трэгер София 290

У
 Ульм Карл 140
 Урмени Йозеф 71

Ф
 Фабиани Ференц 308–309
Фаизова Ирина Викторовна 338
Фалленбухль Золтан 31, 62, 96, 107, 117, 118, 121, 303, 310

Фалуди Ференц 217
 Фаркаш Йозеф 223
 Фаркаш Элек 54
 Федьвереш, майор 269
 Фекете Дёрдь 90
 Фельбигер Игнац 202
 Фердинанд, австрийский эрцгерцог 111
 Фердинанд I, император Священной Римской империи 123, 191
 Фердинанд IV Неаполитанский 141
 Фессель Сигизмунд 135
 Фессель Фердинанд 135
 Фессель Франц 135
 Фештетич Пал 60, 61, 112, 151, 212, 246
 Филиппович Адам 161
 Филски Йозеф 289, 313
Форго Андраш 14
 Фониц фон Хоххаус Игнац 259
 Франгепан Йозефа 279
 Франгер Эренрайх 161
 Франц I Стефан Лотарингский, император Священной Римской империи 42, 141, 184, 270, 280
 Франц II (I), император Священной Римской империи (австрийский император) 160, 265, 272
 Франц Иосиф 267
 Фридрих II, король Пруссии 93, 145, 191–192, 197, 202
 Фрониус К. 56
 Фрюэвюрт Георг Адам 110
 Фрюэвюрт Иоганн Генрих
 Фрюэвюрт Матиас 110
 Фрюэвюрт Франц 110
Фуко Мишель 20, 129

Фюлеки Ласло 228
 Фюрганг Георг 47

Х
 Хадик Андраш 87–88
 Хадик Янош 87–88
Хайндль Вальтрауд 9, 10, 24, 43, 171, 290, 334
Хайнц Криста 335
 Халлер, баронский род 67
 Халлер Габор 291
 Халлер Мария Анна 291
 Халлер Шамуэль 17, 69–72
 Ханзен Иоганн Антон де Жан, фон — см. Дешан Антон
 Харрах Фридрих 192
 Хартль, книготорговец 235–236
 Харукерн, барон 82
 Хатош Йозеф 60
 Хатош Ференц 205
 Хаугвиц (Гаугвиц) Фридрих Вильгельм 192–193
 Хацфельд Фридрих 193, 274
Хеллебронт Кальман 65, 113
 Хельблинг Георг 174, 230–231, 328
 Хельблинг Йозеф 230–231, 328
Хенгерер Марк 49
 Хентль Иоганн Петер 165
Хеншелл Николас 48
 Херберштайн Иоганн Зайфрид 167, 330
 Херден Иоганн 45
 Херович Йозеф 172
 Херхер Терезия — см. Тагани Терезия
 Хилльмайер Терезия 176
 Хлавач Янош 294

Хобсбаум Эрик 323
 Хольцман Антон 55–56
 Хольцхаузен Максимилиан 196
 Хоринский Игнац Доминик 324
 Хорн Адам 303
 Хоссу Пал 159
 Хотек Рудольф 60, 92, 96
Хохэдлигер Михель 102–103
 Хофман Иоганн Карл 201
 Храбинаи Йозеф 59, 161
 Хубер Кристина 280
 Хубер Франц 55
 Хуттер Карл 31

Ц

Цальхаймб Фердинанд Эрнст 154
 Цедлер Иоганн Генрих 17
 Циглер Иоахим Карл 139
 Цинцендорф Карл 109
 Цинцендорф Людвиг 109

Ч

Чаки, графский род
 Чаки Йозеф 245–246
 Чаки Миклош 156
 Чаки Янош 107
 Чапо Анна 41
 Чапо Елизавета 41
 Чапо Михай 41
 Чапо Михай, другой 41
 Чато Адам 311, 323
 Чергё Михай 65, 113
 Черей Клара 297
 Чома Антал Ласло 57
 Чома Йозеф 127
 Чотка Дёрдь 90–91

Ш

Шаги Гергей 174
 Шаги Михай 207
 Шайдляйн Георг 36

Шандор Ласло 184–185
 Шандорфи Шандор Дёрдь 205
 Шарлах Анна 174
 Шарлах Йозеф (Йозеф) 174
 Шарлах Юлиус Йозеф (Дюла Йозеф) 174
 Шартори Адам 217
 Шартори Йозеф 282
Шартье Роже 40, 160
 Шаурот Антония 149
 Шаушка Янош Антал 247
 Шаушка Янош Ференц 247
 Швартнер Мартин 301, 317, 322
Шебёк Рихард 32
 Шедель Франц 327
 Шекспир Уильям 119
 Шереметев Борис Петрович 292
 Шереметева Анна — см. Кантакузин Анна
 Шибинг Иоган 315
 Шиграи Йозеф 224
 Шикарт 181
Шилинг Хайнц 144
 Шиней Миклош 127
 Шифкович Йозеф 84
 Шишкович Имре 138–139
 Шлагфогч Эрнст Вильгельм 193
 Шмидт Йозеф 86
 Шмидт Регина 281
 Шмидт Теодор 86
 Шольц Иоганн Георг 195

Шоош Иштван 14
 Шпиндлер Франц 332
 Шпицлер 246
 Шплени Габор 74
 Шплени Габор Антал 74
 Шплени Йозеф 215
 Шрамб Юлиана 296
 Шрёпфер, инспектор 81
 Штагер Георг 169
 Штайн, барон 273
 Штам Иоганн 282
 Штегнер Карл 137
 Штеттнер Габриэль Йозеф 167
 Штёссель, семейство 71
Штimmer Гернот 7, 214
 Штрекенбах Эрнфрид 154
 Штур 195
 Шульте Йозеф Август 207

Э

Эбен Фердинанд 164
Эванс Роберт 27, 299, 318, 321, 324
 Эггердес Конрад 82–83
 Эклер Якоб 220
 Элленбоген Йозеф 164, 276
 Элленбоген Эстер 276
Элиас Норберт 47
Энгельбрехт Хельмут 273
 Энгельсхаус Мария Непомук 105
 Энгельхардт Йозеф (Йозеф) 119–120
 Энгельхарт Андреас 54

Эразм Роттердамский 40
 Эрдёди, графский род 118
 Эрдёди, граф 229
 Эрдёди, графиня 92
 Эрдёди Антал 224
 Эрдёди Миклош 91
 Эрдёди Янош Непомук 47, 57, 75, 119, 164, 201, 311
 Эрэш Габор 288
 Эстерхази, графский род 61
 Эстерхази Габор 322
 Эстерхази Имре 64, 95, 104
 Эстерхази Миклош (Николас) 21, 25, 145, 198, 224
 Эстерхази Пал 323
 Эстерхази Ференц 25, 80, 137, 178, 218, 220, 223, 227, 234, 236, 246, 271, 284, 309
 Эстерхази Юлия 101
 Эстерхази Янош 25
Эстрайх Герхард 20

Ю

Юсти Иоганн Генрих Готлоб 38, 52, 214, 294

Я

Яброцкий Норберт 186–187
 Ягер Йозеф 331
 Янзо Дёрдь 92
Яси Оскар 8

Olga Khavanova

Diligence, ambition and career-making: administrative elites in the later eighteenth-century Habsburg Monarchy

The present book is devoted to the professionalisation of the middle stratum of the central administrative apparatus in the Habsburg Monarchy in the second half of the eighteenth century. Through the consultation of petitions, governmental records, private correspondence and other sources typical administrative careers are reconstructed. Each chapter deals with a certain aspect of bureaucracy-making and provides facts and theoretical background for the succeeding chapters. Some characters whose careers are well documented in different sources appear in more than one chapter depending on the issue considered. The *Introduction* offers a general overview of the state of research on the rise of administrative elites in the Habsburg Monarchy in the second half of the eighteenth century and introduces the question of the main source used by the present study on administrative career-patterns – the petitions addressed to heads of departments, aristocratic patrons, or the monarch. *Chapter One* defines the possibilities and the limits of social mobility (both vertical and horizontal) of officials and scrutinises the two ideal-typical forms of entry/promotion: sponsored and competitive. Furthermore it considers the different functions of patronage, the advantages and disadvantages of being a stranger in the bureaucratic milieu (for example, as a native of a neighbouring province or as a non-official changing to an official occupation) and the noble title as a catalyser of career movement. *Chapter Two* deals with the two main principles of career advancement – meritocracy and philanthropy – and how they were reflected in the discursive practices of petitioners and of those who were in charge of decision-making. For this purpose, the issue of reference to personal and family merits will be taken into consideration, as will be the argumentation strategies of applicants trying to benefit from circumstances such as conversion to Catholicism, age, sickness, loss of parents, other reverses, privation, or forced emigration. *Chapter Three* discusses typical models of career advancement; it stresses the

role of education as a factor contributing to career ascent; it treats conflicts concerning promotions, inquires into a case in connection with a bribery charge and shows an average official career as seen through the departmental and private correspondence. *Chapter Four* is dedicated to women in the bureaucratic milieu: wives, mothers and daughters; their influence on the career of the head of the family; or a widow's dependence on a pension given as a reward for her late husband's zeal. *Chapter Five* presents the Habsburg Monarchy's administrative elites in their linguistic and ethnic variety. From the assessments and self-assessments of superiors, a collective portrait of a typical official of the second half of the eighteenth century emerges: a person who speaks several languages and has more than one form of identity (ethnic, local, religious and so forth). *In conclusion*, the administrative elites in the Habsburg Monarchy in the age of reforming government were a social and professional group with high horizontal and vertical mobility; its members moved easily between lands and changed occupations; and they were connected through kinship or patronage. The group was open to strangers ready to acculturate and accept corporate ethics. More successful careers were made, *caeteris paribus*, by ambitious individuals ready to mobilise all mechanisms at their disposal.

Foreword	7
Introduction	17
Administrative elites in the Habsburg Monarchy in the age of reforming government	17
Lives and career advancement as mirrored in petitions	34
 Chapter I.	
Vertical and horizontal mobility	47
Patronage: omnipresent and omnipotent	47
Fathers' sons	72
Adventurers, strangers, outsiders	89
Men in uniform	102
Noble diploma	115
 Chapter II.	
Meritocracy and philanthropy	129
References to the merits	130
Conversion to Catholicism	143
Being sick, aged, or an orphan	160
«Martyrology» in petitions	182
 Chapter III.	
Component of a career	203
Knowledge, schooling, education	203
Milestones and hidden dangers of career-making	223
An affair with gifts	237
Bernard Koncsek: one of many	253
At the highest level	264

Chapter IV.	
Women and the bureaucratic milieu	277
Widows and widowhood	278
Female petitioners	288
 Chapter V.	
Administrative elites and the making of modern nations	299
Polyglots at the office desk	299
Combinations of identities	317
 Conclusion	335
 List of abbreviations	343
List of historical geographical names	345
Index	347
 Abstract	356

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

О. В. ХАВАНОВА

Усердие, честолюбие и карьера.

Чиновничество в монархии Габсбургов
в эпоху просвещенного абсолютизма

Издательство «Индрик»

Дизайн-макет *А. С. Старчеус*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»

обращайтесь по тел.:

(495) 954-17-52

market@indrik.ru

www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications

may be ordered by

www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

22,5 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»

121099, Москва, Шубинский пер., 6